

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2022. Том 68

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2022. № 68

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2022. Nr. 68

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Русsev

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2022

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Чучко М.К.</i> Охорона публічної безпеки та боротьба з правопорушеннями у Чернівецькій, Сучавській та Хотинській волостях Молдавської землі і Хотинській райі Османської імперії	14
<i>Богданов В.В., Лысак И.В.</i> Формирование П.Д. Лодием идей социально-философского исследования в Российской империи первой четверти XIX в.	39
<i>Корсаков К.В.</i> Русинский «Робин Гуд» – Андрей Савка	54
<i>Суляк С.Г.</i> Ю.А. Яворский – учёный и общественно-политический деятель Карпатской Руси	70
<i>Добржанський О.В., Шологон Л.І.</i> Українські професійні об'єднання педагогів Галичини та Буковини (друга половина XIX – початок XX ст.): спроба порівняльного аналізу	131
<i>Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М.</i> «Чиїх батьків ми діти?»: історична політика «Нашого лемка»	154
<i>Levandivskiy O.T., Humeniuk V.V.</i> The Economic Potential of Agriculture in Eastern Galicia in the Interwar Period	168

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

<i>Мокиенко В.М.</i> Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним куриця, курка)	184
<i>Дронова Л.П., Яньчунь Лю.</i> Структура лексико-семантического поля «Польза» в русинском языке в сопоставлении с русским литературным языком	208
<i>Саболова Д., Кашова М.</i> О переводе лексических единиц социальной сферы (семейные пособия) ...	224
<i>Толстик С.А.</i> Понятие «покорный» в истории русинского языка	236
<i>Фейса М.</i> Назви за основни фарби у лексично-семантичним полю фарби руского языка	251

<i>Резанова З.И., Коршунова И.С.</i>	
Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта	266
<i>Филь Ю.В., Конончук И.Я.</i>	
Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики)	280
<i>Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В.</i>	
Русская речь в китайском Трехречье: языковые особенности	299
<i>Владимирова В.Е., Резанова З.И.</i>	
Русский язык в татарско-русской контактной зоне: когнитивная обработка падежных форм	316
<i>Бочаров А.В.</i>	
Корпусные библиометрические аспекты славяноведческой тематики в русскоязычных научных электронных ресурсах в контексте категорий исторического познания	336

АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Курьянович А.В.</i>	
Славянский космогонический миф в картине мира и идиостиле В.И. Вернадского	352

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Зан М.П.</i>	
Особенности политико-партийной репрезентации лидеров русинской общественности Закарпатья в контексте местных выборов 2020 года	370

СОДЕРЖАНИЕ

Editorial	9
-----------------	---

HISTORY

<i>Chuchko M.K.</i> Public security and prevention of offenses in Chernivtsi, Suceava and Khotyn volosts of Moldavia and Khotyn raiyah of the Ottoman Empire	14
<i>Bogdanov V.V., Lysak I.V.</i> Pyotr Lodyi's ideas of socio-philosophical research in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century	39
<i>Korsakov K.V.</i> The Rusin "Robin Hood" – Andrij Savka	54
<i>Sulyak S.G.</i> Julian Yavorsky – a scholar, social and political activist of Carpathian Rus	70
<i>Dobrzhanskiy O.V., Sholohon L.I.</i> The Ukrainian professional associations of teachers of Galicia and Bukovyna (second half of the 19th - early 20th century): an attempt of comparative analysis	131
<i>Telvak V.V., Telvak V.P., Nakonechnyj V.M.</i> "Where do we come from?": politics of memory in <i>Nash Lemko</i>	154
<i>Levandivskiy O.T., Humeniuk V.V.</i> The Economic Potential of Agriculture in Eastern Galicia in the Interwar Period	168

LINGUISTICS AND LANGUAGE

<i>Mokienko V.M.</i> From paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms 'kuritsya', 'kurka')	184
<i>Dronova L.P., Yanchun Liu.</i> The structure of the lexico-semantic field "pol'za" in the Rusin language compared to the Russian literary language	208
<i>Sabolova D., Kasova M.</i> On translating lexical units lexical units in the social sphere (family manuals)	224
<i>Tolstik S.A.</i> The concept <i>pokornyy</i> in the history of the Rusin language	236
<i>Fejsa M.</i> Basic colour terms in the lexical-semantic field of colour in the Rusin language	251

<i>Rezanova Z.I., Korshunova I.S.</i>	
Russian speech in the language contact zone: active trends in deviations from the speech standard	266
<i>Fil Y.V., Kononchuk I.Y.</i>	
The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary)	280
<i>Oglezneva E.A., Pustovalov O.V.</i>	
The Russian language in the Chinese Three Rivers region: linguistic features	299
<i>Vladimirova V.E., Rezanova Z.I.</i>	
The Russian language in the Tatar-Russian contact zone: cognitive processing of case forms	316
<i>Bocharov A.V.</i>	
Corpus bibliometric aspects of Slavic studies in Russian-language scholarly electronic resources in the context of categories of historical knowledge	336

ANTHROPOLOGY

<i>Kurjanovich A.V.</i>	
Slavic cosmogonic myth in Vladimir Vernadsky's picture of the world and idiostyle	352

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Zan M.P.</i>	
Political and party representation of Rusin community leaders in Transcarpathia during the local elections of 2020	370

Страница редактора

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В данном выпуске журнала, помимо других материалов, представлены статьи, подготовленные по материалам выступлений участников VIII Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая проходила 16–17 мая 2022 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете и была организована в партнерстве с журналом «Русин». Конференция проводилась в смешанном режиме, что позволило создать условия для диалога ученых ведущих научных центров России и ученых-славистов других стран.

Уже сложившейся традицией в обсуждении на конференции разнообразия проблем славянских языков, культур, социальных и политических контекстов их функционирования стало обращение на пленарном заседании к разным аспектам русинского, значимость материала которого как для общеславянских реконструкций, так и для современных сопоставительных исследований русинского языка с другими славянскими неоспорима. Пленарные доклады с наибольшей репрезентативностью представлены в данном выпуске. В трех статьях раскрывается как классическая лингвистическая проблематика, так и науковедческая. В.М. Мокиенко в рамках основательного анализа, основанного на глубоких знаниях славянской паремиологии, на локальном примере фразеологизмов с лексемами куриця, курка продемонстрировал единство данного лингвокультурного среза славянского мира, включенность русинской паремиологии в общий славянский контекст и тонкие грани национального своеобразия русинов.

Обсуждение диалектики славянского языкового и культурного единства как основы этноязыкового своеобразия, начатое на пленарном заседании, было продолжено и в секционном докладе и представлено в данном выпуске журнала совместной статьей Л.П. Дроновой и Лю Яньчунь и статьей С.А. Толстик. Авторы, работая в логике современного лингвокогнитивного анализа, выделяют значимые культурные концепты («покорность» и «польза») и характеризуют их языковое представление в русинском языке (концепт «покорность»), проводят сравнительный анализ с русским языком (концепт «польза»). Историческая перспектива (древнегреческий – старославянский – русский языки) в становлении категории мягчительности в русском языке прослежена в совместной статье Ю.В. Филь и И.Я. Конончук, что представляется значимым для выяв-

ления концептуального содержания славянского языкового единства на более общем индоевропейском фоне. Углубленный поиск исторических корней славянского единства и разнообразия сочетался на конференции с обсуждением современных социально маркированных номинаций, непосредственно отражающих своеобразие функционирования государственных институтов. В статье Д.Я. Саболовой и М.Б. Кашовой в компаративном и переводческом аспектах представлен анализ лексики, отражающей сферу поддержки семьи в государствах славянского мира: в Словацкой и Чешской республиках, Российской Федерации, а также в трех немецкоязычных государствах: ФРГ, Австрийской Республике и Швейцарской Конфедерации.

Проблематика науковедческой направленности в сфере исследований русинов и – шире – славистики была представлена в пленарных докладах С.Г. Суляка, раскрывшего ее через обращение к личности выдающего славяноведа Ю.А. Яворского, и А.В. Бочарова, который с привлечением современных наукометрических технологий представил анализ корпуса русскоязычных текстов по славяноведческой литературе. В статье, подготовленной по материалам выступления, автор показывает представленность в гуманитарных публикациях славяноведения, в ряду других страноведческих дисциплин, включенность в славяноведческие исследования отдельных славянских языков; обращение славистов к конкретным научным тематикам; соотношение и распределение категории исторического познания со славяноведческой тематикой. Науковедческий аспект развития темы славистики был представлен и в секционном докладе А.В. Курьянович, которая на основе совмещения принципов науковедческого и современного концептологического анализа проследила трансформации славянского космогонического мифа в творческом наследии выдающегося мыслителя В.И. Вернадского, в его учении о ноосфере.

Организаторы, как и в прошлые годы, стремились создать на конференции дискуссионную площадку, темами которой стали: 1) характер и направленность привлечения в исследования славянской проблематики новых методов; 2) новые возможности, которые открывает междисциплинарная методология, новые результаты, которые могут быть получены в сферах пограничья языка и его когнитивных и социокультурных основ. Такой площадкой, прежде всего, стала секция «Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические аспекты». Доклады секции отражены в трех статьях данного выпуска журнала. Выводы авторов о языковых и речевых отражениях языкового контактирования и их когнитивной базе были получены с применением социолингвистических, корпусных, психолингвистических экспериментальных методов и базировались на материале, собранном в экспедициях.

Эмпирической основой в докладах исследования послужили записи речи на русском языке, полученные в условиях принципиально разных языковых ситуаций. В совместной статье Е.А. Оглезневой и О.В. Пустовалова представлен анализ языковых особенностей речи говорящих на русском языке в условиях функционального доминирования китайского языка. В двух статьях, З.И. Резановой и И.С. Коршуновой и В.Е. Владимировой и З.И. Резановой, подготовленных в соавторстве, исследуются грамматические особенности русского языка, который является функционально доминирующим в речевых практиках хакасско-русских, татарско-русских и шорско-русских билингов Южной Сибири. Статьи, выполненные на локальном материале разных типов функционального взаимодействия русского языка, имеют методологическое значение, свидетельствуют о новых возможностях развития традиционных проблем славяноведения на основе междисциплинарной методологии, использования статистического анализа, аппаратных экспериментальных методов.

Программный и организационный комитеты конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» выражают искреннюю благодарность редколлегии журнала «Русин» за плодотворное сотрудничество, а также всем участникам конференции за создание творческой атмосферы в научной дискуссии на конференции 2022 г. и приглашают к дальнейшему сотрудничеству исследователей, обращенных к языковым, социальным, культурным аспектам славянского мира во всей их широте и неоднозначности.

З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой славяно-русского языкознания
и классической филологии филологического факультета
Томского государственного университета;

С.Г. Суляк,
главный редактор

Editorial

Dear members of the editorial board, authors and readers!

Together with other research, this issue publishes reports presented at the Eighth International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* held by the National Research Tomsk State University in partnership with *Rusin International Journal* on May 16–17, 2022. The blended (hybrid) mode of the Conference allowed a productive dialogue between scholars of leading research centres of Russia and Slavists from other countries.

Following the well-established tradition to discuss diverse problems of Slavic languages and cultures as well as their social and political contexts, the plenary speakers addressed various aspects of the Rusin language, which is vital for all-Slavic reconstructions and modern comparative studies of Rusin and other Slavic languages. Three plenary reports, published in this issue, raise both linguistic and science studies problems. Based on his deep knowledge of Slavic paremiology, Valery Mokievko uses a local example of phraseological units with the lexemes *kuritsya*, *kurka* to demonstrate the unity of the Slavic linguo-culture, the inclusion of Rusin paremiology in the general Slavic context, and subtle aspects of Rusin national identity.

The dialectics of Slavic linguistic and cultural unity as the basis of ethnolinguistic identity was further discussed in the sectional reports by Lyubov Dronova, Liu Yanchun, and Svetlana Tolstik. Following the logic of modern linguocognitive analysis, the authors single out important cultural concepts (“submissiveness” and “benefit”), describe their linguistic representation in the Rusin language (the concept “submissiveness”), and conduct a comparative analysis with the Russian language (the concept “benefit”). The historical perspective (Ancient Greek – Old Slavic – Russian languages) for the category of attenuation in Russian discussed by Yulia Fil and Inessa Kononchuk is significant for revealing the conceptual content of Slavic language unity on the general Indo-European background. Many conference reports combined an in-depth search for the historical roots of Slavic unity and diversity with a discussion of contemporary socially marked nominations directly reflecting the specificity of the functioning of state institutions. Thus, Drahomira Sabolova and Martina Kášová analyse the vocabulary of family support sphere in Slavic (the Slovak and the Czech Republic, the Russian Federation) and German-speaking states (the Federal Republic of Germany, the Austrian Republic, and the Swiss Confederation) in comparative and translational aspects.

The problems of Rusin and Slavic studies were presented in the plenary reports by Sergey Sulyak, who addressed the personality of the outstanding Slavologist Julian Yavorsky, and by Alexey Bocharov, who presented a

scientometric analysis of the corpus of Russian-language texts on Slavic literature. In his article, Bocharov shows how Slavic studies are presented in publications on other regional studies; how Slavic languages are included in Slavic studies; which topics are addressed by Slavists; and how the category of historical knowledge are related to and distributed within the publications on Slavic subjects. In her turn, Anna Kurjanovich combines the principles of scientific and modern conceptual analysis to trace the transformation of the Slavic cosmogonic myth in Vladimir Vernadsky's theory of the noosphere.

The section "Language contact: corpus, psycholinguistic, and sociolinguistic aspects" became a platform for discussing 1) new methods in the study of Slavic issues; and 2) new opportunities opened up by interdisciplinary methodology and new results that can be obtained in the spheres of borderline language and its cognitive and sociocultural foundations. The authors' conclusions about language contact and their cognitive base are based on the expedition materials and analysed using sociolinguistic, corpus, and psycholinguistic experimental methods. Empirically, the presented reports draw on the Russian speech fragments recorded in fundamentally different language situations. Elena Oglezneva and Oleg Pustovalov present a linguistic analysis of the Russian speech that has formed within the functional dominance of the Chinese language. In two articles, Zoya Rezanova, Irina Korshunova, and Valeriia Vladimirova examine the grammatical features of the Russian language, which is functionally dominant in the speech practices of the Khakassian-Russian, Tatar-Russian, and Shore-Russian bilinguals of Southern Siberia. The articles, based on local material of different types of functional interaction of the Russian language, have methodological significance, testifying to new possibilities for the development of traditional problems of Slavic studies based on interdisciplinary methodology, the use of statistical analysis, and experimental apparatus.

The program and organizational boards of the Conference express their sincere gratitude to the *Rusin* editorial board for their fruitful cooperation, as well as to all the Conference presenters for a creative atmosphere in the scholarly discussion and welcome further cooperation with researchers interested in linguistic, social, and cultural aspects of the Slavic world in all their breadth and ambiguity.

Zoya Rezanova,
Professor, Doctor of Philology, Head of the Department
of Slavic-Russian Linguistics and Classical Philology
Tomsk State University;

Sergey Sulyak,
Chief Editor

УДК 94(477.85)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/2

Охорона публічної безпеки та боротьба з правопорушеннями у Чернівецькій, Сучавській та Хотинській волостях Молдавської землі і Хотинській райї Османської імперії

М.К. Чучко

Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича

Україна, 58012, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Авторское резюме

Стаття присвячена малодослідженій проблемі охорони публічної безпеки та боротьби із правопорушеннями на території між Верхнім Сиретом, Середнім Дністром та Сучавою, яка з середини XIV до останньої чверті XVIII ст. входила до складу Молдавської держави, складаючи Цецинську (з середини XV ст. Чернівецьку), Сучавську та Хотинську волості Молдавії, і була населена переважно православними русинами і волохами.

На основі аналізу письмових джерел та наукової літератури, автор констатує, що упродовж всього молдавського володарювання у Чернівецькій (до середини XV ст. Цецинській), Сучавській та Хотинській волостях (цинутах) спеціальних поліцейних органів, у їх сучасному розумінні, не було. До останньої чверті XVIII ст. функції з охорони публічної безпеки тут виконувалися молдавськими урядниками, куртенами та різними категоріями служилих людей – служиторів. Справа організації забезпечення правопорядку і, особливо, боротьби з розбійництвом на прикордонні, покладалася, насамперед, на старост-пиркелабів, які у XVIII ст. стали називатися ісправниками. Їм допомагали керівники околів, ветави міст, великі прикордонні капітани, аги, полковники, армаші, апроди та підлегли їм куртени і служитори цинутів (калараші, арнаути, биранів, стражери, панцири, доробани), а також наймані бешлії. На рівні сільських громад правопорядок підтримувався двірниками та ватаманами села.

Після прилучення Хотинщини до імперії османів, охорону публічної безпеки в цій новоствореній турецькій райї було покладено на яничарів хотинського гарнізону, а за порядок в селах Хотинської нахіє відповідали командири османських військових підрозділів – алайбеї.

Ключові слова: Молдавська держава, Османська імперія, русини, волохи, волость, райа, Цецин, Чернівці, Сучава, Хотин, ісправник, куртени, служитори, яничари.

Охрана публичной безопасности и борьба с правонарушениями в Черновицкой, Сучавской и Хотинской волостях Молдавской земли и Хотинской райе Османской империи

М.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича

Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Авторское резюме

Статья посвящена малоисследованной проблеме охраны публичной безопасности и борьбы с правонарушениями на территории между Верхним Сиретом, Средним Днестром и Сучавой, которая с середины XIV до последней четверти XVIII в. входила в состав Молдавского государства, образуя Цецинскую (с середины XV в. Черновицкую), Сучавскую и Хотинскую волости Молдавии, и была населена преимущественно православными русинами и волохами.

На основе анализа письменных источников и научной литературы автор констатирует, что на протяжении всего молдавского правления в Черновицкой (до середины XV в. в Цецинской), Сучавской и Хотинской волостях (цинутах) специальных полицейских органов, в их современном понимании, не было. До последней четверти XVIII в. функции по охране публичной безопасности здесь выполнялись молдавскими чиновниками, куртенами и разными категориями служилых людей – служиторов. Дело организации обеспечения правопорядка и особенно борьбы с разбоем на пограничье, возлагалось, прежде всего, на старост-пиркелабов, которые в XVIII в. стали называться исправниками. Им помогали околаши, ветвы городов, великие пограничные капитаны, аги, полковники, армаши, апроды и подчиненные им куртены и служиторы цинутов (каларашы, арнауты, быране, стражеры, панцыри, дорабаны), а также наемные бешлии. На уровне сельских общин правопорядок поддерживался дворниками и ватаманами сел. После присоединения Хотинщины к Османской империи охрана публичной безопасности в этой новой турецкой райе была возложена на янычар хотинского гарнизона, а за порядок в селах Хотинской нахии отвечали командиры османских военных подразделений – алайбеи.

Ключевые слова: Молдавское государство, Османская империя, русины, волохи, волость, райя, Цецин, Черновцы, Сучава, Хотин, исправник, куртены, служиторы, янычары.

Public security and prevention of offenses in Chernivtsi, Suceava and Khotyn volosts of Moldavia and Khotyn raiyah of the Ottoman Empire

M.K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsyubynskiy Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Abstract

The article focuses on the understudied problem of public security and prevention of offenses in the territory between the Upper Siret, the Middle Dniester and Suceava, which from the middle of the 14th to the last quarter of the 18th century was part of Moldova and formed Tsetsin (from the middle of the 15th century Chernivtsi), Suceava and Khotyn volosts of Moldova, mainly inhabited by Orthodox Rusins and Vlachs. Having analysed written sources and scholarly literature, the author states that throughout the entire Moldavian rule in Chernivtsi (until the middle of the 15th century in Tsetsin), Suceava and Khotin volosts (ținut) there were no special police agencies in the modern sense. Until the last quarter of the 18th century, public security was ensured by Moldovan officials, curteni and various categories of service people – slujitors. Ensuring law and order and fighting against robbery on the border was assigned, mainly, to the elders-pîrcălabs, who in the 18th century began to be called ispravniki. They were assisted by volost elders (okolashi), vetavs of the cities, great border captains, aghas, colonels, armashes, apods and their subordinate curteni and ținut slujitors (călărași, arnauts, byrans, guards, armored warriors, dorobanii), as well as hired beshlis. The law and order in rural communities was maintained by dvornikis and vatamans (village elder). After the accession of the Khotyn region to the Ottoman Empire, the public security in this new Turkish raiyah was entrusted to the Janissaries of the Khotyn garrison; the commanders of the Ottoman military units – alai beys – were responsible for order in the villages of the Khotin nahiye.

Keywords: Moldavian state, Ottoman Empire, Rusins, Vlachs, volost (ținut), raiyah, Tsetsin, Chernivtsi, Suceava, Khotyn, ispravnik, curteni, slujitors, Janissaries.

Охорона публічної безпеки була і залишається невід'ємною функцією державної влади, яка виступає гарантом здійснення права. У модерному суспільстві охорону громадського порядку і функцію боротьби з правопорушеннями покладено на органи внутрішніх справ, зокрема на поліцію. У період середньовіччя і ранньомодерну доби окремих поліцейських органів у сучасному розумінні ще не було, як і бракувало писаного права, керуючись у присудах за злочини звичаєвим правом. Але вже тоді, зокрема й на теренах між Верхнім Сіретом, Середнім Дністром та Сучавою, які з середини XIV ст. стали частиною новопосталої Молдавської землі, з'явилася система державних органів, на які більшою чи меншою мірою покладалися завдання збереження внутрішнього порядку, тобто поліційні функції [11: 157–231; 26: 31, 57, 60, 71; 32: 120–124, 152–160; 34: 29–31, 33–34].

Варто відзначити, що проблема правоохоронної діяльності в Молдавській державі періоду середньовіччя та раннього нового часу досліджена недостатньо. Особливо це стосується території її північних волостей – Чернівецької, Хотинської та Сучавської, населених переважно православними русинами і волохами [26: 30; 62: 28]. У різні часи дослідники різних країн лише побіжно торкалися цього питання, головним чином при вивченні проблем, що стосувалися державного устрою, адміністрування, соціальних рухів, права та військової справи Молдавської землі в середині XIV – початку XIX ст. [3–5; 8; 9; 11; 15–19; 24–26; 32–34; 36–38; 41; 49–51; 53–60]. Зважаючи на це, варто зупинитися на окресленій проблемі у пропонованій статті більш докладно, спираючись на широке коло джерел – літописів, описів, документів, щоденників та спогадів [1; 7; 12–14; 20–23; 28–31; 39; 40; 42–48; 52; 61; 62], а також на науковий доробок вітчизняних та зарубіжних дослідників-науковців.

Наявні джерела засвідчують, що вже з XV ст. вищий нагляд за внутрішнім порядком, публічною безпекою, охороною міст, охороною кордонів та товарів першопочатково покладалася на теренах Молдавії на великого ворника, який командував військом. Але вже з першої половини XVI ст. ворник почав ділити командування збройними силами з портарем Сучави, який став хатманом та пиркелабом. Саме хатман пізніше замінив ворника у керівництві молдавським військом. Спочатку сучавський портар, якого можна вважати «першим поліцейським Сучави», включно до XVIII ст. стежив за охороною кордонів та підтримував порядок у столиці [2: 22; 9: 77–78; 12: 130–131; 24: 160–161; 29: 124; 40: 94; 41: 68; 51: 271–272; 56: 39–40; 62: 31].

Вищим урядовцям господаря у справі організації та забезпечення публічної безпеки і внутрішнього спокою допомагали на місцях старости-пиркелаби волостей-цинутів (пізніше ісправники цинутів),

голови околів, великі ветави міст та кордонів (згодом великі капітани), аги, полковники, армаші, апроди, а також контингенти куртенів та служиторів цинутів [32: 122–148, 150–162; 38: 11, 21, 60, 62; 39: 342; 53: 33, 37, 39–40; 56: 39–40; 62: 31–32].

З молдавських хронік і документів відомо, що у 30-х рр. XV – на початку XVI ст., внаслідок тривалих прикордонних сутичок між Польщею і Молдавією, на півночі країни панувала тоді жахлива анархія. Життя і майно жителів не було в безпеці, а села Хотинського та Чернівецького цинутів Молдавської землі були охоплені «розбоєм» [29: 31–33, 54, 66, 73, 79, 84, 120, 122; 53: 28–29]. Тому після певної стабілізації ситуації, в ході укладення 1457 року молдавсько-польської угоди про спільну боротьбу проти «лиходійців» на кордоні, господар Молдавії Петру Арон призначив «на границі – у Хотині і в Чернівецькій волості – двох панів справедливих і знатних, яких мають <...> вибирати між нашими молдавськими панами, щоб один був нам старостою хотинським, а другий поставлений чернівецьким, аби вже ті наші пани підтримували справедливість з ними з обох сторін, аби вже вони мали їх застерігати від усіх кривд, як самих себе, а вони теж мали б остерігати наших панів й охороняти, як самих себе, аби ж все могли ті дві землі держати з обох сторін однаково в мирі, в ласці й справедливості, щоб каралися лихі люди з обох сторін, а чесні могли б бути в спокої з обох сторін» [16: 142–143; 17: 32].

При укладанні мирних договорів між Польщею та Молдавією 1499 та 1510 рр. також були визначені умови підтримання порядку [16: 68, 71, 143]. 1519 року польський король Сигізмунд був змушений разом з молдавським воєводою Штефаном Молодим заснувати змішаний суд, який би складався з молдаван та поляків і в якому мали розглядати злочини, скоєні в прикордонних землях, бо жителям цих територій дошкуляли крадіжки, згвалтування та викрадення жінок, убивства тощо. З молдавського боку за суддів були призначені управителі двох північних цинутів Молдавії, а саме: Хотинський та Чернівецький старости [16: 73, 144; 38: 65]. Було також створено прикордонну охорону. Положення про цей прикордонний суд були знову підтверджені 1527 року при поновленні мирного договору між польським королем Сигізмундом та воєводою Петром Рарешом, який тоді саме посів молдавський престол [16: 145]. Керівників Сучавської¹ та Хотинської волостей, з огляду на розташування їх адміністративних центрів у фортецях, називали пиркелабами (начальниками замків). Проте у польських документах хотинського пиркелаба досить часто називали також старостою, подібно як і очільника Чернівецького цинуту, адміністративний центр якого – містечко Чернівці, був однак неукріплений. Хоча попередники чернівецьких старост – старости

цецинські, мали свій осідок у замку Цецин – укріпленому центрі «Цецинської держави», розташованому на захід від Чернівців [16: 74–75; 37: 114, 102–103; 41: 70; 45: 85; 46: 625; 48: 19, 25; 49: 264; 51: 287–288; 53: 33].

До повноважень старост-пиркелабів, крім суто військово-адміністративних і фіскальних, належали також судові функції та збереження публічної безпеки в цинуті [50: 37, 44–45; 53: 29]. Зокрема, на таких повноваженнях хотинського пиркелаба наголошував літописець XVII ст. Г. Уреке, констатуючи: «Хотинський пиркелаб біля того кордону поблизу Лядської і Козацької Землі, суддя всіх того цинуту» [62: 31].

Проте, траплялися випадки, коли самі старости, замість того, щоби бути зберігачем правопорядку у своєму цинуті, ставали на злочинний шлях, особливо у сфері фінансових зловживань. Найбільш показовим прикладом є випадок з чернівецьким старостою великим баном Д. Макрі, який у 1729 р. вдався до шахрайства – привласнив собі частину грошей зібраного в його цинуті векаріту (податку на худобу). За це воєвода Грігорє II Гіка велів, щоб ватаг пажів закував його в кайдани, доставив з Чернівців у Ясси та кинув до в'язниці. Він мусив повернути вкрадені гроші та ще, крім того, виплатити п'ять гаманів штрафу [53: 34].

Пиркелаб також мусів турбуватися про оборону краю у разі вторгнення іноземних військ, організовувати боротьбу з мародерами [33: 9]. Так, наприклад, коли передові польські загони на початку серпня 1621 р. стали табором під Хотином, хотинський пиркелаб Мирон Барновський, уродженець с. Топорівці Чернівецької волості, який, відповідно до своїх функціональних обов'язків мав пильнувати безпеку молдавського прикордоння, не маючи достатніх сил, щоби затримати чисельно переважаючого противника, спираючись, очевидно, на місцевих служиторів, вдався до партизанської тактики боротьби з ним [16: 100]. Зокрема, учасник Хотинської кампанії люблінський воєвода Якуб Собеський занотував у своєму щоденнику, що 14 серпня «якийсь волох, Бернацький, ватажок зграї розбійників, ховаючись в сусідніх лісах, нападав із засідки на тих, які там рубали дрова або пасли худобу, при чому захопив багато коней, возів і людей, з яких 50 чоловік втекло.

Проти розбійників здійснили похід: Коначовський, людина заповзятлива, сотник, який відзначився під начальством Лісовського в московських війнах, і молдавський дворянин Бичек, ще раніше відомий як прихильник поляків» [20: 57–58].

Втім, людям М. Барновського, що чинила опір полякам в околицях Хотина, вдалося уникнути розгрому від противника. Пізніше, разом з татарами мурзи Кантеміра, пиркелаб розгорнув під Хотином широко-

масштабну партизансько-диверсійну діяльність на комунікаціях польського війська [20: 58, 63–64; 33: 9]. Літописець Мирон Костін пише, що за це М. Барновський був відмічений «султаном за служби його при Хотині, а тим паче татарськими беями, особливо Кантеміром» [13: 63].

У розпорядженні пиркелабів і старост були куртени. Перепискатастих 1591 року, засвідчив загальну кількість куртенів в Молдавії – 4683 осіб, з них: У Чернівецькому цинуті налічувалося 17 куртенів, у Сучавському 181, а у Хотинському – 77 [47: 219].

В XV та XVI ст. куртени округів (цинутів) перебували під керівництвом ворників і старост, а потім ватафів і великих ватафів землі, які командували стягом (полком) цієї землі. У джерелах збереглися імена окремих командирів куртян, зокрема з північних цинутів країни. Так, у документах 70-х років XVI ст. фігурує великий сучавський ветав Юнашко, син великого ворника Горішньої землі Білея [59: 293–294]. У документі від 3 квітня 1584 р. згадується Грігорє Удря великий ветав Сучави, колишній великий ветав Нямца [60: 238]. Деякі великі ветави ставали волосними старостами і навпаки. Приміром, Константин Рошка, що згадується 4 липня 1601 р. як великий ветав Хотина, у акті від 25 червня 1617 р. зазначений як хотинський пиркелаб. Натомість, Ончул Юрашкович, який в документі від 15 серпня 1616 р. фігурує як чернівецький староста, в акті від 8 березня 1620 р. згадується як великий ветав в Сучаві [60: 240]. На великих ветавів покладалося забезпечення служби внутрішньої «поліції», захоплення злочинців, охорона порядку, піклування про повернення боярам біглих селян та виконання судових рішень в цинутах [60: 236, 239].

Згодом, в середині XVII ст., великі ветави цинутів зникли. Їх замінили підпорядковані старостам великі капітани, під командуванням яких знаходилися віддали куртенів та служиторів [37: 38; 54: 185; 60: 243–245]. Приміром, з документу від 28 липня 1714 р. довідуємося про призначення молдавським воєводою Н. Маврокордатом великим капітаном Чернівців Д. Калмуцького. Господар вказував, що всі капітани і калараші «в стягах цього цинуту» мали слухатися його [60: 255–256]. Саме на великого капітана та його людей покладалося безпосереднє забезпечення порядку в регіоні та ловля злочинців. Проте через розорення служиторів і куртенів їх кількість в останній чверті XVII ст. значно скоротилася. Зокрема, під час третього правління господаря Молдавії Георгія Дуки (1678–1683), через великі податки багато куртян і служиторів залишили своїх батьків і братів, збіднівши, вони пішли в інші країни, а деякі стали поганими людьми і розбійниками [60: 35].

Для охорони в Хотині у 1656 р. стояв загін доробанців-піхотинців на чолі з агою [60: 205–206]

Влада волосних старост-пиркелабів та їхніх урядників не поширювалися на окремі населені пункти, власники яких отримували від воєвод імунітет щодо агентів держави – аналог візантійської ескуїї [35: 15, 20–24]. До таких поселень, наприклад, належало село «Борхинешти» (Багринешть) Сучавської волості. У грамоті господаря Стефана Великого монастирю Молдавиця від 31 серпня 1458 р. зазначалося, що жителі згаданого монастирського села отримали «слобозію» і через це, «да не ходят у тум сели ни глобници от Сочавя <...> ни след злодейских да не гонят у село том хотару» [21: 148–149].

Такий самий імунітет щодо агентів влади мало село «Великий Коцмань» з присілками, яке належало Радівецькому єпископству. У грамоті від 30 серпня 1479 р. стосовно жителів цього єпископського поселення воєвода Стефан Великий так само застерігав, щоби «ни един наш боярин, ани староста от Цьцина, ани глобници, ани переруби, ни судити их, ани глобу узети от них не за великое дило, ани за малое дило, ни за душогубство, ни за волочение дивку, шо сь там у Коцмани будет учинит, але щоби их судили наши епискупи или дворници их, яко више пишем». 23 серпня 1481 р. господар видав повторну імунітетну грамоту що єпископських вотчинах в Кіцмані і Радівцях [45: 256].

Аналогічним імунітетом щодо волосної адміністрації користувалося також село Топорівці, пожертвуване 9 грудня 1627 р. воєводою М. Барновським-Могилою монастиреві Успення Пресвятої Богородиці в Яссах, що був приклонений храму Воскресіння Господнього в Єрусалимі. У грамоті воєвода застерігав волосних службовців від будь-якого втручання в справи села, зокрема і в справі злочинів: «ни глобници ни дешюгубинари да не имают трьбу таму аще сълучится нькаа мертва за чоловими да не имаєт трьбу рабити велици с ворникци или глоабє възимаєт от того село не а имают възьти калугери от свьтаа монастир єж господства ми създахом в трог Яскому да събираєт тях всях да посилаєт до калугери єже прьбивають до Иєрусалимскаго церква». 1633 року воєвода Моїсей Могила та 1705 року господар Антіох Кантемир підтвердили наданий монастирю імунітет щодо с. Топорівці. Зокрема, у останній грамоті воєвода ще раз нагадував Чернівецькому старості та волосним урядникам, що їм забороняється втручатися у справи села Топорівці, а судовим чиновникам не дозволялося ні штрафувати людей з цього поселення, ні виносити який-небудь вирок, бо тільки настоятель Барновського монастиря в Яссах має право в Топорівцях займатися судочинством, карати винних та накладати грошові штрафи [44: 104, 158–159].

У періоди нестабільності в Молдавії ширилося соціальне розбишцтво, представлене гайдуками та опришками. У XV–XVIII ст. маємо

факти розповсюдження цього явища на півночі країни та боротьби з ним силових структур молдавської влади, зокрема у Сучавській, Чернівецькій та Хотинській волостях. До прикладу, у 1457 рр. тут діяв озброєний загін «злодіїв» якогось Лева, який чинив напади й на сусідні польські території [25: 56]. Про боротьбу з ним йдеться у грамоті молдавського господаря Петру Арона: «Ми, Петру воєвода... повідомляємо цим листом про те, що прийшли наші улюблені приятелі – пан Мужило Бучацький, снятинський, коломейський та коропецький староста, і пан Бартош із Язловця, староста Подільський, і поскаржилися нам про своє лихо та загибель їхніх дітей та їх братів і про збитки, завдані запроданцями та лиходіями, а саме якимсь Львовом та його спільниками, які, діставшись до королівської фортеці Снятина, учинили їм те горе і той збиток, а звідти повернулися до нашої країни, до Молдавії, з тими лиходіями. І ми, бачачи їхню скаргу і справедливе прохання, визнали разом із нашими панами їхню правоту і вислали їм того зрадника Леу та його спільників, і вони за своїм правом учинили їм відплату» [16: 142].

У Сучавській волості в 1622 р. гайдуки напали на монастир Путна і «забрали все, що було подаровано старими господарями, і ... 33 коні і гроші і килими і все, що знайшли». 1629 року на Путнянський монастир знов напав загін гайдуків у кількості з 50 чоловік. Того самого року розбійники розгромили монастирі Сучевиця та Воронець. Влада намагалася їх переслідувати, але тим вдалося втекти. Воєвода сусідньої Трансільванії на початку XVII ст. навіть розпорядився закрити кордон з боку Молдавії, бо звідти до його країни проникали розбійники. Він вимагав заборонити перехід кордону для бідняків, які йдуть з Молдавії з «краденою худобою» [8: 16].

Купцям з Польщі, які їхали через Молдавію у торговельних справах до Аккерману, щоби не постраждати від розбійників, наказувалося їздити «лише такими гостинцями, як Чернівецький, Хотинський і Со роцький. У грамоті молдавського воєводи Штефана IX Томші від 10 рудня 1614 р. зазначалося, що за умови слідування цими гостинцями купці можуть звертатися, посилаючись на цей акт, до місцевих старост з питань безпеки особи та товарів [6: 17; 18: 74].

Місцева влада не завжди могла дати раду з розбійниками наявними в її розпорядженні силами і господар допомагав служилими людьми. Так сталося, приміром, в середині 50-х років XVII ст., коли на півночі Молдавії з'явився розбійник Дитинка, який, за словами літописця М. Костіна, «на виду всіх явно без перешкоди ходив по Хотинському і Чернівецькому цинутах і управляв селянами. Воєвода Штефан послав стольника Бучока з багатьма служилими людьми, які розгромили його і всіх його людей розсіяли» [13: 140].

Подібним чином, влада змушена була боротися з опришками і в першій половині XVIII ст., надаючи місцевій адміністрації допомогу служителями з центру. Так, відомо, що на початку XVIII ст. молдавський воєвода Мігай Раковіце навіть досяг в боротьбі з розбійниками певних успіхів, очистивши від них гірську місцевість. Але ті перебазувалися у віддалені карпатські лісові масиви біля перевалів на молдавсько-трансильванському прикордонні, між м. Кимпулунг в Молдавії та Боршею в Марамуреші. Про це, зокрема, повідомляв у своєму подорожньому щоденнику суперінтендант (єпископ) лютеранської Церкви Верхньої Угорщини, словак за походженням, Даніель Крман, який разом зі шведським генерал-майором Маєрфельтом прямував у серпні 1709 р. зі ставки короля шведів Кала XII в Бендерах до Угорщини, прямуючи через Ясси, Сучаву та Кимпулунг, за яким починалися повні небезпек високогірні лісові масиви. За словами Д. Крмана, у Яссах, куди вони дісталися 22 серпня, до приділеного бендерським пашою для безпеки подорожніх «одного турецького капітана, званого аґа», який роздобував для них в дорозі по селах «їжу, пиття і свіжих коней». господар також надав їм для супроводу «двох капітанів з двадцятьма чотирма вояками і переказав, що нема вже ніякої небезпеки, бо ж він недавно вичистив молдавські гори від розбійників». Подальшу подорож з Сучави до Кимпулунга і далі до гіських перевалів, що вели в Марамуреш, Д. Крман в щоденнику описував так 25 добрались до Сучави, віддаленої майже на п'ятнадцять миль (від Ясс. – М.Ч.) (...).

З Сучави ми вирушили на Кімполюнг і дійшли туди наступного дня 26 серпня. Це місто розташоване у підніжжі молдавських вершин, які починаються в Угорщині і тягнуться до Чорного моря, де вони не є такі високі, як тут (...).

Коли тепер нарешті зійшлося усіх двадцять шість осіб, даних нам на супровід, і турецький аґа наказав привезти з кімпольюнгських полонин свіжих коней, щоб змінити попередніх, рушаємо в дальшу дорогу... В цій дорозі мусимо переходити через ріку Молдаву багато разів більше, ніж учора, коли ми були між Сучавою й Кімполюнгом, де цю ріку треба було десять разів переходити. Щоб не наштовхуватись на бистрини, обрали ми доріжки й стежки, протоптані через стрімкий верх більше козами, ніж кіньми (...).

Крім безперестанної зливи приходять інші турботи. Там, де гори були найвищі, ми побоювались розбійників, про яких було відомо, що їх відлякувала велика кількість мандрівників та що вони відійшли до темніших гір. В деяких місцях їх помітила наша передня сторожа. На цих високих вершинах наша дорога була загороджена поваленими високими зрубаними деревами, щоб затримати наступ ворогів...

На гребенях цих гір ми зустріли кількох куруців, які були вислані до молдавського господаря. Вони нам сказали про стан справ удома.

Нам довелося спускатись до марамороських долин із такою стрімкістю, наче збігали по даху будь-якого будинку» [14: 130–133].

Чергове посилення в Молдавії воєводами-фанаріотами у 40-х роках XVIII ст. податкового тиску на служителів, вело до зменшення їх чисельності, перетворення на селян. А тим часом на польсько-молдавському прикордонні, особливо в долині Черемошу, активізується розбійництво [4: 55–57]. Зокрема, сюди заходять, рятуючись від переслідування з боку польської влади опришки з Галичини. Так, взимку 1742 р. у межах Молдавської землі, в с. Ростоки Русько-Кимпулунзького околу, з'явився відомий галицький опришок Олексій Добошук (Довбуш), який втік сюди, рятуючись від збройних загонів польського старости Кривоковського. Останній поінформував про це господаря Молдавії Костянтина Маврокордата, прохаючи допомогти його впіймати. Реагуючи на прохання польського старости, воєвода доручив Чернівецькому ісправнику, надіславш йому на допомогу служилих людей під проводом Діну Армаша, щоби він схопив розбійника для подальшої його передачі польській стороні. Проте Довбушу вдалося втекти, бо певна частина місцевих жителів йому симпатизувала. Тому Чернівецький ісправник наказав арештувати тих жителів з Ростоків, у кого переховувався ватажок опришків та забрати їхнє майно [58: 38–39].

Зважаючи на зростання розбишацтва, особливо в гірській місцевості і задля посилення там охорони публічної безпеки, воєвода К. Маврокордат навесні 1742 р. навіть видав хризів, яким уповноважив Чернівецького ісправника оголосити «тим в Руському Кимпулунзі, які жили в цій місцевості, до 300 людей, щоб виконували охоронну службу» [58: 38].

Варто відзначити, що у XVIII столітті молдавські господарі намагалися впорядкувати місцевий державний апарат, щоб підвищити його ефективність. У результаті запроваджених 1741 року в Молдавії реформ господаря К. Маврокордата старост і пиркелабів стали називали ісправниками (суддями). Відповідно, Чернівецького старосту та Сучавського портаря так само стали офіційно величати ісправниками. Разом з повноваженнями керувати всією адміністрацією на місцях, воєвода також надав їм координаційні повноваження поліції [4: 56, 58].

Згідно «Статуту» К. Маврокордата (1741 р.), у волості призначалися по два старости – ісправники. Функції останніх були чітко регламентовані. Зокрема, ісправникам вказувалося, що вони мають чинити суд, але не повинні брати жодних штрафів, данин, відробіткових днів, за

винятком штрафів зі злочинів, які вони можуть отримувати. Вони також не повинні мати «жодних намісників у волостях, але самі мають бути суддями». Без відома волосного ісправника, «жодній урядовій людині з наказами по волості не ходити, і нікому не дозволено чинити сваволю». Упійманих злочинців повинні ісправники лише допитати і дізнатися кого і наскільки пограбували, а відтак негайно відправити їх в Диван, повідомляючи при тому письмово про шкоду, яку ті завдали. Ісправники повинні наглядати у своїх волостях за священниками, іподияконами та іншими людьми, позбавленими дару й таких, що носять духовну одежу, і не карати таких людей, але давати їм печатки.

Ісправники не мали права збирати додаткових податей і давати служителям жалування, бо десятину, яку збирали злоташі слід було доправляти у скарбницю. Також слуги сільського голови, якщо де не будь зайдуть жінок і дівчат гулящих, не повинні брати нічого ні від такої жінки, як і від чоловіка, який мав з нею справу, без суду волосного ісправника. «А за намовою людей і бездоказово, не можна було звинувачувати будь-яку жінку чи дівчину, ані обручати їх» [31: 492, 494, 496–498; 57: 562].

У другій половині XVIII ст. ісправник мав чималий виконавчий апарат. Наприклад, у Чернівцях в розпорядження ісправника було 40 биранів (піших судових виконавців) на чолі з капітаном, 30 умблаторів (кінних слуг) на чолі з ватагом та 10 арнаутів (охоронці порядку) на чолі з чаушем. А під орудою великого капітана Кіцманя і 4 капітанів знаходилися кінна прикордонна сторожа – калараші чисельністю понад 100 осіб [30: 36–37]. Переписні відомості 1774 року констатують наявність каларашів не лише в Чернівецькому, але й у ряді сіл Хотинського цинуту, який на певний час російська окупаційна військова адміністрація повернула до складу Молдавії [23: 173–174].

Господар К. Маврокордат суттєво обмежив силу влади великих капітанів, підпорядкувавши їх волосним ісправникам. Зокрема, у 1742 р. воєвода наказував чернівецькому старості, щоб капітан з Кіцманя слухався його як старшого за віком боярина і як старосту [60: 251].

Починаючи з перших десятиліть XVIII ст. в Чернівцях також послуговувалися «бешліями» – вояками турецької поліції, яких використовували в Молдавії. Їх юрисдикція поширювалася на турків, зокрема, на турецьких торговців [53: 39].

Жителі окремих сіл, розташованих поблизу державного кордону, несли стражу, зокрема від проникнення розбійників. У привілеї стражерам з Опришан, наданому господарем Єремією Могилою в жовтні 1604 р., зазначено: «Дали єсми сєс лист господства ми стрьжаром от Опришани на то они да имают дрижати страж якож бив обичаи з давна, а на ловитв да не имают ходити николиже токмо да имают

пазити страж» [44: 91]. Кимполунзькі стражери комплектувалися місцевими плашами. У 1769 р. ворник Кимпулунгу доносив, що там є порядна стража [60: 155].

Переписи населення Молдавії 1772 та 1774 рр. вже не згадують стражерів. Очевидно, ця категорія служиторів злилася з панцирами – новим формуванням, створеним при воєводі Грігорі ІІ Гікі (1726–1733 рр.) для охорони порядку [60: 216]. Панцири набиралися з місцевих жителів і були розподілені по волостях. Командували ними капітани цинутів. Перші згадки про панцирів в північних волостях Молдавської землі зустрічаються у 40-х роках XVIII ст. Так, у акті від 15 січня 1748 р., виданому господарем Грігорі ІІ Гікою та адресованому боярину Лефтеру, великому капітану в Ропчі, йдеться про панцирів з с. Тереблече (вотчини монастиря Путна), яких з огляду на їхню службу звільнили від биру [42: 52]. Переписи 1772 та 1774 рр. фіксують панцирів в гірських та передгірних селах Чернівецької та Сучавської волостей [2: 34; 22: 53–54, 336–338, 342, 343, 345, 346]. На командирів панцирів покладався також обов'язок слідкували за належним виконанням селянами повинностей. Так, у 1767 р. воєвода Молдавії Грігорі Іон Каллімахі наказував Андрію, капітану з Ропчі, щоби він простежив за тим, аби селяни з Багринешть вчасно давали дижму [43: 28].

Старости-ісправники цинутів використовував згаданих вище службовців для служби безпеки та при різних правових справах. Ще раніше, коли староста не мав у своєму розпорядженні достатньої кількості судових службовців, вони мали також переслідувати розбійників та виконувати інші служби [32: 162; 50: 37, 44–45].

За свідченням Г. Сплені, перелічені волосні чиновники та службовці молдавського воєводи не отримували якоїсь точно встановленої платні [30: 35–37]. Тільки арнаути одержували у другій половині XVIII ст. щомісячно по 5 фл.; платили також турецьким бешліям [30: 36].

На додаток до адміністративно-поліційних функцій у цинуті, старости, зокрема Чернівецькі, також мали стежити за проведенням щорічних ярмарків та порядком при здійсненні ярмаркових операцій, але про санітарну і пожежну справу тощо, які належати тоді до поліційної сфери, констатував Г. Сплені, не дбали взагалі [30: 37–38]. Також він відзначав, що в поселеннях «вулиці ночами не охоронялися»... Часто ширилися чутки про грабунки та вбивства на дорогах» [30: 38].

Для тримання злочинців у Чернівцях була темниця (в'язниця): у перші десятиліття XVIII століття вона знаходилася в центрі міста. Відомо, що у XVIII ст. якогось Георгія, начальника в'язниці, навіть призначили чернівецьким старостою. Смертні вироки виносили тільки при дворі молдавського господаря [19: 48; 53: 35].

Чернівці, Хотин та Сучава розташовувалися на землях, котрі вважалися державною власністю й перебували під юрисдикцією молдавського господаря. Там, крім волосної адміністрації, існували органи міського самоврядування (міська рада, що складалася з «шолтуза» або «війта» та «пиргарів» або тарійшин), які наділялися судовими функціями [17: 34; 32: 166–168; 51: 315, 322; 55: 71, 74].

У селах керували «двірник» (суддя) і від одного до трьох «ватаманів» (підсудки, помічники). Вони залагоджували дрібні суперечки між селянами [5: 188–189; 22: 21–22; 30: 36; 51: 326]. У важливіших справах селян судив представник господаря. У важливіших справах селян судив представник господаря – ворник, паркалаб або староста [5: 180; 26: 44–45; 32: 152; 55: 71]. У карних справах за вбивство, коли жертвою була звичайна особа, не шляхетного походження, право сатисфакції належало членам родини вбитого.

Традиційно, селяни, крім інших повинностей, мали виконувати сторожову службу та розшукувати злочинців (провадити «гоніння сліду» в межах громади). Існувала відповідальність села за вбивство людини. На території села Альботени знайдено труп убитого грека. Не виявлено злочинця. Староста м. Чернівців заплатив грекам за «душоубство» (дав 158 волів і коров, 20 коней і 600 овець), а господар Богдан документом від 1570 р. визнав вільне село власністю старости, зробивши вільних селян залежними [26: 65].

Коли на левадах, що належали до міста Чернівці, було знайдено два трупи замордованих поляків, місто відмовилося від цих левад, які лежали по другий бік ріки Пруту – очевидно не будучи спроможним знайти злочинців, ані «відвести сліди» від своєї власності. Тоді боярин Матейш Гаврілаш заплатив душоубство, а господар Молдавії Мирон Барновський-Могила визнав за ним у власність згадані левади й подарував грамотою від 8 квітня 1627 р. присілок Денисівку цьому бояринові. Пізніше, в часи правління господаря Василе Лупу керівники міста Чернівці пробував відсудити згадані левади, але воєвода присудив відмовити їм у позові, закріпивши своє рішення у грамоті від 30 вересня 1635 р. [19: 37–39; 53: 44–45].

Схожі випадки передачі частини поселення у власність того, хто заплатив за «за людиноубство» на його території зафіксовано й у грамотах що стосувалися території Хотинського цинуту. Так, у підтверджувальній грамоті господаря Георгія Штефана своєму слuzі Дарію Стирче на дві частини села Хриманкауць в Хотинській волості від 8 березня 1654 (7162) року, зазначено, що іншу частину села він придбав заплативши «викуп за людиноубство, що було скоєне на хотарі Хриманкауць, разом з Куличинами і з Димидянами, і з Трибисеуцями, і з Бричанами, і з Васкауцями, ще в дні Олександра Ілляша воєводи».

Згадка про цю подію також міститься у грамоті господаря Василе Лупу від 1644 року, якою він підтверджує колишньому вістієрнику Йорданію Бухушу, великому спатареві Єгору, Дарію та Костянтину Стирчам та Драгушескулу село Гриманкауць у Хотинській волості, де мовиться, що вони заплатили встановлений штраф за знайдене на території Гриманкауцької садиби тіло вбитої людини і зверх того втратили сімнадцять волів, з приводу вищезгаданого смертовбивства [15: 277].

Наведені вище приклади засвідчують присутність у звичаєвому праві Молдавської землі принципу колективної відповідальності за вбивство, в основі якого лежить не кровна спорідненість, а територіальне сусідство, общинні зв'язки мешканців одного села або громади, які мали спільно платити за вбивство, скоєне на їхній території. У випадку, якщо громада або землевласник були не в змозі знайти винного або сплатити штраф за знайдений на їх території труп, то земля відбиралася в господарський домен. Якщо сам власник або громада не могли заплатити судовий штраф за знайдений на території громади труп, його міг внести хтось інший. Проте, у такому випадку він набував прав власності над цією землею. Натомість, коли тіло було знайдено на пустці, штрафу не було, але той, хто його сплатив, отримував право власності на цю землю. Тому виявивши на своїй території труп, громада була змушена розшукати і представити на суд вбивцю, щоб уникнути штрафу, який збирали глобніки [4: 30].

Після того як в 1715 р. Хотинський цинут було відторгнуто від Молдавії і перетворено в турецьку райю (мілітаризовану зону), тамтешню османську адміністрацію очолював мухафіз – комендант фортеці Хотин [44: 100–101; 56: 142–145]. Публічну безпеку охороняли яничари гарнізону, а за порядок в селах Хотинської райї відповідали команди османських військових підрозділів – алайбеї [10: 183; 27: 103].

Розповідаючи про поліцейні функції хотинських яничар, секретар арсеналу Хотинської фортеці у 1718–1728 рр. османський географ Ібрагім Хамді-ефенді у своїх записках про Валахію і Молдавію 1740 року констатував, що «на північний захід від Хотина, через дорогу від колишнього Сванека (Жванця. – М.Ч.), у місцевості, званій Атак, хотинський дефтердар (фінансовий чиновник. – М.Ч.) Мустафа-ага заснував ярмарок і збудував для цього на березі Дністра великий караван-сарай, навіси для торговців, стайні для коней баришників. Там було 50 корчмів, в яких проживали музиканти-поляки та гарні дівчата. Двадцять яничарів охороняють там порядок. Ярмарок організовують сім разів на рік» [7: 140].

Автохтонному населенню Хотинської райї османська влада залишала певну адміністративну й релігійну автономію. Мешканці сіл обирали свого війта-ворника, який репрезентував населення перед

османською адміністрацією, а також виконував над автохтонами судові функції. У правовому відношенні місцеве населення – руснаки і молдавани керувалося переважно власними звичаями [26: 78].

Про правовідносини в Хотинській райі кінця XVIII – початку XIX ст. залишив записи, зроблені на основі спогадів старожилів-русинів перед 1861 роком, російський публіцист і етнограф О. Афанасьєв-Чужбинський. У своїх «Нарисах Дністра» він їх описував так: «Власне, наша Буковина, або, краще сказати, майже весь Хотинський повіт – це Райя, колишнє володіння хотинського паші, через що і тутешні мешканці дотепер називаються райянами. Звичайно, тут уже не лишилося слідів турецького панування, але подекуди ще збереглися чудові турецькі сади і фонтани та де-не-де (у Клишківцях, Рухотині тощо) знайдеться кілька старих, які ще служили у турків. Вони розповідають про життя за колишніх часів – втрачене для нас через відсутність писемних пам'яток, проте цікаве. З їхніх оповідок можна зробити висновок, що селянам тоді жилося добре, і вони не зазнавали жодних утисків, за винятком одного: ані вродливої жінки, ані гарненької доньки несила було втримати вдома – турки неодмінно їх переманювали й наvertsали у магометанство. У Райї жили поміщики, які сплачували паші певну суму, і жили вони патріархально. Якщо ж з'являлися солдати з хотинського гарнізону, то не обходилося без насильства. Воно, утім, не минало безкарно, позаяк поміщик не мирився із втратою селянина, а їхав до Хотина і домагався у паші сатисфакції. Та якщо приїздив якийсь чиновник із Константинополя і якщо цей чиновник бешкетував – на це вже не було ради, і на його пустощі дивилися крізь пальці. Без сумніву, такі чиновники приїздили рідко, й життя райян минало доволі мирно.

Єдине, за що турки переслідували та жорстоко карали, – це крадіжки і злодій, впійманий на місці злочину, неминуче потрапляв на шибеніцю, яка постійно стояла у хотинській фортеці. Один дідусь, в якого я мешкав у Клишківцях, розповідав, що його родич якось поцупив на базарі просту глиняну люльку, і як не клопоталися за нього рідні, як не просив сам власник вкраденої люльки – винуватця повісили. “Так-таки, хоч би вкрав цибулину, то одвезуть до Хотиня й завісять”, – підсумував дідусь і, махнувши рукою, пожалкував, що тепер не вішають злодіїв і що нині обікрасти людину не вважається за гріх. У Хотині в той час жили євреї, які займалися торгівлею й не славилися добродесністю у цій справі. Щойно хтось зайшов до єврейської крамнички – а турок вже чатує на покупця біля виходу. Довідавшись, що й скільки куплено, турок іде до крамнички турецької та переважає товар: якщо все відпущено як слід, єврея не чіпають, але якщо покупця обважили, єврея забирають і, залежно від обставин, накладають

пеню або б'ють по п'ятах; та якщо єврей попадеться вдруге – ведуть на шибеницю» [1: 3–4].

Після прилучення Хотинської райї до Російської імперії в 1812 р., російська влада певний час зберігала на новонабутій території, яку офіційно назвали Бессарабією, старі порядки, що були характерними для доби молдавського правління [3: 113–115; 28: 271, 280, 283].

Отже, у підсумку можна констатувати, що на теренах між Верхнім Сіретом, Середнім Дністром та Сучавою, які з середини XIV ст. увійшли до складу новоствореної Молдавської держави, упродовж всього молдавського володарювання у Чернівецькій (до середини XV ст. Цецинській), Сучавській та Хотинській волостях (цинутах) спеціальних поліцейних органів, у їх сучасному розумінні, не було. До останньої чверті XVIII ст. функції з охорони публічної безпеки тут виконувалися молдавськими урядниками, куртенами та різними категоріями служилих людей – служиторів. Спершу найвищим урядником з поліцейними функціями були командувачі війська – великий ворнік, а відтак портар Сучавою, який з кінця XVI ст. став називатися хатманом. На місцях, у цинутах Молдавської землі, зокрема, Чернівецькому, Сучавському та Хотинському, справа організації забезпечення правопорядку і, особливо, боротьби з розбійництвом на прикордонні, покладалася, насамперед, на старост-пиркелабів, які у XVIII ст. стали називатися ісправниками, керівників околів, ветавів міст, великих прикордонних капітанів, агів, полковників, армашів, апродів та підлеглих їм куртенів і служиторів цинутів (каларашів, арнаутів, биранів, стражерів, панцирів, доробанів), а також найманих бешліїв. На рівні сільських громад правопорядок підтримувався двірниками та ватаманами села. До обов'язків громади входила також повинність «гоніння сліду» злочинця в межах її «хотаря». Деякі села, зокрема монастирські, користувалися щодо цієї повинності імунітетом, як і від втручання у справу розслідування і суду урядників молдавського господаря – глобників і душигубінарів.

Після прилученням Хотинщини до імперії османів, охорону публічної безпеки в новоствореній турецькій райї було покладено на яничарів хотинського гарнізону, а за порядок в селах Хотинської нахії відповідали командири османських військових підрозділів – алайбеї.

Примітки

1. Пиркелаб «стольного града» Сучавського спершу носив звання двірника, відтак портаря, а пізніше хатмана та ісправника [12: 95–96; 43: 37, 195; 52: 65; 9: 78].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Афанасьєв-Чужбинській А.С.* Поїздка в Южну Росію. Очерки Дністра / [соч.] А. Афанасьєва-Чужбинського. СПб., 1893. Т. VIII.
2. *Бакалов С.* Молдавські казаки. Проісходження, еволюція і організаційна структура (XVI–XIX вв.) // Соціальна історія: Науковий збірник / за ред. проф. Г.Д. Казьмирчука. Київ, 2012. Вип. VIII. С. 14–35.
3. *Бессарабія* / под ред. П.А. Крушевана. М., 1903.
4. Буковина: історичний нарис / за заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 1998.
5. *Галбен А.И.* Из истории феодального права Молдовы XVIII–XIX вв. (турецько-фанариотський період). Кишинєу, 1998.
6. *Грябан В., Чучко М.* Ринки та ярмарки буковинської столиці: науково-популярний нарис. Чернівці, 2009.
7. *Губоглу М.* Турецький источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 131–161.
8. *Драгнев Д.М.* Гайдуки – народні мстителі: Очерк історії героїчної боротьби молдавських гайдуків проти місних і іноземних угнетателів. Кишинєв, 1962.
9. *Жуковський А.* Історія Буковини. Чернівці, 1991. Ч. 1.
10. Історія Османського державства, общества і цивілізації: в 2 т. / под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCIICA); пер. с тур. В.Б. Феоновой; под ред. М.С. Мейера. М., 2006. Т. 1.
11. Історія Румунії / И. Болован, И.-А. Поп (координатори) и др. М., 2006.
12. *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинєв, 1973.
13. *Костин М.* Летопись земли Молдавской / пер. летописи с молд. М. Лупашко. Кишинєв: Б.и., 2014.
14. *Крман Д.* Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). Київ, 1999.
15. *Мандзяк А.С.* Історія Сокирянщини в документах і матеріалах: От первых упоминаний до 1812 года / авт. и сост. А.С. Мандзяк. Сокирянщина, 2015.
16. *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін; за заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 2005. С. 9–168.
17. *Масан О.* Градь на Дністръ Хотънь // Буковинський історико-етнографічний вісник. Чернівці, 1996. С. 31–37.
18. *Масан О.* Поміж військових лихоліть (з історії міста й околиць у XVI–XVII ст.) // Буковинський журнал. 2007. Ч. 4. С. 72–83.
19. *Масан О.* Чернівці в другій половині XIV–XVIII ст. (до 1775 р.) // Чернівці: Історія і сучасність / за заг. ред. В. Ботушанського. Чернівці, 2009. С. 23–74.

20. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. II (перв. половина XVII ст.) / Ф. Евлашевский, Я. Собеский, С. Окольский, Г. Боплан. Освобождение невольников. Б. Машкевич; пер. К. Мельник (под редакцию В. Антоновича). Киев, 1896.

21. Молдавия в эпоху феодализма: Славяно-молдавские грамоты. XV–XVI вв. Кишинев, 1978. Т. II.

22. Молдавия в эпоху феодализма: Переписи населения Молдавии в 1772–1773 и 1774 г. Кишинев, 1975. Т. VII, ч. 1.

23. Молдавия в эпоху феодализма: Переписи населения Молдавии в 1772–1773 и 1774 г. Кишинев, 1975. Т. VII, ч. 2.

24. *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1964.

25. Нариси з історії Північної Буковини / редкол.: Ф.П. Шевченко (відп. ред.) та ін. Киев, 1980.

26. *Новосівський І.* Нарис історії права Буковини і Басарабії // Наукове товариство імені Шевченка. Записки. Нью-Йорк, 1986. Т. 199.

27. *Петросян І.П.* Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV – начало XVII в.). СПб., 2019.

28. *Свиньин П.* Описание Бессарабской области, в 1816 г. // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. VI. С. 175–320.

29. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Ф.А. Грекул. М., 1976.

30. *Сплени Г. фон.* Опис Буковини / пер. з нім., передмова і коментар О.Д. Огуя, М.М. Сайка. Чернівці, 1995.

31. Уставъ Молдавіи 1741 года, изданный Іо Константиномъ Николаемъ Вель Воеводою, Божією милостію Господаремъ земли Молдавской // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. X. С. 492–498.

32. *Чучко М.* Молдавське урядування на території Цецинської/Чернівецької, Сучавської та Хотинської волостей // Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області. Монографія / С.М. Гакман, О.В. Добржанський, Т.В. Долинянська, А.М. Круглашов, Я.С. Мельничук, І.А. Піддубний, А.В. Федорук, В.Ф. Холодницький, М.К. Чучко, М.В. Ярмистий; за заг. ред. О.В. Добржанського, А.М. Круглашова, М.В. Ярмистого. Чернівці, 2014. С. 106–187.

33. *Чучко М.* Хотинська війна 1621 року і придунайські князівства: воєнний та дипломатичний аспекти участі Молдавії і Валахії у польсько-османському конфлікті // XIII Буковинська міжнародна історико-краєзнавча конференція, присвячена 400-річчю Хотинської війни: тези доповідей. Чернівці, 22–23 жовтня 2021 р. / наук. ред. О.В. Добржанський. Чернівці, 2021. С. 9–11.

34. *Чучко М., Пивоваров С.* Образование Земли Молдавской и формирование ее северных границ во второй половине XIV – начале XVI в. в свете

- письменных источников и археологических материалов // *Русин*. 2010. № 4. С. 28–38.
35. *Яковенко П.А.* Къ истории имунитета въ Византии. Юрьевъ, 1908.
36. *Basarabia*. Monografie sub îngrijirea lui Ștefan Ciobanu. Chișinău. 1926.
37. *Bălan T.* Vornicia in Moldova. Cernăuți, 1931.
38. *Brezoianu I.* Vechile instituțiuni ale României: (1327-1866): cu un appendice estras din mai mult de ua sută chrisobuli, spre limpedzirea chronologiei a domnitorilor Terrei-românesci, pe secolii XIV, XV și XVI. București, 1882.
39. Calatori străini despre Țările Române. București, 1983. Vol. VIII.
40. *Costin N.* Letopisețul Țării Moldovei de la zidirea lumini pîna la 1601 și de la 1709 la 1711. Iași, 1976.
41. *Curpăn V-S.* Istoria dreptului românesc. Iași, 2014.
42. Documente bucovinene / Teodor Bălan. Cernăuți, 1939. Vol. V.
43. Documente bucovinene / Teodor Bălan. București, 1942. Vol. VI.
44. Documente bucovinene / Teodor Bălan. Iași, 2005. Vol. VII.
45. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare / Publicate de Mihai Costachescu. Iași, 1931. Vol. I.
46. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare / Publicate de Mihai Costachescu. Iași, 1932. Vol. II.
47. Documente privitoare la istoria Românilor urmare la colectiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki / Publicate de Ioan Bogdan. București, 1900. Vol. XI.
48. Documenta României Historica. Seria A. Moldova. București, 1975. Vol. 1.
49. *Eșanu A., Eșanu V.* Epoca lui Ștefan cel Mare. Oameni, destine și fapte. București, 2004.
50. *Filitti I.C.* Despre vecea organizare administrative a principatelor Române. București, 1935.
51. *Giurescu C.C.* Istoria românilor. București, 2003. Vol. II.
52. *Iorga N.* Studii și documente cu privire la istoria românilor. București, 1904. Vol. VI. Partea II.
53. *Kaindl R.F.* Geschichte von Czernowitz=Кайндль Р.Ф. Історія Чернівців. Чернівці, 2005.
54. *Mareci H.* Din arhiva lui Teodor Bălan (III) [Bălan T. Calarași de Coțmani] // *Codrul Cosminului*. 2005. № 11. P. 183–200.
55. *Negru I.* Istoria dreptului Românesc. Nagard Lugoj, 2014.
56. *Nistor I.* Istoria Basarabiei. București, 1991.
57. *Nistor I.* Istoria românilor. București, 2002. Vol. 1.
58. *Nistor I.* Români și ruteni în Bucovina. București, 1915.
59. *Stoicescu N.* Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova sec. XIV–XVII. București, 1971.
60. *Stoicescu N.* Curteni și slujitori. Contribuții la istoria armatei române. București, 1968.

61. *Suceava*. Fila de istorie. Documente privitoare la istoria oraşului 1388–1918. Bucureşti, 1989. Vol. 1.
62. *Ureche G., Costin M., Neculce I.* Letopisetul Ţării Moldovei...: Cronici / Ingr. Textelor, glosar şi indici de Tatiana Celac. Chişineu, 1990.

REFERENCES

1. Afanasiev-Chuzhbinskiy, A.S. (1893) *Poezdka v Yuzhnuyu Rossiyu. Ocherki Dnestra* [Journey to South Russia. Essays on the Dniester]. Vol. VIII. St. Petersburg: [The Maritime Ministry].
2. Bakalov, S. (2012) *Moldavskie kazaki. Proiskhozhdenie, evolyutsiya i organizatsionnaya struktura (XVI–XIX vv.)* [Moldavian Cossacks. Origin, evolution and organizational structure (the 16th – 20th centuries)]. In: Kazmirchuk, G.D. (ed.) *Sotsial'na istoriya* [Social History]. Vol. VIII. Kyiv: [s.n.]. pp. 14–35.
3. Krushevan, P.A. (ed.) (1903) *Bessarabiya* [Bessarabia]. Moscow: [s.n.].
4. Botushansky, V.M. (ed.) (1998) *Bukovina: istorichniy naris* [Bukovina: a historical essay]. Chernivtsi: Zelena Bukovina.
5. Galben, A.I. (1998) *Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy XVIII–XIX vv. (turetsko-fanariotskiy period)* [From the history of the feudal law of Moldova in the 18th – 19th centuries. (Turkish-Phanariot period)]. Chişinău: [s.n.].
6. Gryaban, V. & Chuchko, M. (2009) *Rinki ta yarmarki bukovins'koï stolitsi: naukovo-populyarniy naris* [Markets and fairs of the Bukovina capital: a nonfiction essay]. Chernivtsi: Poligraf-servis.
7. Guboglu, M. (1964) *Turetskiy istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine* [A Turkish source from 1740 about Wallachia, Moldavia, and Ukraine]. In: Tveritinova, A.S. (ed.) *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy* [Oriental sources on the history of the peoples of South-Eastern and Central Europe]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 131–161.
8. Dragnev, D. M. (1991) *Gayduki – narodnye mstiteli: Ocherk istorii gericheskoy bor'by moldavskikh gaydukov protiv mestnykh i inozemnykh ugneteley* [Haiduks – People's Avengers: An Essay on the History of the Heroic Struggle of Moldavian Haiduks against Local and Foreign Oppressors]. Chişinău: Ştiinţa.
9. Zhukovsky, A. (1991) *Istoriya Bukovini* [History of Bukovina]. Vol. 1. Chernivtsi: Redaktsiyno-vidavnichiy vidid oblpoligrafvidavu.
10. Iskhanoglu, E. (ed.) (2006) *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman State, Society, and Civilization]. Vol. 1. Translated from Turkish by V.B. Feonova. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Bolovan, I., Pop, I.-A. et al. (2006) *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Translated from Romanian. Moscow: Ves' mir.
12. Kantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [Description of Moldova]. Chişinău: [s.n.].

13. Costin, M. (2014) *Letopis' zemli Moldavskoy* [Chronicle of the Moldavian Land]. Translated from Moldavian by M. Lupashko. Chişinău: [s.n.].
14. Krman, D. (1999) *Podorozhniy shchodennik (Itinerarium 1708–1709)* [Travel Diary (Itinerarium 1708–1709)]. Kyiv: [s.n.].
15. Mandzyak, A.S. (2015) *Istoriya Sokiryanshchiny v dokumentakh i materialakh: Ot pervykh upominaniy do 1812 goda* [History of Sokiryanschina in documents and materials: From the first mentions to 1812]. Online: Website “Sokiryanshchina”.
16. Masan, O.M. (2005) Bukovina yak ob'ekt mizhnarodnikh vidnosin z davnikh chasiv do 1774 r. [Bukovyna as an object of international relations from ancient times to 1774]. In: Botushansky, V.M. (ed.) *Bukovina v konteksti evropeys'kikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini XX st.)*. Chernivtsi: Ruta. pp. 9–168.
17. Masan, O. (1996) Grad na Dnestre Khotyn [Khotyn – a city on the Dnister]. *Bukovins'kiy istoriko-etnografichniy visnik*. pp. 31–37.
18. Masan, O. (2007) Pomizh viys'kovikh likholit' (z istorii mista y okolits' u XVI–XVII st.) [Between military troubles (from the history of the city and its environs in the 16th – 17th centuries)]. *Bukovins'kiy zhurnal*. 4. pp. 72–83.
19. Masan, O. (2009) Chernivtsi v drugiy polovini XIV–XVIII st. (do 1775 r.) [Chernivtsi in the second half of 14th – 18th centuries (until 1775)]. In: Botushansky, V. (ed.) *Chernivtsi: Istoriya i suchasnist'*. Chernivtsi: Zelena Bukovina. pp. 23–74.
20. Evlashevsky, F. et al. (1896) *Memuary, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy Rusi* [Memoirs relating to the history of Southern Russia.]. Vol. II. Kyiv: Korchak-Novitsky.
21. Dmitriev, P.G. et al. (1978) *Moldaviya v epokhu feodalizma: Slavyano-moldavskie gramoty. XV–XVI vv.* [Moldova in the era of feudalism: Slavic-Moldovan letters. 15th–16th centuries]. Vol. 2. Chişinău: Ştiinca.
22. Dmitriev, P.G. et al. (1975a) *Moldaviya v epokhu feodalizma: Perepisi naseleeniya Moldavii v 1772–1773 i 1774 gg.* [Moldavia in the Age of Feudalism: Population Censuses of Moldavia in 1772–1773 and 1774.]. Vol. 7(1). Chişinău: Ştiinca.
23. Dmitriev, P.G. et al. (1975b) *Moldaviya v epokhu feodalizma: Perepisi naseleeniya Moldavii v 1772–1773 i 1774 gg.* [Moldavia in the Age of Feudalism: Population Censuses of Moldavia in 1772–1773 and 1774.]. Vol. 7(2). Chişinău: Ştiinca.
24. Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma (ot drevneyshikh vremen do nachala XIX veka)* [Feudal Moldavia (from ancient times to the early 19th century)]. Chişinău: [s.n.].
25. Shevchenko, F.P. et al. (eds) (1980) *Narisi z istorii Pivnichnoi Bukovini* [Essays on the History of Northern Bukovina]. Kyiv: [s.n.].
26. Novosivskiy, I. (1986) *Naris istorii prava Bukovini i Basarabii* [Essay on the history of law in Bukovina and Bessarabia]. New York: [s.n.].

27. Petrosyan, I.P. (2019) *Yanychary v Osmanskoy imperii. Gosudarstvo i voyny (XV – nachalo XVII v.)* [Janissaries in the Ottoman Empire. State and wars (the 15th – early 17th century)]. St. Petersburg: Nauka.

28. Svinin, P. (1867) *Opisanie Bessarabskoy oblasti, v 1816 g.* [Description of the Bessarabian region in 1816]. *Zapiski imperatorskago Odesskago obshchestva istorii i drevnostey*. 6. pp. 175–320

29. Grekul, F.A. (1976) *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavic-Moldovan chronicles of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.

30. Spleni, G. von (1995) *Opis Bukoviny* [Description of Bukovina]. Translated from German by O.D. OGuy, M.M. Sayko. Chernivtsi: Ruta.

31. Moldova. (1877) *Ustav Moldavii 1741 goda, izdannyy Io Konstantinom Nikolaem Vel Voevodoyu, Bozhieyu milostiyu Gospodarem zemli Moldavskoy* [The Charter of Moldova of 1741, issued by Io Konstantin Nikolai Vel Voevoda, by the grace of God Lord of the land of Moldavia]. *Zapiski imperatorskago Odesskago obshchestva istorii i drevnostey*. 10. pp. 492–498.

32. Chuchko, M. (2014) *Moldavs'ke uryaduvannya na teritorii Tsetsins'koï/Chernivets'koï, Suchavs'koï ta Khotins'koï volostey* [Moldovan government in the territory of Tsetsin / Chernivtsi, Suceava and Khotyn counties]. In: Dobrzhansky, O.V., Kruglashov, A.M. & Yarmisty, M.V. (eds) *Istoriya rozvitku organiv vladi na teritorii Chernivec'koï oblasti*. Chernivtsi: [s.n.]. pp. 106–187.

33. Chuchko, M. (2021) *Khotins'ka viyna 1621 roku i pridunays'ki knyazivstva: voennyi ta diplomatichniy aspekti uchasti Moldavii i Valakhii u pol's'ko-osmans'komu konflikti* [The Khotyn War of 1621 and the Danube Principalities: Military and Diplomatic Aspects of the Participation of Moldavia and Wallachia in the Polish-Ottoman Conflict]. *XIII Bukovins'ka mizhnarodna istoriko-kraeznavcha konferentsiya, prisvyachena 400-richchyu Khotins'koï viyni*. Proc. of the Conference. Chernivtsi, 22 – 23 October, 2021. Chernivtsi. pp. 9–11.

34. Chuchko, M. & Pivovarov, S. (2010) *Obrazovanie Zemli Moldavskoj i formirovanie ee severnyh granic vo vtoroj polovine XIV nachale XVI v. v svete pis'mennyh istochnikov i arheologicheskikh materialov* [The formation of the Moldavian Land and its northern borders in the second half of the 14th – early 16th century according to written sources and archaeological materials]. *Rusin*. 4. pp. 28–38.

35. Yakovenko, P.A. (1908) *K istorii immuniteta v Vizantii* [On the history of immunity in Byzantium]. Yuriev: [s.n.].

36. Ciobanu, S. (ed.) (1926) *Basarabia* [Bessarabia]. Chişinău: [s.n.].

37. Bălan, T. (1931) *Vornicia in Moldova* [Vornicia in Moldova]. Cernăuți: [s.n.].

38. Brezoiianu, I. (1882) *Vechile instituţiuni ale României: (1327-1866): cu un appendice extras din mai mult de ua sută chrisobuli, spre limpezirea cronologiei a domnitorilor Terrei-româneşti, pe secolii XIV, XV şi XVI* [The old institutions of Romania: (1327–1866): with an appendix extracted from more than one hun-

dred chrisobuli, to clarify the chronology of the rulers of the Romanian-Earth, on the 14th, 15th and 16th centuries]. București: [s.n.].

39. Holban, M. et al. (1983) *Calatori străini despre Țările Române* [Foreign travelers about the Romanian Lands]. Vol. 8. București: Editura Științifică și Enciclopedică : Editura Academiei Române.

40. Costin, N. (1976) *Letopisețul Țării Moldovei de la zidirea lumini pîna la 1601 și de la 1709 la 1711* [The Chronicle of the Land of Moldavia from the Building of the Lights to 1601 and from 1709 to 1711]. Iași: [s.n.].

41. Curpăn, V.-S. (2014) *Istoria dreptului românesc* [The history of Romanian law]. Iași: [s.n.].

42. Bălan, T. (ed.) (1939) *Documente bucovinene* [Bukovinian documents]. Vol. V. Cernăuți: [s.n.].

43. Bălan, T. (ed.) (1942) *Documente bucovinene* [Bukovinian documents]. Vol. VI. București: [s.n.].

44. Bălan, T. (ed.) (2005) *Documente bucovinene* [Bukovinian documents]. Vol. VII. Iași: [s.n.].

45. Costachescu, M. (ed.) (1931) *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare* [Moldovan documents before Stephen the Great]. Vol. I. Iași: [s.n.].

46. Costachescu, M. (ed.) (1932) *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare* [Moldovan documents before Stephen the Great]. Vol. II. Iași: [s.n.].

47. Bogdan, I. (ed.) (1900) *Documente privitoare la istoria Românilor urmare la colectiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki* [Documents regarding the history of the Romanians following the collection of Eudoxiu de Hurmuzaki]. Vol. XI. București: [s.n.].

48. Oțetea, A. (ed.) (1975) *Documenta Romăniae Historica* [Documenta Romăniae Historica]. Seria A. Moldova. Vol.1. București: Academia Republicii Socialiste România.

49. Eșanu, A. & Eșanu, V. (2004) *Epoca lui Ștefan cel Mare. Oameni, destine și fapte* [The age of Stephen the Great. People, destinies and deeds]. București: Editura Institutului Cultural Român.

50. Filitti, I.C. (1935) *Despre vecea organizare administrative a principatelor Române* [About the old administrative organization of the Romanian principalities]. București: [s.n.].

51. Giurescu, C.C. (2003) *Istoria românilor* [The history of the Romanians]. Vol. II. București: [s.n.].

52. Iorga, N. (1904) *Studii și documente cu privire la istoria românilor* [Studies and documents on the history of Romanians]. Vol. VI(2). București: [s.n.].

53. Kaindl, R.F. (2005) *Geschichte von Czernowitz von den ältesten Zeit bis zu Gegenwart*. Chernivtsi: [s.n.]

54. Mareci, H. (2005) Din arhiva lui Teodor Bălan (III) [Bălan T. Calarași de Coțmani] [From the archive of Teodor Bălan (III) [Bălan T. Calarași de Coțmani]. *Codrul Cosminului*. 11. pp. 183–200.

55. Negru, I. (2014) *Istoria dreptului Românesc* [The history of Romanian law]. Nagard Lugoj.

56. Nistor, I. (1991) *Istoria Basarabiei* [History of Bessarabia]. București: Humanitas.

57. Nistor, I. (2002) *Istoria românilor* [The history of the Romanians]. Vol. 1. București: Biblioteca Bucureștilor.

58. Nistor, I. (1915) *Români și ruteni în Bucovina* [Romanians and Rusins in Bukovina]. București: [s.n.].

59. Stoicescu, N. (1971) *Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova sec. XIV – XVII* [Dictionary of the great rulers of Wallachia and Moldova in 14th – 17th centuries]. București: [s.n.].

60. Stoicescu, N. (1968) *Curteni și slujitori. Contribuții la istoria armatei române* [Courtiers and slujitors. Contributions to the history of the Romanian army]. București: [s.n.].

61. Miron, V. & Irimescu, G. (eds) (1989) *Suceava. Fila de istorie. Documente privitoare la istoria orașului 1388–1918* [Suceava. History. Documents on the history of the city 1388–1918]. Vol. 1. București: [s.n.].

62. Ureche, G., Costin, M. & Neculce, I. (1990) *Letopisetul Țării Moldovei* [The Chronicle of the Country of Moldova]. Chișinău: Hyperion.

Чучко Михайло Костянтинович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (Україна).

Чучко Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина).

Mykhaylo Chuchko – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

УДК 930.23+929+1(091)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/3

Формирование П.Д. Лодием идей социально-философского исследования в Российской империи первой четверти XIX в.

В.В. Богданов¹, И.В. Лысак²

Южный федеральный университет

Россия, 344005, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

¹ E-mail: wbogdanov@gmail.com

² E-mail: ivlysak@sfnedu.ru

Авторское резюме

Применение исторического подхода к изучению творчества П.Д. Лодия позволило переосмыслить вклад, внесённый карпато-русским мыслителем в становление философии как самостоятельной научной дисциплины в Российской империи, а также в формирование в стране традиций университетского философского образования. П.Д. Лодий заложил такие идеи социально-философского исследования, как критический анализ существующих философских концепций сквозь призму собственного опыта практической деятельности, а также ориентация теоретического исследования на решение существующих общественных проблем. Он внёс неоценимый вклад в разработку понятийно-категориального аппарата философии, перенося в русский язык терминологию из классических западноевропейских философских систем. Проведённый сравнительный анализ творчества И. Канта и П.Д. Лодия показывает определённую близость идей мыслителей. Карпато-русский профессор солидарен с категорическим императивом И. Канта, однако, по его мнению, не столько индивидуальное моральное должествование, сколько общественная атмосфера располагает человека к следованию нравственному категорическому императиву. Целью теоретической философии, по Лодию, является философия практическая, которая, в свою очередь, оказывает влияние на социальные нравы. Отсюда – необходимость государственной заботы о развитии философского образования. С его деятельностью связано появление первых российских докторов и профессоров философии, защитивших учёную степень в стенах Санкт-Петербургского Императорского университета, а также становление собственно российских философских школ. П.Д. Лодий способствовал формированию у его учеников и последователей интереса к соци-

ально-политической проблематике, что предопределило особенности дальнейшего развития философии в Российской империи.

Ключевые слова: история науки, история философии, история образования, университетское образование, социальная философия, социальная антропология, этика, славянская философская мысль.

Pyotr Lody's ideas of socio-philosophical research in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century

V.V. Bogdanov¹, I.V. Lysak²

Southern Federal University,

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russia

¹E-mail: wbogdanov@gmail.com

²E-mail: ivlysak@sfnedu.ru

Abstract

The historical approach to Pyotr Lody's works made it possible to rethink his contribution to the formation of philosophy as an independent discipline and the development of university philosophical education in the Russian Empire. Lody laid down such ideas of socio-philosophical research as a critical analysis of philosophical concepts through the prism of personal practical experience, as well as aiming theoretical research on social problem solving. He made an invaluable contribution to the development of the philosophical framework of categories and concepts by introducing terminology of classical Western European philosophical systems to the Russian language. According to the comparative analysis, Lody's works were rather close to those of Immanuel Kant, since Lody agrees with Kant's categorical imperative. However, in Lody's opinion, it is not so much an individual moral duty as the social environment disposes a person to follow the moral categorical imperative. Lody argues that the goal of theoretical philosophy is practical philosophy, which, in turn, has an impact on social mores. Hence, it necessitates the state concern for the development of philosophical education. Due to Lody's activity, there appeared first doctors and professors of philosophy, who earned their academic degree at Saint Petersburg Imperial University. He also contributed much to the establishment of Russian philosophical schools and encouraged his disciples and followers to take interest in socio-political issues, which predetermined further development of philosophy in the Russian Empire.

Keywords: history of science, history of philosophy, history of education, University education, social philosophy, social anthropology, ethics, Slavic philosophical thought.

В исторических исследованиях философского наследия славянских мыслителей первой четверти XIX в. имя П.Д. Лодия упоминается большей частью фрагментарно и преимущественно в контексте становления в России начала XIX в. института высшего образования. Непосредственному исследованию собственного вклада П.Д. Лодия в историю становления славянской философской мысли посвящены лишь несколько фундаментальных работ украинских и российских авторов [5; 12; 24]. Причём в этих исследованиях внимание акцентировано на логическом и гносеологическом наследии карпато-русского мыслителя. Именно этот методологический аспект, освещаемый авторами [25: 25; 32: 147–148], хотя и отражал своеобразие авторской позиции Лодия, но в эпоху триумфа немецкого идеализма просто не мог быть замечен широкой научной общественностью. Между тем вклад П.Д. Лодия в историю славянской философии и по своим практическим результатам, и по идейному наследию существенно превосходит сенсуалистскую методологию, и его ещё только предстоит оценить исследователям. Именно Лодий заложил основы принципов и приоритетов университетского самоуправления в Российской империи, а также возвёл философию в главный органон формирования свободной исследовательской мысли в стране.

Творчество П.Д. Лодия неотделимо от его преподавательской и организаторской деятельности, результатом которой стало становление практической, социальной и политической философии, а также социальной антропологии и философии права в Российской империи. Выработанная методология исследования была успешно применена им к анализу актуальной для XIX в. философской проблематики. Именно Лодий заложил традицию преимущественно социально-политического содержания всей последующей российской философской мысли. Следует, однако, отметить, что именно этот аспект творчества мыслителя менее всего отражён в работах историков философии. Целью статьи является исследование социально-философских идей П.Д. Лодия как наиболее значимого теоретического наследия в творчестве мыслителя. Определение в качестве предмета исследования творчества малоизученного автора и отсутствие сложившейся историко-философской традиции интерпретации текстов П.Д. Лодия, рукописный характер большинства материалов предопределили применяемую в исследовании методологию. Изучение творчества карпато-русского мыслителя осуществлялось на основе исторического подхода, предполагающего рассмотрение предмета исследо-

вания в собственном социокультурном контексте, без привлечения категориального аппарата как современников П.Д. Лодия, относящихся к представителям сложившейся философской традиции, так и историко-философского понятийного инструментария более поздних мыслителей. Приоритетным являлось истолкование текстов карпато-русского профессора в соответствии с его собственной герменевтической установкой – сочетать содержание концепции с намерением автора, проблематикой и языком, характерными для его эпохи и среды. В рамках опубликованных трудов П.Д. Лодия представляется возможным проведение компаративного анализа текстов мыслителя с работами тех современников, на которых непосредственно ссылался автор. При отсутствии такой непосредственной ссылки на автора тезис мыслителя сопоставлялся со всей авторской концепцией и делался вывод об укоренённости или внешнем характере используемой идеи. Значительные вкрапления в текст исследования биографических сведений о П.Д. Лодии связаны с непосредственным отношением профессиональной деятельности выдающегося интеллектуала эпохи к философским обобщениям, полученным карпато-русским профессором на основе этого опыта, и той фундаментальной ролью, которую он сыграл в становлении российской философской мысли.

Как известно, начало XIX в. в России было пронизано духом либеральных преобразований. К политическим приоритетам, наконец, были отнесены институты науки, образования и права. Для развития системы подготовки научных кадров предполагалось пригласить опытных преподавателей из Европы. Гоф-хирург Его Императорского Величества, дипломат И.С. Орлай, используя свой заслуженный авторитет при дворе Александра I, рекомендовал поручить эту задачу своим землякам карпато-русинам [31: 48]. Последние были всегда проникнуты интересом к судьбе своей исторической родины и при этом получили хорошее образование, незаменимый опыт, стали профессорами в Австрийской империи [1: 28] и владели русским языком. В число пяти карпато-русин, рекомендованных И.С. Орлаем [26: 12, 101], которым было суждено поступить на российскую государственную службу и сыграть важнейшую роль в формировании элиты российской интеллигенции, вошёл философ, логик, правовед Петр Дмитриевич Лодий.

С 1803 г. П.Д. Лодием, а затем и его учеником А.И. Галичем впервые формировалась традиция преподавания философии в Педагогическом институте [29: 34], который с 1816 г. был переименован в Главный Педагогический институт, а с 1819 г. стал Санкт-Петербургским Императорским университетом. С 1819 г. П.Д. Лодий был назначен деканом философско-юридического факультета и одновременно возглавлял

кафедру философии, сменив на этом посту другого карпато-русина М.А. Балугьянского, занявшего пост ректора воссозданного Санкт-Петербургского университета. Именно при непосредственном участии, а затем и руководстве П.Д. Лодия, читавшего курсы теоретической и практической философии, логики, нравственной психологии [28: 22], философия стала рассматриваться как свободное исследовательское предприятие, не имеющее национальных и идеологических границ духа. Однако именно это пробуждение свободной мысли, культивируемое П.Д. Лодием и его коллегами, привело в итоге к преследованиям преподавателей философии («дело профессоров» 1821 г.), попытке идеологического влияния и цензурированию содержания философских курсов [30: 146], а затем и к официальной отмене преподавания философии при Николае I (1850). С деятельностью П.Д. Лодия связано появление в России первых собственных докторов и профессоров философии, защитивших ученую степень в стенах Санкт-Петербургского Императорского университета, возникновение российских школ философии, логики и иных философских дисциплин [10]. Именно благодаря организаторскому таланту П.Д. Лодия философия в начале XIX в. обрела в Российской империи статус самостоятельной научной дисциплины.

Следует отметить, что исследованию творческого наследия П.Д. Лодия посвящено крайне мало специальных работ. Помимо скудности сохранившегося наследия мыслителя, неоднозначных оценок слушателей его лекций [1: 61], отсутствия у автора сложившейся непротиворечивой системы, этому отчасти способствовали выводы и оценочные суждения исследователей об опоре П.Д. Лодия на устаревшие основы вольфовской метафизики [2: 149; 5: 22; 24: 127]. Но есть и ещё одна причина некоторой противоречивости взглядов П.Д. Лодия, обусловленная тем, что он формировал основы высшего образования в стране, в которой ещё не сложился не только общепризнанный научный понятийный язык, но и литературный язык как таковой, становление которого во многом связано с творчеством А.С. Пушкина. В русском языке начала XIX в. полностью отсутствовала связная понятийно-категориальная система выражения научной мысли. Великий карпато-русин был приглашён работать в Россию в 1803 г., однако даже два десятилетия спустя в заметке 1824 г. А.С. Пушкин отмечал, что «учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так ещё мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных» [27: 14]. В те времена учёные писали на так называемом книжном языке, представлявшем собой конгломерат

древнерусского, церковнославянского, разговорного языков с использованием латинизмов и полонизмов. Таким образом, П.Д. Лодию и его коллегам пришлось решать задачу несравнимо более сложную, чем Боэцию, скрупулёзно переносившему оттенки древнегреческих понятий на почву латинского языка. Сам литературный и понятийный русский язык ещё находился в период творческой деятельности Лодия в стадии активного формирования. Содержательно ситуация была не менее острой. В российском общественном сознании начала XIX в. очевиден глубокий раскол между идеями французского Просвещения и прочным фундаментом православной веры, между новомодной рецепцией идей немецкого идеализма и стремлением к самобытной отечественной мысли. Видеть в мировоззрении П.Д. Лодия в этот период трансляцию устаревших философских идей вольфианской школы можно только в том случае, если рассматривать его позицию вне историко-культурного контекста, что противоречит самой сути современной историко-философской методологии. Сам Лодий всю жизнь отстаивал в качестве основной исследовательской методологии исторический подход, согласно которому изучать концепции предшественников нужно не в соответствии с актуальными в настоящее время проблемами и их современной интерпретацией и понятийным аппаратом, а в соответствии с их языком, намерениями и эпохой [16: 22, 25].

Выводы немногочисленных исследователей творчества П.Д. Лодия сводятся к тому, что он не опирается в своей философии на популярные в то время философские концепции И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и постоянно отталкивается от тезисов представителей традиции Г. Лейбница – Х. Вольфа. Ещё более распространённой является позиция, согласно которой П.Д. Лодий оставил после себя эклектическую философскую концепцию [5: 10; 19: 6]. Следует подчеркнуть, что П.Д. Лодий действительно заимствовал элементы своей концепции из различных историко-философских традиций. Однако это была не простая компиляция, а осознанная методологическая установка карпато-русского профессора, который не хотел становиться последователем никакой отдельно взятой метафизической системы [16: 55]. Его теоретическое наследие – это фиксация опыта своей преподавательской деятельности и критическое переосмысление концепций предшественников и современников. Этот немалый опыт позволил ему увидеть плоды своего труда и убедиться в том, что его философские установки лично им проверены в процессе собственной деятельности по формированию свободной творческой интеллигенции, которая составила гордость России того времени. Именно принципиальная опора не на систему, а на соединение из

существующих систем всего, что подтверждается опытом, определило позицию П.Д. Лодия по привлечению на кафедру философии преподавателей, опирающихся на разные метафизические основания и способных критически воспринимать собственные философские концепции [14: 463–465]. Поэтому не следует противопоставлять творчество П.Д. Лодия и А.И. Галича, хотя философские предпочтения этих профессоров в корне различались.

Необходимо подчеркнуть, что философская позиция Лодия не столь оппозиционна по отношению к кантовской, как представляется ряду исследователей [4: 40; 11: 130; 13: 13], особенно если рассматривать его антропологию и социальную философию. Кроме того, взгляды П.Д. Лодия расходятся с лейбнице-вольфианской метафизикой в отношении фундаментальных целей и приоритетов. Сам Лодий писал, что начал «философствовать без системы, и освободив себя от систематического ига Вольфовой философии, последовал эклектическому способу философствования» [16: 54–55]. Важно отметить, что, являясь одним из первых переводчиков наследия И. Канта, П.Д. Лодий фактически полностью солидарен с ним в отношении к смыслу и цели человеческого существования, а также к средствам их достижения. В «Логических наставлениях...» карпато-русский профессор практически дословно воспроизводит три вопроса из «Критики чистого разума» И. Канта [8: 661]: «...сим ограничивается пространное поле философии и всё любопытство размышляющего человека определяется следующими вопросами: 1. Что может человек знать? 2. Что он должен делать? 3. На что смеет надеяться?» [16: 13]. Однако, при кажущейся близости взглядов, П. Лодий в корне изменяет проблематику первого вопроса в духе «догматизма» в кантовском выражении. К кантовскому вопросу «Что я могу знать?» Лодий добавляет «Какие границы тех предметов, о которых можно получить познание?» [16: 13], чем обозначает своё принципиальное гносеологическое отличие от немецкого мыслителя. Для П.Д. Лодия не человеческие познавательные способности, а природа предмета определяет границы познаваемого.

Однако философ не ограничивается вопросами «размышляющего человека» из первой «Критики» и добавляет к ним четвёртый вопрос, сформулированный И. Кантом в «Логике» и объединяющий два первых: «Что есть человек?» [9: 280]. Таким образом, как и у И. Канта, венцом творческого пути П.Д. Лодия становится социальная антропология. В качестве «главнейшего предмета философии» [16: 7] он выделяет человека. Так же как И. Кант, карпато-русский мыслитель видит главную отличительную черту и цель человека в его нравственности, как и немецкий мыслитель, он отвергает философию

эвдемонизма. Однако с этого момента П.Д. Лодий выходит за рамки кантовского практического разума и его «Антропологии с прагматической точки зрения» [6]. Нет никаких свидетельств того, что Лодий был знаком с философией И. Фихте и тем более Г. Гегеля, но именно в духе метафизики свободы И. Фихте и Г. Гегеля П. Лодий в качестве базового элемента нравственности выделяет право. Согласно П.Д. Лодию, только когда «родились первые семена естественного права, а с ними и наука нового систематического нравоучения... практические философы начали трудиться в исправлении нравоучительных наук» [16: 58]. Речь, разумеется, у Лодия идёт о естественном праве в том смысле, как его понимали Дж. Локк [23: 263–264] и Т. Гоббс [3: 402, 415]. Право не даётся гражданам государством, наоборот, государство исходит в своей политике и создаёт законы, ориентируясь на всеобщее, естественное право [22: 5]. Роль же самого государства сводится к обеспечению «общей безопасности и благоденствия» [22: 1].

Важно подчеркнуть, что именно П.Д. Лодий, независимо от того энциклопедического интеллектуального багажа, который он приобрёл в европейских университетах [15: 12, 20–22], находится у истоков последующего тотального интереса всей российской философии XIX в. к одной проблематике – социальной философии. Философия права, политическая философия Лодия, а также социальная антропология являются самыми разработанными и самостоятельными в его творчестве. При этом именно социально-политическая проблематика П.Д. Лодия наименее изучена историками философии. Традиционно исследователи объясняют этот факт утратой рукописей работ П.Д. Лодия «Естественное право народов» и «Полный курс философии», в которых концептуально была изложена авторская позиция по проблемам социальной философии. Однако авторская позиция не возникает сразу и не исчезает с потерей одной рукописи, если после неё были и другие работы. Даже те немногие ранние материалы и две опубликованные самим автором работы дают представление о цельности позиции Лодия по проблемам практической философии, философии права, социальной антропологии и философии политики.

В «Логических наставлениях» П.Д. Лодий ведёт не отвлечённые рассуждения о природе человека и общества, а подводит итог двенадцатилетнего преподавания философии в России, который, по его мнению, не мог быть настолько осмыслен и концентрирован в рамках никаких других дисциплин, кроме философии [16: 120]. Если историческая наука, по Лодию, показывает, как государство постепенно оказалось в нынешнем состоянии права, нравственности и общественных институтов и отношений [22: 434], то история философии демонстрирует необходимый характер той или иной мысли

в общественном сознании в определённый период [16: 23–24]. Общественные институты, по П.Д. Лодию, в буквальном смысле определяют познавательные способности и нравственность. Согласно автору «Логических наставлений», процветают лишь те государства, в которых поддерживается чувство свободы, развиваются умственные и нравственные способности [16: 116]. «От публичных учреждений зависит то, что народ оказывается больше или меньше талантлив» [16: 117], т. к. общественные институты в ответе за то, проявятся ли дарованные природой душевные силы и таланты людей или их индивидуальные задатки останутся нереализованными. П.Д. Лодий убеждён, что именно право и образование являются главными движущими силами общества и должны быть абсолютными приоритетами политики любого государства.

Следует отметить, что П.Д. Лодий был во многом не согласен с гносеологией И. Канта, но вполне солидарен с категорическим императивом немецкого мыслителя. Разница лишь в том, что не столько индивидуальное моральное должествование, сколько общественная атмосфера располагает человека к следованию нравственному категорическому императиву. Политика одних и тех же государств в зависимости от приоритетов, согласно Лодию, то выводила народы в авангард цивилизационного развития, то на целые века оставляла их на задворках истории. Но обнаруживается эта закономерность, согласно автору, только в философски рассматриваемой истории [16: 119]. Более того, согласно П.Д. Лодию, прогресс в философии оказывает прямое влияние и на прогресс в других науках [16: 17].

Как и для И. Канта, для П.Д. Лодия теоретическая философия познающего разума необходима, но не самоценна. Неокантианцы старательно обходили в своём детальном анализе тот факт, что во всех трех «Критиках» И. Кант постоянно констатирует: «...всякий интерес в конце концов есть практический и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении» [7: 454], более того, критическая философия (гносеология) является только пропедевтикой философии [8: 121] «в том значении, в каком это слово понимали древние: для них она была указанием на понятие, в котором следует усмотреть высшее благо, и на поведение, которым следует достигнуть этого блага» [7: 439].

Как и немецкий мыслитель, карпато-русинский философ настаивал на принципиальной подчинённости чистого разума практическому. Познание для П.Д. Лодия не имеет смысла, если оно не направлено на совершенствование нравственности. Автор «Логических наставлений» не устаёт повторять основную мысль: «Будь заботливым в познании всего того, что ум твой познать может, и используй всё, тобой

опознанное, для той цели, чтобы стать морально добрым и поэтому достойным счастливого существования» [16: 13]. Именно здесь, переводя проблему соотношения теоретического и практического разума в духе системы трёх «Критик» И. Канта в социально-политический контекст, П.Д. Лодий отдаёт предпочтение формированию стратегии государственной политики в сфере образования. В эволюции общественного сознания критический разум оказывается доминирующим и конституирующим истины нравственной жизни. Это был неожиданный шаг в русле развития кантовской концепции субстанциальности практического разума. Практический разум, а не религиозная традиция формирует социальные нравы. И если на уровне индивидуального сознания практический разум лишь использует чистый разум, то на уровне социальном чистый разум формирует установки практического [16: 13]. Такого поворота в интерпретации кантовской критической философии не знала на тот момент ни западная кантианская традиция, ни российская. Интересно, что эти мысли автора о практической философии как цели теоретической и одновременно как первом этапе становления и теоретического основания социальных нравов можно найти уже в рукописях П.Д. Лодия от 1792 г. под названиями «Наставление Логике» [17] и «Наставления логическая в пользу юношества Российского учащегося в Семинарии...» [18], хранящихся в Львовской национальной научной библиотеке Украины имени В. Стефаника.

Однако не только забота государства о философском образовании, но и значимость изучения словесности, согласно П.Д. Лодию, определяет высокий уровень развития граждан страны [20: 2; 21]. Из совершенствования национального языка, как убеждён автор «Логических наставлений» складывается и «совершенство дарований душевных и способа мышления, как каждого человека порознь, так и всего народа вообще» [16: 118]. Отсюда П.Д. Лодий сделал вывод о необходимости разработки отечественного языка, так как «усовершенствование его производит великие умы» [16: 118]. Естественные дарования, согласно автору, сами по себе не развиваются [16: 119]. При этом П.Д. Лодий оппонирует как логике развития индивидуальных способностей Т. Гоббса, так и логике нравственного развития Д. Юма и свободному субстанциальному самоопределению практического разума И. Канта.

Таким образом, в результате анализа размышлений П.Д. Лодия о проблемах социально-философского знания представляется возможным в значительной степени переосмыслить выводы предыдущих исследователей его философского наследия. Наибольший вклад в историю философского знания был связан с оригинальными идеями и авторскими интерпретациями, относящимися к практической философии, социальной философии, этике, политической философии, соци-

альной антропологии, философии права. Принципиально отказавшись от построения метафизических систем, опираясь преимущественно на исторический подход, П.Д. Лодий всю систему философского знания подчинил нравственной проблематике как последнему основанию и конечному смыслу всякого философствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава – Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі; Відділ української літератури в Пряшеві, 1971. 229 с.
2. *Возняк М.* До характеристики Петра Лодія // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. 1913. Т. СХІІІ. С. 148–155.
3. *Гоббс Т.* Основы философии. Часть третья. О гражданине // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 270–506.
4. *Денисенко М.С.* Філософські погляди П.Д. Лодія // Наукові записки Інституту філософії АН УРСР. 1961. Т. VII. С. 39–43.
5. *Зверев В.М.* Петр Дмитриевич Лодий в истории русской логико-философской мысли: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1964. 167 с.
6. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 350–588.
7. *Кант И.* Критика практического разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 312–501.
8. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
9. *Кант И.* Логика: Пособие к лекциям // Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 266–398.
10. *Кобзарь В.И.* История Института философии СПбГУ. URL: <http://philosophy.spbu.ru/899> (дата обращения: 03.06.2019).
11. *Конох М.* Філософія освіти як предмет соціально-філософського аналізу // Філософська думка. 2001. № 4. С. 127–146.
12. *Кравчук І.В.* Петро Лодій як представник української академічної філософії: дис. ... канд. филос. наук. Київ, 2008. 174 с.
13. *Кримський С.Б.* Нова раціональність – утвердження духовності // Вісник НАН України. 2000. № 11. С. 12–22.
14. *Лодий П.Д.* Инструкция Галичу. 1808 // Начертание об отправлении студентов Петербургского педагогического института в чужие края. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1875. Т. 1. С. 463–465.
15. *Лодий П.Д.* Короткий вступ до метафізики // Історія філософії України. Хрестоматія: навчальний посібник / упорядники М.Ф. Тарасенко, М.Ю. Русин, А.К. Бичко. Київ: Либідь, 1993. 560 с.

16. *Лодий П.Д.* Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. СПб.: Типография И. Иоаннесова, 1815. 489 с.

17. *Лодий П.Д.* Наставление Логики: Рукопись. Львов, 1792 // Львовская национальная научная библиотека Украины имени В. Стефаника. НД – 348/И. 50 л.

18. *Лодий П.Д.* Наставления логическая в пользу юношества Российского учащегося в Семинарии...: Рукопись. Львов, 1792 // Львовская национальная научная библиотека Украины имени В. Стефаника. НД – 348/И. 50 л.

19. *Лодий П.Д.* Ономастикон превелебнішому господину Миколаю Скородинському // Рудловчак О. Хрестоматія закарпатської української літератури ХІХ століття. Кошице, 1976. С. 4–6.

20. *Лодий П.Д.* Ответы на публичном конкурсе во Львовском университете. Львов, 1787. С. 1–3.

21. *Лодий П.* Рассуждение о происхождении 4-х факультетов, составляющие университеты, о науках в них преподаваемых и цели оных. Наброски статьи в защиту философии, три варианта (автограф) // Пушкинский дом – Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН. Архив А.В. Никитенко. 19.034. СХХVII б.

22. *Лодий П.Д.* Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1828. 462 с.

23. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.

24. *Мірчук І.* Петро Лодій та його переклад «Elementa Philosophiae» Баумайстера // Філософська і соціологічна думка. 1993. № 4. С. 106–125.

25. *Мозгова Н.* Призначення логіки в теорії пізнання Петра Лодія // Versus. 2014. № 2(4). С. 24–27. DOI: 10.7905/vers.v0i4.1015

26. *Орлай И.С.* 3 наукової спадщини. Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2005. 144 с.

27. *Пушкин А.С.* О причинах, замедливших ход нашей словесности // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Критика и публицистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 14–15.

28. *Рождественский С.В.* Первоначальное образование С.-Петербургского университета и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории С.-Петерб. ун-та / собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев; под ред. проф. С.В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919. 760 с.

29. Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003): Справ.-энцикл. изд. / отв. ред. А.Ф. Замалева, Ю.Н. Солонин. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2003. 399 с.

30. *Чернышева Е.Н.* П.Д. Лодий и его вклад в становление философского

университетского образования в России // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2014. № 7–8. С. 143–150.

31. Чума А., Бондар А. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині (Історичний нарис). Ч. I. Пряшів: Видання ЦК Культурного Союзу Українських трудящих в ЧССР, 1967. 167 с.

32. Шнег Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 9–342.

REFERENCES

1. Baytsura, T. (1971) *Zakarpatoукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині XIX століття* [Transcarpathian intelligentsia in Russia in the first half of the 19th century]. Bratislava – Prešov: Slovats'ke pedagogicne vydavnistvo v Bratislavi; Viddil ukraїns'koї literaturi v Pryashevi.

2. Voznyak, M. (1913) Do kharakteristiki Petra Lodiya [To the characteristics of Pyotr Lodyi]. *Zapiski Naukovogo Tovaristva imeni Shevchenka*. CXIII. pp. 148–155.

3. Hobbes, T. (1989) *Sochineniya: v 2 vols.* [Collected Works in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'. pp. 270–506.

4. Denisenko, M.S. (1961) Filosofov'ki poglyadi P.D. Lodiya [Philosophical views of Pyotr Lodyi]. *Naukovi zapiski Institutu filosofii Akademii nauk Ukrainy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki*. VII. pp. 39–43.

5. Zverev, V.M. (1964) *Petr Dmitrievich Lodyi v istorii russkoy logiko-filosofskoy mysl'i* [Pyotr Lodyi in the history of Russian logical and philosophical thought]. Philosophy Cand. Diss. Leningrad.

6. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 vols* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 350–588).

7. Kant, I. (1965) *Sochineniya: v 6 vols* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 4(1). Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 312–501.

8. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 vols* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.

9. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 vols* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Translated from German. Moscow: Choro. pp. 266–398.

10. Kobzar, V.I. (2019) *Istoriya Instituta filosofii SPbGU* [History of the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University]. [Online] Available from: <http://philosophy.spbu.ru/899> (Accessed: 3rd June 2019).

11. Konokh, M. (2001) Filosoфиya osviti yak predmet sotsial'no-filosofskogo analizu [Philosophy of education as a subject of social and philosophical analysis]. *Filosof'ska dumka*. 4. pp. 127–146.

12. Kravchuk, I.V. (2008) *Petro Lodyi yak predstavnik ukraїns'koї akademichnoї filosofii* [Pyotr Lodyi as a representative of Ukrainian academic philosophy]. Philosophy Cand. Diss. Kyiv.

13. Krimskiy, S.B. (2000) Nova ratsional'nist' – utverdzhennya dukhovnosti [A new rationality – a statement of spirituality]. *Visnik Natsional'noy Akademii Nauk Ukraïny*. 11. pp. 12–22.

14. Lodiy, P.D. (1875) Instruksiya Galichu. 1808. Nachertanie ob otravlenii studentov Peterburgskogo pedagogicheskogo instituta v chuzhie kraja [Instruction to Galich. 1808. Inscription on the departure of students of the St. Petersburg Pedagogical Institute to foreign lands]. Russia. Ministry of Public Education. *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya* [Collection of Resolutions of the Ministry of Public Education]. Vol. 1. St. Petersburg: Ministry of Public Education. pp. 463–465.

15. Lodiy, P.D. (1993) Korotkiy vstup do metafiziki [A short introduction to metaphysics] In: Tarasenko, M.F., Rusin, M.Yu. & Bichko, A.K. (eds) *Istoriya filosofii Ukraïni. Khrestomatiya: navchal'niy posibnik*. Kyiv: Lybid'.

16. Lodiy, P.D. (1815) *Logicheskie nastavleniya, rukovodstvuyushchie k poznaniyu i razlicheniyu istinnogo ot lozhnogo* [Logical instructions that guide to the knowledge and distinction of the true from the false]. St. Petersburg: I. Ioannesov.

17. Lodiy, P.D. (1792) *Nastavlenie Logiki* [Instruction of Logic]. [Manuscript]. Lviv National Research Library of Ukraine. ND – 348/I. 50 p.

18. Lodiy, P.D. (1792) *Nastavleniya logicheskaya v pol'zu yunoshstva Rossiyskogo uchashegosya v Seminarii ...* [Logical instructions for the Russian youth studying at the Seminary...]. [Manuscript]. Lviv National Research Library of Ukraine. ND – 348/II.

19. Lodiy, P.D. (1976) Onomastikon prevelebnishomu gospodinu Mikolayu Skorodins'komu [Onomasticon to the Great Sir Mikolay Skorodinsky]. In: Rudlovchak, O. *Khrestomatiya zakarpats'koï ukraïns'koï literaturi XIX stolittya*. Košice: [s.n.]. pp. 4–6.

20. Lodiy, P.D. (1787) *Otvyety na publichnom konkurse vo L'vovskom universitete* [Answers to the public competition at Lviv University]. Lviv: [s.n.]. pp. 1–3.

21. Lodiy, P. (n.d.) *Rassuzhdenie o proiskhozhdenii 4-kh fakul'tetov, sostavlyayushchie universitety, o naukakh v nikh prepodavaemykh i tseli onykh. Nabroski stat'i v zashchitu filosofii, tri varianta (avtograf)* [Discourse on the origin of four departments that make up the university, sciences they teach, and the purpose thereof. Outline of the article in defense of philosophy, three options (autograph)]. Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences. A.V. Nikitenko's Archive. 19.034. CXXVII b.

22. Lodiy, P.D. (1828) *Teoriya obshchikh prav, soderzhashchaya v sebe filosofskoe uchenie o estestvennom vseobshchem gosudarstvennom prave* [The theory of common rights, containing the philosophical doctrine of natural universal state law]. St. Petersburg: Department of Foreign Trade.

23. Locke, J. (1988) *Sochineniya: v 3 vols* [Collected Works in 3 vols]. Vol. 3. Translated from English. Moscow: Mysl'. pp. 135–406.

24. Mirchuk, I (1993) Petro Lodij ta jogo pereklad "Elementa Philosophiae"

Baumajstera [Pyotr Lodiy and his translation of Baumeister's "Elementa Philosophiae"]. *Filosofs'ka i sociologichna dumka*. 4. pp. 106–125.

25. Mozgova, N. (2014) Priznachennya logiki v teorii piznannya Petra Lodiya [The purpose of logic in the theory of knowledge of Pyotr Lodiy]. *Versus*. 2(4). pp. 24–27. DOI: 10.7905/vers.v0i4.1015

26. Orlay, I.S. (2005) *3 naukovoї spadshhini* [From scientific heritage]. Uzhhorod: Gosprozrakhunkoviy redaktsiyno-vidavnichiy viddil upravlinnya u spravakh presi ta informatsii.

27. Pushkin, A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 vols]. Vol. 7. Leningrad: Nauka. pp. 14–15.

28. Rozhdestvenskiy, S.V. (1919) Pervonachal'noe obrazovanie S.-Peterburgskogo universiteta i ego blizhayshaya sud'ba [Initial establishment of St. Petersburg University and its nearest destiny]. In: Rozhdestvenskiy, S.V. (ed.) *S.-Peterburgskiy universitet v pervoe stoletie ego deyatelnosti. 1819–1919: materialy po istorii S.-Peterb. un-ta* [St. Petersburg University in the first century of its activity. 1819–1919: materials on the history of St. Petersburg University]. Petrograd: 2-ya Gos. tip.

29. Zamaleev, A.F. & Solonin, Yu.N. (eds) (2003) *Filosofiya v Sankt-Peterburge (1703–2003)* [Philosophy in Saint Petersburg]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society.

30. Chernysheva, E.N. (2014) P.D. Lodiy i ego vklad v stanovlenie filosofskogo universitetskogo obrazovaniya v Rossii [Pyotr Lodiy and his contribution to the formation of philosophical University education in Russia]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo torgovo-ekonomicheskogo universiteta*. 7–8. pp. 143–150.

31. Chuma, A. & Bondar, A. (1967) *Ukrains'ka shkola na Zakarpatti ta Skhidniy Slovachchini (Istorichniy naris)* [Ukrainian School in Transcarpathia and Eastern Slovakia (Historical essays)]. Vol. 1. Prešov: Vidannya TsK Kul'turnogo Soyuzu Ukrain's'kikh trudyashchikh v ChSSR.

32. Shpet, G.G. (1989) *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow: Pravda. pp. 9–342.

Богданов Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Россия).

Vladimir V. Bogdanov – Southern Federal University (Russia).

E-mail: wbogdanov@gmail.com

Лысак Ирина Витальевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Россия).

Irina V. Lysak – Southern Federal University (Russia).

E-mail: ivlysak@sfedu.ru

УДК 930.272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/4

Русинский «Робин Гуд» – Андрей Савка

К.В. Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения

Российской академии наук

Россия, 620048, г. Екатеринбург, ул. Софыи Ковалевской, 16

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Авторское резюме

Данная публикация посвящена личности знаменитого русинского (лемковского) гарнаса – предводителя разбойничьего отряда бескидников (опришков), одного из известных лидеров повстанческого и народно-освободительного движения на юге Польши и героя восточноевропейского народного фольклора из Дукли (Польша) Андрея Савки. В ней приведены собранные и обобщенные автором ценные и малоизвестные биографические сведения об этой знаковой для истории русинов фигуре. Освещены причины и предпосылки, ввиду которых Андрей Савка стал разбойником, организовал в Бескидах собственную ватагу (бурсу) и впоследствии примкнул со своей прославленной дружиной к Подгальскому крестьянскому восстанию 1651 г. под руководством польского офицера Александра Леона Костки-Наперского. Главной причиной назван сильный феодальный гнет со стороны местной польской шляхты, который понуждал русинских крестьян с оружием в руках отстаивать свои интересы, права и свободы, бороться против национальной и религиозной дискриминации, против крепостнических порядков, угнетения и притеснений. Автором подчеркивается, что Андрей Савка действовал не в своих личных и корыстных интересах, а из желания помочь простому народу, он раздавал изъятое у магнатов, помещиков и ксендзов имущество бедным русинским крестьянам, за что в литературе он получил прозвище «Робин Гуд лемков» и пользовался большой народной любовью и уважением. В статье подробно рассмотрены значение и роль, которые сыграли Андрей Савка и другие знаменитые предводители лемковских повстанцев – Василь Баяс и Василь Чепец – в народно-освободительной борьбе, развернувшейся в Малой Польше, Галиции и Прикарпатье, которую поддерживал гетман Богдан Хмельницкий и его сподвижники. Выделены обстоятельства, из-за которых Подгальское крестьянское восстание 1651 г. потерпело неудачу, а его лидеры были схвачены и преданы смертной казни. Сделан вывод о прогрессивной роли Андрея Савки в исто-

рии русинов, в которой он предстает одним из символов смелости и решительности в борьбе за свободу и справедливость.

Ключевые слова: Андрей Савка, лемки, повстанческое движение на Лемковщине, русины в Польше и Словакии, крестьянские бунты, Подгальское крестьянское восстание 1651 г.

The Rusin “Robin Hood” – Andrij Savka

K.V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences

16 Sofia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620048, Russia

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to Andrij Savka, a famous Rusin (Lemko) garnas – the leader of the Beskidniks (opryshki) robber detachment, a well-known leader of the insurrectionary and people’s liberation movement in southern Poland and a hero of Eastern European folklore from Dukla (Poland). This valuable collection of little-known biographical information about this iconic figure focuses on the reasons why Savka became a robber, organized his own gang (Bursa) in the Beskydy Mountains and subsequently joined the Podhale Peasant Uprising of 1651 with his illustrious squad under the leadership of the Polish officer Aleksander Leon Kostka-Napierski. The main reason was the strong feudal oppression by the local Polish gentry, which forced the Rusin peasants to defend their interests, rights, and freedoms with deadly force, to fight against national and religious discrimination, serfdom, and oppression. The author emphasizes that Savka acted not in his personal and selfish interests, but out of a desire to help the commons. He distributed the property seized from magnates, landlords, and priests to poor Rusin peasants, for which he was dubbed as “Lemko Robin Hood”. The article thoroughly examines the significant role played by Savka and other famous Lemko rebels – Vasil Bayus and Vasil Chepets – in the people’s liberation struggle that unfolded in Lesser Poland, Galicia and Subcarpathia and was supported by Hetman Bohdan Khmelnytsky and his associates. The author highlights the reasons why the Podhale Peasant Uprising of 1651 failed, with its leaders captured and put to death. He concludes that Savka played a progressive role in the history of the Rusins, in which he epitomizes courage and determination in the struggle for freedom and justice.

Keywords: Andrij Savka, Lemkos, Insurrectionary Movement in Lemkivshchina, Rusins in Poland and Slovakia, Peasant Riots, Podhale Peasant Uprising of 1651.

Личность жившего в XVII в. русинского разбойника из Дукли (Подкарпатское воеводство Польши) и героя восточноевропейского народного фольклора Андрея Савки привлекала внимание многих видных представителей науки русинистики: в частности Василя-Стефана Курилло (1861–1940), видного лемковского общественно-политического деятеля, узника Талергофа, греко-католического священнослужителя, изучавшего разбойничье движение (розбійницький рух) на Лемковщине, известного польского краеведа, публициста и историка Петра Трохановского (Петро Муранки), украинского этнографа, историка, крупнейшего «лемкознавца», общественного деятеля и автора свыше 1000 работ, посвященных лемкам, И.Д. Красовского (1927–2014), который написал так, к сожалению, и не экранизированную российской и украинской киноиндустрией, большую историческую киноповесть «Андрей Савка», и др.

Его образ прочно закрепился в русинских преданиях, былинах, песнях и сказаниях, однако научных работ, которые в полной мере раскрывали бы причины, цели и суть его повстанческой (разбойничьей) деятельности, по-прежнему не хватает. В польской научной и публицистической литературе, посвященной событиям середины XVII в. на юго-востоке Речи Посполитой, историческую фигуру Андрея Савки неизменно «заслоняет» более известная и гораздо лучше изученная исследователями личность Александра Леона Костки-Наперского (Войцеха Станислава Бзовского), в бунте (в польских источниках Подгальское крестьянское восстание под предводительством А. Костки-Наперского 1651 г., как правило, именуется «бунтом» [24; 32]) которого приняли участие многие прославленные русинские гарнасы (разбойничьи вожаки): Андрей Савка, Василь Баюс, Василь Чепец и ведомые ими бескидники (или опришки, гультаи, списаки, левенцы, бетьяры, толхаи, «черные парни»).

Трудности «реконструкции» исторического портрета Андрея Савки связаны не только с дефицитом точной, достоверной и систематизированной информации о нем, но и с тем, что этот народный заступник, как верно подметил П. Трохановский [20; 52], выступал под разными именами и псевдонимами, что нашло свое отражение и в русинском, польском и украинском фольклоре, в котором Андрей Савка предстает как «Савка Янко», «Иванко», «Янчик», «Янчик-разбойничек», «Овчар», «Сухай», «Ганчовский», «Вроник» [14: 51]. Некоторые современные польские и украинские историки предлагают идентифицировать легендарного вожака разбойников, часто скрывавшегося от карателей

и преследователей в лесных чащах рядом с селом Высова-Здруй в Малопольском воеводстве Польши, – Сыпко, о котором не имеется никаких письменных источников, а сохранилась лишь народная память, как Андрея Савку. Об этом Сыпко, наводившем страх на польских магнатов, арендаторов (откупщиков) и ксендзов в Подгалье и Закарпатье, сохранилось передаваемое из уст в уста предание, которое записал украинский ученый Василь Хомык. Согласно этому преданию, Сыпко среди бела дня верхом на лошади въехал в костел и одним ударом сабли отрубил голову польскому католическому священнику [26: 104].

Гордостью, любовью и сочувствием проникнуты строки народных былин и преданий о разбойниках Лемковщины, которых в XVII в. в том крае, попавшем под власть Габсбургов, Речи Посполитой и греко-католической унии, появилось немало. В то же время в них содержится печаль, боль и искреннее сожаление о том, что честные, трудолюбивые и набожные люди христианского вероисповедания вынуждены под тяжестью обстоятельств заниматься грабежом и разбоем [3; 8; 15], и часто встречаются присказки и слова, до сих пор используемые в повседневности в украинских селах и вынесенные подольским писателем М.А. Стельмахом в название его известного романа о раскаявшемся петлюровце с Винничины: «Кровь людская – не водица».

О размахе разбойничьего промысла среди руснаков-лемков той поры говорит не только устное народное творчество, но и возникший в те времена в Галиции и Прикарпатье танец, названный «Разбойничьим» и ставший таким же популярным среди лемков, как аркан среди гуцулов, кшесаны среди подгальских гуралей и жок среди молдаван [22: 94–96]. Об этом старинном мужском русинском танце, символизирующим мужество, ловкость и отвагу и исполняющимся с оружием в руках (как правило, с топориком на длинной рукояти – барткой (валашкой, цюпагой)), упоминал Мирча Элиаде во многих своих исследовательских работах, посвященных румынским и молдавским русалиям (калушарам) – членам тайных и мистических обществ и братств, практиковавшим ритуальные акробатические танцы [25: 151].

По свидетельствам современников, Андрей Савка обладал незаурядной внешностью: он был очень высокого роста, крепок и широкоплеч, обладал неимоверной силой (Иван Филипчак в книге «Страдальці і месники. Лемківська історична повість з XVII ст.» называет его «Лемковским Ильей Муромцем» [15: 69]), громким раскатистым голосом, носил красивую, вышитую национальными узорами и традиционную для русинов (лемков), живущих в Низких Бескидах, одежду: щегольски накинутый на плечи нарядно расшитый и украшенный

ниями безрукавный «лемковский плащ» из шерстяного сукна – чугу (чуханию, чучу, гуньку), черес – широкий кожаный пояс, длинную белую рубашку-сорочку и белые, узорчатые, также характерные для лемков, брюки, широкополую шляпу с павлиньими перьями и кутасами. Волосы Андрей Савка отпустил на горский, «гуцульский», манер: они были длинными, до плеч и не заплетенными (распущенными) [27: 18]. В этом плане А. Савка был схож с таким своим собратом по оружию, как вождь опришков Олекса Довбуш (который также носил не заплетенные длинные волосы [4; 5]), однако отличался от ближайших соседей – словацких бескидников Томаша Угорчика и Юрая Яношика, которые заплетали свои волосы в косы (считается, что обычай заплетать волосы в косы укоренился в XVII–XVIII вв. у словацких и сотацких мужчин вследствие длительного насильственного рекрутского набора в ряды армии Габсбургов среди многих офицеров и солдат (как кавалеристских (гусаров и др.), так и пехотных (пандуров и др.)), в которой весьма долгое время сохранялась пришедшая с Балкан мода заплетать волосы в косы).

Андрей Савка появился на свет в холодную зиму 13 декабря 1619 г. в маленьком русинском селении Стебник к западу от села Зборов в населенном руснаками-лемками Прешовском крае (район Бардеёв в Словакии в исторической области Орава), который входил в ту пору в состав владений Габсбургской монархии (в наши дни – территория Республики Словакия), в семье православного дьяка. Как и его отец, он был хорошо обучен грамоте и свободно говорил на трех языках: карпаторусинском, словацком и польском, что было характерно для многих предводителей опришков (гарнасов), чьи ватаги (бурсы) довольно часто были многонациональными и состояли из весьма близких в ту пору по хозяйственной культуре и повседневному быту русинских, гуральских, словацких, валашских и мадьярских простолюдинов [26: 448].

Андрей Савка довольно рано осиротел: сначала скончалась от болезни его мать, а после умер отец. Будучи подростком, он, как и тысячи его соплеменников-русинов, был вынужден постоянно, тяжело и изнурительно работать (трудился преимущественно овчаром на полонинах), отбывая панщину (барщину), отмененную в Галиции и Закарпатье лишь в 1848 г. [2: 83], всевозможные крестьянские повинности (в частности, тележную – предоставление по две телеги со двора для панских перевозок) и переноса разные притеснения со стороны местных панов и арендаторов. В 1638 г., когда Андрею Савке исполнилось 19 лет, он решил прекратить терпеть унижения и за дарма «гнуть спину» на польских помещиков: со своими молодыми товарищами он поджег помещичью усадьбу (мызу, фольварк)

и ушел «за Тису» [27: 332–333] в прославившийся к тому времени разбойничий отряд Василя Баюса (Лещинского) – русина, беглого крестьянина из села Лещины (Малопольское воеводство Польши), прозванного среди руснаков «Жовтовусием» за желтый цвет его пышных и длинных усов (согласно народным преданиям, свои длинные усы он закладывал за уши и вплетал в них золотые дукаты [14: 56]).

В начале XVII в. в Галиции и на Лемковщине – ввиду существенного усиления феодального гнета – со стороны местного крестьянского населения заметно усилилось национально-освободительное движение и участились случаи разбоев, грабежей, поджогов и нападений на дворянские поместья. В 1641 г. русинские выступления, погромы и беспорядки произошли во многих селениях Перемышльской земли (Витушинцы, Грушев, Лашки, Хотинец и др.). В 1643 г. русины г. Калуша и окрестных сел напали на Подгородецкое имение. В 1645 г. в г. Галиче состоялось крупное выступление карпаторусов против местного польского старосты Яна Потоцкого. Притеснения и грубые нарушения закона со стороны другого польского магната – Петра Потоцкого, привели в 1646 г. к волнениям русинов из г. Снятын (Покутье). При этом многие русины покинули дома и разбили большой полевой лагерь прямо у молдавско-польской границы. После призывов польских властей вернуться они пришли в свои дома, однако наотрез отказались исполнять панщину. К бунтовщикам-русинам активно присоединялись молдаване, словаки, поляки, валахи [1; 12; 18]. Их объединенные вооруженные дружины в 1642 г. захватили родовое поместье магнатов Гротковских. При этом повстанцы сожгли все найденные ими документы о феодальных повинностях местных крестьян и о правах проживавших там феодалов на земли. Весной 1648 г. опришки напали на Новотанецкий замок, захватили шляхетский двор в Борыне (селении рядом с г. Турка-над-Стрыем) и взяли приступом хорошо укрепленный замок в г. Санок, освободив заключенных в нем русинских крестьян [15: 38].

Угроза дальнейшего усиления и разрастания повстанческого движения в Карпатах и Бескидах привела к тому, что император Священной Римской империи Фердинанд III в 1643 г. издал в адрес дворян и руководителей округов (жупанов) декрет, в котором призвал их без промедления выступить против восставших, а шляхта Русского воеводства на собрании в г. Судовая Вишня близ Яворова в 1647 г. постановила мобилизовать панских гайдуков (вооруженных прислужников), жолнеров и смоляков и организовать военные карательные экспедиции против отрядов мятежников [6: 272–273]. В 1652 г. польские магнаты и шляхтичи Галицкой земли отправили в Сейм Речи Посполитой послание о тревожащей их неспокойной

ситуации в Русском воеводстве, Черновицкой и Хотинской волостях Молдавского княжества. Их тревоги и опасения не были напрасными: в 1654 г. на этих территориях началось вооруженное выступление во главе с русином Дитинкой [7]. Все это наглядно свидетельствовало о том, что в те времена русинская народно-освободительная борьба в Карпатском регионе приобрела очень большой размах.

Ватага Василя Баюса, продолжительное время успешно действовавшая в районе Горличины (село в Подкарпатском воеводстве Польши), была тогда одной из самых известных среди местного лемковского населения. В ту пору многие русинские юноши сбегали из родных сел и присоединялись к этому отряду; Василь Баюс никому не отказывал в приеме и всячески опекал молодых русинских повстанцев, смело и решительно поднявшихся на борьбу за освобождение от ненавистной им панщины [4; 19]. Другими не менее известными разбойничьими ватагами, состоявшими преимущественно из русинов, были отряд (загін) Степана Солинки и дружина карпатских горцев, базировавшаяся в пещерах Маковицкой горы в Горганах (Прикарпатье) и руководимая гарнасом Сенько (Санько) Маковицким, которая также нередко проникала на территорию Бойковщины и Лемковщины [2; 14; 30].

До того как возглавить разбойничий отряд, Василь Баюс был солтысом (шультгейсом) – человеком, назначенным местным помещиком (паном) для взимания податей и осуществления судебных функций в селе. Однако такая работа была ему не по нраву, и когда его попытались призвать на очередную войну в качестве рекрута, он собрал все свои пожитки и сбежал в Бескиды. Там он организовал свою дружину (бурсу) и начал нападать на дворянские поместья, хутора и корчмы, а также на проезжих купцов и местных войтов (старост). От действий Василя Баюса и его бесстрашных сподвижников – опришков – пострадали многие помещичьи имения и усадьбы в районах Крыницы, Лешин, Центковиц, Янушковиц и др. Баюсовцы успешно противостояли крупным воинским подразделениям польских ротмистров, охранявших дворянское и церковное имущество. Примечательно, что под влиянием идей Александра Костки-Наперского Василь Баюс даже хотел сформировать из русинов Польши и Словакии постоянное (регулярное) войско в целях поддержания порядка и охраны русинского населения Лемковщины [31].

Наряду с победами были у баюсовцев и неудачи: зимой 1648 г. староста Бича отправил против них большой польский карательный отряд, которому ценой немногих усилий удалось вытеснить лемковских разбойников на территорию Венгрии [10: 18]. Повстанцы оказались в затруднительном положении, лишившись опоры и поддержки со стороны населения родных им мест. Однако в январе

1648 г. на Украине началось крупномасштабное народное восстание под руководством Богдана Хмельницкого, известие о котором быстро дошло до самых западных русинских селений, придало сил и подняло моральный дух лемковских разбойников, в ряды которых стало стекаться все больше людей.

К тому времени Андрей Савка уже отделился от ватаги Василя Баюса и во главе собственного многочисленного и закаленного в боях и стычках отряда нападал на панские владения, фольварки, костелы, мельницы и корчмы, грабя и разоряя их. Его отряд располагался и действовал в районе г. Дукли и Дуклинского перевала (Подкарпатское воеводство Польши), в связи с чем за Андреем Савкой закрепилось прозвище «Савка из Дукли» (также ведомые А. Савкой разбойники часто появлялись в окрестностях польских городов Горлице, Грыбув, Санок и Ясло). Не будучи по природе стяжателем и алчным, корыстным человеком, он раздавал награбленное малоимущим и нуждающимся, отчего заслужил народную любовь и получил прозвище «Робин Гуд лемков». Бескидники из бурсы Андрея Савки были неплохо вооружены; их вооружение составляли копья – списы (поэтому их также нередко называли списаками), рогатины, ружья (крисы), пистолеты, длинные ножи и традиционные для карпатских руснаков топорики-бартки (балты, валашки, фокоши). В отрядах лемковских разбойников существовал обычай добивать своих тяжелораненых товарищей, чтобы они не попали в руки карателей и не подверглись пыткам и наказаниям, которые были крайне жестокими (толхаев (опришков) и людей, помогавших им, четвертовали, сжигали на медленном огне, растягивали на дыбе и т. д.) [33: 81–82; 34; 37].

Слава руснака Андрея Савки быстро разрасталась, а его имя еще при жизни этого народного заступника начало окутываться ореолом легенд, былин и фольклорных сказаний. Любовь русинского простого люда и успехи действовавшего уже более десяти лет повстанческого отряда Андрея Савки привели к тому, что весной 1649 г. в селе Барвинок недалеко от г. Кросно в Перемышльской земле на общем сходе разбойничьих предводителей и вожаков (этим собранием руководил Сенько Маковицкий) все действовавшие тогда отряды были объединены в один под началом Андрея Савки, авторитет которого был тогда очень высок. К этому сводному отряду присоединился вернувшийся из Венгрии Василь Баюс и другой знаменитый гарнас (главарь) лемковских разбойников – Василь Чепец из Грыбува (который также, как и Андрей Савка, был сыном русинского священника) со своими людьми [33: 103; 38].

Повстанческий отряд Андрея Савки, насчитывавший несколько сотен бойцов, постоянно пополнялся: «Від Сяну до карпатського

Підбескиддя, в околицях Дуклі і Кросна, руський народ горнувся до збійницьких дружин», – так писав об этом польский историк Людвиг Кубаля [10: 20]. Разрастанию народно-освободительного движения в Надсанье и Бескидах во многом способствовали блистательные победы войск Богдана Хмельницкого и его полководцев (Ивана Богуна, Максима Кривоноса, Данилы Нечая, Кондрата Бурлея, Станислава Морозенко и др.) над поляками под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами, Зборовом, Батогом, Винницей и пр. В 1651 г. полковник Данила Нечай планировал выдвинуться со своими подольскими казаками с Винничины (Брацлавщины) и пройти через Санок и Загуж до Кракова, однако его гибель под Тывровом в Подолье не позволила осуществиться этим планам.

Другим немаловажным обстоятельством являлось и то, что деятели Хмельнитчины отправляли в Карпатский регион своих эмиссаров, агентов и агитаторов. Таким эмиссаром, в частности, был казак Ярема Копчевский, который посетил многие карпатские города и села, где его очень тепло и радужно встречало местное русинское население, и был схвачен поляками в окрестностях Надворной. В 1649 г. группа из нескольких десятков агитаторов и пропагандистов под началом казака В. Колаковского была отправлена руководителями Освободительной войны украинского народа в Бескиды с заданием поднять местных горцев на борьбу. Во время пребывания Богдана Хмельницкого под Львовом он проводил переговоры с посланниками поддерживающего его трансильванского князя Дьердя II Ракоци, которых эскорт украинских казаков сопровождал до г. Мукачево. Встречая их на пути следования, местные закарпатские крестьяне брались за оружие и спешили присоединиться к казакам [2; 9]. В 1657 г. в Закарпатье прибыло объединенное трансильванско-казацкое войско во главе с князем Дьердем II Ракоци и наказным гетманом, киевским полковником Антоном Ждановичем. Оно взяло г. Перемышль и двинулось в Малую Польшу, где победоносно вступило в г. Краков. Затем это войско заняло города Люблин, Брест и в 1657 г. взяло г. Варшаву, подвергнув польскую столицу пожарам и сильному разграблению.

Гетман Богдан Хмельницкий хорошо знал о масштабах повстанческого движения в Карпатах и всячески его поддерживал; в своих универсалах он обращался к русинскому крестьянству: «Виб'ю з лядської неволі народ увесь. Допоможе мені в тому селянство по Люблин та Краків, бо то права рука наша...» [10: 20]. Эти универсалы использовал Андрей Савка, обращаясь к руснакам с воззваниями и призывая их на борьбу против социального, религиозного и национального угнетения. Также он располагал и другими универсалами – состав-

ленными на основе манифестов, грамот и посланий Б. Хмельницкого универсалами (письмами) находившегося в контактах с Богданом Хмельницким шляхтича, офицера польской армии Александра Леона Костки-Наперского, который весной 1651 г. объявился в Подгалье и быстро завоевывал к себе доверие и симпатии со стороны крестьян.

А. Костка-Наперский поднимал русинских, гуральских и польских крестьян Подгалья на восстание, зная об их крайнем недовольстве засильем жестоких феодальных порядков и обещая им свободу от панского гнета. По поводу последнего в письме от 20 июня 1651 г. сподвижник А. Костки-Наперского Мартин Радоцкий писал ему: «Однако изволь со своей стороны как можно скорее разослать среди населения тех краев письма, которым бы они верили и охотнее собирались. Прежде ведь многие из них говорили: “Когда б разрешение или голос услышали, тогда б вправе были пойти на шляхетские дворы и разорить их, чтобы никогда больше не властвовали на земле их высокомерие, гордость и жестокость”» [29: 25–26].

Дружины Андрея Савки и Василя Чепца поддержали восставших и приняли активное участие в Подгальском крестьянском восстании 1651 г. С их помощью повстанцы во главе с А. Косткой-Наперским в ночь с 14 на 15 июня 1651 г. захватили горный замок Чорштын в Краковском воеводстве недалеко от границы с Венгрией, дав тем самым сигнал к общему восстанию крестьян, которое за считанные дни охватило все Подгалье и вышло за его пределы. После этого события краковский епископ Петр Гембицкий срочно созвал совет, на котором было постановлено немедленно отправить отряд на освобождение замка от мятежников. Во время осады Чорштынского замка поляками на помощь осажденным пришли русины Андрея Савки и Василя Чепца, которые в самый решающий момент напали на польские войска и наголову разбили их.

Из-за нехватки продовольствия и фуража А. Костка-Наперский велел крестьянам-лемкам, приведенным Андреем Савкой, отойти и при появлении сигнала тревоги немедленно вернуться обратно, а также отправил гонцов к Василию Баюсу с просьбой также незамедлительно прийти на помощь. Вскоре к замку Чорштын подошел еще один более многочисленный польский отряд и взял его в плотную осаду. У осажденных быстро закончился порох и другие боеприпасы, и они с башен и стен замка бросали на поляков камни и лили горячую смолу. Они ждали помощи от крестьян и мещан из разных районов юга Польши, которые получили от А. Костки-Наперского универсалы и были готовы к общему походу на г. Краков, а потом и на всю Польшу. Поддержать подгальских инсургентов должны были чешские, словацкие и венгерские крестьянские отряды [11; 13; 16; 28].

Ввиду того что осада замка затянулась, краковский епископ стянул к нему еще больше войск и отправил своих посланников в военный лагерь Яна Казимира под Берестечком с просьбами о подкреплении. Поражение армии Богдана Хмельницкого в битве под Берестечком дало польскому королю возможность отправить для подавления мятежа отряд под командованием конюшего Александра Любомирского и мечника Михаила Зебжидовского. Однако краковский епископ Петр Гембицкий успел подавить Подгальское восстание собственными силами: 24 июня 1651 г. группа предателей сдала Чорштынский замок, так и не получивший обещанной помощи со стороны восставших крестьян, полковнику Вильгельму Яроцкому. Помощь от Василя Баюса и других русинских вожачков не пришла вовремя, так как лемковские крестьяне по пути увлеклись разграблением помещичьих усадеб: «Баюсівці зробили ту саму помилку, яку звичайно руснаки роблять: спізналися. Не спішилися, бо по дорозі нападали на корчми і двори» [22: 156].

А. Костка-Наперский и его ближайшие сподвижники Станислав Лентовский и Мартин Радоцкий были схвачены и отправлены в Краков. Там все трое предстали перед судом и были приговорены к смертной казни. А. Костка-Наперский был подвергнут наиболее мучительной казни – сожжению на медленном огне и посажению на кол: вначале ему сожгли один бок, затем второй, а потом он, еще живой, был посажен на кол. Через несколько дней тела всех казненных были захоронены в неизвестном месте [23: 243–244; 35].

Существует мнение, что Александр Костка-Наперский был шведским агентом и действовал в интересах шведов, основанное на том, что во время Тридцатилетней войны он в звании капитана в течение нескольких лет служил в шведской армии, а его подрывная и повстанческая деятельность предшествовала шведскому вторжению в Речь Посполитую. Прямых и убедительных доказательств этому нет, однако в то же время имеются факты, свидетельствующие о том, что А. Коста-Наперский никогда открыто не проявлял шведских симпатий и не призывал лидеров подгальских крестьян поддерживать шведов – наоборот, тот же Андрей Савка со своим отрядом во времена Шведского потопа (Кровавого потопа) 1655–1660 гг. доблестно сражался против шведских войск на стороне польского короля. Думается, что Александр Коста-Наперский, будучи человеком амбициозным и обладая авантюристической натурой, действовал в собственных интересах, опираясь при этом на поддержку Богдана Хмельницкого и предводителей бескидников (опришков) и желая «в пожарище, в золу и прах обратить старую Польшу и создать новую, из польского дуба и польской пшеницы» [17: 388].

После подавления Подгальского восстания 1651 г. Андрей Савка и его люди избежали какого-либо наказания с условием, что они больше никогда не будут воевать против войск Речи Посполитой. А. Савка вернулся в район Низких Бескид, где продолжил свой разбойничий промысел, сохраняя среди народа репутацию благородного разбойника («Робин Гуд лемков») и по-прежнему раздавая отобранное у магнатов, ксендзов и панов имущество бедным крестьянам. Спустя десять лет, после подписания перемирия в Оливе, когда шведская экспансия была остановлена, польские власти решили покончить с разбойничьим движением в Карпатах. После нескольких месяцев поиска им удалось окружить и схватить Андрея Савку. Согласно материалам сохранившихся мушинских судебных актов, Андрей Савка был подвергнут пытке, предстал перед судом присяжных, был приговорен к смертной казни и 24 мая 1661 г. повешен в польском городе Мушина [21; 22; 36]. Так закончился славный, мужественный и самоотверженный жизненный путь русинского «Робина Гуда», который посвятил его самому, по словам Н.А. Островского, прекрасному в мире – борьбе за освобождение людей.

Повстанческая борьба, осуществлявшаяся под руководством Андрея Савки, и его многочисленные личные подвиги сыграли большую роль в истории руснаков-лемков, не случайно личность этого народного героя стала нерушимым символом борьбы за свободу и справедливость, за историческое самосохранение русинов, которые волею судьбы оказались под польским и австрийским владычеством и испытали на себе все тяжести феодального гнета. Память об Андрее Савке уже сотни лет передается из поколения в поколение, его имя не забыто до сих пор во многом благодаря отображению в русинском народном фольклоре – в этом богатом, красивом, зародившемся еще в глубокой древности и содержащим в себе уникальный культурный код источнике выражения национального самосознания русинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В.Б. Монографии по истории западной и юго-западной России. Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1885. Т. 1. 351 с.
2. Безъев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М.: Прометей, 2012. 214 с.
3. Берг Л.Н., Корсаков К.В. Якуб Шеля: неизвестные страницы истории // Русин. 2021. № 64. С. 71–88.
4. Богатырев П.Г. Фольклорные сказания об опришках Западной Украины // Советская этнография. 1941. Т. 5. С. 59–80.

5. *Висіцька Т.* Опришки. Легенди і дійсність. Ужгород: Ліра, 2007. 312 с.
6. *Гнатюк В.* Записки товариства імені Шевченка. Т. 201: Вибрані статті про народну творчість: на 110-річчя народження: 1871–1981. Нью-Йорк, 1981. 288 с.
7. *Гончарук М., Грицюта М.* Великі ідеї не вмирають // Вітчизна. 1964. № 1. С. 210–212.
8. *Грабовецький В.В.* Олекса Довбуш. Львів: Світ, 1994. 272 с.
9. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 2: Развитие феодализма. Нарастание антифеодальной и освободительной борьбы (вторая половина XIII – первая половина XVII в.). Киев: Наукова думка, 1982. 591 с.
10. *Казанский П.Е.* Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси. Одесса: Тип. Епархиального Дома, 1914. 14 с.
11. *Колесса Ф.* Українська усна словесність. Львів: Накладом фонду «Учітеся, брати мої», 1938. 645 с.
12. *Красовський І.* Лемківський народний календар. Бібліотека Лемківщини. Кн. 10. Львів: Край, 1994. 96 с.
13. *Красовський І., Солинко Д.* Хто ми, лемки... Популярний нарис. Львів: Редакційно-видавничий відділ обласного управління по пресі, 1991. 48 с.
14. *Миллер И.С.* Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 году // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. С. 155–215.
15. *Миллер И.С.* Освободительная война 1648–1654 гг. и польский народ // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 96–116.
16. *Оркан В.* Костка Наперский. М., Л.: Московский рабочий, 1927. 208 с.
17. *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь. Петроград: Изд. П.П. Сойкина, 1915. 32 с.
18. *Полянський І.В.* История Лемковины: в 5 ч. Нью-Йорк: Юнкерс, 1969. 384 с.
19. *Тетмайер К.* Легенда Татр. М.: Гослитиздат, 1960. 392 с.
20. *Трохановський П.* Андрий Савка в пантеоні лемківських збійників // Лемківській календар. Стоваришыня лемків. 1999. С. 50–60.
21. Украинские Карпаты: история / Ю.Ю. Сливка, Я.Д. Исаевич, В.И. Масловский и др. Киев: Наукова думка, 1989. 262 с.
22. *Филипчак І.* Страдальці і месники. Лемківська історична повість з XVII ст. Кліфтон, Нью Джерзі: Компютопринт, 2005. 172 с.
23. *Bebynek W.* Starostwo muszynskie – własność biskupstwa krakowskiego. Lwow: Nakl. aut. 1914. 75 s.
24. *Bendza M.* Sytuacja wyznaniowa na terenie klucza Muszynskiego w XVII w. // Rocznik Teologiczny. 1980. Т. 22, № 1. S. 137–148.
25. *Eliade M.* Some Observations on European Witchcraft // History of Religions. 1975. Vol. 14, № 3. P. 149–172.
26. *Janicka-Krzywda U.* Niespokojne Karpaty czyli rzecz o zbojnictwie. Warszawa-Krakow: PTTK «Kraj», 1986. 88 s.

27. *Janicka-Krzywda U.* Poczest harnasi karpackich. Warszawa-Krakow: PTTK «Kraj», 1988. 62 s.
28. *Kersten A.* Na tropach Napierskiego. Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1970. 249 s.
29. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 50: Sanockie-Krosnienskie. Wroclaw, Poznan: Polskie towarzystwo ludoznawcze, 1973. 445 s.
30. *Lysiak L.* Ksiega sadowa kresu klimkowskiego 1600-1762. Wroclaw: Zakład Narodowy im. Ossolinskich, 1965. 440 s.
31. *Magocsi P.R., Pop I.* Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto: University of Toronto Press, 2002. 520 p.
32. *Ochmanski W.* Zbojnictwo goralskie. Z dziejów walki klasowej na wsi góralskiej. Warszawa: Ludowa Spoldzielnia Wydawnicza, 1950. 251 s.
33. *Orlowski S.* Tolhaje czyli zboje w Bieszczadach. Rzeszow: Carpathia, 2009. 152 s.
34. *Piekosinski W.* Akta sadu kryminalnego Kresu muszynskiego 1647–1765 // Starodawne Prawa Polskiego Pomniki. Krakow, 1889. T. IX. S. 321–395.
35. *Przybos A.* Materiały do powstania Kostki Napierskiego 1651 r. Wroclaw: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolinskich, 1951. 150 s.
36. Słownik biograficzny historii powszechnej do XVII stulecia / red. K. Lepszy, S. Arnold. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1968. 490 s.
37. Słownik historii Polski / red. T. Lepkowski. Warszawa: Wiedza powszechna, 1973. 941 s.
38. *Zyga A.* Grybow i okolice w zwierciadle piśmiennictwa // Grybow: Studia z dziejów miasta i regionu: praca zbiorowa. Krakow: Universitas, 1995. T. 3. S. 102–108.

REFERENCES

1. Antonovich, V.B. (1885) *Monografii po istorii zapadnoy i yugo-zapadnoy Rossii* [Monographs on the history of Western and Southwestern Russia]. Vol. 1. Kiev: E.Ya. Fedorov.
2. Beziev, D.A. (2012) *Ukraina i Rech' Pospolitaya v pervoy polovine XVII v.* [Ukraine and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first half of the 17th century]. Moscow: Prometey.
3. Berg, L.N. & Korsakov, K.V. (2021) Jakub Szela: The Unknown Pages of History. *Rusin*. 64. pp. 71–88. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/64/4
4. Bogatyrev, P.G. (1941) Fol'klornye skazaniya ob oprishkakh Zapadnoy Ukrainy [Folklore tales about the oprishki of Western Ukraine]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 59–80.
5. Visitska, T. (2007) *Oprishki. Legendi i diysnist'* [Oprishki. Legends and Reality]. Uzhhorod: Lira.

6. Gnatyuk, V. (1981) *Vibrani statti pro narodnu tvorchist': na 110-richchya narodzhennya: 1871–1981*. In: *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 201. New York: [s.n.].

7. Goncharuk, M. & Gritsyuta, M. (1964) *Veliki ideï ne vmirayut'* [Great ideas don't die]. *Vitchizna*. 1. pp. 210–212.

8. Grabovetskiy, V.V. (1994) *Oleksa Dovbush*. Lviv: Svit.

9. Slabeev, I.S. (ed.) (1982) *Istoriya Ukrainskoy SSR: v 10 t.* [History of the Ukrainian SSR in 10 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

10. Kazanskiy, P.E. (1914) *Prisoedinenie Galichiny, Bukoviny i Ugorskoy Rusi* [Annexation of Galicia, Bukovina and Ugric Rus]. Odessa: Tipografiya Eparkhial'nogo Doma.

11. Kolessa, F. (1938) *Ukrains'ka usna slovesnist'* [Ukrainian oral literature]. Lviv: Nakladom fondu "Uchitesya, brati moi".

12. Krasovskiy, I. (1994) *Lemkivs'kiy narodniy kalendar. Biblioteka Lemkivshchini* [Lemko National Calendar. The Lemkivshchyna Library]. Vol. 10. Lviv: Kray.

13. Krasovskiy, I. & Solinko, D. (1991) *Khto mi, lemki... Populyarniy naris* [Who are we, Lemkos? A popular essay]. Lviv: Redaktsiyno-vidavniychiy viddil oblasnogo upravlinnya po presi.

14. Miller, I.S. (1950) *Krest'yanskoe vosstanie v Podgal'e v 1651 godu* [Peasant uprising in Podhale in 1651]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya*. 3. pp. 155–215.

15. Miller, I.S. (1954) *Osvoboditel'naya voyna 1648–1654 gg. i pol'skiy narod* [The Liberation War of 1648–1654 and the Polish people]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 96–116.

16. Orkan, W. (1927) *Kostka-Napierski*. Translated from Polish. Moscow, Leningrad: Moskovskiy rabochiy.

17. Pogodin, A.L. (1915) *Zarubezhnaya Rus'* [Foreign Rus]. Petrograd: P.P. Soykin.

18. Polyanskiy, I.V. (1969) *Istoriya Lemkoviny: v 5 ch.* [The History of Lemkivshchyna in 5 books]. New York: Yunkers.

19. Tetmajer, K. (1960) *Legenda Tatr* [Legend of the Tatras]. Translated from Polish. Moscow: Goslitizdat.

20. Trokhanovskiy, P. (1999) *Andriy Savka v panteoni lemkiivskykh zbiynikov* [Andriy Savka in the pantheon of Lemko robbers]. In: *Lemkiivskiy kalendar. Stovarishchyna lemkiiv*. [s.l.; s.n.]. pp. 50–60.

21. Slivka, Yu.Yu., Isaevich, Ya.D., Maslovskiy, V.I. et al. (1989) *Ukrainskie Karpaty: istoriya* [Ukrainian Carpathians: history]. Kyiv: Naukova dumka.

22. Filipchak, I. (2005) *Stradal'tsi i mesniki. Lemkivs'ka istorichna povist' z XVII st.* [The Sufferers and the Avengers. The Lemko history from the 17th century]. Clifton, New Jersey: Kompyutoprint.

23. Bebynek, W. (1914) *Starostwo muszynskie – wlasnosc biskupstwe krakowskiego*. Lwow: nakl. aut.

24. Bendza, M. (1980) *Sytuacja wyznaniowa na terenie klucza Muszynskiego w XVII w. Rocznik Teologiczny*. 22(1). pp. 137–148.

25. Eliade, M. (1975) Some Observations on European Witchcraft. *History of Religions*. 14(3). pp. 149–172.
26. Janicka-Krzywda, U. (1986) *Niespokojne Karpaty czyli rzecz o zbojnictwie*. Warszawa; Krakow: Kraj.
27. Janicka-Krzywda, U. (1988) *Poczet harnasi karpaccich*. Warszawa; Krakow: Kraj.
28. Kersten, A. (1970) *Na tropach Napierskiego*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
29. Kolberg, O. (1973) *Dziela wszystkie*. Vol. 50. Wrocław, Poznań: Polskie towarzystwo ludoznawcze.
30. Lysiak, L. (1965) *Księga sadowa kresu klimkowskiego 1600–1762*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
31. Magocsi, P.R. & Pop, I. (2002) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press.
32. Ochmanski, W. (1950) *Zbojnictwo goralskie. Z dziejów walki klasowej na wsi góralskiej*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
33. Orłowski, S. (2009) *Tolhaje czyli zboje w Bieszczadach*. Rzeszów: Carpathia.
34. Piekosinski, W. (1889) Akta sadu kryminalnego Kresu muszynskiego 1647–1765. *Starodawne Prawa Polskiego Pomniki*. 9. pp. 321–395.
35. Przybos, A. (1951) *Materiały do powstania Kostki Napierskiego 1651 r.* Wrocław: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich.
36. Lepszy, K. & Arnold, S. (eds) (1968) *Słownik biograficzny historii powszechnej do XVII stulecia*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
37. Lepkowski, T. (ed.) (1973) *Słownik historii Polski*. Warszawa: Wiedza powszechna.
38. Zyga, A. (1995) Grybów i okolice w zwierciadle piśmiennictwa. *Grybów: Studia z dziejów miasta i regionu: praca zbiorowa*. 3. pp. 102–108.

Корсаков Константин Викторович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Россия).

Konstantin V. Korsakov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

УДК 94(470+477+437+438);398

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/5

Ю.А. Яворский – учёный и общественно-политический деятель Карпатской Руси

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Юлиан Андреевич Яворский (1873–1937) – карпато-русский учёный и общественно-политический деятель, сын греко-католического священника. Закончил Черновицкий университет в 1896 г. В 1903 г. защитил докторскую диссертацию «Житие Петра и Февронии Муромских как памятник древнерусской повествовательной литературы» в Венском университете под руководством И.В. Ягича. Вернувшись в Галичину, преподавал в польских гимназиях.

Со школьной поры участвовал в русском движении Галичины. За свои убеждения исключался из дрогобычской, самборской и львовской гимназий, Львовского и Венского университетов. Был лидером «нового поколения», боролся со «старорусинами». Вначале выступал за совместную работу с украинофильскими организациями в целях просвещения народа и борьбы за его права. В 1899 г. издавал журнал «Живое слово», работал в «Галицко-русской Матице».

С конца 90-х гг. XIX в. начинает публиковать свои научные исследования в львовских и российских изданиях. В 1904 г. переехал вместе с семьёй в Российскую империю, в Киев. Сначала преподавал в 1-й Киевской гимназии, затем стал приват-доцентом и доцентом Императорского университета Святого Владимира. Активно печатался в российских научных журналах, несколько раз ездил в командировки в Галичину, где собирал фольклор, занимался поиском и приобретением рукописей, на основе которых продолжал свои исследования.

С началом Первой мировой войны возглавил Карпато-русский освободительный комитет. После взятия русскими войсками Львова вошел в состав Русского народно-го совета. После отступления русской армии из Львова занимался вопросами беженцев, пытался сформировать карпато-русский отряд в составе русской армии.

К Октябрьской революции относился отрицательно. В 1920 г. вернулся в Галичину, до 1924 г. жил во Львове. Участвовал в деятельности русского движения Галичины,

издавал газету «Прикарпатская Русь», подготовил к выпуску первый том «Телергофского альманаха» (1924). В своих «общественно-литературных дневниках» резко отзывался о большевистском перевороте в России и попытках Русского исполнительного комитета объединиться с украинскими организациями в «единый фронт». Наряду с публицистикой, сборниками стихов и прозы выходили и его научные статьи.

В 1925 г. Ю.А. Яворский с семьёй переехал в Чехословакию. Сначала преподавал в Русской гимназии в г. Моравска-Тршебова, затем работал Русском народном университете и Славянском институте. В чехословацкий период его работы посвящены Прикарпатской Руси, учёный активно публикуется в ужгородских изданиях, занимается поиском старых рукописей, вводит их содержимое в научный оборот. Его издания образцов местного фольклора точно передают речь местного русинского населения.

Всю жизнь Ю.А. Яворский сохранял веру в единство русского народа. Несмотря на это, он сотрудничал и с украинскими изданиями. Проживая в Галичине, исследователь публиковался в «Народе», органе руско-украинской радикальной партии. В Чехословакии печатался в «Науковом зборнике» Т-ва «Просвета» в Ужгороде. Его связывали тесные отношения с И.Я. Франко.

Похоронен учёный на православном участке Ольшанского кладбища в Праге.

Ключевые слова: Юлиан Андреевич Яворский, Карпатская Русь, Галичина, Угорская Русь, Прикарпатская Русь, Закарпатье, русское движение, русины.

Julian Yavorsky – a scholar, social and political activist of Carpathian Rus

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Julian A. Yavorsky (1873–1937) was a Carpatho-Russian scholar, social and political activist, son of a Greek Catholic priest. He graduated from Chernivtsi University in 1896. In 1903, he defended his doctoral dissertation “The Life of Peter and Fevronia of Murom as a Monument of Old Russian Narrative Literature” at the University of Vienna under the supervision of Vatroslav Jagić. After returning to Galicia, he taught in Polish gymnasiums. Since school, he participated in the Russian movement of Galicia. For his convictions, Yavorsky was expelled from the Drohobych, Sambir, and Lviv gymnasiums,

Lviv and Vienna Universities. He was the leader of the “new generation”, fought with the “Old Rusins.” At first, he advocated joint work with Ukrainophile organizations to educate people and fight for their rights. In 1899, he published *Zhivoe Slovo* magazine and worked in the Galician-Russian Matitsa. In the late 1890s, he began to publish his research in Lviv and Russian editions. In 1904, Yavorsky with his family moved to Kyiv, where he taught at the First Kyiv Gymnasium and then became a Privatdozent and Associate Professor at the Imperial University of St. Vladimir. He actively published in Russian academic journals, had several business trips to Galicia, where he collected folklore, searched for and acquired manuscripts to continue his research. With the outbreak of WWI, he headed the Carpatho-Russian Liberation Committee. After the capture of Lviv by Russian troops, Yavorsky became a member of the Russian People’s Council. After the retreat of the Russian army from Lviv, he dealt with refugee issues, tried to form a Carpatho-Russian detachment as part of the Russian army. Yavorsky disapproved of the October Revolution. In 1920, he returned to Galicia and lived in Lviv until 1924, where he participated in the activities of the Russian Movement in Galicia, published the newspaper *Prikarpatskaya Rus’*, prepared the first volume of *The Telerhof Almanac* (1924) for publication. In his “social literary diaries”, he spoke sharply about the Bolshevik coup in Russia and the attempts of the Russian Executive Committee to form a “united front” with Ukrainian organizations. Along with journalism, collections of poems and prose, Yavorsky also published his research. In 1925, Yavorsky and his family moved to Czechoslovakia, where he taught at the Russian Gymnasium in Moravska-Trzebova, then worked at the Russian National University and the Slavic Institute. In Czechoslovakia, he wrote much about Carpathian Rus. He actively published in Uzhhorod and hunted for old manuscripts to introduce them into scholarly discourse. His editions of local folklore accurately convey the speech of local Rusins. Yavorsky kept faith in the unity of the Russian people. However, he also contributed to Ukrainian media. While in Galicia, Yavorsky published in *Narod*, the press organ of the Russian-Ukrainian radical party. In Czechoslovakia, he published in *Naukoviy zbornik of Prosvet Partnership in Uzhhorod*. Yavorsky had close relations with Ivan Franko. Yavorsky was buried in the Orthodox section of the Olshansky cemetery in Prague.

Key words: Julian Yavorsky, Carpathian Rus, Galicia, Ugrian Rus, Transcarpathia, Subcarpathia, Russian movement, Rusins.

Юлиан Андреевич Яворский (15 (27) ноября 1873 – 11 января 1937) – карпато-русский историк, этнограф, литературовед, фольклорист, библиограф, поэт, публицист, общественно-политический деятель Карпатской Руси. Родился на Бойковщине, в с. Бильче Дрогобычского повіта (уезда) (Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора

Австро-Венгерской империи, ныне – село в Николаевской городской общине Стрыйского района Львовской области Украины) [5: 61; 34: 238]. Отец – греко-католический священник, мать – Паулина Яворская (урождённая Алексевиц) [103].

Общественно-политической деятельностью Ю.А. Яворский начал заниматься со школьной поры. Учился в дрогобычской, самборской и львовской гимназиях. Из дрогобычской гимназии его исключили за то, что читал на уроке русскую книгу, из самборской – за сочинение, написанное на русском языке, из львовской – за издание в гимназии рукописного журнала на русском языке. Экзамены за курс гимназии сдал экстерном в 1892 г. Аттестат зрелости получил в Ясле [5: 61; 16: 185–186].

В том же году поступил на философский факультет Львовского университета. В феврале 1893 г. во время празднования 50-летия епископата папы Льва XIII он, протестуя против римско-католической пропаганды смены конфессий, крикнул с галёрки: «Тучапы!» В селе Тучапы (ныне село в Снятынской городской общине Коломыйского района Ивано-Франковской области Украины) униатская община перешла в римско-католическую веру. За это Ю.А. Яворского приговорили к восьмидневному аресту и исключили из Львовского университета. Его отцу, священнику, митрополит за упущения в воспитании сына назначил «реколлекцию»¹ у отцов Василиан [6: 447; 16: 186–187].

Продолжил обучение в Венском университете. В июне того же года Ю.А. Яворского из него исключили за участие в демонстрации против митрополита Галицкого, архиепископа Львовского, епископа Каменецкого, кардинала Сильвестра (Сембратовича), проводившего украинофильскую политику. Юлиан с товарищами встретили митрополита на Венском вокзале, когда тот возвращался из Рима, и забросали его тухлыми яйцами. Университет окончил в Черновцах в 1896 г., став кандидатом славянской филологии. Степень доктора славянской филологии получил в ноябре 1903 г. за диссертацию «Житие Петра и Февронии Муромских как памятник древнерусской повествовательной литературы», написанную под руководством профессора И.В. Ягича и защищенную в Венском университете [5: 61; 25: 73; 34: 238–239].

После первого ареста Ю.А. Яворский вынужден был расстаться с любимой девушкой, с которой был обручен. На этом настояли её родители. Её выдали замуж за другого, и через год молодая женщина покончила с собой. По окончании Черновицкого университета Юлиан женился. Семья переехала во Львов [16: 187]. В августе 1902 г умирает его жена. В 1904 г. Ю.А. Яворский женится второй раз [16: 189]. К сожалению, данных о семье учёного удалось найти

немного. Известно о трёх его детях: Вере (впоследствии вышла замуж за М.Э. Конорезова, 1897–17.01.1973, Нью-Йорк), а также Ольге (впоследствии вышла замуж за С.Н. Трещенкова, 1899–26.IV.1980) и сыне от второй жены Вадиме (1906–16.08.1979, оба похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [10: 380, 455; 22: 624–625; 103]. На Geni.com перечисляются, с ссылкой на ресурс MyHeritage, дети Ю.А. Яворского: Вера Конорезова (Яворская), Сергей Яворский, Вадим Яворский, Наталья Яворская, Лев Яворский, Ольга Трещенкова (Яворская)² [103].

Как уже упоминалось, А.Ю. Яворский ещё со школьной поры участвовал в политической борьбе. В 90-е гг. XIX в. он возглавил в русском движении Галичины т. н. «молодое поколение». В то время началось размежевание между представителями молодёжи и «старорусинами». Молодёжь стояла на позициях общерусской культуры. В свою очередь, оторвать их от «старых деятелей» хотели и «русько-украинские» радикалы. Радикалы критиковали ретроградство «старых» москвофилов и призывали молодёжь порвать с ними, как сделали сами радикалы под влиянием идей М. Драгоманова со старшим поколением народовцев [26: 55].

В 1890 г. во Львове стал выходить журнал «Народ», орган руско-украинской радикальной партии Галичины, под редакцией М. Павлика и И. Франко. В 6-м номере журнала за 1891 г. появилась статья «Нова еволюція серед москвофілів» («Новая эволюция среди москвофилов») на русском языке восемнадцатилетнего Ю.А. Яворского. Статья была написана, по свидетельству редакции, «с ведома более широкого круга львовской москвофильской молодёжи». Ю.А. Яворский осудил руководителей реакционного «москвофильства» за их симпатии к царскому правительству и вождей буржуазного «украинофильства» – за их низкопоклонство перед Веной и Римом [19: 122–124]. Автор призвал «москалефилов» и «украинофилов» к «единству, согласию общей деятельности», прекратить бесконечную литературную и языковую полемику и общими силами взяться за то, чтобы «со временем вывести нашу бедную Рутению из хаоса, в котором она блуждает». Он заявил, что «с одной стороны, вовсе не думали быть неверными или нелояльными, с другой же, мы принуждены быть постоянно в решительной и энергичной оппозиции к правительству до поры, пока оно не исполнит всех справедливых требований трехмиллионного русского населения Австрии» [36: 91].

Он призвал «идти вместе в согласии, не вдаваться в высокую политику, которую могут вести только зрелые народы, а трудиться для блага крестьян, самого важного двигателя народного возрождения, прежде всего для улучшения их материального быта, для поднесения

образовательности и нравственности среди темных масс», для чего «прежде всего нужно согласие, единство и братство между неприятными русскими партиями». Не отрекаясь от убеждения о единстве русского народа, Ю.А. Яворский предложил ради примирения русских и «украинофильских» либералов такие вопросы «не ...подносить в разъединительных целях». Он считал, что «пока русское население Австрии ещё не богато и не могучо, пока русские крестьяне сами не убедятся в исторических истинах и сами не придут к такому заключению, до тех пор надо стоять на почве исключительно австро-русского народа» [36: 92].

В 8-м номере журнала было дано продолжение материала «Нова еволюція серед москвофілів. II». Вначале редакция упомянула о «переполохе» после выхода статьи «в органе старорутенской партии “Червоной Руси”» (№ 54), которая «лає автора остатними словами, каже ему вчитися російської мови, – хоть сама пише, ще гіршим язичієм». Вступаясь за автора, редакция «Народа» писала, что он выступает против крикунов обеих партий, против их бесполезных споров, обоюдного доноительства, заявлений верноподданничества Австрии, Риму и Петербургу, назвал их политику мамелючкой, утверждал, что «руска молодёжь обоих этнографических направлений» идёт к более важному, чем «стоянка под формально национальном флаге, украинском или всерусском», и что, «москвофильская молодежь не продает и не продаст своих убеждений за рубли и решительно противна царскому абсолютизму в России» [37: 130]. В статье Ю.А. Яворский вновь повторил свои мысли и в заключение написал, что он не заявлял ранее напечатанную статью как программу «всех молодых русских людей», «теперь однако принужден я самими рутенцами, заявит, что об статье моей знало и с ней соглашалось много русских молодых людей во Львове и что можно ее считать как бы частью программы молодых так зов. “москалефилов”» [37: 133].

Свои идеи «молодое поколение» отстаивало на общем собрании Галицко-русской матицы в 1900 г. Из Устава общества был исключён параграф о покровительстве галицкого греко-католического митрополита [17: 100]. Матица была основана в 1848 г. До этого митрополитами были Яхимович и Литвинович. С 1885 г. митрополитом стал украинофил Сильвестер Сембратович. Большинство присутствующих на собрании были представителями молодого поколения. Юлиан Яворский, к тому времени возглавлявший выпуск научно-литературных сборников матицы, поднял «от имени молодых друзей» вопрос о едином литературном русском языке, сказав, что «в великодержавной закордоной Руси» существуют две формы русского языка: книжный, литературный язык, «образованный общими силами

той же великодержавной Руси» – язык общерусский, и «областное малорусское наречие с нелюбимою нами украинскою фонетикою». Он также отметил, что «нас, Галицкую, ту же самую настоящую Русь, ни Великая Русь за кордоном, ни нации за Карпатами таки, як бы не знают и Русию не признают, ибо мы не пишем ни языком книжным, общерусским, ни украинским наречием. Нам, затем, особенно нашей Матице, яко средоточию галицко-русской образованности, необходимо следуе избрати одну из указаннх тут двоих существующих форм русского языка...». Его поддержал «популярний уже тогда писатель-публицист наш О.А. Мончаловский», заявив, что «мы, галицкие русины всеусильно поборюем фонетичную украинщину, то не можем избрати иной формы русского языка, як только сам близкий вам, по слогу и по правописа язык, книжне-литературный, общерусский». Собрание утвердило предложение Яворского-Мончаловского, как вспоминал представитель «старорусинства» и сторонник «язычия» Б.А. Дедицкий [11: 60–61], несмотря на несогласие старшего поколения [26: 56]. После этого «Научно-литературные сборники галицко-русской матицы» стали выходить на литературном русском языке. В 1909 г. русское движение Галичины окончательно раскололось на «старо-» и «новокурсников». «Новокурсники» полностью ориентировались на Россию [21: 54].

Некоторые украинские исследователи, разделив развитие «русофильского» движения в Галичине на ряд этапов, попытались дать им характеристику, к примеру: второй этап (1870–1890 гг.) – острое соперничество с народовцами за руководство национальным движением, в результате которого победили народовцы; 1890–1900 гг. – период интенсивной «общественной ферментации», дифференциации и перегруппировки сил, политической структуризации общества на основании новых групп интересов; следующий этап (1900–1914 гг.) – соперничество собственно русофильской (старорусинской) группировки с откровенно пророссийской, а также острой конфронтацией с народовцами [2: 239, 245, 251]. Однако соперничество «молодого поколения» со «старорусинами» началась раньше, «острая» конфронтация не исключала возможностей сотрудничества по представляющим взаимный интерес вопросам, да и утверждение о победе народовцев над «русофилами» тоже нельзя считать бесспорным.

С 1897 г. Ю.А. Яворский сотрудничал с газетами и журналами русского направления Львова и с российскими изданиями. В 1899 г. издавал литературно-общественный журнал «Живое слово», просуществовавший несколько месяцев. В 1901 г. Ю.А. Яворский стал секретарём научно-литературного общества «Галицко-русская матица», редактором издаваемого обществом журнала «Научно-литера-

турный сборник» [7: 101–102; 16: 188; 34: 239]. В «Галицко-русской матице» он опубликовал, в частности, «Легенду о панщине» (1901), «Из этнографической тетрадки 1830-х гг.» (1902). Важное место в его исследованиях заняли классики русской литературы: «Пушкин в Прикарпатской Руси» (1899), «Русская женщина в поэзии Некрасова» (1892), «Русские народные певцы Кольцов и Шевченко» (1892), «Гоголь в Червонной Руси» (1904) и др. Основной темой его исследований было сопоставление сюжетов произведений классиков русской литературы со схожими народными галицко-русским мотивами.

В этот период Ю.Я. Яворский начинает активно публиковать в российских журналах свои этнографические работы. В 1887 г. в «Киевской старине» появилась его статья «Громовые стрелки. Очерк по истории южнорусского фольклора». Исследователь отметил, что среди южнорусских поверий важное место занимает поверие о громовых стрелках. Причём «белемниты, куски расплавленного электричеством молнии песка или камня, считает народное воображение за самое существо молнии, за те огненные зигзаги, которые появляются от поры до времени на небосводе, гоняясь по велению управляющего ими бога-громовника за всякими нечистыми духами и чудовищами. Исполнив свое карательное назначение или преследуя укrywшегося под землей противника, падает эта стрелка глубоко – обыкновенно на 7 локтей или сажень в землю; после постепенно подымается она все выше и наконец после 7 дней, 7 месяцев или 7 лет выходит совсем наружу» [38: 227].

Согласно народным повериям, на месте, где находилась громовая стрелка, нельзя ничего строить, т. к. через 7 лет гром опять ударит в это место; сама стрелка считалась амулетом против удара молнии, также она «приносит счастье и богатство дому, в котором сохраняется, отводит от него всякие бедствия, чары и злые силы, и наконец лечит некоторые болезни людей и скота. Потому стрелки пользуются повсеместно уважением народа и сохраняются в домах, как амулет из рода в род» [38: 228].

Представление о их «чудесной» сущности распространены не только среди всех славян и западноевропейских народов, но также среди народов Азии, Африки, Америки и Полинезии. Общие черты поверия более-менее одинаковы, местные изменения незначительны [38: 228–229]. Поэтому его «нельзя считать принадлежностью одного или другого народа или какой-либо определенной эпохи» [38: 232].

В русской литературе сообщения о громовых стрелках начали появляться в XII–XIII вв., придя из толкования Афанасия Александрийского в Псалтырь. Позже в древнерусской литературе описания стрелок появились из западноевропейских космографий и люцидариев [38:

230]. Автор считал маловероятным предположение о влиянии «на образование народного поверия о громовых стрелках или, по крайней мере, на его отдельные черты и краски» книжных, пришедших извне сообщений русской литературы, «которые во многом сходны и тождественны с ними» [38: 232].

У древних славян, писал учёный, «гром и молния были центром религиозных верований и культов. Бог Перун олицетворял все эти явления, обладал властью над целой жизнью земли. Он соединял в себе оба зиждущие мир начала – доброе и злое, светлое и темное». Христианство долго не могло вытеснить культ Перуна, «вплоть до конца средних веков поклонялся ему неизменно двоеверный народ». Со временем «преемником» атрибутов Перуна стал пророк Илия [38: 233–234].

Как считал Ю.А. Яворский, «громовые стрелки представляют собою в миниатюре полное отражение сложного существа благодатного и грозного, светлого и темного бога-громовника» [38: 238].

В 1897–1898 гг. в журнале «Живая старина», издаваемом Этнографическим отделением Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге, редактируемом в то время В.И. Ламанским, он публикует ряд небольших материалов, основанных на его этнографических исследованиях.

В сообщении «Домовик в галицко-русских верованиях» рассказывается о народных повериях, связанных с привлечением домового, который принесёт «богатство и счастье, исполняет всевозможные хозяйские работы, вообще служите своему хозяину верно, но зато по смерти берете себе его душу». Домовик (домовой) на Галичине назывался хóванец, годóванец или просто свой. Сообщение было подготовлено по материалам опроса жителей сёл Скольского и Бобрецкого уездов Королевства Галиции и Лодомерии Австро-Венгерской империи [39].

В «Галицко-русских повериях о опырях» исследуется народное представление о происхождении и свойствах опырей (упырей, вампиров). По народным представлениям, опырем человек становится ещё до рождения в результате некоего сбоя: «Если беременная женщина посмотрит в церкви во время “великого входа” на священника, несущего чашу, то её дитя будет опырем, то есть, будет иметь две души. Узнать это можно по тому, что такой человек разговариваете сам с собой; каждый кто имеет эту привычку думать вслух, или кому хотя бы в большом волнении случится это, считается непременно опырем с двумя душами». Сила опыря велика: «...он может умерщвлять и просто съедать людей, может отводить или призывать разные болезни и эпидемии, грозу, дождь и град; он открывает тайны и знает будущность,

чарует коров и отнимает или увеличивает у них молоко и т.д. Он может делаться невидимым или принимать на себя вид разных животных». После смерти опырь становится ещё страшнее: «...тогда он каждую ночь между полуночью и первым певнем выходит из могилы и ходит к спящим людям, обыкновенно к своим родным или высасывает им кровь, так, что они умирают, или заманивает их, а то и насилу тащит к себе в могилу» [40: 107]. Автор приводит несколько рассказов об опырях, записанных им «в разных окрестностях русской Галиции» (со слов жителей сёл Скольского и Бобрецкого уездов).

В сообщении «Из галицко-русских народных сказаний и суеверий» (Живая старина. 1897. Вып. 1–2) исследователь перечисляет девять народных поверий, записанных со слов крестьян сёл Бобрецкого уезда [41].

В «Галицко-русских повериях о дикой бабе» (Живая старина. 1897. Вып. 3–4) учёный отметил, что в русской Галиции сохранились «интересные обломки преданий о женском мифическом или демоническом существе, так называемой дикой бабе; она известна здесь, впрочем, тоже под другими названиями, именно: літавыця, вітреныця или перелэстныця». Со временем от этого представления остались только «кочки и обрывки». Наиболее живо и непосредственно сохранились поверия о дикой бабе у горцев Стрыйского уезда, на пространстве от с. Синеводска до с. Лавочного на венгерской границе. Автор приводит «свод поверий», собранных в этой части Галичины им и большей частью взятых «из рукописного сборника, составленного в 1870-ых годах», предоставленного автору А.Ю. Алексеевичем [42].

В этом же номере журнала он опубликовал три сказки из сборника галицко-русских сказок, собранных для предполагаемого сборного издания Императорского Русского географического общества [43].

В материале «Галицко-русский авгурий XVIII-го века» (Живая старина. 1898. Вып. 1) Ю.А. Яворский публикует авгурий, приведённый в рукописном сборнике священника Фёдора Поповича Тухлянского (вторая половина XVIII в.), который находился в библиотеке Оссолинских во Львове. Он был помещен в качестве дополнения к «книге звездочётства», как начинающее рукопись «интересное указание “о недугующих”» [44].

В выпускаемом автором львовском журнале «Живое слово» в 1899 г. была опубликована статья «К истории Пушкинских сказок» (вышла также отдельным оттиском). Кроме большой поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкин написал ещё пять сказок: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке». Яворский не ставил целью разобрать их

«литературную историю, их народные источники и варианты». Он указал на «несколько галицко-русских народных параллелей», записанных им в январе 1897 г. [45: 3].

Исследователь привёл два варианта «Сказки о царе Салтане», записанных от Фёдора Химчука из с. Доброгостов Дрогобычского уезда. Приведённые галицко-русские варианты пушкинской сказки тождественны с ней по началу и основной мысли повествования, «отличаются резко от неё своим дальнейшим содержанием и многими вставными мотивами. Многие черты и краски пушкинской сказки повторяются здесь уже в сильно измененном и полинявшем виде или заступлены другими. Но в общем это та же самая сказка о царе Салтане, сыне его Гвидоне и прекрасной царевне Лебеди, которую рассказала Пушкину старая няня Арина Родионовна». Исследователь отметил, эта сказка известна не только на Руси и у других славянских народов, «но почти в целой Европе и даже в Монголии», приведя ссылки на многочисленную литературу [45: 4–9].

Далее он приводит два варианта «Сказки о попе и о работнике его Балде» (от Луця Струка из с. Борусов Бобрецкого уезда и Ивана Зипка из с. Доброгостов Дрогобычского уезда). Ю.А. Яворский считал, что «у Пушкина слились два разных сказочных сюжета, богатырские проказы силача-слуги и хитрое соревнование человека с чертями, в одну гармоничную целость». В народной же литературе эти сказки обычно существуют отдельно, «соединяясь только в редких случаях с другими сказочными мотивами». Автор приводит множество ссылок на параллели двух сказок (о работнике-силаче и хитром соревновании человека с чертями) [45: 9–15].

Далее исследователь публикует вариант «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» (от Марии Стецевки из Доброгостова), по его мнению, сильно испорченной и неполной. В нём недостаёт второй части сказки. Данная сказка тоже распространена «в народных литературах разных народов» [45: 17–17].

Народного варианта «Сказки о рыбаке и рыбке», пишет учёный, «в Прикарпатской Руси до сих пор не записано». Однако он известен по пересказу В.Д. Залозецкого, который появился в «Науке» в 1879 г. [45: 15].

В «К истории галицко-русских колядок в сборнике Головацкого» (Научно-литературный сборник Галицко-русской Матицы. 1901. Т. I. Кн. 2, 3) исследователь уделяет внимание истории происхождения колядок в сборнике «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким» (Ч. 1–3. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878). Они, по его мнению, составляют «самую важную и драгоценнейшую часть сборника Горловацкого» [46: 1–2].

В рукописном отделении «Музея А.С. Петрушевича» при музее «Народного дома» хранился рукописный сборник галицко-русских колядок конца 30-х гг. XIX в., состоящий из 104 листов. Тексты поданы в польской транскрипции, одним неизвестным почерком, но «с сохранением всех звуковых особенностей языка... только примечания и пометки при текстах, на польском языке, написаны рукою покойного И.Н. Вагилевича» [46: 3].

Исследователь отметил, что Я.Ф. Головацкий только в предисловии к первой части песен в общем упоминает об участии Вагилевича наравне с другими. В своих автобиографических записках Головацкий написал, что несколько десятков (почти половину сборника Вагилевича) записал сам [46: 3–4].

Ю.А. Яворский предположил, что сборник Вагилевича возник в 1830-х гг. «в стенах львовской духовной семинарии и представляет коллективный труд кружка воспитанников её, образовавшегося вокруг “Русской тройцы”». В собранных колядках могли находиться и записи Головацкого, которые поступили в распоряжение Вагилевича. В «Русалке Днестровой» 1837 г. он поместил кроме других народных песен и семь колядок. Вагилевич приготовил их к изданию в сборнике колядок, но по каким-то причинам не смог его выпустить. При издании ч. 2 своих «Песен» Головацкий этого сборника ещё не имел и ограничился той частью колядок, которые у него сохранились. Материалом Вагилевича он воспользовался в ч. 4, где его поместил, за исключением напечатанного ранее, «в русской, хотя и крайне неудовлетворительной транскрипции». Как ему достался сборник Вагилевича, неизвестно [46: 4].

Учитывая то, что «Головацкий позволил себе массу искажений их языка и даже текста... в ожидании нового издания сборника Головацкого», Ю.А. Яворский попытался восстановить «подлинные тексты колядок из польской тетрадки Вагилевича». Как отметил автор, «к сожалению, звуковых особенностей народной речи, стершихся уже в неумелых и спутанных записях сборника Вагилевича, ныне уже вполне восстановить не можно». Также Ю.А. Яворский разместил «несколько колядок, которых Головацкий почему-то не поместил в своем издании и которые, вследствие этого, не были до сих пор нигде напечатаны» [46: 5].

В своем исследовании «Очерки по истории русской народной словесности. I. Легенда о панщине», опубликованном в «Научно-литературном сборнике Галицко-русской Матицы» (1901. Т. I, вып. 1), автор анализирует текст легенды, взяв за основу «самый полный и типичный из всех известных нам её вариантов» [47: 4], записанный в декабре 1896 г. в с. Борусов Бобрецкого уезда, для готовящихся к печати его

первого тома «Памятников галицко-русской народной словесности» [47: 6]. Он сравнивает этот текст с волинским вариантом, записанным в Звягельском уезде, вариантами, записанными в Чигиринском и Мариупольском уездах, белорусскими и великорусскими редакциями. Автор отметил, что полякам и румынам, с которыми Южная и Западная Русь «находилась в постоянных и оживленных взаимных отношениях», данная легенда неизвестна. Она встречается только у южных славян: у банатских сербов и у болгар», составляя «особую, своеобразную группу в редакциях легенды» [47: 4–19].

В заключение автор отметил, что легенда «нисколько не составляет духовной собственности малорусской народной словесности, но заимствована ею из международной сокровищницы странствующих легендарных сюжетов». Основная канва рассказа о покаянии грешника заимствована «из распространенной легенды о Мадее, происходящей, в свою очередь, от древне-иудейских апокрифических сказаний о покаянии Лота» [47: 25–26].

Русский характер, по мнению автора, имеет, прежде всего, конец легенды, а также более сильно выраженный протест «против обид и жестокостей панщины», которая оставила глубокий след в народной памяти. Особенно живо, как считал исследователь, эти воспоминания сохранились в народных песнях [47: 26–27].

В «Научно-литературном сборнике Галицко-русской Матицы» (Т. 2. Кн. 1) за 1902 г. была опубликована статья Ю.А. Яворского «Из этнографической тетрадки 1830-х годов. Колядки и щедровки в записях Иосифа Левицкого из Шкла». Исследователь вкратце разобрал состояние этнографических изучений в Галичине в 1830–1840-х гг., отметив, что «этнографическая литература Галицкой Руси 30-х и 40-х была крайне скудна и бледна. До появления “Русалки Днестровой” в 1837 г. она имела только две тощие публикации: издание Вацлава Залеского (z Oleska) “Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego” (1833 г.), в котором были помещены 574 русские народные песни, и “Ruskoje Wesile” Иосифа Лозинского (1835 г.), содержавшее описание свадебных обрядов и обычаев в Яворовском уезде» [48: 3–4].

Яворскому с помощью библиотекаря «Народного дома» Ф.И. Свистуна удалось найти тетрадку из 27 листов автора первой галицко-русской грамматики Иосифа Левицкого. В ней И. Левицкий описал несколько колядок и щедровок, а также «ряд его “оувар” об рождественских обычаях и обрядах». Сборник составлен в 1833–1837 гг., как это указано в самой рукописи. Некоторые из записей И. Левицкого были изданы Я.Ф. Головацким во второй части его «Народных песен». Весь остальной материал, который, по мнению Ю.А. Яворского, представлял интерес не только по своему содержанию, но и являлся одним

«из первых опытов этнографического изучения галицко-русской народной словесности», он воспроизвёл полностью «с сохранением правописания подлинника, позволяя себе только некоторые изменения интерпункции, которая в рукописи весьма спутана» [48: 4–5].

В 1903 г. Ю.А. Яворский переехал в Вену, где продолжил свои научные исследования и защитил докторскую диссертацию. Затем вернулся в Галицию, преподавал в польских гимназиях [34: 239]. В 1903 г. он опубликовал в Вене в журнале «Славянский Век», издававшимся Д.Н. Вергуном, статью «Съезд русских славяноведов в Петербурге» о предварительном съезде русских филологов, который состоялся в Санкт-Петербурге 10–15 апреля 1903 г. при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. Он писал, что необходимость такого съезда, который «сблизил и сплотил бы в одну духовную артель разрозненных и разбросанных ныне работников славяноведения... чувствовалась уже давно». Попытки осуществить это были и раньше, например, образование пражского комитета после XI археологического съезда в Киеве [49: 482]. В предварительном съезде приняло участие около 100 человек: представители Академии, в особенности её Отделения русского языка и словесности, Министерства народного просвещения, всех русских университетов и некоторых ученых обществ и учреждений [49: 483]. Автор подробно описывает задачи и работу шести секций съезда. С журналом «Славянский век» Ю.А. Яворский начал сотрудничать с первого номера, поместив в нём статью «Из истории славянской филологии» (1900. С. 8–11).

В 1904 г. Ю.А. Яворский вместе с семьёй выехал в Российскую империю, в Киев, где преподавал русский, немецкий и латинский языки в Первой Киевской гимназии [34: 239]. В 1914 г. стал приват-доцентом кафедры славяноведения Императорского университета Святого Владимира, с 1915 г. – доцентом кафедры русской литературы [15: 512; 34: 239]. В Киеве он занимался исследованием древнерусских литературных памятников и фольклорных произведений.

Киевский период в научной деятельности Ю.А. Яворского тоже был довольно плодотворным. Благодаря поддержке Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук учёный получает возможность пополнить свой этнографический материал, совершая поездки в Галицию, в частности в 1906, 1907 и 1912 гг. В отчёте за 1906 г. Яворский написал, что стипендия дала «возможность возобновить снова мои специальные научные занятия, которые в прошлом году, хлеба насущного ради, я был принуждён прекратить почти совершенно» [51: 56]. Учёный, помимо ряда опубликованных и готовящихся работ, отметил, что во время путешествия в июне–июле

по Новосандецкому, Грибовскому, Горлицкому и Дрогобычскому уездам ему удалось приобрести у крестьян и в церквях три рукописи и десять сборников духовных песен и вирш [51: 58].

Отчитываясь о научных занятиях в 1907 г., исследователь, помимо подготовки к публикации ряда научных работ и «интересных историко-литературных данных», упомянул о посещении в июне и августе Угорской Руси (Шаришского комитата) и прилегающей к ней полосы Западной Галичины (Грибовский, Горлицкий, Новосандецкий уезды) и приобретении найденных им семи рукописей. «Все эти рукописи, равно как и приобретенные раньше, хранятся в моем собрании и будут описаны мною, в свое время, более точно и подробно», – сообщил учёный [52: 53–55]. В отчете о поездке за 1912 г. им было кратко описано три рукописи.

В Киеве в «Изборнике Киевском: Тимофею Дмитриевичу Флоринскому посвящают друзья и ученики» (Киев, 1904), а затем и отдельным оттиском вышла его работа «Очерки по истории русской народной словесности. II. Духовный стих о грешной деве [и легенда о нерожденных детях]». Исследователь считал, что «в духовном стихе слились воедино книжные, более или менее отвлеченные и бескровные притчи и гимны христианской письменности с “бесовскими” песнями и преданиями живой народной старины, принимая от последних кровь и соки народного мирозерцания и быта, нанизывая на свою однообразно-серую канву причудливые и яркие узоры народной традиции и поэзии». Причём принципиального значения не имеет, когда произошло это слияние: «во время самого процесса его создания, или же образовалось только впоследствии, благодаря позднейшим вставкам и наслоениям, по мере его обращения в народной среде». По мнению учёного, русские духовные стихи «действительно народны», в одних из них сильнее выступает духовный элемент, в других – народный, «в одних более, в других же менее явны и заметны безыскусственные рубцы их литературной спайки» [50: 3].

Ю.А. Яворский исследует «небольшой, но в многих отношениях замечательный стих о блуднице или грешной деве», который, по мнению автора, можно причислить к стихам духовным или считать его просто стихотворной легендой или даже испорченной балладой. Этот духовный стих «почему-то не обратил на себя до сих пор должного внимания исследователей, и если затрагивался ими, то только случайно и вскользь» [50: 4].

Проанализировав несколько вариантов стиха, в т. ч. и три галицко-русских, автор делает вывод, что «духовный стих о грешной деве образовался на белорусской территории, где он и ныне еще пользуется наибольшим распространением и вниманием». Отсюда он про-

ник в великорусское наречие, другая же, позднейшая струя занесла его в малорусскую словесность, а также попал в Польшу, оттуда в Моравию и Лужицу. Касаясь содержания и характера стиха, исследователь полагал, что «в нем тесно сочетались и слились воедино духовно-книжный и народно-поэтический элементы, причем, однако, последний получил такое решительное преобладание над первым, что почти совсем поработил и заслони́л его». Основная канва «заимствована стихом в общих чертах из евангельского рассказа о встрече Спасителя с Самарянкой, но на эту канву наложила народная поэзия такую густую и яркую оболочку, что последняя именно и составляет в нем главное и самое интересное литературное ядро» [50: 65–66].

В 1907 г. Ю.А. Яворским было опубликовано два небольших материала в кн. 20 «Чтений в историческом обществе Нестора-Летописца» (ЧИОНЛ), чьим действительным членом он состоял, а также его сообщение «К истории галицко-русского фольклора XVIII века» на заседании общества 6 мая 1907 г. Учёный подробно рассказал о двух старых записях галицко-русских поверий, найденных им в Западной Галиции во время поездки летом 1906 г. Первая запись – два судебных дела, разбиравшихся в волостном (зойтовском) суде с. Верхомли Новосандецкого уезда в 1779 и 1781 гг. В них сохранились интересные сведения о колдовстве и его приёмах. Вторая запись – сборничек народных метеорологических примет на польском языке, помещённый на последнем (переплетном) листе метрической книги с. Перунки Грибовского уезда за 1778–1783 гг. Помимо приведённых текстов, докладчик указал для некоторых поверий и примет их варианты и параллели, описанные в русской и иностранной этнографической литературе. По поводу сообщения прозвучали замечания В.А. Розова, Т.Д. Флоринского, В.З. Завитневича и М.В. Довнар-Запольского [53]. Позднее работа на эту тему была издана в 1909 г. в т. 18 «Сборника Харьковского историко-филологического общества», посвященного 30-летию ученой и педагогической деятельности профессора Н.Ф. Сумцова и отдельным оттиском [56].

Разбирая работу галицкого учёного В.Г. Щурата «Грюнвальдська пісня (Wogurodzicza driewicza). Памятка западно-руської літератури XIV» (Жолква, 1906) и его полемику с польским славистом, профессором Берлинского университета А. Брикнером («Дві статі про Грюнвальдську пісню. Відповідь проф. Брікнерови» (Жолква, 1906)), на страницах ЧИОНЛ Ю.А. Яворский заключил, что «вековой вопрос о происхождении и характере песни Wogurodzicza по-прежнему представляется все тем же самым, нераскрытым и неразгаданным, таинственным и сложным свитком под семью печатями» [54: 25]. Исследователь считал, что «если гипотезе г. Щурата о западно-русском

происхождении самой песни и не суждено принять в науке сколько-нибудь положительную и заслуживающую внимания форму, то, во всяком случае, за ним останется уже та выдающаяся заслуга, что он, в данном случае, решительно повернул вопрос в ту именно сторону, от которой до сих пор пренебрежительно отворачивались польские исследователи с проф. Бриннером во главе: в сторону славяно-русских, в частности – западно-русских влияний и заимствований в древне-польском языке и письменности» [54: 23–24].

В статье «К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI-го века», также опубликованной в ЧИОНЛ, был сделан обзор сочинений И. Пересветова; ознакомившись «с биографией и личностью», исследователь сделал вывод: «...подлинность личности и имени Ивана Семенова сына Пересветова, а также автентичность его сочинений, не должны подлежать более никакому сомнению. Это, без сомнения, настоящее имя действительно жившего в половине XVI-го века русского писателя-публициста, оставившего весьма яркое и своеобразное, хотя и незначительное по объему, литературное наследие, подробная проверка и оценка которого, в отношении его состава, содержания и характера, составляет неотложную задачу нашей науки» [55: 85–86].

Ю.А. Яворский опубликовал отрывки, содержащие текст 29-й, 71-й и 48-й глав основной редакции Измарагда из рукописного сборника 1601 г. в «Sbornik u slavu V. Jagića», вышедший в Берлине в 1908 г. Учёный отметил, что «после целого ряда разнообразных и более или менее интересных и замечательных открытий и разысканий в области старинной южно-русской, и в особенности карпато-русской письменности, нельзя уже и сомневаться в том, что в ней, начиная с XVI в., ярко вспыхивало и распространялось все шире и настойчивее живое стремление к полному, даже местно-диалектическому приспособлению и усвоению себе литературного достояния, как современного Запада, так и седой славяно-русской старины, – то все-таки нельзя с подобной же уверенностью и определённой признать, чтобы это стремление было в такой-же самой степени сознательно, осмысленно и планомерно» [57: 618]. Однако, по его мнению, в старинной переводной южнорусской письменности имели место «случайный и прихотливый литературно-естественный подбор, такие растерянные и неравномерные скачки и порывы» [57: 619].

Говоря о малорусском отрывке XVII в. случайно найденного им перевода Измарагда, он отметил, что, судя «по внешнему виду рукописи и по необычному сочетанию в ней рядом данных трёх статей», размещённых в другом порядке (главы 29, 71 и 48), данный отрывок нельзя считать «органическим остатком или следом какого-нибудь

цельного малорусского перевода», что ещё раз подтверждает высказанные им мысли о «случайности и хаотичности этого малорусского переводнолитературного подбора» [57: 620].

Учёный отметил, что «настоящего, сколько-нибудь полного и цельного малорусского перевода этого замечательного и излюбленного древне-русского памятника все-таки нет и, по-видимому, не существовало», полемизируя с Н.И. Петровым, который в своём описании киевских рукописей «обнаруживает явное стремление перевести неудобопонятный общеславянский язык на обыкновенную (малорусскую) речь» [57: 620].

Он приводит этот отрывок, вероятно, извлеченный из Измарагда второй редакции («Притчу о богатых», «Слово Иоанна Златоуста о невосстающих на утреню», «Поучение св. Василия ленивым») [57: 621]), «полностью и с буквалью точностью, пропуская только надстрочные знаки придыхания и восстанавливая интерпункцию, которые в рукописи совершенно спутаны и произвольны». Он также привёл варианты «по упомянутому выше Измарагду XV в. Киево-Михайловского монастыря No. 488/1646, а также, где это было возможно, по сводным извлечениям В.А. Яковлева и А.С. Архангельского [57: 623].

В 1909 г. в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» (ИОРЯС) вышла статья Ю.А. Яворского «Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII–XVIII веков». Он её посвятил «глубокоуважаемому Алексею Ивановичу Соболевскому». В материале автор разбирает «небольшую историко-повествовательную статью», найденную им в трёх списках XVII–XVIII вв. и «содержащую ряд, без сомнения, народных византийских сказаний о премудрых делах императора Льва Премудрого». Он отнёс её «к разряду немногочисленных литературных явлений, возникших в Московской Руси XVII века на почве этих поздних и более или менее случайных ново-греческих влияний» [58: 56].

В этом же году появился его материал «*Omne vivum ex ovo*», посвященный Ю.А. Кулаковскому и который должен был выйти в соответствующем Юбилейном сборнике. Напомнив, что яйцо – «видимый источник всякой органической жизни и вместе с тем самый распространенный и излюбленный продукт питания, не могло не привлекать к себе, во все времена и повсеместно, пытливого человеческого внимания, не могло не возбуждать, так или иначе, суеверной народной мысли и фантазии». На последнее уже давно обратили внимание исследователи. Говоря о недавно вышедшей на эту тему работе киевского учёного В. Клингера, написавшего труд «главным образом, в древнеклассическом материале, извлеченном автором

из греческих и римских литературных памятников», Ю.А. Яворский приводит более широкую библиографию «космогонических поверий и сказаний о яйце» [59: 7–8, 13–22].

И.Я. Франко в отзыве на статью Ю.А. Яворского написал, что «яйцо в верованиях, ритуалах и обрядах народа – это богатая тема, для которой можно собрать богатый и разнообразный материал». Молодой киевский учёный В. Клиндер в томе XLV краковских «Rozpraw wydziału filologicznego» поместил свою работу «Jajko wobo zabnie ludowym u nas i w starożytności», а сокращенный русский перевод этой статьи издал в памятной книге, посвящённой профессору Кулаковскому под заголовком «Яйцо в народном суеверии». В той же памятной книге, отметил И.Я. Франко, должен был поместить свою небольшую заметку об этом труде и Ю.А. Яворский. В ней он верно указал на узость научного взгляда Клиндера и недостаточность разработки этой темы. Не вдаваясь в саму тему, «автор представил в приложении к своей заметке достаточно богатую библиографию этой темы, разделив ее на восемь глав: 1. Статьи и внимания общего характера. 2. Создатель мира, Бог из яйца. 3. Мир, солнце, земля из яйца. 4. Источники и реки из яйца. 5. Люди из яйца. 6. Царства, дома, звери и т. д. из яйца. 7. Черты, домовые, драконы, василиски и т. д. из яйца. 8. Жизнь, или душа мужчины, или уродина в яйце. По причинам, о которых легко догадаться, этот труд не вошел в сборник в честь Кулаковского, из-за чего автор признал необходимым издать его отдельной брошюрой своим тиражом» [33: 229–230].

В этом же году в «Университетских известиях» (и отдельным оттиском) вышла статья Ю.А. Яворского «Два замечательных карпато-русских сборника XVIII-го в., принадлежащих Университету св. Владимира. Описание рукописей и тексты». Говоря о собрании рукописей Университета св. Владимира, учёный отметил «несколько карпато-русских рукописей, принесенных в дар университету двумя галицко-русскими учёными – покойным профессором Я.Ф. Головацким и почетным доктором этого университета, маститым каноником А.С. Петрушевичем» Учёный дал историю происхождения и изучения, а также описание двух хранящихся рукописей, переданных Головацким [60: 1, 3]. В Приложениях им были опубликованы из описанных «двух карпато-русских сборников» «тринадцать песен и виршей, в том числе пресловутая песня о взятии казаками Варны в двух вариантах, а также замечательная духовно-историческая вирша о пожаре Киево-Печерской Лавры», «семь апокрифических статей и сказаний» [60: 35].

В статье «Пропавшая западнорусская книга “Диалог о смерти” 1629 г.», посвященной С.Т. Голубеву (ИОРЯС. 1911. Т. 16, № 4; 1912. Т.

17, № 1), исследователь приводит текст «Диалога о смерти» «по единственному списку XVIII-го века Киево-Михайловского монастыря». Он постарался передать текст «с возможной, буквальная точностью», оставив без внимания «надстрочные знаки придыхания и ударения, как не имеющие в этой поздней рукописи никакого осмысленного значения, а также справлены на современный лад произвольно спутанные в ней знаки препинания» [61: 264]. Ему удалось найти, «правда, не саму печатную книгу», а «основной текст её, сохранившийся в одном, западно-русском же, рукописном сборнике XVIII века» [61: 217]. «Диалог» издал иеромонах Павел (Павел Домжив Люткович-Телица), «имевший в первой трети XVII века, сообщая с другим монахом, иеродиакон Сильвестром, маленькую перевозную типографию, в которой и был ими напечатан ряд небольших книжек духовного содержания». Впервые типография стала работать в с. Угорцы Самборского округа Галичины, «где, по всей вероятности, находился один из многих, разбросанных в то время по всей Юго-Западной Руси, маленьких монастырей». Как писал автор, достоверно неизвестно «откуда и какими судьбами явились они в Угорцах, кто они были по своему происхождению и воспитанно» [61: 218–219].

В статье «Великорусские песни в старинных карпато-русских записях» (ИОРЯС. 1912. Т. 17) Ю.А. Яворский поднимает «интересный и сложный вопрос о взаимоотношениях великорусской и малорусской песни, как народной, так и искусственной, в начальный период их развития XVI–XVIII веков», который «разработан ещё далеко неудовлетворительно и весьма неравномерно» [62: 106]. Он исследует «историко-литературный материал», найденный им в старинных карпато-русских песенниках XVIII – начала XIX в., отмечая, что Малороссия находилась в более тесном контакте с великорусской народностью, «чем давно заброшенная и забытая ею Карпатская Русь» [62: 110].

Он считал, что «прямые и живые великорусские воздействия, хотя бы только в легковесной области песни, проникнуть сквозь твердую и глухую толщу национального и культурного чужевластия, сквозь вековые налеты чужой культуры, мысли и даже речи» могли несколькими путями. В основном через «широкий торговый путь, который, соединяя Россию с Западной Европой, пересекал в XVIII в. в двух направлениях территорию Карпатской Руси и имел на ней несколько постоянных транзитных стоянок» и «иногда и довольно продолжительные, военные походы и постои русских войск, которые по разным поводам, начиная с конца XVII-го в., выпадали на долю карпато-русской территории и, таким образом, неоднократно предоставляли местному русскому населению случай непосредственного и близкого общения с его далекой и недоступной родней» [62: 116–117].

Он привёл тексты песен, извлечённые им из пяти карпато-русских рукописных песенников XVIII и начала XIX в. из собрания А.С. Петрушевича в библиотеке «Народного дома» во Львове, и последний текст («Петровский кант») из принадлежащего ему песенника Дамьяна Левицкого, поповича Нововесского, 1739–1740 гг. [62: 123–124].

В работе «Описание рукописей Александровской Киевской гимназии» (1913 г.) ученым описано семь рукописей [63].

В 1914 г. вышла его статья «Карпато-русское житие апостола Павла» (ИОРЯС. 1914. Т. 19, № 4). Работу он посвятил И.Я. Франко по случаю 40-летия его литературно-научной деятельности. Учёный также упомянул, что первоначально хотел поместить её «в специальном, уже изданном ныне львовским Товариществом им. Шевченко, юбилейном сборнике в честь И.Я. Франко, но в этом ему, к сожалению, в виду употребления им русского литературного языка, который требовалось заменить так наз. “украинским” переводом, было редакцией вперёд отказано, хотя в то же время ряд других русских статей, но только принадлежащих уже посторонним, не галицким авторам, всё-таки в сборнике милостиво был допущен» [65: 75].

В начале статьи исследователь указал, что «апокрифическое житие или хождение апостола Петра было известно до недавнего времени только по общим библиографическим упоминаниям в русских индексах отреченных книг» [65: 75]. Несмотря на все признаки его существования, на Руси «никаких текстуальных следов его, не только в русской, но также в славянской и других литературах вообще, до самого недавнего времени найдено не было», считалось, что оно утеряно. Однако были найдены три южно-славянских текста [65: 76–77]. Упомянув о исследованиях на эту тему, он приводит недавно вышедшую критическую статью И.Я. Франко на немецком языке [65: 79].

В числе добавочных статей рукописного собрания Нововесского учительного Евангелия первой половины XVII в. Ю.А. Яворским был найден «своеобразный карпато-русский вариант» жития, текст которого он привёл. Сама рукопись была приобретена им в октябре 1913 г. у крестьянина с. Новые Веси Новосандецкого уезда Галичины [65: 79].

В январе 1915 г. в Киеве вышли «Памятники галицко-русской народной словесности. 1. Легенды; 2. Сказки; 3. Рассказы и анекдоты. Вып. 1». В предисловии было указано, что в связи с «переживаемыми историческими событиями, особым обстоятельствам, лишаящим издателя на продолжительное время возможности непосредственного личного наблюдения за дальнейшим печатанием настоящего сборника, Отделением Этнографии признано своевременным и целесообразным выпустить отпечатанные уже листы последнего теперь же, в виде первого выпуска XXXVII-го тома “Записок” отделения,

с тем, что остальная часть сборника, содержащая, кроме окончания начатого уже в этом выпуске обзора литературных тем и мотивов и свода параллелей к ним, также еще библиографический указатель использованной литературы, словарь областных слов и общее предисловие и оглавление к целому сборнику, будет издана, в качестве второго выпуска того же тома, при первой возможности отдельно» [66: 1]. К сожалению, второй том так и не вышел, что стало с оставшимся материалом, неизвестно.

В статье «Заговоры и апокрифические молитвы по карпато-русским рукописям XVIII-го и нач. XIX в.» в «Русском филологическом вестнике (1915. № 2), представив «важнейшую литературу предмета», автор приводит ряд «старых карпато-русских записей» из рукописей XVIII и начала XIX в. из музея А.С. Петрушевича во Львове и, частично, из собственного собрания, приведя, где это возможно, параллели и важные различия «по другим, обнаруженным до сих пор старым и новым записям» [67: 194].

В начале Первой мировой войны Ю.А. Яворский стал одним из организаторов и председателем Карпато-русского освободительного комитета (КРОК), созданного 29 июля (11 августа) 1914 г. в Киеве [31: 171]. КРОК восстановил с 10 (23) августа 1914 г. издание в Киеве газеты «Прикарпатская Русь»³ как временного еженедельного органа КРОК. Редактором стал С. Лабенский, избранный секретарём КРОК. Вышло два номера в Киеве, один – в Бродах [26: 92].

КРОК ставил перед собой следующие цели и задачи: «1. Осведомленнее русского общества и освободительной Русской армии об исторических переживаниях и современном национально-культурном и политическом положении русского Прикарпатья; 2. Забота о военных беженцах и пленных русских галичан» [29: 10].

В принятом 29 июня обращении КРОК, написанном, скорее всего, Ю.А. Яворским, говорилось: «Братья и сестры! Велик Бог Земли Русской. Шестьсот лет стонала наша Галицкая Русь в чужом ярме! Шестьсот лет стонал в лютой неволе многострадальный народ русского Галича! Шестьсот лет лились горячие слёзы сынов Галичины. Шестьсот лет текла у нас русская кровь на потеху врагам нашего народа и всей Великой Руси. Шестьсот лет трудился, Ты, несчастный русский мужик-хлебороб, в поте чела, не для себя и своих деток, а для тех, що тебе сковали в цепкие ланцюхи и держали в неволе. Страдал Ты, истекал кровью и слезами, но заносил горячие мольбы перед Престол Всевышнего и ждал искупления. Но проходили годы и сотни лет, а вместо искупления враг теснейше сковывал Тебе в ярме неволи. Коли перший вороги твои довольствовались плодом твоего тяжкого труда и неповинной кровью твоих дедов и прадедов, последний твой

повелитель и враг – злопамятная Австрия напоселась на твою душу, на твою Веру, на твоё славное имя Русь, русский. Поруганы наша церковь и православный обряд, поруган Святой православный трираменный крест. В народ внесена зараза братоубийственного раздора. Расколел его враг на две части, напустил одних на других и, потираючи руки, ждал коли наш народ своею несгодю сам себе сотрет с лица Галицкой Руси. Казалось не будет искупления, не засияет на нашей несчастной родине луч русского свободного солнца. Но Велик Бог Земли Русской! Он подверг Тебе, Русский народ Галича, тяжкому испытанию, но не забывал о тебе, он готовил тебе свободу и лучшее будущее!.. По велению Всевышнего славное и непобедимое воинство Православного Русского Царя вступило на Галицкую землю, чтобы принести ей несчастному народу волю и счастье, чтобы принять его в просторный и достатный дом одной, неразделимой русской Родины. Открывай храмы и, преклоньше колена, вознеси ты, русский мужик Галичины, к Престолу Всевышнего горячую молитву. Радуюсь искуплению, благодари Всевышнего за посланное счастье» [29: 11–13].

Всё это было изложено в аналитической записке «Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями»⁴, составленной при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта и написанной с помощью членов КРОК. В ней также приводятся сведения о национальном, политическом и экономическом положении в крае, русских и украинофильских организациях и изданиях, видных деятелях русского движения Галичины [30: 197–198].

КРОК прекратил свою деятельность после взятия Львова русскими войсками. С занятием Галичины русской армией в крае возобновил свою деятельность Русский народный совет, руководящий орган Русской народной организации (Русской народной партии). Ю.А. Яворский участвовал в учредительном собрании Русского народного совета (с 1915 г. – Русского народного совета Прикарпатской Руси) 9 (22) сентября 1914 г. во Львове. Он вошёл в его состав [31: 171]. В одном из номеров «Прикарпатской Руси» он поднял вопрос об официальном названии края (Галичина – не Галиция! // Прикарпатская Русь. 1914. 23 сентября. № 1423. С. 4). Он считал, что правильно по-русски называть данную территорию «Галичина», а не «Галиция», как это было в немецких и польских источниках [9: 122].

В «Записке по вопросу о народном образовании в Карпатской Руси» Ю.А. Яворский поднял вопрос об обучении в крае на русском языке [64]. Ранее, 22 сентября он поднял этот вопрос на страницах

газеты «Прикарпатская Русь», опубликовав статью о будущем Галиции. Он считал, что «в исконно русском крае... не должно быть другой публичной, общественной и государственной речи, кроме единственной, победной, хозяйской речи – русской» [3: 151].

В июне 1915 г., после отступления русской армии из Львова, совет был эвакуирован в Киев, с сентября действовал в Ростове-на-Дону. С 1915 по 1920 г. организация координировала деятельность галичан в России, занималась вопросами беженцев, организовала Карпато-русский отряд в составе Добровольческой армии [31: 171].

Как вспоминал Д.Н. Вергун, стремление русских галичан получить разрешение в 1914 г. на формирование особых «карпато-русских дружин» (по образцу чехословацких) «не встретило понимания ни в главной ставке, ни в Петрограде. Особенно ревностно настаивавший на этом галицко-русский деятель был с «почетом» выслан из только что освобожденной его родины, а, прибыв в Петроград, столкнулся с угрозой ссылки в Сибирь». Затем в 1916 г. галицко-русская молодежь, участвовавшая в издании петроградского журнала «На новом пути», возглавляемом А.В. Копыстьянским, готова была «составить ядро карпато-русских добровольческих дружин и кровью запечатлеть преданность идее». Попытки руководства Русского народного совета получить разрешение создать такие части в Ставке Западного фронта и Главной ставки успеха не имели. Издаваемая во Львове Ю.А. Яворским газета «Прикарпатская Русь» не могла этот вопрос поднять на своих страницах, т.к. «круги, близкие в то время к бывшему военному генерал-губернатору Галиции гр. Г.А. Бобринскому, находили, что формирование особых карпато-русских добровольческих дружин внесло бы национальный элемент в российскую армию, основанную на государственной базе, и могло бы создать нежелательный прецедент». Не смогли организовать карпато-русские отряды и при Временном правительстве, «когда о них хлопотал председатель Галицко-русского Беженского Совета в Киеве, профессор Ю.А. Яворский». Такие отряды из карпато-русских беженцев и военнопленных были сформированы генералом Л.Г. Корниловым в 1918 г. в Донской области и адмиралом А.В. Колчаком в 1919 г. в Сибири [7: 103–104].

Ю.А. Яворский не принял большевистский переворот, в 1920 г. отказался от предложенной ему большевиками кафедры в Воронежском университете и вернулся в Галицию, ставшую частью Польши. С 1921 по 1924 г. жил во Львове, издавал газету «Прикарпатская Русь», был управляющим библиотекой и музеями Русского народного института «Народный Дом». Он подготовил к изданию первый том «Талергофского альманаха» (1924) [18: 833]. В нём он назвал Талергоф «Галицкой Голгофой». Четыре выпуска альманаха «Талергофский

альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг.), изданного Талергофским комитетом во Львове, вышли в 1924–1932 гг. В них содержалось множество документальных свидетельств австрийского террора мирных жителей, русских галичан и буковинцев, интернирование и издевательства в концентрационном лагере Талергоф (недалеко от г. Граца, главного города провинции Штирия) во время Первой мировой войны.

В предисловии к первому тому альманаха Яворский написал: «Печальная и жуткая это книга. Потрясающая книга бытия, искусства и мук многострадальной Галицкой Руси в кошмарные дни минувшего грозного лихолетья. Прославный памятник и скорбный памятник безвинно пострадавшей ею искупительной, вечерней жертвы за Единую, Святую Русь!

Заветная, пропамятная книга. Конечно, пока-что она далеко еще не закончена, не полна. Еще много в ней пробелов и изъянов, а даже, может быть, ошибок вообще. Целые округа и периоды, многие подробности и черты – за отсутствием сведений и справок – в ней пока пропущены совсем. Некоторые данные, в особенности – из современных газет, недостаточно проверены и, может быть, не точны и смутны. И, наконец, в ней вовсе нет еще надлежащей исторической цельности и призмы, нет стройности и глади вообще. Лишь сырой и отрывочный сборник черновых материалов и дат. Но все это несколько не изменяет самой сущности и верности вещей. Но все-таки уже вполне сквозит и оживает вся общая картина во всей своей ужасной яркости и широте. И эта жуткая и скорбная картина так грозно вопиет сама уж за себя!» [32: VII].

Во Львове Ю.Я. Яворский был представителем правого крыла Русского исполнительного комитета (РИК), в котором преобладали «левые». На состоявшемся 15 июня 1922 г. съезде мужей доверия Галицко-русской организации он пытался безуспешно отстоять право на участие в работе этого собрания представителей правого крыла. Разногласия в РИК были вызваны тем, что левое крыло провозгласило выступление единым фронтом вместе с украинскими организациями, против чего выступали «правые». По их мнению, это привело бы к гибели самой русской идеи. Ранее «правые» стали издавать газету «Русский голос», затем было принято решение выпускать журнал под таким названием, первый номер его вышел 17 (29) июня 1922 г. 29 июня 1922 г. они создали свой съезд, чтобы решить проблему Народного дома и Ставропигии. 21 мая 1923 г. на совещании представителей русского народа Галиции был избран Временный народный комитет (ВНК), задачей которого стали реорганизация

предвоенной Русской народной организации (РНО) и созыв народного съезда для избрания Народного совета РНО. ВНК принял решение о создании школьного комитета под названием «Русская школа», целью которого было открытие русских гимназий [23: 201–202].

Возглавил инициативную группу для создания общества «Русская школа» Ю.А. Яворский. Общество долгое время не имело «статута ввиду отказа польских властей». Устав общества появился только в 1929 г. Общество готовилось в 1929 г., после летних каникул, открыть русскую гимназию во Львове, весной подало прошение. Оно долго рассматривалось и уже в начале учебного года «попечительство львовского учебного округа ответило отказом» [4: 12].

Во львовский период он выпускает свои «общественно-литературные дневники». В «Думах о Родине» он поднял «близкие и дорогие темы» для всех земляков: о кошмарном большевицком «новом мире», перестройке и переоценке (произошел только сплошной и чудовищный разгром и развал всей тысячелетней культуры и жизни), о самозваном и самовластном большевизирующимся РИКе (Русский исполнительный комитет был в создан во Львове в декабре 1918 г., после распада Австро-Венгрии), критично высказался о т. н. едином русско-«украинском» фронте (объединении русских и украинских организаций Галичины), поднял вопрос о русском языке (первая часть этой статьи о значении и роли русского литературного языка появилась в «Живой мысли» в 1902 г. и затем неоднократно переиздавалась в Галичине и России) и т. д. [75].

Говоря о галицком «едином фронте» он писал: «Просто не хочется верить, нельзя предполагать даже, что соединились тут для какого-то общего национального дела не какие-нибудь дружественные или безразличные, а, даже, пожалуй, лишь случайно и временно враждующие между собою, силы, а именно такие органически и глубоко враждебные и непримиримые до сих пор элементы, как “украинцы” и русские, “украинская” и русская национальная идея, по самому смыслу и существу своему, словно тьма и свет, огонь и вода, безусловно отрицающие и взаимно исключают друг друга, так что о каком-нибудь, хотя бы только временном и внешнем, сближении или даже сочетании их между собой, по крайней мере, покуда, в более благоприятных и просветлённых условиях лучшего будущего, не будет найдена и прочно установлена какая-нибудь общая и более или менее удовлетворительная национальная формула, если и не полного внутреннего их синтеза и согласования, то, по крайней мере, мирно сожительствующего и свободно соревнующегося параллелизма, – не должно быть, очевидно, и речи» [75: 15]. Подчеркнул учёный и «исступленную и безысходную отчужденность и вражду

самого “украинства” по отношению к русской народности и культуре вообще» [75: 16].

Касаясь роли русского языка в Галичине, Ю.А. Яворский обратил внимание, что «после этого страшного испытания в грозе и буре, когда весь наш народ чуть-ли не до последнего малыша в самой глухой деревенской трущобе, не только въявь и воочию убедился в национальном русском единстве, но вместе с тем также и научился более или менее правильно и бойко говорить по-русски, в общенациональном смысле этого слова, – казалось бы, что тем более образованные его круги, а в особенности их цвет и надежда – молодёжь, побывавшая, помимо всего прочего, и в подлинной русской школе, и в русской армии, должны бы с тем большей последовательностью, уверенностью и силою продолжать заветную и едино-спасительную работу и борьбу за естественные и неизбывные права и задачи русского языка, не только любовно и ревностно соблюдая его в живом, частном и общественном обиходе, но и добываясь для него упорно и всемерно самых широких и прочных прав гражданства и свободы в печати, школе и всей народной жизни вообще» [75: 43]. Ранее он подчеркнул, что русский язык – «главный и самый существенный символ и рычаг общей национальной культуры, а следовательно, и самой народности, и народной правды, и воли вообще» [75: 13]. Первая часть очерка была также выпущена в этом году отдельной брошюрой [76].

Продолжает тему русского языка в Галичине вышедшая в 1924 г. работа «Материалы по галицко-русской библиографии. Библиографический список публикаций, вышедших в Галичине на русском языке в послевоенный период (1918–1923 гг.)». Автор отметил, что в течение всего военного времени, вплоть до распада Австро-Венгрии, не считая короткого периода русской оккупации, в Галицкой Руси не появилось «ни одной русской газеты или книги, ни одной русской печатной строки вообще». Предоставляя «полный библиографический список изданий», автор добавляет, что он также включил в него «популярные издания на местном народно-литературном наречии, которые, как по своему внешнему виду этимологическому правописанию, так и по общему своему характеру и направлению, так или иначе примыкают к общерусскому литературному руслу» [77: 3–4].

Борьбе за русский язык посвящена и изданная им брошюра «Вопрос об единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Научные показания проф. д-ра В. Вондрака о сущности и роли русского литературного языка по отношению к его наречиям с вводной заметкой автора и с предисл. и примечаниями проф. д-ра Ю.А. Яворского», вышедшая в 1924 г. В ней приводятся

показания профессора Венского университета доктора В. Вондрака на заседании военного дивизионного суда ландвера в Вене, где рассматривалось дело депутатов австрийского парламента доктора Д.А. Маркова и В.М. Курыловича, присяжных поверенных д-ров К.С. Черлунчакевича из Перемышля и И.Н. Драгомирецкого из Золочева, корреспондента «Нового времени» Д.И. Янчевецкого и крестьян Фомы Дьякова из Вербежа и Гавриила Мулькевича из Каменки Струмиловой. Это был т. н. Первый Венский русский процесс, который длился с 21 июня по 21 августа 1915 г. [8: 5].

Как подчеркнул Ю.А. Яворский, ввиду полного отсутствия состава преступления весь ход самого разбирательства дела вращался «вокруг одних только общих, идеологических вопросов относительно русской национальной идеи и литературного русского языка вообще, а естественной приверженности к ним или т. наз. “русофильства” подсудимых в частности, причем, вместо каких-нибудь документов, вещественных доказательств и других подобных улик, на нём фигурировали одни только безобидные русские газеты и книги, с одной стороны, а частные письма или даже открытки с видами России, с другой» [8: 5–6].

Дело составило «около 40 объемистых томов машинного письма самого стенографического отчета». Ввиду большого объёма автор извлёк один важный эпизод, вокруг которого «беспомощно вращался и весь этот процесс вообще»: научную экспертизу профессора Вацлава Вондрака «по вопросу о сущности и роли русского литературного языка вообще, а его отношении к отдельным русским наречиям в частности» [8: 7].

Предлагаемые научные показания были представлены на 15-м заседании суда 7 июля 1915 г. и были извлечены из стенографического отчета (Т. VI. С. 1420–1468). Они были подготовлены Ю.А. Яворским и выпущены с параллельным переводом на русский язык. Немецкий текст был выправлен В. Вондраком [8: 8]. Брошюра снабжена обширными примечаниями, составленными Ю.Я. Яворским [8: 51–64].

Во Львове Ю.А. Яворский написал несколько некрологов: Т.Д. Флоринскому, Н.П. Глебовицкому, Д.И. Венцковскому, Н.И. Антоневицу, Е.И. Калужняцкому, Ф.И. Свистуну» [70], П.М. Копко [78]. Так как многие из перечисленных деятелей Галицкой Руси сегодня, увы, оказались в забвении, некрологи дают представление об этих людях, их научной и общественно-политической деятельности, основу для дальнейшего исследования.

В 1921 г. он издал труд «Практика господаря. Карпато-русский сборник астрологических предсказаний и примет по рукописи 1740 года» [68]. Работа была опубликована в редактируемом Ю.А. Явор-

ским львовском журнале «Вестник Народного дома» (вышел только один номер).

В работе «Новые данные для истории старинной малороссийской песни и вирши» (1921, 1922) Ю.А. Яворский исследует галицко-русский фольклор второй половины XVII–XVIII вв. В частности, он обнаружил один из вариантов песни о Савве Чалом. Чалый был одним из руководителей гайдамацкого движения 1734 г., затем полковником казацкого полка на польской службе, за предательство был убит бывшим сподвижником, гайдамацким атаманом Игнатом Голым в 1741 г. Обнаруженный текст в песеннике от 1797 г. в с. Флоринка на Лемковщине был наиболее полным, с лемковской диалектной окраской [69: 8–9].

В статье «Неизвестный труд А.М. Добрянского по истории западно-русской церкви» (1923) [74] учёный ошибочно приписал галицко-русскому историку, греко-католическому священнику Антонию Михайловичу Добрянскому авторство обнаруженной в его архиве рукописи. Однако речь шла о скопированном им неизданном на тот момент исследовании М. Гарасевича об истории униатской церкви.

Также Ю.А. Яворский выпустил сборники своих стихов и прозы («Блудные огни», 1922; «Беззвучные песни и другие стихотворения в прозе», «Злыдни. Листки из дневника революции 1917–1920 гг.», 1923) [71–73]. В последнем в стихотворении «Киеву», датированном 15 июля 1929 г., он написал следующие строки:

И впрдь твои седые стены
Снесли б и тридевятый вал,
Когда б тлетворный яд измены
Твоей души не отравлял.
Когда б Мазепы дух крамольный
Твоих не одурманил чад,
Ты вновь расцвёл бы, сад привольный,
Благословенный вертоград.
И в возрождённом русском мире,
Оставив блудный свой покров,
Вновь просиял бы ты в порфире
Как светоч русских городов [73: 12].

В 1925 г. он уехал в Чехословакию, где преподавал в Русской реформированной реальной гимназии в г. Моравска-Тршебова. Позже переехал в Прагу. Он возглавил кружок по изучению Подкарпатской Руси при Русском народном университете, стал членом Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР, был чрезвычайным членом культурного отдела Комитета по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси при Славянском

институте в Праге, издал ряд работ по истории литературы и словесности, работал в Русском университете. В Славянском университете он проработал до самой смерти [14: 142; 18: 833]. В чехословацкий период вышло большинство его этнографических и библиографических работ, посвященных Угорской Руси, в основном Подкарпатья.

Учёный активно публиковался в русских, украинских и чешских научных изданиях: «Ежегодник Славянского института в Праге», «Материалы Международных съездов славистов» (Прага, София, Белград), в пражских журналах «Slavia», который начал выходить с 1922 г., и «Byzantinoslavica», «Науковом зборнике товариства “Просвета” в Ужгороде» и др. В «Slavia» вышли его статьи «Галицко-русская вирша о злой жене», посвященную источникам сатирического произведения (Slavia. Roč. 7. 1928. Seš. 4. S. 922–926), и «К вопросу о литературной деятельности Ермолая Еразма, писателя XVI века» (Slavia. Roč. Roč. 9. 1930–1931. Seš. 1–2. S. 52) [14: 142–143]. В «Byzantinoslavica» он, в частности, опубликовал материал «Галицко-русская вирша о “Злой жене”» (Byzantinoslavica. Roč. 4. 1932. Sv. 2); в «Научных трудах Русского народного университета» в 1933 г. – статью «Карпато-русские варианты двух малоизвестных исторических песен» [97]. Также его работы издавались Ужгородским культурно-просветительским «Обществом им А.В. Духновича», отдельно и в издаваемом обществом журнале «Карпатский свет».

Он принял участие в работе I Международного съезда славистов в Праге, который проходил с 6 по 13 октября 1929 г. На нём он выступил с докладом «Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности». Депутат польского сейма, член правления общества «Просвита» В. Кузик, депутат польского сейма в письме своему коллеге В. Мудрому, упомянув, что «в каждой секции выступал украинец из старых русофилов» (!? – С.С.), отметил, что Яворский «прочитал интересный доклад о Подкарпатской Руси» [20: 106].

Работа вышла в журнале «Карпатский Свет» (1929. № 10) и в следующем году в виде отдельной брошюры. В ней он выделил четыре периода развития литературы Закарпатской Руси:

1. Древнейший – подлинно славяно-русский, приблизительно до конца XVI в., почти исключительно еще в пределах общерусского духовного литературного наследия и на традиционном – с местными чертами – церковно-славянском языке.

2. Средний – XVII–XVIII вв., с решительным преобладанием народного наречия и сильной примесью различных народных элементов, главнейшим образом – из области учительской и назидательно-повествовательной литературы, которая пополнялась и из общерусских, и из малорусских, проникающих извне рукописных и печатных книг. В

этот период широко распространялись полемические сочинения как против католичества, так и протестантизма, благодаря чему, в свою очередь, помимо продолжения своей собственной традиции, карпато-русская литература опять-таки входила все в тот же общерусский духовно-национальный круг.

3. Латинско-мадьярский – с середины XVIII до 40-х гг. XIX в., преимущественно с этими двумя чужими языками в сочинениях научного характера, но, вместе с тем, и с некоторым подступным продолжением народно-письменной традиции в низах.

4. Период возрождения – с А.В. Духновича и его сподвижников и преемников до наших дней, с естественным приобщением – пусть только под условный уровень своеобразной тредьяковщины – к сокровищнице общерусской письменности и созданного ею языка [92: 7, 8, 12, 16].

В брошюре «Из истории научного исследования Закарпатской Руси» (1928) Ю.А. Яворский кратко перечисляет историю изучения Угорской Руси в России. Он останавливается подробно на биографии и основных работах на эту тему А.Л. Петрова, у которого в 1927 г. было 45-летие научно-литературной деятельности и 60-летний юбилей, и В.А. Францева, отметившего в это же время 30-летие научной деятельности [81: 3–5].

Позже учёный посвятил ещё две статьи А.Л. Петрову. В статье «Из наследия по А.Л. Петрове», опубликованной на русском языке в «Науковом зборнике товариства “Просвета” в Ужгороде» в 1934 г., он упомянул, что А.Л. Петров передал ему незадолго до смерти, «кроме сравнительно большой своей работы о Михаиле Андрелле Оросвиговском», ряд других своих, «как старых, так и новых научных материалов, справок и заметок, главным образом, касающихся Закарпатской Руси». Исследователь вводит из них в научный оборот два разных материала: вступительную речь А.Л. Петрова при защите его диссертации на степень доктора (основную часть, касающуюся его карпато-русских изучений) и записку о карпато-русских архивах, содержащих исторические и демографические материалы о Закарпатской Руси, предоставленную А.Л. Петровым земскому управлению в Ужгороде 12 ноября 1931 г. [96: 1–2].

В материале «Бодянское Учительное евангелие. Из черновых материалов А.Л. Петрова» речь шла о хранившемся в Бодянском монастыре в Бачке южнорусском Учительском евангелии, известном в науке уже более ста лет. Вначале было неправильно определено его происхождение и язык. К примеру, П.Й. Шафарик в первую очередь язык определил как словацкий, затем – как малорусский. А.Л. Петров летом 1931 г., будучи уже в возрасте и имея проблемы со здоровьем,

предпринял поездку в Бодянский монастырь. Оказалась, что рукопись не является карпаторусской и есть один из многочисленных списков Учительского евангелия на книжно-малорусском языке со множеством полонизмов, которые в то время (XVI–XVII вв.) были в употреблении на Галичине и Волыни. Интерес к данной рукописи у исследователя упал, он ограничился беглым описанием и выдержками из неё. Ю.А. Яворский привёл эти описательные справки и выписки, дополнительные данные и три опубликованных Г. Магарашевичем образца её евангелических зачал (часть текста Евангелия, предназначенная для богослужебного чтения в православной церкви в тот или иной день года) [101: 1–3].

В 1932 г. Ю.А. Яворский издал в Праге монографию «Духовно-полемические сочинения иерея Михаила Оросвиговского Андреллы против католичества и унии». В предисловии он отметил, что «духовно-полемические сочинения карпато-русского писателя конца XVII в. иерея Михаила Оросвиговского Андреллы против католичества и унии, два сохранившиеся образца которых издаются здесь из научного наследия покойного профессора А.Л. Петрова, принадлежат, бесспорно, к самым замечательным и своеобразным явлениям карпато-русской старой письменности вообще» [13: V]. А.Л. Петров заинтересовался Михаилом Оросвиговским Андреллой и его сочинениями в начале своих изысканий по истории Угорской Руси в 1890 г. В 1930 г. он решил возвратиться к данной теме, но тяжёлая болезнь, а затем смерть помешали ему завершить задуманное. Учёный успел «приготовить к печати и отчасти (до 11-го листа включительно) прокорректировать издаваемые здесь два текста, корректура же остальных 8-ми листов, согласно пожеланию покойного, Королевским чешским обществом наук, принявшим на себя издание, была поручена уже мне», – написал Ю.А. Яворский [13: VI].

В 1927 г. в «Науковом зборнике товариства “Просвета” в Ужгороде» (1927. Т. 5) была опубликована статья учёного «Ветхозаветные библейские сказания в карпато-русской церковно-учительной обработке конца XVII-го века», вышедшая затем и отдельной книгой. Он отметил, что «замечающееся издавна на юго- и западно-русской почве церковно-учительное стремление к все боле общедоступной и проникновенной форме усвоения и популяризации Священного Писания» привело к тому, что «уже с конца XV-го и в особенности с первой половины XVI-го веков всё нарочитее и чаще начали возникать и распространяться отдельные смелые попытки вторичных и более или менее удачных и цельных приспособлений, как самого Священного Писания, так и важнейших святоотеческих и учительных книг к живому местному, народно-литературному, или, как неоднократно

подчёркивалось в то время, “посполитому” или “простому” языку» [79: 1–2]. Западная и Южная Русь «подвергались издавна наиболее сильному и широкому культурному и бытовому воздействию со стороны Западной Европы и, в частности, ближайшего передаточного звена последней – Польши, благодаря которому, между прочим, не только их живой, обиходный и книжно-деловой язык... все дальше отходил и отчуждался от былых, общенародных, а, следовательно, также и церковно-славянских основ, но и вся их старая духовная устойчивость и сила начала значительно ослабевать и проявлять все большую податливость и шатость культурно-религиозной мысли вообще» [79: 2–3].

Перечислив «в главнейших и общих чертах те ближайшие и основные культурно-исторические обстоятельства и данные, в силу которых в свое время произошли и распространились на южно- и западно-русской почве интересующие нас популярные переводы библейских и учительных книг», исследователь даёт их «краткий библиографический перечень XV–XVII вв. в последовательном и возможно близком хронологическом порядке [79: 5–6]. Отдельно он выделяет списки малорусских Учительных Евангелий, «которые были написаны или, по крайней мере, обнаружены на языковой территории бывшей Угорской, а ныне просто Закарпатской Руси» [79: 10].

Перечисленными автором «церковно-учительными памятниками, с частичными и более или менее отрывочными переводами новозаветных писаний на местный народный язык, и исчерпываются пока в старинной карпато-русской письменности все наличные, обнаружившиеся до сих пор, литературные остатки и следы интересующих нас популярных переводов Священного Писания вообще» [79: 15].

Учёный приводит в статье «карпато-русские учительные пересказы и переделки отдельных ветхозаветных сказаний и сцен» из приобретенного им Угрянского учительного сборника «Ключ» конца XVII в.⁵ [79: 16]. В конце текстов автор приложил «небольшой словарь более замечательных областных и заимствованных иностранных слов» [79: 22].

В 1928 г. в № 8 журнала «Карпатский свет» (затем и отдельным оттиском) вышла небольшая статья Ю.А. Яворского «Карпато-русское поучение о снах». В ней автор касается мнения В.Н. Перетца по поводу Святославова сна в «Слове о полку Игореве» в монографии «Слово о полку Ігоревім. Пам’ятка феодальної України-Руси XII віку» (Київ, 1926). Академик считал, что кроме «Лествицы» Иоанна Синайского и отчасти проложного слова св. Антиоха «Яко не подобает веровати сном» нельзя было найти в древнерусской литературе ничего, чтобы «воздержаться от веры в сны». Оспаривая данный тезис, Ю.А.

Яворский привел в пример «Книгу премудрости» Сираха (гл. 34, ст. 1–7), «от которой, именно, по всей вероятности, и произошли все последующие писания этого рода и которую, надо предполагать, и воспользовались, как первоосновой, не одни лишь Иоанн Лествичник и св. Антиох, но и многие другие, в том числе, наверное, и русские церковноучительные писатели, так или иначе выступающие против веры в сны» [80: 1–2].

Автор указал, что «подобного рода церковно-учительные выступления не были в древней Руси так редки, о чём «свидетельствует в некоторой степени и издаваемое ниже карпато-русское поучение о снах, представляющее в общем компиляцию из нескольких таких сочинений, обращавшихся, по-видимому, в свое время в древнерусской письменности и проникших также, между прочим, и на Закарпатскую Русь». Опубликованное учёным поучение состояло из трёх частей: общего, мало относящегося к главной теме введения, сделанного, скорее всего, автором-проповедником, извлечений из слова Антиоха и схематического перечисления снов «по их происхождению и “знамению”, заимствованного якобы из сочинения Григория Двоеслова» [80: 2].

Текст, по словам Яворского, был издан из принадлежащего автору Углянского сборника «Ключ» конца XVII в. (Л. 44–44 об.), на основе которого автор опубликовал уже ряд статей. Само поучение было издано «с возможной точностью, причем только, по техническим соображениям, раскрываются надстрочные выноски и титлы и вводится правильная интерпункция на современный лад» [80: 2].

В 1928 г. в «Сборнике статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданном ко дню 70-летия со дня его рождения» под редакцией В.Н. Перетца, был опубликован материал Ю.А. Яворского «Легенда о происхождении павликиан». Легенда об этом средневековом религиозном направлении, возникшем во второй половине VII в. в Армении, название которого происходит от имени апостола Павла, была широко распространена в VIII–IX вв. в Восточно-Римской империи. Текст этой легенды был найден исследователем в Углянском учительном «Ключе» [82].

В статье «К библиографии об А.В. Духновиче» (вышла 1928 г. в № 1 журнала «Карпатский свет» и отдельным оттиском) Ю.А. Яворский «в дополнение к библиографическому перечню литературы об А.В. Духновиче», переизданному «Карпатским светом» (1928 г., № 7, с. 227–228) из книги Ф.Ф. Аристова «Карпато-русские писатели» (М., 1916 г.), приводит в хронологическом порядке «некоторые дальнейшие данные по тому же вопросу, нисколько не претендуя при этом, в свою же очередь, на должную, сколько-нибудь исчерпывающую

полноту» [83: 1]. Всего даются ссылки на 40 материалов. Приводятся работы А.С. Пыпина, И.С. Свенцицкого, Фр. Тихого, Ф.Ф. Аристова и др.

«Научовый зборник товариства “Просвета” в Ужгороде» в 1929 г. опубликовал статью Ю.А. Яворского «Песня-баллада о казаке и Кулине и духовная песнь грешных людей». В своём исследовании автор показал, что «полусатирическая, полубытовая старинная песня-баллада о казаке и Кулине» восходит в древнейших своих вариантах к началу XVII в. Она пользовалась популярностью не только в малорусской, но и польской, и великорусской среде. В особой переделке она встречается в великорусских печатных песенниках конца XVIII – начала XIX в. Первые следы и первый образчик песни, как ни странно, встречаются в польской печати с начала XVII в. [84: 197–199]. Самый старый из отечественных списков, найденных автором статьи в галицко-русском сборнике Киевского университета № 21, относится к началу XVIII в. Почти одновременно им же был найден ещё один «старописьменный галицко-русский текст» в принадлежащем исследователю Тыличском песеннике первой половины XVIII в. Ещё один вариант, краткий, без припева, встретился автору в галицко-русском песеннике 70–80-х гг. XVIII в. Товарищества им. Шевченко во Львове [84: 201–202].

Разобрав историю исследований песни, сделанных, в частности, И.Я. Франко и А. Брикнером, её язык, состав, автор приходит к выводу, что песня возникла, скорее всего, на рубеже XVI–XVII вв., «в западной, лемковской части Галицкой Руси или даже по ту сторону Карпат» [84: 206–215]. Ю.А. Яворский также провёл «историко-литературную разведку», выясняя взаимные отношения между песней о казаке и Кулине и вышедшей почти одновременно с ней в печати «Kozaczkіem duchownym» [84: 217]. Он сообщил, что нашёл подобный карпато-русский текст в сборнике «Ключ» конца XVII в. [84: 222]. В приложениях приведены разные варианты песен.

В статье «Повести из “Gesta Romanorum” в карпато-русской обработке конца XVII в.» (Прага, 1929) Ю.А. Яворский, вкратце остановившись на появлении «Римских деяний» «на русской почве» [85: 3–5], упоминает, что отрывок их без начала и конца из пяти рассказов был в Перемышльском сборнике Иоанна Юрковского XVII–XVIII в. В Углянском учительном «Ключе» конца XVII в. содержалось девять (если не считать седьмой как не входящей в данный цикл, то только восемь) повестей [85: 6]. Подробно остановившись на данном издании, исследователь издаёт «текст этой выборки из “Римских деяний” с полной точностью, за исключением лишь титл и вынесенных букв» [85: 12]. В конце отдельного оттиска статьи приводятся «новейшие труды того же автора».

В журнале «Slavia» в 1929 г. он опубликовал большую статью (позже она, как, впрочем, и многие другие материалы учёного, вышла отдельным оттиском) «К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI-го века». Материал является ответом на новую статью по этой теме В.Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма» (Ленинград, 1926. Изд-во Академии Наук СССР. Отд. оттиск из «Летописи Занятий Археографической Комиссии». Вып. XXXIII. С. 103–200) [86].

В юбилейном приветствии Е.И. Сабову по случаю его 70-летия, «Национальное самосознание карпато-руссов на рубеже XVIII–XIX веков», вышедшем в 1929 г., Ю.А. Яворский, упоминая, что даже во времена мадьярского правления «вожди карпато-руссов в лице писателей, учёных и владык» выступали за единство русского народа, привёл их высказывания на эту тему. Учёный подчеркнул, что «разъединительные струи» стали «исподволь просачиваться... вслед за другими областями мало- или южнорусской речи, также и к этой последней, до сих пор ещё нетронутой национальным и языковым разбродом, чудом сохранившейся окраине Русской земли» [87: 1–2].

В этом же году в журнале «Карпатский свет» вышла статья Ю.А. Яворского «Старая латинская записка о с. Гукливой». Небольшая деревушка Гукливая (венгер. Zúgó) находится среди «горных стремнин и ущелий Бережской Верховины, почти на самых рубежах её с Галичиной и Мараморошем». Она получила известность благодаря тому, что нашлись в приложении к старой метрике об умерших «местные летописные записки», получившие «в карпато-русской письменности не по достоинству широкое и громкое название «Гукливской Летописи». Сама «летопись» охватывает небольшой временной промежуток (1660–1830 гг.). В ней нет ничего по истории этого селения, в основном содержится «ряд отрывочных и случайных, со значительными перерывами и отчасти спутанною хронологией, погодных записей, заключающих в себе, главнейшим образом, незамысловатые сообщения о местных климатических явлениях, урожае, ценах на продукты, случаях эпидемий и голодовок и тому подобных обстоятельствах крестьянской жизни» [88: 3].

Исследователю удалось найти «другой подобный старописьменный памятник», в котором приводятся сведения об основании села. Это «небольшая латинская статейка “De origine possessionis Hukiva”», написанная, скорее всего, «местным русским священником около половины XVIII века и сохранившаяся на первом, переплетном листе старопечатной Триоди». Правда, у неё отсутствует окончание. Текст её автор привёл «в оригинале и в параллельном точном переводе на русский язык» [88: 4].

В 1930 г. в № 5–6 журнала «Карпатский свет» (и отдельным отпуском) вышла статья Ю.Я. Яворского «П.Д. Лодий в изображении польского романиста». Речь шла об упоминании о нём в историческом романе из наполеоновской эпохи «Poroiu» польского писателя Стефана Жеромского. В нём описана небольшая анекдотическая сценка во время одной из лекций «господина Лоди (Lody), профессора логики и метафизики» в Краковской академической коллегии, когда студенты играли в карты. Автор привёл перевод этого эпизода, а также «важнейшие биографические данные о П.Д. Лодии» и список его важнейших трудов [89: 3–6].

В статье «К изучению А.Ф. Кралицкого (библиографическая справка)» (Карпатский свет. 1930. № 9–10) исследователь обратил внимание, что Ф.Ф. Аристов в очерке об известном будителе Угорской Руси не привёл, по обыкновению, «библиографический свод относящейся к нему литературы». Он восполнил данный пробел, а также дал список «неизвестных сочинений А.Ф. Кралицкого, помещенных в “Беседе” подписью “Ивана Нодя” и ссылку на два переиздания в Ужгороде его исторического рассказа «Князь Лаборец», впервые опубликованного в двух номерах львовского литературного сборника «Галичанин» в 1863 г. и на перевод этого рассказа на чешский язык [90: 1–3].

В этом же году в «Карпато-русском сборнике» (и отдельным отпуском) вышел материал Ю.А. Яворского «Литературные отголоски “русско-краинского” периода в Закарпатской Руси 1919 года». Речь шла об эпизоде в истории Закарпатья, когда «после происшедшего осенью 1918 г. распада Австро-Венгрии, оставшееся мадьярское правительство созвало в Будапеште на 10 декабря 1918 г. якобы народное собрание из представителей Закарпатской Руси, в котором, однако, приняло участие только около 150 заведомых приверженцев мадьяр и которое, таким образом, постановило оставаться и дальше, в виде автономной области под названием “Руськой Краины” в составе той же Венгрии, что и было утверждено мадьярским правительством 20 декабря 1918 г.». Автономия осталась только на бумаге, причём данное положение сохранялось и «после происшедшего в марте 1919 г. коммунистического переворота в Венгрии». В конце апреля 1919 г. Закарпатская Русь была частично оккупирована румынскими и чехословацкими войсками, «а 10 сентября того-же года, по постановлению Сен-Жерменского договора и согласно с волеизъявлением громадного, русского большинства страны, последняя, в качестве особой, автономной же, области, была присоединена к Чехословацкой республике» [91: 3–4].

В краткий период «русско-краинского» режима в Закарпатской Руси «успели возникнуть, кроме официальной будапештской газетки,

целых три карпато-русских публикации в новом же “русько-краинском” уклоне», две из них «тут же подверглись, в связи с последовавшими вскоре событиями, совершенному уничтожению», третья, выпущенная «для пользования учащихся в предполагавшихся “русько-краинских” средних школах, так и осталась совсем неиспользованной» [91: 4]. Учёный дал в статье их «точный и возможно подробный библиографический обзор» [91: 5].

В 1931 г. «Науковый зборник» товариства «Просвета» в Ужгороде опубликовал статью Ю.А. Яворского «Исторические личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI–XIX веков» (позже вышла отдельным оттиском). Учёный отметил, что «различного рода сторонние, не связанные с текстом, записи и приписки на полях и переплетах старых рукописных и печатных книг издавна привлекали должное внимание исследователей, не только как ближайшие, прямые указания и справки для истории самих же этих книг, но также, иногда, и в качестве подсобных исторических, языковых и бытовых источников и данных вообще». К сожалению, в русской археографической науке нет никаких «сводок, даже по отдельным видам или группам» по подобным записям. В Галичине некоторые попытки в этой области сделал И.Я. Франко, в Закарпатской Руси – И.А. Панкевич [93: 3–4].

Желая восполнить это свод карпато-русских записей, начатый последним, автор издал «ряд подобных текстов, каждый раз обозначая собственные выписки пометкой (Я), А.Л. Петрова же – пометкой (П)», пользуясь как лично собранным им материалом, так и предоставленными ему А.Л. Петровым копиями 1890-х гг. В отличие от системы И.А. Панкевича, он поместил их «не по территориальному порядку, то есть, не по месту их происхождения, которое во многих случаях нельзя уже установить, а – по возможности, поскольку лишь они не смешаны друг с другом вообще, – в предметных группах, по их содержанию, как-то: исторические, метеорологические, личные, вкладные и т. д., везде при этом соблюдая их хронологический черед» [93: 4].

В 1933 г. в Праге вышла монография Ю.А. Яворского «Новые рукописные находки в области старинной карпато-русской письменности XVI–XVIII веков». Во введении автор указал, что, несмотря на то, что прошло сорок лет со дня издания «Христоматиі» Е.И. Сабова (1893 г.), «все еще незаменимого опыта систематической сводки и общей классификации историко-литературного материала Закарпатской, бывшей Угорской Руси, научное установление и выяснение объема и характера карпато-русской письменности старого периода, до XIX-го века, в общем не подвинулось особенно существенно вперед». Отметив изыскания в этой области А.Л. Петрова, Я.Н. Стрипского,

В.М. Гнатюка, И.Я. Франко, И.А. Панкевича, М.С. Возняка, А.М. Колессы, В.И. Вирчака, Фр. Тихаго, М. Вейнгарта и других, он констатировал, что «не установлена и не выяснена до сих пор, в сколько-нибудь определённых и четких чертах, хотя-бы приблизительно цельная и связанная картина этой старой письменности вообще, но даже не зарегистрированы и не приведены еще в достаточной мере в известность и все наличные, сохранившиеся до нашего времени, её образцы и следы» [94: 3]. Автор даёт описание 9 рукописей, приложив к описанию 5 снимков с рукописей, приведя в приложении «ряд более значительных и интересных выдержек из них» [94: 5].

Исследователь упомянул, что ему с 1926 по 1930 г. удалось «главным образом, лишь с помощью случайных выводов или заочных объявлений» найти и приобрести, «помимо разных мелких актов и отрывков, также ряд и более значительных и замечательных карпато-русских рукописей XVI–XVIII веков, подробной палеографической и библиологической характеристике и описи которых и посвящены страницы настоящего критически-информационного труда». В приложении он привёл «ряд более значительных и интересных выдержек из них» [94: 5].

В статье «Житие Алексея человека Божия в карпато-русской стихотворной обработке половины XVIII-ого века» (*Byzantinoslavica*. 1932. IV/2) Ю.А. Яворский описал «чрезвычайно редкий и интересный случай стихотворного приспособления известной агиографической легенды к частной цели именного панегирика и поздравления» в представленной им карпато-русской вирше об Алексее человеке Божиим, которая оказалась в недавно найденном учёным «рукописном сборнике духовных вирш и песен, написанном Иоанном Югасевичем в с. Прикрой, Шаришской столицы в 1761–1763 годах» [95: 365]. Какая из редакций или форм жития Алексея человека Божия послужила источником или образцом для этой карпато-русской вирши, «определить довольно трудно». Её же стихотворная форма, «приуроченная к нарочитому поздравительному акростиху», свидетельствует «об оригинальном местном её происхождении» [95: 366].

В именном приветственном акростихе написано: «Алексей Павлович, пресвитер Чернянский, виват!» Чествовался дед известного карпато-русского деятеля и поэта А.И. Павловича (1819–1900), который был во второй половине XVIII в. приходским священником в с. Чёрной или Чарной Бардиевского округа в Шарише, затем на приходе остался его сын Иван, отец поэта, который родился здесь в 1819 г. Сама вирша была составлена «где-то по соседству с Чёрной», не позже 1761 г. В связи с этим вирша, помимо историко-литера-

турного значения (древнейший местный книжно-стихотворный памятник), – «характерный показатель той литературно-нравственной традиции и среды, из которой позже вышел и развился и А.И. Павлович, как народный деятель, будитель и поэт» [95: 366–367]. Автор публикует полностью текст «Песнь Святому Алексею (Под.: Богородце Царице)».

В 1934 г. в Праге вышла монография Ю.Я. Яворского «Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси. С приложением экскурса: “Карпато-русский художник-писец Иоанн Югасевич и его графически-художественные произведения” и 22 снимков с его рукописей». Во введении автор отметил, что «из всех видов старописьменного – все-равно, оригинального или заимствованного – состава Подкарпатской Руси⁶, сравнительно, наибольшее распространение имели, если можно полагаться на количественное свидетельство их, сохранившихся поныне, списков, два простонародных сборника, а именно, учительно-духовные Евангелия и – опять-таки по преимуществу духовные и назидательные – песенники». Причём если «к Учительным Евангелиям прибегали, в сущности, лишь редкие, особо образованные и усердные священники, последние, как сборники общеупотребительных церковных песен, пользовались постоянным применением чуть не во всех церквях, почти-что наравне с прямыми, обязательными книгами богослужения» [98: 5].

Автор даёт описание семи песенников и приводит «180 более заслуживающих внимания и интересных текстов, причем они, по содержанию и языку, распределяются на шесть отдельных групп» [98: 7–9]. В приложении помещены: описание графически-художественных произведений дьяко-учителя Иоанна Югасевича со снимками с его рукописей, алфавитный указатель песен, список использованной литературы. В конце монографии приложен составленный автором список его научных работ (с 1892 по 1934 г., всего 83 работы, «отмеченные одной звездочкой работы вышли также отдельным оттиском, двумя же – вполне самостоятельным изданием» [98: I–III].

В 1935 г. Ю.А. Яворский опубликовал статью «Сотацкая песня о руснаках» в «Научном сборнике в память Е.И. Сабова» и отдельным оттиском. В материале говорилось о сатирико-бытовой песне о руснаках, изданной первый раз в полном виде И. Колларом в 1835 г. Он и М.Н. Гожжа считали её словацкой. Л.А. Петров в рецензии на «Хрестоматию» Е.И. Сабова считал её карпато-русской и привел песню в дополнение к «Хрестоматии». Этого же мнения придерживался М.С. Возняк [99: 3].

Язык песни, по мнению Ю.А. Яворского, «смешанный словацко-русский, т. н. сотацкий, со временем образовавшийся и существую-

щий на этом словацко-русинском пограничье». Сам этот «двуликий областной язык» «еще не предопределяет общей принадлежности его к одной из двух, словацкой или русской стороне». Все «черты и данные» песни свидетельствуют, что «это несомненно памятник, хоть и на столь сомнительном полусловацком, полурусском языке» [99: 4].

А.Л. Петров и Фр. Тихий, издавая эту песню по карпато-русской рукописи первой половины XVIII в. библиотеки Московского университета № 149 (1, S, b, 153), «почему-то разделили текст её на две части». Автор нашёл эту песню в песеннике Иоанна Югасевича 1811 г. Сличив текст с двумя другими вариантами, исследователь пришёл к выводу, что он ближе к тексту карпато-русской рукописи, чем к позднему, поправленному издателем отрывку Коллара, «тем самым и ещё нагляднее и ярче удостоверяет как неразделимую единокельность песни, так и подлинный её сотоцко-русский облик и характер вообще» [99: 4–5]. В конце материала автор приводит текст песни.

В «Отчёте об археографической поездке в Подкарпатскую Русь летом 1931 года», опубликованном в виде брошюры в 1936 г., Ю.А. Яворский написал, что в основном уделил внимание «розыскам старинных рукописных и печатных книг по небольшим местечкам и деревням». Данная командировка является продолжением исследований, начатых во время научной поездки в Словакию и Закарпатскую Русь в январе–феврале 1930 г. В Ужгороде он ознакомился «с небольшим рукописным собранием местного любителя церковной старины И.И. Бродия, а также с одной интересной рукописью музея т-ва “Просвета”». Он подробно описывает Постную Триодь 1676 г. из собрания И.И. Бродия, написанную на церковно-славянском языке, но содержащую 14 синаксарей «на книжном малорусском, сильно полонизированном». Рукопись насчитывала 293 листа [100: 3–4]. Кроме сербской рукописи первой половины XVI в. «Сборник творений Дионисия Ареопагита», созданной на Афоне, он также приобрёл шесть карпато-русских рукописных песенников XVIII–XIX в. [100: 20, 24]. Работа написана в современной русской орфографии.

Умер учёный 11 января 1937 г. в Праге. Похоронен на православном участке Ольшанского кладбища чехословацкой столицы [22: 629]. Рядом с ним похоронена его супруга. На могиле установлен русский восьмиконечный православный крест, имена почти стерлись.

Ю.А. Яворский был действительным членом Исторического общества Нестора-Летописца (1907), Историко-литературного общества (Киев, 1918), членом культурно-просветительного общества «Галицко-русская матица» (1900), Львовского общества русских журналистов

(1903), уполномоченным Русской народной рады Прикарпатской Руси (1918). Он был награждён золотой и серебряной медалями Русского географического общества за свои этнографические труды (1898, 1908). Личный архивный фонд Ю.А. Яворского хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (IP НБУВ. Ф. XXI, 1221 ед. хр. (1883–1927); Ф. III, № 7958, 40238, 51611–51613). Здесь хранятся и материалы о «политической неблагонадежности» Ю.А. Яворского (1893–1914) [15: 512; 24: 641]. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки тоже есть Фонд Ю. Яворского (Ф. № 893 Яворского Ю.А., 69 ед. хр.). Большую часть собрания составляют галицкие рукописи, поступившие в библиотеку в 1917 г. В Государственном архиве Российской Федерации хранится личный фонд Ю.А. Яворского (Ф. Р-5966. Оп. 1. Ед. хр. 154): научные работы, заметки, статьи Ю.А. Яворского, выписки из документов, собранные Ю.А. Яворским по истории Карпатской Руси и т. д. Документы поступили в архив в составе бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) в 1946 г.

Частично библиография Ю.А. Яворского представлена в статье Ф.Ф. Аристова «Юлиан Андреевич Яворский. К 40-летию его литературно-научной деятельности, 1892–1932» [1] и в конце монографии Ю.А. Яворского «Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси» [98: I–III].

Научное, литературное, публицистическое и поэтическое наследие Ю.А. Яворского насчитывает более 80 работ. Его можно разделить на несколько периодов. Первый, галицкий (до 1904 г.) – начало общественно-политической и научной деятельности, первые этнографические исследования и публикации в галицких и российских изданиях. Киевский период (1904–1920 гг.) – преподавательская и научная деятельность, активное участие с первых дней войны в работе Карпато-русского освободительного комитета, Русском народном совете Прикарпатской Руси, Галицко-русского беженского совета в Киеве, публиковался в карпато-русской периодике по актуальным вопросам интеграции Галичины, некоторое время (до оставления Галичины русской армией) жил во Львове, пытался добиться разрешения на формирование карпато-русских воинских подразделений, негативно воспринял Октябрьский переворот. Второй галицкий (львовский) период (1920–1924 гг.) – возвращение в Галицию, ставшую частью Польши, участие в работе русинских (русских) общественно-политических организаций, продолжение этнографических исследований, издавал газету «Прикарпатская Русь», издал свои общественно-политические дневники, сборники прозы и стихов, участвовал в выпуске первого тома «Талергофского альманаха»,

в своих публикациях боролся с украинством, выступал за единый русский литературный язык. Чешский (пражский) период (1925–1937 гг.) – основные этнографические исследования посвящены Прикарпатской Руси, учёный активно публикуется в ужгородских изданиях. Вместе с другими русским учёными-эмигрантами В.А. Францевым, Д.Н. Вергуном, А.В. Флоровским и др. он в своих монографиях и статьях высказывает стремление «Общества им. А.В. Духновича» широко использовать общерусский литературный язык [12: 69].

Проживая в Галичине и Чехословакии, исследователь, несмотря на критику украинизма, публиковался в «Народе», органе русско-украинской радикальной партии (Львов), печатался в «Науковом зборнике» Т-ва «Просвета» в Ужгороде, его связывали тесные отношения с И.Я. Франко.

На работы Ю.А. Яворского ссылались известные исследователи, к примеру филолог, фольклорист, профессор Ленинградского университета В.Я. Пропп [27; 28]. Его записи фольклора точно передают речь местного русинского населения того времени. Он, что важно, давал также историю текстов и приводил параллели к ним. Его публицистика тоже не потеряла своей актуальности для изучения эпохи, в которой он жил. В шеститомной антологии «Литература русского зарубежья» был опубликован его очерк «К новому миру» о отношении учёного к большевистскому «новому миру» [102] из его литературно-общественных дневников «Думы о Родине».

В 1977 г. «Свободное слово Карпатской Руси» опубликовало статью сына Ю.А. Яворского – доктора В.Ю. Яворского «Украина – русская земля». Редакция разместила её «прежде всего для “великороссов”, не знакомых с настроениями своих южнорусских братьев и обманываемых пропагандой украинских самостийников и сепаратистов, выдающих свои преступные и бредовые авантюры за идеалы и чаяния народа» [35: 18].

Примечания

1. От лат. *recollectio* (вновь собирать) – название духовных упражнений, используемых в католической церкви. К реколлекциям относятся молитвы, размышления над библейскими чтениями, медитации. Как правило, реколлекции проводятся в монастырях.

2. В материале Ш. Назарова «Прошлое, что предано забвению. О печальной судьбе русского кладбища в Душанбе» есть упоминание о могиле сына Ю.А. Яворского Эдуарде (URL: <https://fergana.agency/articles/121724> (дата обращения: 18.05.2022)).

3. С 16 (29) сентября 1909 г. и до начала Первой мировой войны

газету издавало во Львове «Русское издательское общество во Львове» при помощи «Галицко-русского благотворительного общества» в Санкт-Петербурге. Редакторами были И. Гриневецкий (1909–1910), С. Лабенский (1910–1914). С началом Первой мировой войны закрыта. 23 (10) августа 1914 г. газета стала выпускаться в Киеве как временный еженедельный орган «Карпато-русского освободительного комитета» (два номера вышли в Киеве, один – в Бродах, редактор – С. Лабенский). В период с 25 (12) сентября 1914 по июнь 1915 г. (во время занятия русскими войсками Галичины) газета снова ежедневно выходила во Львове как орган «Русской народной организации» (редакторы – Н. Гнатышак и Ю. Яворский). С 24 октября (6 ноября) 1914 г. редактором газеты остался Ю. Яворский. После отступления русской армии из Львова в июле – августе 1915 г. ежедневно издавалась в Киеве под редакцией Ю. Яворского. Во время войны между Польской Республикой и Западно-Украинской Народной Республикой издание «Прикарпатской Руси» было восстановлено во Львове с 25 декабря 1918 г. по 12 сентября 1921 г. Газета выходила как орган «Русского исполнительного комитета во Львове» (редактор-издатель – К. Вальницкий [26: 92–93]).

4. Хотя записка помечена грифом «Доверительно. Для широкого ознакомления господ офицеров действующей армии», однако она вскоре попала в руки австро-венгерской разведки. Это привело к репрессиям среди русского населения Галичины. Также брошюра стала главной уликой против члена рейхсрата Д. Маркова [30: 206–207].

5. Углянский сборник «Ключ», рукопись конца XVII в., 111 листов, Ю.А. Яворский приобрёл в августе 1926 г. в с. Сокирницы Мараморошской жупы Закарпатской Руси у о. Михаила Розмана. Углянское учительное евангелие, рукопись XVII в., 188 листов, учёный приобрел в августе 1929 г. в том же селе [79: 2; 94: 41, 71].

6. Ю.А. Яворский, говоря о применяемом им термине «Подкарпатская Русь», отметил, что его применение было установлено на заседании «Sboreň pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi» 2 марта 1934 г. для издания его работы. Поэтому ему пришлось для названия территории карпато-руссов, вместо принятых им до сих пор названий «Закарпатская» или «Карпатская» употреблять «официально-административную номенклатуру». В свою очередь исследователь заметил, что название Подкарпатская Русь, «особенно с научной русской точки ориентации, не может, в сущности, быть признано вполне исправным и уместным, потому, во 1-х, что карпато-руссы, ведь, живут не только под Карпатами, но и в самих Карпатах, дальше, что подобное название вмещает также, собствен-

но, и "подкарпатские" же Буковинскую и Галицкую Русь, и наконец, что заключать в него, как в данном случае, еще и Пряшевщину, административно приделённую теперь к Словакии, пожалуй, даже и официально уж нельзя» [98: 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Ф.Ф.* Юлиан Андреевич Яворский. К 40-летию его литературно-научной деятельности, 1892–1932. Львов: Типография Ставропигийского института, 1932. 15 с.

2. *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині в середині XIX – на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 231–268.

3. *Бахтурина А.Ю.* Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

4. *Ваврик В.Р.* Справка о русском движении на Галицкой Руси, с библиографией на 1929 год. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1929. 16 с.

5. *Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен: [б. и.], 1973. 80 с.: портр.

6. *Вендланд А.В.* Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915 / переклала з німецької Х. Назаркевич. Львів: Літопис, 2015. 688 с.

7. *Вергун Д.Н.* Карпатские соколы (Очерк карпато-русской поэзии). Критика и библиография // Младорус. Периодический сборник. Кн. 1. Прага: Славянское издательство, 1922. С. 101–106.

8. Вопрос об единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Научные показания проф. д-ра В. Вондрака о сущности и роли русского литературного языка по отношению к его наречиям с вводной заметкой автора и с предисл. и примечаниями проф. д-ра Ю.А. Яворского. Львов: Живое слово, 1924. 64 с.

9. *Гайсенюк В.* Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці: Друк Арт, 2017. 304 с.

10. *Грезин И.И.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des-Bois = Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа / Ivan Grezine. Paris: [s. n.], 1995. 458 с.

11. *Дедицкий Б.А.* Своежильевы записки. Ч. II: Взгляд на школьное образование Галицкой Руси в XIX ст. Оттиск из «Вестника Народного дома». Львов: Печатня Ставропигийского ин-та, 1908. 98 с.

12. *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения

в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 67–72.

13. Духовно-полюемическіе сочиненія іерея Михаїла Оросвіговскаго Андреллы против католицизма и унии. Тексты / публикація А. Петрова с предисл. Ю.А. Яворскаго. Nákladem Královské české společnosti nauk. Прага, 1932. 300 с.

14. Жигалов А.Ю. Изучение древнерусской литературы в Чехословакии 1920–1930 гг. русскими исследователями-эмигрантами // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 3. С. 132–145.

15. Історія української бібліотечної справи в іменах (кінець ХІХ ст. – 1941 р.). Матеріали до біобібліографічного словника / авт.-уклад. Л.В. Гарбар; ред. кол.: Г.В. Боряк, Л.А. Дубровіна (голова), В.І. Попик та ін.; НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т рукопису. Київ, 2017. 616 с.

16. Каревин А.С. Исторические шахматы Украины. Герои и антигерои малорусской истории. М.: Центрполиграф, 2015. 284, [1] с.: ил.

17. Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в ХІХ – начале ХХ века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

18. Магочій П.Р., Поп І. Яворський Юліан Андрійович // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П.Р. Магочій, І. Поп; заг. ред. П.Р. Магочій; пер. з англ. мови Н. Кушко; ред. укр. видання В. Падяк. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. С. 833–834.

19. Малкин В.А. Русская литература в Галиции. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1957. 164 с.

20. Матвеев Г.Ф., Семакина Т.Р. Четыре письма галичан о I Международном съезде славянских филологов // Славяноведение. 2020. № 4. Июль–август. С. 100–109. DOI: 10.31857/S0869544X0010423-8

21. Москвофільство: Документи і матеріали / вступ. ст., ком. та добірка док. О. Сухого; за заг. ред. С.А. Макаручука. Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. 236 с.

22. Незабытые могилы. Российское зарубежье. Некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6, кн. 3: Х–Я / Российская государственная библиотека; сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2007. 703 с.

23. Орлевич І. Русофільська течія на початку 1920-х років у Галичині // Галичина. 2013. Ч. 22–23. С. 200–208.

24. Особові архівні фонди Інституту рукопису. Путівник / авт. кол.: О.С. Боляк, С.О. Булатова, Т.І. Воронкова та ін. НАН України. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2002. 766 с.

25. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине ХІХ–ХХ вв. 2-е изд., доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

26. Плекан Ю. Нариси з історії москвофільства на Галичині (середина ХІХ – початок ХХ століть). Івано-Франківськ: НАІР, 2020. 108 с.

27. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 368 с.
28. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. Собрание трудов В.Я. Проппа. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
29. Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние её, в связи с национально-общественными настроениями. Записка составленная при Военно-цензурном отд. Упр. генерал-квартирм. штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта (июль 1914 г.). [Б. м.]: Походная тип. Штаба Главнокомандующего армиями, 1914. 30, [1] с., [1] л. карт.
30. *Суляк С.Г.* Галицкая Русь в российских неперіодических изданиях начального периода Первой мировой войны // Русин. 2016. № 45. С. 190–216. DOI: 10.17223/18572685/45/14
31. *Суляк С.Г.* Будущее Галичины в планах Русского народного совета // Русин. 2016. № 46. С. 168–190. DOI: 10.17223/18572685/46/11
32. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Вып. 1: Террор в Галичине в первый период войны 1914–1915 гг. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1924. 204 с.: ил.
33. *Франко І.* Ю.А. Яворский. Omne vivum ex ovo [Рец.] // Записки НТШ. 1910. Т. 95, кн. 3. С. 229–230.
34. *Чмир О.Р.* Яворський Юліан Андрійович // Учені-славісти в Київському університеті: матеріали до біобібліографії. Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Пам'яті академіка Леоніда Булаховського. 2011. Вип. 14. С. 238–239.
35. *Яворский В.Ю.* Украина – русская земля // Свободное слово Карпатской Руси. 1977. Ноябрь–декабрь. № 11–12 (227–228). С. 1–18.
36. *Яворский Ю.А.* Нова еволюція серед москвофілів // Народ. Орган руско-української радикальної партії. Львів. 1891. Ч. 6. 15 марта. С. 91–92.
37. *Яворский Ю.А.* Нова еволюція серед москвофілів II // Народ. Орган руско-української радикальної партії. 1891. Ч. 8. 15 квітня. С. 130–133.
38. *Яворский Ю.А.* Громовые стрелки. Очерк по истории южнорусского фольклора // Киевская старина. 1897. Т. 58. Июль–август. С. 227–238.
39. *Яворский Ю.А.* Домовик в галицко-русских верованиях // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 105–106.
40. *Яворский Ю.А.* Галицко-русские поверия о опырях // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 107–110.
41. *Яворский Ю.А.* Из галицко-русских народных сказаний и суеверий // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 110–111.
42. *Яворский Ю.А.* Галицко-русские поверия о дикой бабе // Живая старина. 1897. Вып. 3–4. С. 439–441.
43. *Яворский Ю.А.* Из сборника галицко-русских сказок, собранных для

предполагаемого сборного издания И. Р. Географического общества // Живая старина. 1897. Вып. 3–4. С. 441–445.

44. *Яворский Ю.А.* Галицко-русский авгурий XVIII-го века // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 111.

45. *Яворский Ю.А.* К истории Пушкинских сказок. Оттиск из журнала «Живое слово». Львов: Тип. Станиславского ин-та, 1899. 16 с.

46. *Яворский Ю.А.* К истории галицко-русских колядок в сборнике Головацкого. Оттиск из Научно-литературного сборника Галицко-русской Матицы. 1901. Т. I, кн. 2, 3. Львов: Галицко-русская матица, 1901. 37 с.

47. *Яворский Ю.А.* Очерки по истории русской народной словесности. I. Легенда о паншине. Оттиск из Научно-литературного сборника Галицко-русской Матицы. 1901. Т. I. В. 2. Львов: Издание Галицко-русской матицы, 1901. 28 с.

48. *Яворский Ю.А.* Из этнографической тетрадки 1830-х годов. Колядки и щедровки в записях Иосифа Левицкого из Шкла. Оттиск из Научно-литературного сборника Галицко-русской Матицы. 1902. Т. II, кн. 1. Львов: Издание Галицко-русской матицы, 1902. 15 с.

49. *Яворский Ю.* Съезд русских славяноведов в Петербурге // Славянский век. 1903. Вып. 64. 1 (14) мая. С. 482–490.

50. *Яворский Ю.А.* Очерки по истории русской народной словесности. II. Духовный стих о грешной деве [и легенда о нерожденных детях]. Киев: Лито-типография И.И. Чоколова, 1905. [2], 66 с.

51. *Яворский Ю.А.* Отчет Ю.А. Яворского // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (СОРЯС). 1907. Т. 82. С. 56–59.

52. *Яворский Ю.А.* Отчет Ю.А. Яворского // СОРЯС. 1908. Т. 84. С. 52–55.

53. *Яворский Ю.А.* К истории галицко-русского фольклора XVIII века // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца (ЧИОНЛ). 1907. Кн. 20. Вып. 3. Отд. 1. С. 65–66.

54. *Яворский Ю.А.* Новая гипотеза о происхождении так называемой грюньвальдской песни // ЧИОНЛ. 1907. Кн. 20. Вып. 2. Отд. 4. С. 3–25.

55. *Яворский Ю.А.* К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI-го века // ЧИОНЛ. 1907. Кн. 20. Вып. 3. Отд. 5. С. 59–86.

56. *Яворский Ю.А.* К истории карпато-русского фольклора XVIII века. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1907. [2], 7 с.

57. *Яворский Ю.А.* Малорусский отрывок Измарагда XVII в. // Sbornik u slavu V. Jagića. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908. С. 618–629.

58. *Яворский Ю.А.* Византийские сказания о Лье Преумудром в русских списках XVII–XVIII веков // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 2. С. 55–84.

59. *Яворский Ю.А.* Omne vivum ex ovo. К истории сказаний и поверий о яйце. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. 22 с.

60. *Яворский Ю.А.* Два замечательных карпато-русских сборника

XVIII-го в., принадлежащих Университету св. Владимира. Описание рукописей и тексты. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, Акц. об-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1909. [4], 95 с.

61. *Яворский Ю.А.* Пропавшая западнорусская книга «Диалог о смерти» 1629 г. // ИОРЯС. 1911. Т. 16, № 4. С. 217–242; 1912. Т. 17, № 1. С. 264–280.

62. *Яворский Ю.А.* Великорусские песни в старинных карпато-русских записях // ИОРЯС. 1912. Т. 17, № 1. С. 106–189.

63. *Яворский Ю.А.* Описание рукописей Александровской Киевской гимназии. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, Акц. общ-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1913. 24 с.

64. *Яворский Ю.А.* Записка по вопросу о народном образовании в Карпатской Руси. Русский народный совет во Львове. Львов: Тип. Ставропигийского института, 1914. 25 с.

65. *Яворский Ю.А.* Карпато-русское житие апостола Павла // ИОРЯС. 1914. Т. 19, № 4. С. 75–93.

66. *Яворский Ю.А.* Памятники галицко-русской народной словесности. 1. Легенды; 2. Сказки; 3. Рассказы и анекдоты. Вып. 1. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии / под ред. д. чл. А.А. Шахматова. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. Т. 37, вып. 1. [4], 336 с.

67. *Яворский Ю.А.* Заговоры и апокрифические молитвы по карпато-русским рукописям XVIII-го и нач. XIX в. // Русский филологический вестник. 1915. Т. LXXIII, вып. 2, № 2. С. 193–223. с.

68. *Яворский Ю.А.* Практика господарем. Карпато-русский сборник астрологических и метеорологических предсказаний и примет по рукописи 1740 года. Отдельный оттиск – из «Вестника Народного дома». 1921. № 1. С. 60–75. Львов: [б. и.], 1921. 16 с.

69. *Яворский Ю.А.* Новые данные для истории старинной малороссийской песни и вирши. Львов, 1921. Ч. 1–12 = 31 с.; 1922. Ч. 13–19 = 15 с.

70. *Яворский Ю.А.* Из галицко-русского помянника. Шесть некрологов. Профессор Т.Д. Флоринский, Н.П. Глебовицкий, Д.И. Венцковский, Н.И. Антоневич, Е.И. Калужняцкий, Ф.И. Свистун. Отдельный оттиск из «Временника Ставропигийского института» на 1923 г. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1922. 19 с.

71. *Яворский Ю.А.* Беззвучные песни и другие стихотворения в прозе. Львов: Русалка, 1922. 35, [1] с.

72. *Яворский Ю.А.* Блудные огни. Сборник избранных стихотворений. 1892–1922 гг. Львов: Живое слово, 1922. 62 с.

73. *Яворский Ю.* Злыдни. Листки из дневника революции 1917–1920 гг. 2-е изд. Львов: Живое слово, 1923. 20 с.

74. *Яворский Ю.А.* Неизвестный труд А.М. Добрянского по истории западнорусской церкви. Отд., испр. и доп. оттиск из «Временника Ставропигийского института» за 1923 г. Львов: [б. и.], 1923. 14 с.: ил.

75. *Яворский Ю.А.* Думы о Родине. Общественно-литературные дневники д-ра Ю.А. Яворского. № 1. 1923. Май – июнь. Львов: Живое слово, 1923 (Тип. Ставропигийского ин-та). 52 с.

76. *Яворский Ю.А.* Русский язык. Львов: Живое Слово, 1923. 12 с.

77. *Яворский Ю.А.* Материалы по галицко-русской библиографии. Библиографический список публикаций, вышедших в Галичине на русском языке в послевоенный период (1918–1923 гг.). Отдельный оттиск из «Вестника Народного дома». 1924. № 2. Львов: Живое слово, 1924. 35 с.

78. *Яворский Ю.А.* Д-р П.М. Копко (некролог). Отдельный оттиск из «Вестника Народного дома». 1924. № 2. Львов, 1924. 8 с.

79. *Яворский Ю.А.* Ветхозаветные библейские сказания в карпато-русской церковно-учительной обработке конца XVII-го века. Ужгород; Прага: Тип. «Политика», 1927. 80 с.

80. *Яворский Ю.А.* Карпато-русское поучение о снах. Издание Культурно-просветительского общества имени Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский свет». Вып. 51. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1928. № 8. Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1928. 6 с.

81. *Яворский Ю.А.* Из истории научного исследования Закарпатской Руси. Прага: Живое слово, 1928. 26 с., 2 л. портр.

82. *Яворский Ю.А.* Легенда о происхождении павликиан // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения / под ред. В.Н. Перетца. Сборник Отделения русского языка и словесности АН (СПб.) 1928. Т. 101, № 3. Л.: АН СССР, 1928. С. 503–507.

83. *Яворский Ю.А.* К библиографии литературы об А.В. Духновиче. Издание Культурно-просветительского общества имени Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский свет». Вып. 52. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1929. № 1. Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1928. 4 с.

84. *Яворский Ю.А.* Песня-баллада о казаке и Кулине и духовная песнь грешных людей // Научовый зборник товариства «Просвета» в Ужгороде. 1928–1929. Т. 6. С. 197–259.

85. *Яворский Ю.А.* Повести из «Gesta romanorum» в карпато-русской обработке конца XVII в. Отдельный оттиск из «Сборника русского института в Праге». Прага: Типография «Политика», 1929 г. 41 с.

86. *Яворский Ю.А.* К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI-го века. Оттиск из VIII тома журнала «Slavia», 1929. Прага: Tiskem České grafické unie, 1929. 52 с.

87. *Яворский Ю.А.* Национальное самосознание карпато-руссов на рубеже XVIII–XIX веков. Издание Культурно-просветительского общества имени Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский

свет». Вып. 62. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1929. № 5–6. Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1929. 4 с.

88. *Яворский Ю.А.* Старая латинская записка о с. Гукливой. Издание Культурного просветительского общества им. Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский свет». Вып. 71. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1929. № 10. Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1929. 11 с.

89. *Яворский Ю.А.* П.Д. Лодий в изображении польского романиста. Издание Культурного просветительского общества имени Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский свет». Вып. 83. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1930. № 5–6. Ужгород: Типо. «Школьной помощи», 1930. 7 с.

90. *Яворский Ю.А.* К изучению А.Ф. Кралицкого (библиографическая справка). Издание Культурно-просветительского общества имени Александра Духновича в Ужгороде. Приложение к журналу «Карпатский свет». Вып. 101. Отдельный оттиск из журнала «Карпатский свет». 1930. № 9–10. Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1930. 3 с.

91. *Яворский Ю.А.* Литературные отголоски «русско-краинского» периода в Закарпатской Руси 1919 года. Отдельный оттиск из «Карпато-русского сборника». 1930. Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1930. 11 с., [3] л. факс.

92. *Яворский Ю.А.* Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. Прага: Statní tiskárna v Prazi, 1930. 19, [1] с.

93. *Яворский Ю.А.* Исторические личные, вкладные и другие записи в карпато-русских рукописных и печатных книгах XVI–XIX веков. С 3 снимками с рукописей. Отдельный оттиск из «Научового зборника» Т-ва «Просвета» в Ужгороде. 1931. Т. 7–8. Ужгород: Типография О.О. Василиан. 30 с.

94. *Яворский Ю.А.* Новые рукописные находки в области старинной карпато-русской письменности XVI–XVIII веков. С 5 снимками с рукописей. Knižovna sboru pro vyzkum Slovenska a Podkarpatske Rusi pri Slovanskem ustavu u Praze. Cislo 2. Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi. Praha: Tiskem «Politiky», 1931. 133 с., 5 л. фотогр.

95. *Яворский Ю.А.* Житие Алексея человека Божия в карпато-русской стихотворной обработке половины XVIII-ого века. Byzantinoslavica. 1932. № IV/2. С. 365–370.

96. *Яворский Ю.А.* Из наследия по А.Л. Петрове. Отдельный оттиск из «Научового зборника» Т-ва «Просвета» в Ужгороде. 1934. Т. 10. 15 с.

97. *Яворский Ю.А.* Карпато-русские варианты двух малоизвестных исторических песен // Научные труды Русского народного университета (Прага). 1933. Т. 5. С. 128–139.

98. *Яворский Ю.А.* Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси. С прил. экскурса: «Карпато-русский художник-писец Иоанн Югасевич и его графически-художественные произведения» и 22 снимков с его рукописей. Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a

Podkarpatské Rusi. Praha: Tiskem «Politiku», 1934. 348 с.

99. Яворский Ю.А. Сотацкая песня о руснаках. Отдельный оттиск из «Научного сборника в память Е.И. Сабова». Ужгород: Тип. «Школьной помощи», 1935. 7 с.

100. Яворский Ю.А. Из карпато-русской книжной старины. Отчет об археологической поездке в Подкарпатскую Русь летом 1931 года. Carpatica. Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu, 1936. 27 с.

101. Яворский Ю.А. Бодянское Учительное евангелие. Из черновых материалов А.Л. Петрова. Изд. Ю.А. Яворский. Оттиск из «Věstník královské české společnosti nauk. Třída pro filosofii, historii a filologii». Ročník 1937. Č. II. Praha: Nákladem Královské české společnosti nauk, 1937. 20 S.

102. Яворский Ю.А. К новому миру // Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. Т. 1, кн. 1: 1920–1925. М.: Книга, 1990. С. 405.

103. Geni. Юлиан Андреевич Яворский. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD-%D0%AF%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000070482400925> (дата обращения: 1.03.2022).

REFERENCES

1. Aristov, F.F. (1932) *Yulian Andreevich Yavorskiy. K 40-letiyu ego literaturno-nauchnoy deyatel'nosti, 1892–1932* [Julian Yavorsky. To the 40th anniversary of his literary and academic activity, 1892–1932]. Lviv: Stavropegian Institute.

2. Arkusha, O. & Mudriy, M. (1999) *Rusofil'stvo v Galichini v seredini XIX – na pochatku XX st.: geneza, etapi rozvitku, svitoglyad* [Russophilism in Galicia in the middle of the 19th and early 20th centuries: genesis, stages of development, worldview]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 34. pp. 231–268.

3. Bakhturina, A.Yu. (2004) *Okrainy rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN.

4. Vavrik, V.R. (1929) *Spravka o russkom dvizhenii na Galitskoy Rusi, s bibliografiei na 1929 god* [Information about the Russian movement in Galician Rus, with a bibliography for 1929]. Lviv: Stavropegian Institute.

5. Vavrik, V.R. (1973) *Kratkiy ocherk galitsko-russkoy pis'mennosti* [A brief outline of the Galician-Russian writing]. Leuven: [s.n.].

6. Wendland, A.V. (2015) *Rusofili Galichini. Ukraïns'ki konservatori mizh Avstrieyu ta Rosiyeu, 1848–1915* [Russophiles of Galicia. Ukrainian conservatives between Austria and Russia, 1848–1915]. Translated from German. Lviv: Litopis.

7. Vergun, D.N. (1922) *Karpatskie sokoly (Ocherk karpato-russkoy poezii)*. *Kritika i bibliografiya* [Carpathian falcons (Essay on Carpatho-Russian poetry)].

Criticism and bibliography]. In: *Mladorus*. Vol. 1. Prague: Slavyanskoe izdatel'stvo. pp. 101–106.

8. Vondrak, V. & Yavorsky, J. (1924) *Vopros ob edinstve russkogo yazyka pered avstriyskim voennym sudom v Vene v 1915 godu. Nauchnye pokazaniya prof. d-ra V. Vondraka o sushchnosti i roli russkogo literaturnogo yazyka po otnosheniyu k ego narechiyam s vvodnoy zametkoy avtora i s predisl. i primechaniyami prof. d-ra Yu.A. Yavorskogo* [The unity of the Russian language before the Austrian military court in Vienna in 1915. Scholarly evidence of Prof. Dr. V. Vondrak on the essence and role of the Russian literary language in relation to its dialects with an introductory note by the author and with a preface and notes by Prof. Dr. Yu.A. Yavorsky]. Lviv: Zhivoe slovo.

9. Haysenyuk, V. (2017) *Pochatok kintsya. Moskvofili u Velikiy viyni (1914–1918)* [The beginning of the end. Muscophiles in the Great War (1914–1918)]. Chernivtsi: Druk Art.

10. Grezine, I.I. (1995) *Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetièrre de Ste-Geneviève-des-Bois*. Paris: [s.n.].

11. Deditskiy, B.A. (1908) *Svoezhit'evyi zapiski*. Lviv: Stavropegian Institute.

12. Dostal, M.Yu. (1997) Problemy zakarpatskogo natsional'nogo vrozozhdeniya v trudakh russkikh i ukrainskikh emigrantov v mezhvoennoy Chekhoslovakii [Problems of the Transcarpathian National Revival in the Works of Russian and Ukrainian Emigrants in Interwar Czechoslovakia]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 67–72.

13. Petrov, A. & Yavorsky, Ju.A. (eds) (1932) *Dukhovno-polemicheskie sochineniya iereya Mikhaila Orosvigovskogo Andrelly protiv katolichestva i unii* [Spiritual and polemical writings of Priest Michael Oroswigovsky Andrella against Catholicism and the union]. Prague: Nákladem Královské české společnosti nauk.

14. Zhigalov, A.Yu. (2013) The Studies of Old Russian Literature in the 1920–1930s Czechoslovakia by Russian Immigrant Researchers. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 3. pp. 132–145. (In Russian).

15. Garbar, L.V. (2017) *Istoriya ukrains'koï bibliotechnoi spravi v imenakh (kinets' XIX st. – 1941 r). Materiali do biobibliografichnogo slovnika* [History of Ukrainian library reference in names (late 19th century – 1941). Materials to the bibliographic dictionary]. Kyiv: NAS of Ukraine.

16. Karevin, A.S. (2015) *Istoricheskie shakhmaty Ukrainy. Geroi i antigeroyi malorussoy istorii* [Historical chess of Ukraine. Heroes and anti-heroes of Little Russian history]. Moscow: Tsentrpoligraf.

17. Klopova, M.E. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.

18. Magocsi, P.R. & Pop, I. (2010) *Yavors'kiy Yulian Andriyovich* [Julian

Yavorsky]. In: Magocsi, P.R. (ed.) *Entsiklopediya istorii ta kul'turi karpats'kikh rusiniv* [Encyclopedia of the History and Culture of the Carpathian Rusins]. Translated from English. Uzhhorod: V. Padyak. pp. 833–834.

19. Malkin, V.A. (1957) *Russkaya literatura v Galitsii* [Russian Literature in Galicia]. Lviv: Lviv University.

20. Matveev, G.F. & Semakina, T.R. (2020) Chetyre pis'ma galichan o I Mezhdunarodnom s"ezde slavyanskikh filologov [Four letters from the Galicians about the I International Congress of Slavic Philologists]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 100–109. DOI: 10.31857/S0869544X0010423-8

21. Makarchuk, S.A. (ed.) (2001) *Moskvofil'stvo: Dokumenty i materialy* [Moskvofilstvo: Documents and materials]. Lviv: I. Franko LNU.

22. Chuvakov, V.N. (2007) *Nezabytye mogily. Rossiyskoe zarubezh'e. Nekrologi 1917–2001: v 6 t.* [Unforgotten graves. Russian Abroad. Obituaries 1917–2001: in 6 vols]. Vol. 6(3). Moscow: Pashkov dom.

23. Orlevich, I. (2013) Rusofil's'ka techiya na pochatku 1920-kh rokiv u Galichini [The Russophil current in the early 1920s in Galicia]. *Galichina*. 22–23. pp. 200–208.

24. Bolyak, O.S., Bulatova, S.O., Voronkova, T.I. et al. (2002) *Osobovi arkhivni fondi Institutu rukopisu. Putivnik* [Personal archival funds of the Manuscript Institute. A Guide]. Kyiv: NAS of Ukraine.

25. Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

26. Plekan, Yu. (2020) *Narisi z istorii moskvofil'stva na Galichini (seredina XIX – pochatok XX stolit')* [Essays on the history of Muscophilism in Galicia (mid-19th – early 20th centuries)]. Ivano-Frankivsk: NAIR.

27. Propp, V.Ya. (1986) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of Fairy Tales]. Leningrad: Leningrad State University.

28. Propp, V.Ya. (1998) *Poetika fol'klora* [Poetics of Folklore]. Moscow: Labirint.

29. Military Censorship Department, Headquarters of the Commander-In-Chief of the Armies of the Southwestern Front. (1914) *Sovremennaya Galichina. Etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie ee, v svyazi s natsional'no-obshchestvennyimi nastroyeniyami. Zapiska sostavlennaya pri Voенно-tsenzurnom otd. Upr. general-kvartirm. shtaba glavnokomanduyushchego armiyami Yugo-zapadnogo fronta (iyul' 1914 g.)* [Modern Galicia. Its ethnographic and cultural and political state, in connection with national and public sentiments. A note compiled at the Military Censorship Department. Headquarters of the Commander-In-Chief of the Armies of the Southwestern Front (July 1914)]. [s.l.]: Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armies.

30. Sulyak, S.G. (2016) Galician Rus in Russian non-periodicals during the early stages of WWI. *Rusin*. 45. pp. 190–216 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/14

31. Sulyak, S.G. (2016) The Future of Galicia in the Plans of the Russian People's Council. *Rusin*. 46. pp. 168–190 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/11
32. Bendasyuk, S. (ed.) (1924) *Talergofskiy al'manakh. Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuverstv i nasiliy nad karpato-russkim narodom vo vremya vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* [Talerhof Almanac. Memorable Book of Austrian Cruelties, Fanaticism and Violence Against the Carpatho-Russian People During the World War of 1914–1917]. Vol. 1. Lviv: Stavropegian Institute.
33. Franko, I. (1910) Yu.A. Yavorskiy. Omne vivum ex ovo [Rets.] [Ju. Yavorsky. Omne vivum ex ovo [Review]]. *Zapiski NTSh*. 95(3). pp. 229–230.
34. Chmir, O.R. (2011) Yavors'kiy Yulian Andriyovich. Ucheni-slavisti v Kiivs'komu universiteti: materiali do biobibliografii [Julian Yavorskyi. Slavic scholars at Kyiv University: materials for biobibliography]. *Komparativni doslidzhennya slov'yans'kikh mov i literatur. Pam'yati akademika Leonida Bulakhovs'kogo*. 14. pp. 238–239.
35. Yavorskiy, Yu.A. (1977) Ukraina – russkaya zemlya [Ukraine is a Russian land]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12 (227–228). pp. 1–18.
36. Yavorskiy, Yu.A. (1891a) Nova evolyutsiya sered moskvofiliv. *Narod. Organ rusko-ukraïns'koï radikal'noi partii*. 15th March. pp. 91–92.
37. Yavorskiy, Yu.A. (1891b) Nova evolyutsiya sered moskvofiliv II. *Narod. Organ rusko-ukraïns'koï radikal'noi partii*. 15th April. pp. 130–133.
38. Yavorskiy, Yu.A. (1897a) Gromovye strelki. Ocherk po istorii yuzhnorusskogo fol'klora [Thunder Shooters. Essay on the history of South Russian folklore]. *Kievskaya starina*. 58. pp. 227–238.
39. Yavorskiy, Yu.A. (1897b) Domovik v galitsko-russkikh verovaniyakh [Domovik in Galician-Russian beliefs]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 105–106.
40. Yavorskiy, Yu.A. (1897c) Galitsko-russkie poveriya o opyryakh [Galician-Russian beliefs about opyry]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 107–110.
41. Yavorskiy, Yu.A. (1897d) Iz galitsko-russkikh narodnykh skazaniy i sueveriy [From Galician-Russian folk tales and superstitions]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 110–111.
42. Yavorskiy, Yu.A. (1897e) Galitsko-russkie poveriya o dikoy babe [Galician-Russian beliefs about a wild woman]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 439–441.
43. Yavorskiy, Yu.A. (1897f) Iz sbornika galitsko-russkikh skazok, sobrannykh dlya predpolagaemogo sbornogo izdaniya I. R. Geograficheskogo obshchestva [From a collection of Galician-Russian fairy tales collected for the proposed collection edition of the I. R. Geographical Society]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 441–445.
44. Yavorskiy, Yu.A. (1898) Galitsko-russkiy avguriy XVIII-go veka [Galician-Russian Augury of the 18th century]. *Zhivaya starina*. 1. p. 111.
45. Yavorskiy, Yu.A. (1899) *K istorii Pushkinskikh skazok. Ottisk iz zhurnala "Zhivoe slovo"* [To the history of Pushkin's fairy tales. Print from *Zhivoe slovo* magazine]. Lviv: Stavropegic Institute.

46. Yavorskiy, Yu.A. (1901a) *K istorii galitsko-russkikh kolyadok v sbornike Golovatskogo. Ottisk iz Nauchno-literaturnogo sbornika Galitsko-russkoy Matitsy* [On the history of Galician-Russian carols in the collection of Golovatsky. Reprint from the Scholarly and Literary Collection of the Galician-Russian Matitsa]. Vol. 1. Lviv: Galician-Russian Matitsa.

47. Yavorskiy, Yu.A. (1901b) *Ocherki po istorii russkoy narodnoy slovesnosti. I. Legenda o panshchine. Ottisk iz Nauchno-literaturnogo sbornika Galitsko-russkoy Matitsy* [Essays on the history of Russian folk literature. I. The legend of the panshchina. Reprint from the Scholarly and Literary Collection of the Galician-Russian Matitsa]. Vol. 1(2). Lviv: Galician-Russian Matitsa.

48. Yavorskiy, Yu.A. (1902) *Iz etnograficheskoy tetradi 1830-kh godov. Kolyadki i shchedrovki v zapisyakh Iosifa Levitskogo iz Shkla. Ottisk iz Nauchno-literaturnogo sbornika Galitsko-russkoy Matitsy* [From an ethnographic notebook of the 1830s. Carols and schedrovkas in the notes of Iosif Levitsky from Shklo. Reprint from the Scholarly and Literary Collection of the Galician-Russian Matitsa]. Vol. 2(1). Lviv: Galician-Russian Matitsa.

49. Yavorskiy, Yu. (1903) *S"ezd russkikh slavyanovedov v Peterburge* [Congress of Russian Slavic scholars in St. Petersburg]. *Slavyanskiy vek*. 64. pp. 482–490.

50. Yavorskiy, Yu.A. (1905) *Ocherki po istorii russkoy narodnoy slovesnosti. II. Dukhovnyy stikh o greshnoy deve [i legenda o nerozhdennykh detyakh]* [Essays on the history of Russian folk literature. II. A spiritual verse about a sinful virgin [and a legend about unborn children]]. Kyiv: I.I. Chokolov.

51. Yavorskiy, Yu.A. (1907a) *Otchet Yu.A. Yavorskogo* [Report by Ju. Yavorsky]. In: Oldenburg, S. (ed.) *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk (SORYaS)* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences (SORYAS)]. Vol. 82. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 56–59.

52. Yavorskiy, Yu.A. (1908a) *Otchet Yu.A. Yavorskogo* [Report by Ju. Yavorsky]. In: Oldenburg, S. (ed.) *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk (SORYaS)* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences (SORYAS)]. Vol. 84. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 52–55.

53. Yavorskiy, Yu.A. (1907b) *K istorii galitsko-russkogo fol'klora XVIII veka* [On the History of Galician-Russian Folklore of the 18th Century]. In: Dashkevich, N.P. (ed.) *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora-letopistsa (ChIONL)* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler (CHIONL)]. Vol. 20(3). Kyiv: T.G. Meinander. pp. 65–66.

54. Yavorskiy, Yu.A. (1907c) *Novaya gipoteza o proiskhozhdenii tak nazyvaemoy gryunval'dskoy pesni* [A new hypothesis about the origin of the so-called Grunwald song]. In: Dashkevich, N.P. (ed.) *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora-letopistsa (ChIONL)* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler (CHIONL)]. 20(2). Kyiv: T.G. Meinander. pp. 3–25.

55. Yavorskiy, Yu.A. (1907d) K voprosu ob Ivashke Peresvetove, publitsiste XVI-go veka [On the issue of Ivashka Peresvetov, publicist of the 16th century]. In: Dashkevich, N.P. (ed.) *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora-letopistsa (ChIONL)* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler (CHIONL)]. 20(3). Kyiv: T.G. Meinander. pp. 59–86.

56. Yavorskiy, Yu.A. (1907e) *K istorii karpato-russkogo fol'klora XVIII veka* [On the history of Carpatho-Russian folklore of the 18th century]. Kharkov: Pechatnoe delo.

57. Yavorskiy, Yu.A. (1908b) Maloruskiy otryvok Izmaragda XVII v. [Little Russian excerpt from Izmaragd of the 17th century]. In: *Sbornik u slavu V.Jagića*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. pp. 618–629.

58. Yavorskiy, Yu.A. (1909a) Vizantiyskie skazaniya o L've Premudrom v russkikh spiskakh XVII–XVIII vekov [Byzantine legends about Leo the Wise in Russian copies of the 17th–18th centuries]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 14(2). pp. 55–84.

59. Yavorskiy, Yu.A. (1909b) *Omne vivum ex ovo. K istorii skazaniy i poveriy o yatyse* [Omne vivum ex ovo. To the history of legends and beliefs about the egg]. Kyiv: I.N. Kushnerev i K°.

60. Yavorskiy, Yu.A. (1909c) *Dva zamechatel'nykh karpato-russkikh sbornika XVIII-go v., prinadlezhashchikh Universitetu sv. Vladimira. Opisaniye rukopisey i teksty* [Two remarkable Carpatho-Russian collections of the 18th century, owned by the University of St. Vladimir. Description of manuscripts and texts]. Kyiv: Imperial University of St. Vladimir.

61. Yavorskiy, Yu.A. (1911) Propavshaya zapadnorusskaya kniga “Dialog o smerti” 1629 g. [The missing Western Russian book “Dialogue on Death” of 1629]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 16(4). pp. 217–242.

62. Yavorskiy, Yu.A. (1912) Velikorusskie pesni v starinnykh karpato-russkikh zapisyakh [Great Russian songs in ancient Carpatho-Russian records]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 17(1). pp. 106–189.

63. Yavorskiy, Yu.A. (1913) *Opisaniye rukopisey Aleksandrovskoy Kievskoy gimnazii* [Description of the manuscripts of the Alexander Kyiv Gymnasium]. Kyiv: Imperial University of St. Vladimir.

64. Yavorskiy, Yu.A. (1914a) *Zapiska po voprosu o narodnom obrazovanii v Karpatskoy Rusi. Russkiy narodnyy sovet vo L'vove* [Note on the issue of public education in Carpathian Rus. Russian People's Council in Lviv]. Lviv: Stavropegian Institute.

65. Yavorskiy, Yu.A. (1914b) Karpato-russkoe zhitie apostola Pavla [Carpatho-Russian Life of the Apostle Paul]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 19(4). pp. 75–93.

66. Yavorskiy, Yu.A. (1915a) Pamyatniki galitsko-russkoy narodnoy slovesnosti.

1. Legendy; 2. Skazki; 3. Rasskazy i anekdoty [Monuments of Galician-Russian folk literature. 1. Legends; 2. Fairy tales; 3. Stories and anecdotes]. In: Shakhmatov, A.A. (ed.) *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po Otdeleniyu etnografii* [Notes of the Russian Geographical Society for the Department of Ethnography]. Vol. 37(1). Kyiv: S.V. Kulzhenko.

67. Yavorskiy, Yu.A. (1915b) Zagovory i apokrificheskie molitvy po karpato-russkim rukopisyam XVIII-go i nach.XIX v. [Conspiracies and apocryphal prayers according to Carpatho-Russian manuscripts of the 18th and early 19th century]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 2(LXXIII). pp. 193–223. s.

68. Yavorskiy, Yu.A. (1921) Praktika gospodarem. Karpato-russkiy sbornik astrologicheskikh i meteorologicheskikh predskazaniy i primet po rukopisi 1740 goda [The practice of Gospodar. Carpatho-Russian collection of astrological and meteorological predictions and signs according to the manuscript of 1740]. *Vestnik Narodnogo doma*. 1. pp. 60–75.

69. Yavorskiy, Yu.A. (1922a) *Novye dannye dlya istorii starinnoy malorossiyskoy pesni i virshi* [New data for the history of the old Little Russian song and verse]. Lviv: [s.n.].

70. Yavorskiy, Yu.A. (1922b) Iz galitsko-russkogo pomyannika. Shest' nekrologov. Professor T.D. Florinskiy, N.P. Glebovitskiy, D.I. Ventskovskiy, N.I. Antonevich, E.I. Kaluzhnyatskiy, F.I. Svistun [From the Galician-Russian commemorative book. Six obituaries. Professors Timofey Florinsky, Nikolay Glebovitsky, D. Ventskovsky, Nikolay Antonevich, Emilian Kaluznyatsky, F. Svistun]. In: *Vremeni Stavropigiyanskogo instituta* [Vremeni of the Stavropegian Institute]. Lviv: Stavropegian Institute.

71. Yavorskiy, Yu.A. (1922c) *Bezzvuchnye pesni i drugie stikhotvoreniya v proze* [Silent songs and other poems in prose]. Lviv: Rusalka.

72. Yavorskiy, Yu.A. (1922d) *Bludnye ogni. Sbornik izbrannykh stikhotvoreniy. 1892–1922 gg.* [Prodigal lights. Collection of selected poems. 1892–1922]. Lviv: Zhivoe slovo.

73. Yavorskiy, Yu. (1923a) *Zlydni. Listki iz dnevnika revolyutsii 1917–1920 gg.* [Sinisters. Leaflets from the diary of the revolution 1917–1920]. 2nd ed. Lviv: Zhivoe slovo.

74. Yavorskiy, Yu.A. (1923b) Neizvestnyy trud A.M. Dobryanskogo po istorii zapadno-russkoy tserkvi [An unknown work of A.M. Dobryansky on the history of the Western Russian Church]. *Vremeni Stavropigiyanskogo instituta* [Vremeni of the Stavropegian Institute]. Lviv: Stavropegian Institute.

75. Yavorskiy, Yu.A. (1923c) *Dumy o Rodine. Obshchestvenno-literaturnye dnevniki d-ra Yu.A. Yavorskogo* [Thoughts about the Motherland. Socio-literary diaries of Dr. Yu.A. Yavorsky]. Vol. 1. Lviv: Zhivoe slovo.

76. Yavorskiy, Yu.A. (1923d) *Russkiy yazyk* [Russian language]. Lviv: Zhivoe Slovo.

77. Yavorskiy, Yu.A. (1924a) *Materialy po galitsko-russkoy bibliografii*. Bibliograficheskii spisok publikatsiy, vyshedshikh v Galichine na russkom yazyke

v poslevoennyi period (1918–1923 gg.) [Materials on the Galician-Russian bibliography. Bibliographic list of publications published in Galicia in Russian in the post-war period (1918–1923)]. *Vestnik Narodnogo doma*. 2.

78. Yavorskiy, Yu.A. (1924b) D-r P.M. Kopko (nekrolog) [Dr. P.M. Kopko (obituary)]. *Vestnik Narodnogo doma*. 2.

79. Yavorskiy, Yu.A. (1927) *Vetkhozavetnye bibleyskie skazaniya v karpato-russkoy tserkovno-uchitel'noy obrabotke kontsa XVII-go veka* [Old Testament Biblical Legends in the Carpatho-Russian Church and Teaching Processing of the Late 17th Century]. Uzhhorod; Prague: Politika.

80. Yavorskiy, Yu.A. (1928a) Karpato-russkoe pouchenie o snakh. Izdanie Kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva imeni Aleksandra Dukhnovicha v Uzhgorode. Prilozhenie k zhurnalu "Karpatskiy svet". Vyp. 51 [Carpatho-Russian teaching about dreams. Publication of the Cultural and Educational Society named after Alexander Dukhnovich in Uzhhorod. Supplement to the magazine "Karpatskiy svet"]. *Karpatskiy svet*. 8. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

81. Yavorskiy, Yu.A. (1928b) *Iz istorii nauchnogo issledovaniya Zakarpatskoy Rusi* [From the history of research of Transcarpathian Rus]. Prague: Zhivoe slovo.

82. Yavorskiy, Yu.A. (1928c) Legenda o proiskhozhdenii pavlikian [The Legend of the Origin of the Paulicians]. In: Peretts, V.N. (ed.) *Sbornik statey v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo, izdannyy ko dnyu 70-letiya so dnya ego rozhdeniya* [Collection of articles in honor of Academician Alexei Ivanovich Sobolevsky, published on the day of the 70th anniversary of his birth]. Vol. 101(3). Leningrad: USSR AS. pp. 503–507.

83. Yavorskiy, Yu.A. (1929a) K bibliografii literatury ob A.V. Dukhnoviche. Izdanie Kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva imeni Aleksandra Dukhnovicha v Uzhgorode. Prilozhenie k zhurnalu "Karpatskiy svet". Vyp. 52 [To the bibliography of literature about A.V. Dukhnovich. Publication of the Cultural and Educational Society named after Alexander Dukhnovich in Uzhhorod. Supplement to the magazine "Karpatskiy svet." Issue. 52]. *Karpatskiy svet*. 1.

84. Yavorskiy, Yu.A. (1928–1929) Pesnya-ballada o kazake i Kuline i dukhovnaya pesn' greshnykh lyudey [Song-ballad about the Cossack and Kulin and the spiritual song of sinful people]. *Naukovyy zbornik tovaristva "Prosveta" v Uzhgorode*. 6. pp. 197–259.

85. Yavorskiy, Yu.A. (1929b) Povesti iz "Gesta romanorum" v karpato-russkoy obrabotke kontsa XVII v. [Tales from the "Gesta romanorum" in the Carpatho-Russian processing of the late 17th century]. In: *Sbornik russkogo instituta v Prage* [Collection of the Russian Institute in Prague]. Prague: Politika.

86. Yavorskiy, Yu.A. (1929c) K voprosu o literaturnoy deyatelnosti Ermolaya-Erazma, pisatelya XVI-go veka [On the literary activity of Yermolai-Erasmus, a writer of the 16th century]. *Slavia*. 8.

87. Yavorskiy, Yu.A. (1929d) *Natsional'noe samosoznanie karpato-russov na rubezhe XVIII–XIX vekov* [National identity of the Carpatho-Russians at the turn

of the 18th – 19th centuries]. A separate print from the magazine “Karpatskiy svet.” 1929. Nos. 5–6. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

88. Yavorskiy, Yu.A. (1929e) *Staraya latinskaya zapiska o s. Guklivoy* [An old Latin note about s. Guklivaya]. A separate print from the magazine “Karpatskiy svet.” 1929. No. 10. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

89. Yavorskiy, Yu.A. (1930a) *P.D. Lodiy v izobrazhenii pol'skogo romanista* [P.D. Lodiy as portrayed by a Polish novelist]. A separate print from the magazine “Karpatskiy svet.” 1930. Nos. 5–6. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

90. Yavorskiy, Yu.A. (1930b) *K izucheniyu A.F. Kralitskogo (bibliograficheskaya spravka)* [To the study of A.F. Kralitsky (a bibliographic reference)]. A separate print from the magazine “Karpatskiy svet.” 1930. Nos. 9–10. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

91. Yavorskiy, Yu.A. (1930c) *Literaturnye otgoloski “rus'ko-krainskogo” perioda v Zakarpatskoy Rusi 1919 goda* [Literary echoes of the “Russo-Krainian” period in Transcarpathian Rus in 1919]. In: *Karpato-russkiy sbornik* [Carpatho-Russian Collection]. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

92. Yavorskiy, Yu.A. (1930d) *Znachenie i mesto Zakarpat'ya v obshchey skheme russkoy pis'mennosti* [The meaning and place of Transcarpathia in the general scheme of Russian writing]. Prague: Statní tiskárna v Prazi.

93. Yavorskiy, Yu.A. (1931a) *Istoricheskie lichnye, vkladnye i drugie zapisi v karpato-russkikh rukopisnykh i pechatnykh knigakh XVI–XIX vekov* [Historical personal, contribution and other records in the Carpatho-Russian handwritten and printed books of the 16th – 19th centuries]. In: *Naukoviy zbornik T-va “Prosveta” v Uzhgorode* [Scholarly Collection of the Prosveta Partnership in Uzhhorod]. Vol. 7–8. Uzhhorod: O.O. Vasilian.

94. Yavorskiy, Yu.A. (1931b) *Novye rukopisnye nakhodki v oblasti starinnoy karpato-russkoy pis'mennosti XVI–XVIII vekov* [New manuscript finds in the field of ancient Carpatho-Russian writing of the 16th–18th centuries]. In: *Knihovna sboru pro vyzkum Slovenska a Podkarpatske Rusi pri Slovanskem ustavu y Praze*. Vol. 2. Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi.

95. Yavorskiy, Yu.A. (1932) *Zhitie Alekseya cheloveka Bozhiya v karpato-russkoy stikhotvornoy obrabotki poloviny XVIII-ogo veka* [The Life of Aleksey the Man of God in the Carpatho-Russian Verse Arrangement of the Half of the 18th Century]. *Byzantinoslavica*. IV/2. pp. 365–370.

96. Yavorskiy, Yu.A. (1934a) *Iz naslediya po A.L. Petrove* [From the legacy of A.L. Petrov]. In: *Naukoviy zbornik T-va “Prosveta” v Uzhgorode* [Scholarly Collection of the Prosveta Partnership in Uzhhorod]. Vol. 10. Uzhhorod: [s.n.].

97. Yavorskiy, Yu.A. (1933) *Karpato-russkie varianty dvukh maloizvestnykh istoricheskikh pesen* [Carpatho-Russian versions of two little-known historical songs]. *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta (Praga)*. 5. pp. 128–139.

98. Yavorskiy, Yu.A. (1934b) *Materialy dlya istorii starinnoy pesennoy literatury v Podkarpatskoy Rusi* [Materials for the history of ancient song literature in

Subcarpathian Rus]. In: *Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi*. Praha: Politiky.

99. Yavorskiy, Yu.A. (1935) Sotatskaya pesnya o rusnakakh [Sotak song about Rusnaks]. In: *Nauchnyy sbornik v pamyat' E.I. Sabova* [Scientific Collection in memory of E.I. Sabov]. Uzhhorod: Shkol'noy pomoshchi.

100. Yavorskiy, Yu.A. (1936) *Iz karpato-russkoy knizhnoy stariny. Otchet ob arkeograficheskoj poezdke v Podkarpatskuyu Rus' letom 1931 goda. Carpatica* [From the Carpatho-Russian book antiquity. Report on an archeographic trip to Subcarpathian Rus in the summer of 1931. Carpatica]. Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu.

101. Yavorskiy, Yu.A. (1937) Bodyanskoe Uchitel'noe evangelie. Iz chernovykh materialov A.L. Petrova. Izd. Yu.A. Yavorskiy [Bodiansk Teaching Gospel. From the draft materials of A.L. Petrov. Ed. by Ju.A. Yavorsky]. *Věstník královské české společnosti nauk. Trída pro filosofii, historii a filologii*. Vol. 2. Praha: Nákladem Královské české společnosti nauk.

102. Yavorskiy, Yu.A. (1990) K novomu miru [Toward a New World]. In: Lavrov, V.V. (ed.) *Literatura russkogo zarubezh'ya. Antologiya: v 6 t.* [Literature of the Russian Diaspora. Anthology: in 6 vols]. Vol. 1(1). Moscow: Kniga.

103. Geni. (n.d.) *Julian Andreevich Yavorskiy*. [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD-%D0%AF%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000070482400925> (Accessed: 1st March 2022).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(477.83/86)“18”/“19”:371

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/6

Українські професійні об'єднання педагогів Галичини та Буковини (друга половина XIX – початок XX ст.): спроба порівняльного аналізу

О.В. Добржанський¹, Л.І. Шологон²

¹ Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича
Україна, 58012, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2
E-mail: o.dobrzanskiy@chnu.edu.ua

² Прикарпатський національний університет ім. В. Стефаника
Україна, 76018, Івано-Франківськ, вул. Шевченка, 57
E-mail: liliya.shologon@pnu.edu.ua

Авторське резюме

У статті комплексно розглядається діяльність професійних вчительських товариств Галичини та Буковини, робиться спроба їхнього порівняльного аналізу, уводиться до наукового обігу низка не актуалізованих джерел. Встановлено, що впродовж 80 рр. XIX – на початку XX ст. було створено шість фахових педагогічних об'єднань. Проблеми народної школи та належний професійний рівень її педагога потрапили в поле зору «Руського товариства педагогічного» («Українського педагогічного товариства») в Галичині та «Руської школи» («Української школи») на Буковині. На захист фахових інтересів шкільного вчителства стали відповідно – «Взаємна поміч українських вчителів» та «Вільна організація українського учительства на Буковині». Підвищення професійного рівня викладача української гімназії стало пріоритетним у діяльності створеної у Львові «Учительської громади» й «Товариства учителів вищих шкіл» імені Григорія Сковороди у Чернівцях. Констатується, що заснування учительських товариств із однаковими завданнями зумовило те, що Галичина та Буковина були окремими автономними краями в складі Австро-Угорщини. Труднощі, які стояли перед шкільництвом цих двох регіонів, були подібними, але вирішення їх в силу специфіки політичних обставин дещо відрізнялися. У результаті найвагоміші здобутки, що реалізувалися у створенні україномовних початкових шкіл, гімназій, учительських семінарій, курсів для неписьменних та видавничій діяльності мало «Українське педагогічне товариство» в Галичині. Натомість захистити фахові права педагогів та добитися суттєвого підвищення вчительської платні завдяки акціям

політичного характеру разом з іншими громадськими об'єднаннями та політичними партіями краю краще вдалося педагогічним товариствам Буковини.

Ключові слова: товариство, професійні об'єднання педагогів, Галичина, Буковина, Австро-Угорська монархія, народні школи, гімназії, «Руське товариство педагогічне» («Українське педагогічне товариство», «Руська школа» («Українська школа»).

Украинские профессиональные объединения педагогов Галиции и Буковины (вторая половина XIX – начало XX в.): попытка сравнительного анализа

О.В. Добржанский¹, Л.И. Шологон²

¹ Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
E-mail: o.dobrzanskiy@chnu.edu.ua

² Прикарпатский национальный университет
им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченка, 57
E-mail: liliya.shologon@pnu.edu.ua

Авторское резюме

Комплексно рассматривается деятельность профессиональных учительских обществ Галичины и Буковины, делается попытка их сравнительного анализа, вводится в научный оборот ряд неактуализированных источников. Установлено, что на протяжении 80-х гг. XIX – начала XX в. было создано шесть профессиональных педагогических объединений. Проблемы народной школы и надлежащий профессиональный уровень ее педагогов попали в поле зрения «Руського общества педагогического» («Украинского педагогического общества») в Галичине и «Руськой школы» («Украинской школы») на Буковине. В защиту профессиональных интересов школьного учительства встали соответственно «Взаимная помощь украинских учителей» и «Свободная организация украинского учительства на Буковине». Повышение профессионального уровня преподавателя украинской гимназии стало приоритетным в деятельности созданной во Львове «Учительской Громады» и «Общества учителей высших школ имени Григория Сковороды» в Черновцах. Утверждается, что учреждение учительских обществ с одинаковыми задачами обусловило то, что Галичина и

Буковина были отдельными автономными краями в составе Австро-Венгрии. Трудности, стоявшие перед школой этих двух регионов, были сходными, но решение их в силу политических обстоятельств несколько отличалось. В результате наиболее значимые достижения, которые реализовались в украиноязычных начальных школах, гимназиях, учительских семинариях, курсах для неграмотных и издательской деятельности, имело «Украинское педагогическое общество» в Галичине. Защитить профессиональные права педагогов и добиться существенного повышения учительской жалованья благодаря акциям политического характера вместе с другими общественными объединениями и политическими партиями края лучше удалось педагогическим обществам Буковины.

Ключевые слова: общество, профессиональные объединения педагогов, Галичина, Буковина, Австро-Венгерская монархия, народные школы, гимназии, «Руське общество педагогическое» («Украинское педагогическое общество»), «Руська школа» («Украинская школа»).

The Ukrainian professional associations of teachers of Galicia and Bukovyna (second half of the 19th - early 20th century): an attempt of comparative analysis

O.V. Dobrzanskiy¹, L.I. Sholohon²

¹Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsyubynskiy Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
Email: o.dobrzanskiy@chnu.edu.ua

²Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine
Email: liliya.shologon@pnu.edu.ua

Abstract

Focusing on the professional teachers' associations of Galicia and Bukovyna, the author makes an attempt of comparative analysis and introduces a number of previously unknown sources to discuss six professional pedagogical associations established during the 1880s – early 20th century. The problems of public schools and proper professional level of their teachers came in sight of “Rus Pedagogical Society” (“Ukrainian Pedagogical Society”) in Galicia and the “Ruska Shkola” (“Ukrainian school”)

in Bukovyna. “Mutual Aid of Ukrainian Teachers” and “Free Organization of Ukrainian Teachers in Bukovyna” defended the professional interests of school teachers respectively. Higher professional level of gymnasium teachers in Ukraine became a priority in the activities of the “Teachers’ Community” and the Hryhoriy Skovoroda Society of Higher School Teachers established in Lviv and Chernivtsi. Since Galicia and Bukovyna were separate autonomous regions within Austria-Hungary, they had their own teachers’ associations with the similar mission. The difficulties faced by the schools of these two regions were similar; however, they tackled them differently due to the specific political circumstances. As a result, the Ukrainian Pedagogical Society in Galicia had the most significant achievements in the creation of the Ukrainian-language primary schools, gymnasiums, teachers’ seminaries, courses for the illiterate and publishing activity, while the pedagogical associations of Bukovyna managed to protect the professional rights of teachers and achieve a significant increase in teachers’ salaries supported by other public associations and political parties of the region.

Keywords: society, professional associations of teachers, Galicia, Bukovyna, Austro-Hungarian monarchy, public schools, gymnasiums, “Rus Pedagogical Society” (“Ukrainian Pedagogical Society”), “Ruska Shkola” (“Ukrainian school”).

Обрана тема не залишилася поза увагою дослідників. Різні аспекти діяльності українських педагогічних товариства Галичини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. стали об’єктом дослідження Г.Білавич [1], Л. Вовк [3], Н. Кошелевої [20], М. Лисої [21], М. Московчук [22], Б. Савчука [27], Б. Ступарика [34] та інших. Професійні об’єднання педагогів Буковини знайшли відображення у працях О.Добржанського [11], Л.Кобилянської [19], Д. Пенішкевич [27], Л. Шологон [38]. Однак ґрунтового порівняльного аналізу результатів їхньої діяльності до сьогодні не зроблено.

Законодавча база для вільного об’єднання громадян в різного роду товариства була створена 1867 р. Закон про об’єднання та збори від 15 листопада 1867 р. передбачив досить прозору та нескладну процедуру їх відкриття, а також чітко визначив причини, які могли привести до ліквідації товариств [12: 304]. Незважаючи на контроль за діяльністю громадських об’єднань з боку представників державної влади, товариства без стороннього втручання визначали основні засади своєї діяльності. Закон не встановив жодних ідеологічних перешкод для їхньої роботи. Він дав можливість українцям згуртуватися з метою вирішення найважливіших проблем, які не знаходили розуміння з боку владних структур [39: 147].

Насамперед варто окреслити окремі передумови створення та організаційні засади діяльності досліджуваних нами професійних

товариств. Спочатку українські вчителі брали участь в поліетнічних педагогічних об'єднаннях. У 1868 р. Крайова шкільна рада Галичини стала ініціатором заснування «Товариства педагогічного» у Львові. Згідно статуту, основним його завданням була турбота про шкільництво і справи виховання в краї. До товариства належали вчителі-поляки й українці. Друкованим органом товариства був двотижневик «Szkola», що виходив польською мовою і одержував щедрі дотації від Галицького сейму [43: 4]. Незважаючи на змістовність, часопис не приділяв проблемам українського шкільництва належної уваги.

Поступово зростали рівень освіти і громадська активність вчительства Буковини, що привело до заснування в 1872 р. першої багатонаціональної педагогічної організації в краї під назвою «Буковинське вчительське товариство». У 1882 р. на його місці з'явилася нова організація – «Буковинське крайове вчительське товариство», яке теж об'єднувало педагогів різних національностей, в тому числі і українців. У газеті «Wukowinaer Pedagogische Blätter» («Буковинські педагогічні листки»), що почала виходити в 1873 р. з'явилися окремі статті й українською мовою [42]. Проте згадані товариства, де переважно більшість складала німці та румуни, не ставили перед собою завдання розвивати на відповідному рівні українську освіту. Найсвідоміша і найактивніша частина тодішнього українського громадянства, яка розуміла вагу і значення національної школи та її вчителя як важливого чинника відродження українського народу, усвідомлювала, що багатонаціональним педагогічним об'єднанням треба протиставити впливи також вчительського товариства, яке буде дбати, перш за все, про національну школу і національне виховання.

Шкільна нарада у Львові, що відбулася у листопаді 1880 р. за ініціативою львівських професорів університету та викладачів гімназій Омеляна Огоновського, Анатолія Вахнянина, Романа Заклинського, редактора газети «Діло» Володимира Барвінського та інших поклала початок першому українському педагогічному товариству, адже створений ними організаційний тимчасовий комітет склав статут «Руського товариства педагогічного» (далі – РПТ), який 6 серпня 1881 р. затвердило Галицьке намісництво. Згідно вдосконаленого статуту, затвердженого Міністерством внутрішніх справ 15 червня 1912 р., дана учительська організація була перейменована в «Українське педагогічне товариство» (далі – УПТ) [32].

На Буковині пропозицію про заснування окремого українського вчительського товариства, яке б займалось буковинським шкільництвом і об'єднувало в першу чергу педагогів-українців, першим вніс на загальних зборах «Руської бесіди» учитель народної школи Омелян Попович в січні 1887 р., зважаючи на те, що шкільний виділ

при даному товаристві не мав можливості вирішувати справи шкільництва, як вони того вимагали. Спеціальний комітет, яким керував професор Чернівецького університету С. Смаль-Стоцький (секретарем був О. Попович), провів ряд підготовчих заходів в справі заснування товариства та підготував статут товариства «Руська школа» в Чернівцях, який 25 червня 1887 р. затвердила Крайова управа Буковини. 15 лютого 1908 р. загальне зібрання товариства «Руська школа» прийняло рішення змінити існуючу назву організації та іменувати її «Українською школою» [4].

Обидві організації: «Руське Товариство Педагогічне» та «Руська школа» мали однакову мету, записану в статуті, де зазначалося: «Товариство ставить собі задачу: а) промишляти над потребами руського народу на полі шкіл народних, середніх і вищих, займатися основуванням і розвитком руських шкіл і піддержувати всякі справи виховання публічного і домашнього на основі язика руського; б) подавати членам поміч так моральну, як матеріальну» [31; 7]. Створення двох учительських товариств із однаковими завданнями було зумовлено тим, що Галичина та Буковина були окремими автономними краями в складі Австро-Угорщини. Труднощі, які стояли перед шкільництвом цих двох регіонів, були подібними, але вирішення їх в силу специфіки політичних обставин, як згодом показала практика, дещо відрізнялися.

Особливої уваги вимагали і фахові проблеми учителів початкових шкіл. Тому в 1896 р. виникла незалежна від владних структур організація «Товариство народних вчителів у Галичині» (далі – ТНВГ). 5 березня 1897 р. відбувся перший з'їзд товариства, в якому брали участь і представники українського народного вчителства. На з'їзді було ухвалено резолюцію, в якій зокрема, була вимога зрівняти заробітну плату вчителя із заробітною платою державних урядовців нижчого рангу, зменшити термін обов'язкової праці від 40 до 35 років. Брало участь українські педагоги і в інших заходах разом з народними вчителями Австрії [36: 37].

Не меншу активність проявила «Крайова езекутива буковинських вчителів» (далі – КЕБВ), створена в 1901 р. і керована румунським учителем М. Кісановичем і німецьким педагогом Г. Кіппером. Редагована ними «Нова учительська газета» (Bukowinaer Freie Lehrer-Zeitung) справедливо і досить гостро критикувала тодішні шкільні та громадські порядки. Українські педагоги брали активну участь у роботі «Крайової езекутиви».

З великим ентузіазмом «Крайова езекутивна» долучилася до передвиборчої агітації, розуміючи, що без участі у політичному житті народне вчителство не зможе змінити кардинально своє становище на краще. Проте саме суперечки політичного характеру привели

до виходу переважної більшості українських учителів із «Крайової ексекютиви» [17]. Співпраця українських освітян із педагогами інших національностей приносила свої реальні результати (особливо це стосувалося буковинських вчителів), але одночасно привела до думки про потребу заснування окремої вчительської організації. Адже конкретні умови праці українського народного вчительства та відношення влади і громадськості до нього переконували в історичній необхідності національно-професійного руху українських педагогів.

РТП втратило надію на допомогу вчителям з боку урядових структур, тому порушило на загальних зборах 1897 р. питання заснування так званого «допомогового фонду» для членів товариства та їх родин. На цю ціль поступово почали надходити пожертви. І саме за допомогою заходів, що сприяли вирішенню найбільш гострих проблем педагогів, зміцнювалися стосунки товариства і вчителів. Проте виділ РТП розумів, що фахові питання педагогів вимагають постійної уваги. Для цього, на думку проводу товариства, потрібно було створити окрему організацію [41: 30].

Важливим етапом до здійснення цього замислу стало перше Крайове віче українського вчительства 18 липня 1904 р. Воно відбулося у Львові, в приміщенні Народного Дому. Участь у вічі взяло 1392 вчителів з Галичини та Буковини, які прийняли резолюцію, де серед великої кількості інших вимог найбільш гостро стали: покращення матеріального становища вчительства, зміна дисциплінарного законодавства та деяких статей закону про освіту, що обмежували права педагогів. На зборах був обговорений реферат Андрія Аліськевича про організацію українського вчительства і прийнято рішення про заснування товариства «Самопоміч вчительська», яке ставило собі за мету давати грошові допомоги, позики, стипендії і займатися захистом фахових проблем педагогів. Для його створення та укладення статуту обрали спеціальний комітет та комісію, що складалася із 20 чоловік. Періодичним виданням новоствореного товариства стала газета «Промінь». До редакційного комітету часопису входили представники Галичини та Буковини [40: 97].

1 листопада 1904 р. виконавчий комітет першого вчительського віча, найдіяльнішими учасниками якого були гімназійний професор А.Аліськевич та директори шкіл Іван Сторонський та Микола Мороз зібрався на засідання. Виконавчий комітет прийшов до висновку, що професійна організація українського народного вчительства носитиме назву «Взаємна поміч галицьких і буковинських учителів і учительок». Щоб активізувати діяльність буковинських педагогів 23 грудня 1906 р у Чернівцях провели загальне зібрання товариства. Дирекція Львівської Централі погодилась на заснування автономної

Експозитури (Секції) для Буковини з центром у Чернівцях [21]. Було розроблено положення про її діяльність. Незважаючи на широку автономію буковинської Експозитури, цю організацію зробити популярною серед населення не вдалося. Переважна більшість педагогів Буковини тримались осторонь неї. На території Буковини вдалося організувати лише 4 окружні відділи (філії товариства), які ефективної діяльності не проводили, тоді як в Галичині – 65 філій. Діяльність цього товариства була більш близькою саме для галицьких педагогів через їхнє вкрай погане матеріальне становище.

Статут товариства затвердило Міністерство внутрішніх справ у Відні 13 липня 1905 р. Метою товариства було згуртувати учительство Галичини і Буковини для забезпечення моральної та матеріальної допомоги [33]. Переважно дане товариство називали «Взаємна поміч українських вчителів» (далі – ВПУВ). Така назва офіційно була затверджена у 1922 р.

Перші загальні збори «Взаємної помочі» відбулися 28 серпня 1905 р., коли на Буковині українські вчителі вийшли із «Крайової ексекутиви», але підґрунтя для тісної співпраці буковинців із галичанами не було, оскільки вони працювали в різних суспільно-політичних умовах. Проте стан неорганізованості в професійному русі буковинських педагогів постійно тривати не міг.

Для того, щоб згуртувати українських педагогів Буковини в боротьбі за свої фахові інтереси, 6 серпня 1905 р. було створено «Екзекутивний комітет руських вчителів» (далі – ЕКРВ). Його головою обрали К. Даниляка. У перший рік свого існування комітет був майже бездіяльний. Проте поступово він набрав більшої активності, і на масових заходах, що організував ЕКРВ, вчителі висловили бажання об'єднатися в окремому товаристві [29]. Саме тому у 1908 р. було засновано «Вільну організацію українського учительства на Буковині» (далі – ВОУУБ), в статуті якої основне завдання було сформульоване так: «Злучити ціле українське учительство, щоби воно в контакті з цілим учительством на Буковині добилося до такого способу життя, який відповідає в моральнім і матеріальнім згляді інтелігентним людям і вихователям молодіжи вільних горожан» [30: 1].

Таким чином, були створені фахові організації педагогів Галичини та Буковини – товариства «Взаємна поміч галицьких і буковинських учителів і учительок» та «Вільна організація українського учительства на Буковині». Якщо галицькі педагоги, втративши надію на швидке вирішення своїх проблем через представницькі органи влади, намагалися, перш за все, власними силами покращити своє матеріальне становище (надавати позики на пільгових умовах, страхувати нерухоме майно, піклуватися про допомогу молодим вчителям), то буковинські,

маючи досвід політичної боротьби, застосовували саме її, щоб мати добрі умови праці і громадянські права.

На початку ХХ ст. процес творення національно-культурних товариств був майже завершеним. В більшості ділянок життя суспільства вже існували окремі організації. Справами середнього шкільництва займалися РТП та «Руська школа», де гуртувалися переважно вчителі народних шкіл. Згадані товариства причетні до відкриття українських гімназій та вчительських семінарій як державних, так і приватних, але на належному рівні займатися справами середнього шкільництва не вистачало часу.

На загальних зборах РТП в 1902 р. була висловлена думка про необхідність створення товариства вчителів середніх шкіл. В рішучій формі повторила це домагання, скликана віділом РТП, шкільна нарада 8 березня 1908 р. Одним із найактивніших прибічників створення нового товариства під назвою «Учительська громада» був гімназійний викладач Юліан Стефанович, що організував комітет, до якого увійшли професор університету Кирило Студинський, гімназійні викладачі Степан Томашівський, Василь Щурат та інші. Комітет уклав статут товариства «Учительська громада», що був затверджений Міністерством внутрішніх справ 13 червня 1908 р. Товариство ставило собі за мету: «а) підтримати всі справи, що мають на меті розвій і добро вищих шкіл, виховання і добро шкільної молодіжі, добро учителів і їх родин; б) взаємне ознайомлювання з новітніми здобутками науки, взаємне подаване собі помічень і досвідів з обсягу учительської діяльності; в) познайомлюване загалу суспільності зі справою вищих шкіл і з добутками науки» [37: 5]. «Згуртувати і організувати українських професорів вищих навчальних закладів і всіх зацікавлених справами нашої освіти, щоб вивчити реальне становище даних навчальних закладів на території Галичини та працювати для їх націоналізації», – так на першому загальному зібранні окреслив найважливіше завдання «Учительської громади» голова товариства М. Грушевський [6: 2].

Буковинські педагоги середніх шкіл пішли також шляхом створення окремого товариства, хоча спочатку передбачалося, що вони будуть працювати в рамках «Руської школи» як окрема секція. Але зважаючи на те, що товариство «Руська школа» мало безліч інших справ, педагоги середніх навчальних закладів почали схилитися до думки про необхідність створення власної організації. Тому наприкінці 1907 р. було вибрано комітет, що зайнявся створенням «Товариства учителів вищих шкіл» (далі – ТУВШ) імені Григорія Сковороди в Чернівцях (назву запропонував вчений-мовознавець Василь Сімович). Серед засновників товариства відомий письменник, журналіст, викладач учительської семінарії та університету – Осип Маковей. Мета діяльності

ТУВШ імені Григорія Сковороди і «Учительської громади» повністю співпадали. Проте в статуті ТУВШ імені Григорія Сковороди було записано ще й таке: «Г) скріпляти товариського духа між членами частими сходами та виміною думок; д) основувати вищі українські школи» [8: 4].

Отже, було створено шість фахових педагогічних об'єднань. Проблеми народної школи та належний професійний рівень її педагога потрапили в поле зору «Руського товариства педагогічного» («Українського педагогічного товариства») в Галичині та «Руської школи» («Української школи») на Буковині. На захист фахових інтересів шкільного вчителства стали відповідно – «Взаємна поміч українських вчителів» та «Вільна організація українського учителства на Буковині». Підвищення професійного рівня викладача української гімназії стало пріоритетним у діяльності «Учительської громади» й «Товариства учителів вищих шкіл» імені Григорія Сковороди. Спробуємо проаналізувати результати їхньої діяльності за допомогою цифрових даних.

Таблиця 1

**Організаційні результати діяльності українських педагогічних товариств
Галичини та Буковини**

№ п/п	Українські педагогічні товариства Галичини та Буковини	Місце та час створення	Голови товариств	Кількість філій станом на 1914 р.	Кількість членів товариства станом на 1914 р.
1	«Руське товариство педагогічне» («Українське педагогічне Товариство»)	Львів, 6 серпня 1881 р. (РТП)	В. Ільницький (1884–1887) О. Борковський (1887–1891) О. Барвінський (1891–1896) Е. Харкевич (1896–1902) І. Чапельський (1902–1910) О. Макарушка (1910) Т. Войнаровський (1911–1913) Т. Лежогубський (1913) К. Малицька (1913–1914) А. Гладишовський (1914)	80	4 814
2	«Взаємна поміч українських вчителів»	Львів, 13 липня 1905 р.	А. Аліськевич (1905–1909) М. Якимовський (1901–1914)	65	908
3	«Учительська громада»	Львів, 13 черня 1908 р.	М. Грушевський (1908–1912) Ю. Романчук (1912–1914)	11	398
4	«Руська школа» («Українська школа»)	Чернівці, 25 червня 1887 р. (Руська школа)	С. Смаль-Стоцький (1887–1895) С. Шпойнаровський (1895–1899) О. Попович (1899–1901) (1909–1912)	10	350

О к о н ч а н и е т а б л . 1

№ п/п	Українські педагогічні товариства Галичини та Буковини	Місце та час створення	Голови товариств	Кількість філій станом на 1914 р.	Кількість членів товариства станом на 1914 р.
4	«Руська школа» («Українська школа»)	Чернівці, 25 червня 1887 р. (Руська школа)	А. Клим (1901 – 1908) (1912 – 1914) О. Руснак (1908 – 1909)	12	150
5	«Вільна організація українського учительства на Буковині»	Чернівці, 22 листопада 1908 р.	О. Іваницький (1908 – 1914)	10	350
6	«Товариства учителів вищих шкіл імені Григорія Сковороди»	Чернівці, 12 лютого 1908 р.	А. Клим (1908) І. Прийма (1909) А. Артимович (1910) В. Кмицикевич (1911) М. Кордуба (1912 – 1914)	3	90

Організаційна діяльність вчительських об'єднань була спрямована на створення передумов для ефективної роботи членів педагогічних товариств. З цією метою було напрацьовано відповідну юридичну базу (статuti товариств та їхніх філіалів на місцях, розрядження про різні секції, гуртки, комісії) створено осередки на місцях, зроблено особливий наголос на просвітньо-виховних, фінансово-економічних та фахових питаннях, залучено до праці в педагогічних організаціях непересічних особистостей. Серед очільників педагогічних товариств були люди різного соціального статусу: відомі в державі політики, депутати віденського парламенту та галицького сейму О. Барвінський та Ю. Романчук, видатні вчені, університетські професори М. Грушевський та С. Смаль-Стоцький (останній також депутат буковинського сейму та віденського парламенту), директор української Академічної гімназії у Львові Е.Харкевич, інспектор народних шкіл та учительських семінарій Крайової шкільної ради Буковини, депутат буковинського сейму О.Попович, директор низки народних шкіл О.Іваницький, народна вчителька, дитяча письменниця та громадська діячка К.Малицька (див. табл. 1) тощо.

Для вирішення поставлених завдань керівні структури професійних вчительських організацій об'єднували зусилля як впливових політиків, вчених, так і пересічних педагогів. Таке поєднання було вдалим, адже не заявивши голосно про свої вимоги, добитись чогось було нереально. Буковинський педагог І. Карбулицький писав: «Не можу пригадати, щоб уряд був дав нам колись чогось безцеремонно» [18].

Таблиця 2

Кількісні результати просвітньо-виховної діяльності українських педагогічних товариств Галичини та Буковини

№ п/п	Українськ педагогічні товариства Галичини та Буковини	Створені завдяки зусиллям товариств україномовні					
		приватні гімназії	приватні вчительські семінарії	народні школи	курси для неписьменних, для підготовки до навчальних закладів вищого рівня та інші	бібліотеки	Видані книги
1	«Руське товариство педагогічне» («Українське педагогічне Товариство»)	10	3	19	91	12	190
2	«Взаємна поміч українських вчителів»	0	0	0	0	18	5
3	«Учительська громада»	0	0	0	4	0	5
4	(«Руська школа» («Українська школа»)	0	1	2	8	1	82
5	«Вільна організація українського учительства на Буковині»	0	0	0	0	0	2
6	«Товариство учителів вищих шкіл імені Григорія Сковороди»	0	0	0	1	0	0

На основі цифрових даних двох таблиць можна стверджувати, що «Українське педагогічне товариство» було не лише лідером за кількістю педагогів та інших небайдужих людей, що об'єдналися в рамках цієї громадської організації (за цими параметрами серед українських товариств Галичини вона поступалася лише «Просвіті»), створило найбільшу кількість осередків на місцях порівняно з іншими подібними товариствами Галичини та Буковини, але мало найвагоміші здобутки у просвітньо-виховній діяльності. Серед них створення приватних учительських семінарій (двох у Львові – чоловічої і жіночої та однієї в Коломиї), 10 приватних гімназій, які починаючи з 1908 р. відкриваються в Копичинцях, Яворові, через рік – у Рогатині, Перемишлі, Городенці, Буську, Збаражі, а згодом Долині, Чорткові та Городку [14: 114]. Гімназії були організовані зусиллями так званих «гімназійних комітетів» (склалися із жителів вищезгаданих міст) та місцевих осередків УПТ. Центральний провід УПТ надавав допомогу в організації навчального процесу в цих освітніх закладах, а «гімназійні комітети» займалися їх фінансуванням. Натомість товариство

«Українська школа», що найбільш плідно на Буковині працювало у просвітньо-виховній сфері зуміло організувати лише одну приватну жіночу учительську семінарію у Чернівцях [9].

Т а б л и ц я 3

Періодичні видання українських педагогічних товариств Галичини та Буковини

«Руське товариство педагогічне» («Українське педагогічне товариство»)	«Взаємна поміч українських вчителів»	«Учительська громада»	«Руська школа» («Українська школа»)	«Вільна організація українського учительства на Буковині»	«Товариство учителів вищих шкіл імені Григорія Сковороди»
«Шкільний часопис» (1880–1889) «Учитель» (1889–1914 рр.) «Дзвінок» (1890–1914)	«Промінь» (1904–1907) «Прапор» (1907–1912) «Український учитель» (1911 р.) «Учительське слово» (1912–1914)	«Наша школа» (1910–1914)	«Руська школа», 1888, 1891 рр.	«Каменярі» (1909–1914)	«Наша школа» (1912–1914)

Щодо періодичних видань педагогічних об'єднань, то галицьким товариствам дещо краще вдавалося інформувати громадськість про їхню діяльність, знайомити з найновішими досягненнями педагогічної думки, акцентувати увагу на невирішених проблемах. Порівнюючи дані 1 і 3 таблиць, можемо констатувати, що безперервно, починаючи з часу створення і до Першої світової війни видавали фахові часописи УПТ (РТП), ВПУВ, ВОУВБ. Непересічним явищем у тодішній журналістиці став дитячий журнал УПТ (РТП) «Дзвінок» завдяки патріотичному змісту, якісному редагуванню та художньому оформленню [10]. Значно слабші позиції в цьому плані мало буковинське товариство «Українська школа» («Руська школа»), однак тут варто зазначити, що про його створення, діяльність та основні ідейні засади постійно інформував провідний політичний часопис краю – газета «Буковина».

«Учительська громада» та «Товариство учителів вищих шкіл імені Григорія Сковороди» публікували спільними зусиллями у Львові часопис «Наша школа». У 1910 р. видання було започатковане «Учительською громадою», а в 1912 р. у підзаголовку до нього вже зазначалося часопис є органом двох педагогічних організацій ТУВШ імені Григорія Сковороди в Чернівцях та «Учительської громади». Ці товариства не займалися створенням власних навчальних закладів, проте приділяли значну увагу, щоб навчання та виховання українських дітей в середніх навчальних закладах відповідало національним потребам. Оскільки найбільшої допомоги в організації навчання та

залученні кваліфікованих педагогів потребували приватні навчальні заклади зокрема, й ті, що були створені українськими учительськими товариствами, то вони робили все можливе, аби надати їм методичну допомогу. З першого року видання «Нашої школи» вагоме місце на сторінках журналу зайняли науково-педагогічні статті та дослідження з історії, розвитку та реорганізації української школи, методики і дидактики [10].

Педагогічні товариства як Галичини, так і Буковини на початку ХХ ст. активно включилися в акції політичного характеру, основна мета яких полягала в підвищенні учительської платні до рівня платні державних чиновників найнижчих рангів. В обох коронних кряях держави вони співпрацювали з педагогами інших національностей та загально австрійськими вчительськими об'єднаннями. Така співпраця виявилася результативною, оскільки вдавалося заручитися підтримкою громадськості та політичних партій. 15 вересня 1904 р. газета «Промінь» з цього приводу писала: «Віче буковинського учительства в Чернівцях виказало великий поступ в розвитку цілого стану. Справу регуляції платні, яка обговорювалася на вічі, повитала суспільність, як щось зовсім природне» [2].

Спочатку буковинські педагоги розпочали активну роботу в рамках організації «Спілка народних вчителів Буковини», яка була створена в 1897 р. Саме в рамках цього товариства українські освітяни здобули перший досвід боротьби за свої економічні права. Оскільки «Спілка народних вчителів» у 1899 р. припинила діяльність, то українські педагоги почали плідно працювати в КЕБВ, створеній у 1901 р. 6 серпня 1905 р. українські вчителі вступили до Екзекутивного комітету руських вчителів. 1908 р. було створено ВОУУБ. Ці товариства повели за собою українських педагогів і допомагали їм належним чином відстоювати свої економічні права [5: 10].

Непростим був і процес прийняття закону про врегулювання вчительської платні на Буковині. Ініціатором прийняття закону, що урівнював вчительську платню із зарплатою державних службовців чотирьох найнижчих рангів, було демократичне міжнаціональне депутатське об'єднання «Вільнодумний союз». Педагогічна газета «Промінь» з цього приводу писала: «Справа регуляції учительської платні є пробним каменем вільнодумності «Вільнодумного Союзу». Тут покажеся наглядно, чи і оскільки «Вільнодумний Союз» є правдиво поступовим і щирим. Однак ми глибоко переконані, що в найближчій сеймовій сесії він переведе регуляцію учительської платні, а тим самим посуне шкільництво на крок вперед, що вийде лиш на хосен (благо) буковинського учительства [26]. Проте як показав подальший розвиток подій, ці сподівання виправдалися не відразу. Через дефі-

цит крайового бюджету центральна влада у Відні відкладала процес реального запровадження закону. В жовтні 1908 р. Буковинський сейм ще раз прийняв попередній закон про підвищення вчительської платні, хоча й джерела його фінансування не були визначені до кінця. 20 січня 1909 р. закон про врегулювання платні вчителів у державних школах був підписаний імператором [11: 338]. Згідно нього оплата праці вчителів залежала від того, до якої категорії вони належали і становила від 1200 до 2800 крон щорічно. Збільшувалися також розмір дотацій на житло, проїзд, доплата за керівництво школою тощо [13: 10]. В результаті цього закону заробітна плата вчителів Буковина стала однією з найвищих в імперії.

Серед українських педагогічних об'єднань Галичини найактивнішу боротьбу за покращення матеріального становища вчителів вело товариство ВПУВ. Воно співпрацювало в цьому напрямку з польськими, німецькими та іншими вчителями. Оскільки державна влада не могла погодитися на суттєве підвищення заробітної платні, то педагогічним організаціям потрібно було привернути увагу громадськості та політиків до цієї проблеми. Це вдалося зробити завдяки організації мітингів, зустрічей провідних діячів вчительського руху із представниками державної влади, депутатами сейму та парламенту. Порівняно із буковинським вчительством, яке вже з 1909 р. отримувало підвищені виплати, матеріальне становище галицького педагога виглядало плачевно. Найяскравішою ілюстрацією, що свідчила про рівень життя вчителів та захист його економічних прав, була зачитана на педагогічному зібранні 14 січня 1912 р. телеграма однієї вчительки: «Не можу прибути на віче, бо призначена в серпні, зайняла посаду у вересні, і до сьогоднішнього дня не одержала платні» [36: 75]. Тільки в 1914 р. Галицький сейм дослухався до вимог галицьких педагогів та прийняв закон про підвищення вчительської платні, що вступив в дію 1 липня 1914 р. [25]

Обидва закони були прогресивними, бо зарплата педагогів залежала від стажу та кваліфікації вчителя, було підвищено її розмір, покращено пенсійне забезпечення освітян, витрачалося більше, ніж раніше, на інші соціальні виплати. Проте галицькі педагоги не могли в повній мірі скористатися таким важливим для них документом, адже він набрав чинності напередодні Першої світової війни.

Слід зазначити, що педагоги Галичини та Буковини однаково активно захищали свої економічні інтереси, використовуючи для цього законні засоби. Якщо вчителі початкових шкіл Галичини до 1914 р. не знаходили розуміння своїх проблем з боку крайового сейму, то буковинські освітяни зуміли досить швидко заручитися підтримкою народних обранців і тривалий час домагалися, щоб закон про підви-

щення платні вчителям був підписаний імператором. Хоча «Вільна організація українських учителів Буковини» почала активно працювати тільки в 1909 р., коли вступив у дію закон, що суттєво покращував фінансовий стан педагогів, вона й надалі приділяла значну увагу матеріальному забезпеченню вчителів.

Мали претензії до свого матеріального становища і викладачі середніх навчальних закладів (реальних та класичних гімназій). Саме тому, починаючи з 1910 р., члени таких педагогічних організацій, як «Учительська громада» і ТУВШ імені Григорія Сковороди, активно висловлювали свої думки з приводу змін до службового законодавства на сторінках спільного для обох товариств часопису «Наша школа». «Учительська громада» розробила власний проект нової «службової прагматики» [35: 17]. Оскільки цей закон був єдиним для всіх викладачів середніх шкіл держави, то цілком доречним було обговорити його на спільному засіданні «Союзу австрійських товариств середніх шкіл у Відні», до якого, звичайно, входили і українські товариства. Таке обговорення проходило 1 та 2 квітня 1912 р. у Відні. Товариство «Учительська громада» представляли І.Боберський та В.Білецький, а ТУВШ імені Григорія Сковороди П.Клим. Нове службове законодавство для педагогів середніх шкіл було прийняте в січні 1914 р. і дещо покращило соціальний захист і заробітну платню окремих викладачів [23].

Отже, українські професійні педагогічні об'єднання Галичини та Буковини були вагомим фактором культурно-освітнього та суспільного життя в обох коронних краях другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Вони стали на захист як національної освіти, так і професійних прав. У великій мірі успішність їхньої діяльності залежала від суспільно-політичних реалій у Галичині та Буковині, що дещо відрізнялися. Саме завдяки наявності міжнаціонального консенсусу та демократизації виборчого законодавства педагогічним товариствам Буковини вдалося більш успішно, ніж в Галичині запровадити в життя підвищення заробітної плати вчителям народних (початкових) шкіл. Якщо буковинські педагоги отримали підвищену платню у 1909 р., то галицькі – лише напередодні Першої світової війни.

Натомість галицькі педагогічні організації, працюючи в умовах жорсткого польсько-українського протистояння, зосередили діяльність на створенні та фінансуванні приватних навчальних закладів, активній видавничій діяльності і досягли у сфері вагомих успіхів. Станом на 1914 р. УПТ в Галичині мало у своєму активі чималий перелік організованих навчальних закладів, проведених заходів національно-культурного характеру. Безперечно, результати його діяльності були більш плідними, ніж аналогічного товариства «Українська школа» у Чернівцях.

У галузі гімназійної освіти, заснована у Львові «Учительська громада» та ТУВШ у Чернівцях проводили чимало спільних заходів різного характеру. Однак, очолювана впливовими громадсько-політичними діячами М. Грушевським та Ю. Романчуком «Учительська громада» працювала значно активніше у своїй сфері, ніж аналогічне буковинське товариство.

ЛІТЕРАТУРА

1. Білавич Г., Савчук Б. Товариство «Рідна школа» (1881–1939 рр.). Івано-Франківськ, 1999. 208 с.
2. Віче буковинського учительства // Промінь. 1904. 1 жовтня.
3. Вовк Л.Г. Товариства «Учительська громада»: особливості створення та напрями діяльності (1908–1909 рр.) // Гілея. 2017. №. 9. С. 28–32.
4. Гарас М. Ілюстрована історія товариства «Українська школа» в Чернівцях (1887–1937). Чернівці, 1937. 147 с.
5. Герасимович І. Боронім народну школу! Заставна, 1913. 19 с.
6. Грушевський М. Наша школа // Наша школа. 1909. Кн. 1–2. С. 1–3.
7. Державний архів Чернівецької області (ДАЧО). Ф. 3. Оп. 2. Спр. 16450. Справа про спостереження за діяльністю українського просвітнього товариства «Українська школа» (Статут товариства, протоколи, листування). 1895–1909 рр.
8. ДАЧО. Ф. 3. Оп. 2. Спр. 24013. Листування з дирекцією поліції м. Чернівці про створення в м. Чернівці Товариства вчителів імені Г. Сковороди і про затвердження статуту. 14 листопада 1907 р. – 20 травня 1909 р.
9. ДАЧО. Ф. 1006. Приватна жіноча учительська семінарія «Української школи». Оп. 1. Спр. 1. Журнал обліку відвідування учениць семінарії. 1909–1921 рр.
10. Дзвоніть. Письмо ілюстроване для дітей і молодіж. Львов, 1890–1914.
11. Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці, 1996. 574 с.
12. Законъ зъ дня 15 листопада 1867 о правъ съдиненія // Переводи зъ вестника законъвъ державнихъ для герцогства Буковини. Рочникъ 1867. Чернівці, 1868. С. 297–304.
13. Закон із дня 20 січня 1909 р., про управильненє службових доходів учителів та учительок при публічних школах народних // Вісник законів і розпоряджень для Воєводства Буковини. Чернівці, 1909. Випуск ІV. С. 10.
14. Звіт з діяльності Українського Педагогічного Товариства за рік адміністративний 1910/11, 1911/12, 1912/13 (від 1 вересня 1910 до 31 вересня 1913). Львів, 1913. 160 с.

15. Звіт з діяльності товариства «Українська школа» за рік 1910/11. Чернівці, 1911. 59 с.
16. З історії державної середньої школи в Галичині // Наша школа. 1910. Кн. 1–2. С. 7–10.
17. *Карбулицький І.* Заява супроти «Neue Fr. Lehrer-Zeitung» // Буковина. 1905. 12 липня.
18. *Карбулицький І.* Оправдані й неоправдані нарікання // Час. 1931. 1 грудня.
19. *Кобилянська Л.* Концепція та організаційні засади народного шкільництва на Буковині в світлі загальноавстрійського та крайового законодавства (кінець XVIII – початок XX ст.) // Питання історії, історіографії, джерелознавства та архівознавства Центральної та Східної Європи. 1997. № 1. С. 16–22.
20. *Кошелева Н.* Організації українського вчительства у Східній Галичині в 1881–1914 роках // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1998. № 33. С. 108–113.
21. *Лиса М.* Діяльність товариства «Взаємна поміч галицьких і буковинських вчителів» в контексті культурно-освітнього життя Галичини // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2013. № 23. С. 134–140.
22. *Московчук М.* Товариство «Взаємна поміч українського вчительства» у суспільно-культурному житті Галичини у першій третині XX ст. Львів, 2014. 156 с.
23. Нова службова прагматика для учителів середніх шкіл // Наша школа. 1914. Кн. 1. С. 1–5.
24. *Пенішкевич Д.* Товариство «Українська школа» і розвиток народної освіти на Буковині (друга половина XIX – початок XX ст.) // Рідна школа. 1996. № 9. С. 9–10.
25. Реальні добутки послідного упорядкування вчительських платень // Учительське слово. 1914. Март – цвітень. С. 228–230.
26. Регуляція учительської платні // Промінь. 1904. 15 вересня.
27. *Савчук Б.* Просвітницька та соціально-економічна діяльність українських громадських товариств у Галичині (остання третина XIX ст. – кінець 30-х років XX ст.). Івано-Франківськ, 1999. 138 с.
28. Секція чи Експозитура «Взаємної помочі» для Буковини з осідком у Чернівцях // Промінь. 1907. 15 лютого.
29. *Смаль-Стоцький С.* Де правда? // Буковина. 1908. 15 січня.
30. Статут «Вільної організації українського учительства на Буковині». Чернівці, 1909. 10 с.
31. Статут Руського Товариства Педагогічного. Затверджений ц.к. Намісництвом дня 6 серпня 1881. Львів, 1881. Ч. 37. 847. 15 с.
32. Статут Українського Товариства Педагогічного. Прийнятий до відома

Високим ц. к. Правительством рескриптом ц. к. Міністерства внутрішніх справ з дня 15 червня 1912 р. Львів, 1912. Ч. 16. 626. 12 с.

33. Статут товариства «Взаїмна поміч галицьких і буковинських учителів і учительок». Львів, 1906. 43 с.

34. *Ступарик Б.* Шкільництво Галичини (1772–1939). Івано-Франківськ, 1994. 144 с.

35. *Терлецький О.* Історія «Учительської Громади» (1908–1933) // Двадцятьп'ятьліття товариства «Учительська громада». Львів, 1935. С. 5–48.

36. Товариство Взаїмна поміч українського вчительства 1905–1930. Львів, 1932. 339 с.

37. Центральний державний історичний архів України м. Львів (ЦДІА України м. Львів). Ф. 146. Оп. 8. Спр. 875. Статут українського товариства «Учительська громада» у Львові. 1908 р.

38. *Шологон Л.* Громадсько-політична діяльність українських педагогічних організацій Галичини і Буковини кінця XIX – початку XX ст. // Вісник Прикарпатського університету. Історія. 2002. Вип. VI. С. 50–60.

39. *Шологон Л.І.* Джерела з історії національно-культурного руху українців Галичини (1848–1914 рр.). Івано-Франківськ, 2015. 460 с.

40. Шологон Л. Захист фахових інтересів педагогів товариством «Взаємна поміч українського вчительства» (1905–1914 рр.) // Питання історії України. 2000. Т. 4. С. 96–104.

41. *Ясінчук Л.* 50 літ «Рідної школи» 1881–1939. Львів, 1931. 267 с.

42. Bukowinaer Pedagogische Blätter. Organ des Bukowinaer Landes-Lehrervereines. Czernowitz, 1889. 2. Mai.

43. *Historia Lwowskiego oddziału towarzystwa pedagogicznego.* Lwow, 1894. 26 s.

REFERENCES

1. Bilavych, H. & Savchuk, B. (1999) *Tovaristvo "Ridna shkola" (1881–1939 rr.)* [Native School Society (1881–1939)]. Ivano-Frankivsk: Lileia-NV.

2. *Promin.* (1904) Viche bukovins'kogo uchitel'stva [Meeting of Bukovynian teachers]. 1st October.

3. Vovk, L.H. (2017) Tovaristva "Uchitel's'ka gromada": osoblivosti stvorennia ta napryami diyal'nosti (1908–1909 rr.) [Teachers' Community Society: Peculiarities of Creation and Activity Directions (1908–1909)]. *Hileia*. 9. pp. 28–32.

4. Haras, M. (1937) *Ilyustrovana istoriya tovaristva "Ukrains'ka shkola" v Chernivtsyakh (1887–1937)* [Illustrated history of the Ukrainian School Society in Chernivtsi (1887–1937)]. Chernivtsi: [s.n.].

5. Herasymovych, I. (1913) *Boronim narodnu shkolu!* [Defend the public school!]. Zastavna: [s.n.].

6. Hrushevsky, M. (1909) *Nasha shkola* [Our school]. *Nasha shkola*. 1–2. pp. 1–3.
7. Ukraine. (1895–1909) *Sprava pro sposterezhennya za diyal'nistyu ukrains'kogo prosvitn'ogo tovaristva «Ukrains'ka shkola» (Statut tovaristva, protokoli, listuvannya). 1895–1909 rr.* [Case on the observation of the activity of the Ukrainian educational society “Ukrainian school” (Regulations of the society, protocols, correspondence). 1895–1909]. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 16450.
8. Ukraine. (1907–1909) *Listuvannya z direktsieyu politsii m. Chernivtsi pro stvorennya v m. Chernivtsi Tovaristva vchiteliv imeni. G.Skovorodi i pro zatverdzhennya statutu. 14 listopada 1907 r. – 20 travnya 1909 r.* [Correspondence with the Chernivtsi Police Directorate on the establishment of the G.Skovoroda Chernivtsi Teachers' Association in Chernivtsi and the approval of the statute. November 14, 1907 – May 20, 1909]. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 3. List 2. File 24013.
9. Ukraine. (1909–1921) *Privatna zhinocha uchitel's'ka seminariya “Ukrains'koi shkoli”* [Private female teacher's seminary “Ukrainian School”]. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). Fund 1006. List 1. File 1.
10. *Dzvonok. Pis'mo ilyustrovane dlya ditey i molodezhi.* (1890–1914). Lviv.
11. Dobrzhansky, O. (1996) *Natsional'niy rukh ukrainsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national movement of Ukrainians in Bukovyna in the second half of the 19th – early 20th century]. Chernivtsi: Zoloti lytavry.
12. Bukovyna. (1868) *Zakon'z' dnya 15 listopada 1867 o prav's' dineniya* [Law of November 15, 1867, on the right of union]. In: *Perevodi z' vestnika zakonov' derzhavnikh' dlya gertsogstva Bukovini. Rochnik' 1867* [Translations from the Bulletin of State Laws for the Duchy of Bukovyna. 1867]. [s.l.: s.n.]. pp. 297–304.
13. Bukovyna. (1909) *Zakon iz dnya 20 sichnya 1909 r., pro upravil'nene sluzhbovikh dokhodiv uchiteliv ta uchitel'ok pri publichnikh shkolakh narodnikh* [Law of January 20, 1909, on the management of salaries of teachers in public schools]. *Visnik zakoniv i rozporyadzen' dlya Voevodstva Bukovini.* IV. p. 10.
14. Ukraine. (1913) *Zvit z diyal'nosti Ukrains'kogo Pedagogichnogo Tovaristva za rik administrativniy 1910/11, 1911/12, 1912/13 (vid 1 veresnya 1910 do 31 veresnya 1913)* [Report on the activities of the Ukrainian Pedagogical Society for the administrative year 1910/11, 1911/12, 1912/13 (from September 1, 1910 to September 31, 1913)]. Lviv: [s.n.].
15. Ukraine. (1911) *Zvit z diyal'nosti tovaristva “Ukrains'ka shkola” za rik 1910/11* [Report on the activities of the Ukrainian School Society for the year 1910/11]. Chernivtsi: [s.n.].
16. Anon. (1910) *Z istorii derzhavnoi seredn'oi shkoli v Galichini* [From the history of the state secondary school in Galicia]. *Nasha shkola*. 1–2. pp. 7–10.
17. Karbulytskyi, I. (1905) *Zayava suproti “Neue Fr. Lehrer-Zeitung”* [Statement against “Neue Fr. Teaching Newspaper”]. *Bukovyna*. 12th July.

18. Karbulutskyi, I. (1931) Opravdani y neopravdani narikannya [Justified and unjustified complaints]. *Chas*. 1st December.

19. Kobylianska, L. (1997) Kontsepsiya ta organizatsiyni zasadi narodnogo shkil'nistva na Bukovini v svitli zagal'noavstriys'kogo ta krayovogo zakonodavstva (kinets' XVIII – pochatok XX st.) [The concept and organizational principles of public schooling in Bukovyna in the light of all-Austrian and regional legislation (late 18th – early 20th century)]. *Pitannya istorii, istoriografii, dzhereloznavstva ta arkhivoznavstva Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi*. 1. pp. 16–22.

20. Kosheliyeva, N. (1998) Organizatsii ukrains'kogo vchitel's'tva u Skhidny Galichini v 1881–1914 rokakh [Organizations of Ukrainian teachers in Eastern Galicia in 1881–1914]. *Visnik L'viv's'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 33. pp. 108–113.

21. Lysa, M. (2013) Diyal'nist' tovaristva “Vzaemna pomich galits'kikh i bukovins'kikh vchiteliv” v konteksti kul'turno-osvitnogo zhittya Galichini [Activities of the society “Mutual Aid of Galician and Bukovynian Teachers” in the context of cultural and educational life of Galicia]. *Ukraina: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'*. 23. pp. 134–140.

22. Moskovchuk, M. (2014) *Tovaristvo “Vzaemna pomich ukrains'kogo vchitel's'tva” u suspil'no-kul'turnomu zhitti Galichini u pershiiy tretini XX st.* [Society “Mutual Aid of Ukrainian Teachers” in the socio-cultural life of Galicia in the first third of the 20th century]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies, NAS of Ukraine.

23. Anon. (1914) Nova sluzhbova pragmatika dlya uchiteliv serednikh shkil [New service pragmatics for high school teachers]. *Nasha shkola*. 1, pp. 1–5.

24. Penishkevych, D. (1996) Tovaristvo “Ukrains'ka shkola” i rozvitok narodnoi osviti na Bukovini (druga polovina XIX – pochatok XX st.) [Ukrainian School Society and the development of public education in Bukovyna (second half of the 19th – early 20th century)]. *Ridna shkola*. 9. pp. 9–10.

25. Anon. (1914) Real'ni dobutki poslidnogo upravil'nennya vchitel's'kikh platen' [Real products of the last management of teachers' payments]. *Uchitel's'ke slovo*. March – April. pp. 228–230.

26. Anon. (1904) Regulyatsiya uchitel's'koï platni [Regulation of teachers' salaries]. *Promin*. 15th September.

27. Savchuk, B. (1999) *Prosvitnits'ka ta sotsial'no-ekonomichna diyal'nist' ukrains'kikh gromads'kikh tovaristv u Galichini (ostannya tretina XIX st. – kinets' 30-kh rokiv XX st.)* [Educational and socio-economic activities of Ukrainian public associations in Galicia (last third of the 19th century – 1930s)]. Ivano-Frankivsk: Lileia-NV.

28. Anon. (1907) *Sektsiya chi Ekspozitura “Vzaimnoi pomochi” dlya Bukovini z osidkom u Chernivtsyakh* [Section or Branch Office for Bukovyna based in Chernivtsi]. 15th February.

29. Smal-Stotskyi, S. (1908) De pravda? [Where is the truth?]. *Bukovyna*. 15th January.

30. Ukraine. (1909) *Statut "Vil'noi organizatsii ukrains'kogo uchitel'stva na Bukovini"* [Regulations of the "Free Organization of Ukrainian Teachers in Bukovyna"]. Chernivtsi: [s.n.].

31. Ukraine. (1881) *Statut Rus'kogo Tovaristva Pedagogichnogo. Zatverdzeniy ts.k. Namisnitstvom dnya 6 serpnya 1881* [Statute of the Russian Pedagogical Society. Approved August 6, 1881]. Part. 37. 847. Lviv: [s.n.].

32. Ukraine. (1912) *Statut Ukrains'kogo Tovaristva Pedagogichnogo. Priynyatiy do vidoma Visokim ts. k. Pravitel'stvom reskriptom ts. k. Ministerstva vnutrishnikh sprav z dnya 15 chervnaya 1912 r.* [Statute of the Ukrainian Pedagogical Society. Acknowledged as of June 15, 1912]. Part 16. 626. Lviv: [s.n.].

33. Ukraine. (1906) *Statut tovaristva "Vzaimna pomich galits'kikh i bukovins'kikh uchiteliv i uchitel'ok"* [Regulations of the Society "Mutual Aid of Galician and Bukovynian Teachers"]. Lviv: [s.n.].

34. Stuparyk, B. (1994) *Shkil'nitstvo Galichini (1772–1939)* [Schooling in Galicia (1772–1939)]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].

35. Terletsykyi, O. (1935) *Istoriya "Uchitel's'koï Gromadi" (1908–1933)* [History of the "Teachers' Community" (1908–1933)]. In: *Dvadtsyat'pyat'littya tovaristva "Uchitel'ska gromada"* [Twenty-Five Years of the "Teachers' Community"]. Lviv: [s.n.]. pp. 5–48.

36. Ukraine. (1932) *Tovaristvo Vzaimna pomich ukrains'kogo vchitel'stva 1905–1930* [Mutual Aid Society of Ukrainian Teachers 1905–1930]. Lviv: [s.n.].

37. Ukraine. (1908) *Statut ukrains'kogo tovaristva "Uchitel's'ka gromada" u L'vovi* [Regulations of the Ukrainian Society "Teachers' Community" in Lviv]. The Central State Historical Archive of Ukraine, Lviv (CDIA of Ukraine, Lviv). Fund 146. List 8. File 875.

38. Sholohon, L. (2002) *Gromads'ko-politichna diyal'nist' ukrains'kikh pedagogichnikh organizatsiy Galichini i Bukovini kintsya XIX – pochatku XX st.* [Socio-political activity of Ukrainian pedagogical organizations of Galicia and Bukovyna in the late 19th – early 20th centuries]. *Visnik Prikarpat's'kogo universitetu. Istoriya*. VI. pp. 50–60.

39. Sholohon, L.I. (2015) *Dzherela z istorii natsional'no-kul'turnogo rukhu ukrainsiv Galichini (1848–1914 rr.)* [Sources on the history of the national-cultural movement of Ukrainians in Galicia (1848–1914)]. Ivano-Frankivsk: Symfoniia-forte.

40. Sholohon, L. (2000) *Zakhist fakhovikh interesiv pedagogiv tovaristvom «Vzaemna pomich ukrains'kogo vchitel'stva» (1905–1914 rr.)* [Protection of professional interests of teachers by the society "Mutual Aid of Ukrainian Teachers" (1905–1914)]. *Pitannya istorii Ukraini*. 4. pp. 96–104.

41. Yasinchuk, L. (1931) *50 lit "Ridnoi shkoli" 1881–1939* [50 years of the "Native School" 1881–1939]. Lviv: [s.n.].

42. *Bukowinaer Pedagogische Blätter*. (1889). 2nd May.

43. Brzeziński, W. (1894) *Historia Lwowskiego oddziału towarzystwa pedagogicznego* [History of the Lviv branch of the Pedagogical Society]. Lwow: nakładem Towarzystwa Pedagogicznego.

Добржанський Олександр Володимирович – професор, доктор історичних наук, декан факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету ім.і Ю. Федьковича (Україна).

Добржанский Александр Владимирович – профессор, доктор исторических наук, декан факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина).

Oleksandr V. Dobrzhanskyi – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: o.dobrzhanskiy@chnu.edu.ua

Шологон Лілія Іванівна – доктор історичних наук, професор кафедри історії Центральної та Східної Європи і спеціальних галузей історичної науки, Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника (Україна).

Шологон Лилия Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Центральной и Восточной Европы и специальных отраслей исторической науки Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Liliya I. Sholohon – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: liliya.shologon@pnu.edu.ua

УДК 39(477.87)(437.6)(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/7

«Чиїх батьків ми діти?»: історична політика «Нашого лемка»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечний³

^{1,2} Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка 24

^{1,2} E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Київський національний університет культури і мистецтв
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36

³ E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті досліджено особливості конструювання історичної політики на сторінках газети «Наш лемко» (Львів, 1934-1939). Відзначено її концептуальну продуманість, жанрову різноплановість і змістову насиченість. Доведено, що з огляду на агресивну національну політику урядів Другої Речі Посполитої, найбільше уваги у часописі відводилося проблемі «відпольщення» історичної свідомості русинів. З цією метою на сторінках видання у численних науково-популярних розвідках, краєзнавчих нарисах, публіцистичних дописах і художніх творах послідовно утверджувався одвічний зв'язок русинства з українством. Досліджено, що на переконання видавців «Нашого лемка», не меншу небезпеку від польської пропаганди несли в собі москвофільська ідеологія. Пояснювалося це тим, що в лемківському середовищі традиційно популярними були старорусинські культурні впливи. З огляду на це, автори часопису переконували своїх читачів, що культурне слов'янофільство галицьких будителів ХІХ ст. немає нічого спільного з агресивною ідеологією модерного москвофільства. Також чимало уваги «Наш лемко» відводив вихованню місцевого патріотизму. Заохочуючи до глибокого пізнання власної історії та культури, редактори часопису спонукали енергійно перетворювати неприглядне сьогодення та виважено планувати майбутнє. Всі ці заходи мали важливий консолідуючий вплив на русинську спільноту напередодні важкого випробування, яким виявилася Друга світова війна. Здебільшого завдяки такій історичній політиці лемки постали однією з найбільш згуртованих еміграційних спільнот після вигнання з рідних земель.

Ключові слова: часопис «Наш лемко», русини, історична політика, Друга Річ Посполита.

«Чьих родителей мы дети?»: Историческая политика «Нашего лемка»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечный³

^{1,2} Дрогобычский государственный педагогический университет
им. И. Франко

Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул. И. Франко, 24

^{1,2} E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Киевский национальный университет культуры и искусств,

Украина, 01601, г. Киев, ул. Коновальца, 36

³ E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторское резюме

Исследованы особенности конструирования исторической политики на страницах газеты «Наш лемко» (Львов, 1934–1939). Отмечены ее концептуальная продуцированность, жанровая разноплановость и содержательная насыщенность. Доказано, что в связи с агрессивной национальной политикой правительств Второй Речи Посполитой больше всего внимания в газете уделялись проблеме «отпольщения» исторического сознания русинов. С этой целью на страницах издания, в многочисленных научно-популярных публикациях, краеведческих очерках, публицистических и художественных произведениях последовательно утверждалась извечная связь русинства с украинством. Исследовано, что, по убеждению издателей «Нашего лемка», не меньшую опасность от польской пропаганды несли в себе москвофильская идеология. Объяснялось это тем, что в лемковской среде традиционно популярны были старорусинские культурные влияния. Учитывая это, авторы газеты убеждали своих читателей, что культурное славянофильство галицких будителей XIX в. не имеет ничего общего с агрессивной идеологией современного москвофильства. Также немало внимания «Наш лемко» уделял воспитанию местного патриотизма. Поощряя глубокое познание собственной истории и культуры, редакторы газеты побуждали энергично менять неприглядное настоящее и взвешенно планировать будущее. Все эти меры оказали важное консолидирующее влияние на русинов накануне тяжелого испытания, которым оказалась Вторая мировая война. В основном благодаря такой исторической политике лемки стали одним из наиболее сплоченных эмиграционных сообществ после изгнания из родных земель.

Ключевые слова: газета «Наш лемко», русины, историческая политика, Вторая Речь Посполитая.

“Where do we come from?”: politics of memory in *Nash Lemko*

V.V. Telvak¹, V.P. Telvak², V.M. Nakonechnyj³

^{1,2} Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University

24 Ivan Franko Street, Drohobych, 82100, Ukraine

E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Kyiv National University of Culture and Arts,

36 Konovalcia Street, Kyiv, 01601, Ukraine

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Author`s summary

The article analyses the construction of the politics of memory in the newspaper *Nash Lemko* (Lviv, 1934–1939). The study has highlighted its conceptual thoughtfulness, genre diversity, and content richness. The aggressive national policy of the Second Rzeczpospolita made the newspaper primarily tackle the issue of “polonization” of Rusins’ historical consciousness. Therefore, *Nash Lemko* consistently argued about the age-old connection between Rusins and Ukrainians in numerous popular surveys, local lore essays, journalistic articles, and works of art. According to *Nash Lemko* editorial board, the Moscophile ideology posed the same danger as Polish propaganda, since Old Rusin cultural influences were traditionally popular among the Lemkos. The newspaper contributors convinced their readers that the cultural Slavophilism of the Galician activists of the 19th century had nothing in common with the aggressive ideology of modern Moscophiles. *Nash Lemko* also paid a lot of attention to strengthening local patriotism. Promoting a deep knowledge of history and culture, the newspaper editors encouraged Lemkos to transform the ugly present and vigorously plan for the future. All these measures had a substantial consolidating effect on the Rusin community on the eve of WWII. Due to the carefully crafted politics of memory, the Lemkos formed a most cohesive emigration communities after after being expelled from their native lands.

Key words: *Nash Lemko* newspaper, Rusins, politics of memory, Second Rzeczpospolita.

Українська спільнота в Другій Речі Посполитій постала перед реальною загрозою втрати власної самобутності внаслідок агресивної національної політики польських урядів. Йдеться про те, що нові господарі українських теренів колишньої Австро-Угорщини заходилися за будь-яку ціну підважувати національний вибір найбільшої меншини відновленої Польщі. Це проявлялося у свавільному намаганні нав'язати вживання старого етноніму «русини» замість модерного «українці», впровадити нову географічну назву «Східна Малопольща» замість традиційного для корінного населення топоніму «Галичина», зрештою, перманентному затягуванні з реалізацією взятих на себе на міжнародній арені правових зобов'язань з українізації нижчої та середньої школи і відкриття українського університету. Втім, солідарні зусилля східногалицької громади дозволили знешкодити державні плани «розчинення українства у польському морі».

Значно жорсткіше така боротьба за право на власний національний вибір велася на периферії етнічного розселення українців у важкодоступному регіоні Східних Бескидів. Там, внаслідок незначної щільності населення, низького рівня його грамотності та тривалого проживання в іноетнічному оточенні польська влада поводила себе особливо безцеремонно. Її представники наполегливо підштовхували населення до переходу з уніатства на православ'я чи католицизм, цинічно полонізували народну школу, свавільно забороняли діяльність українських інституцій та поширення видань тощо. Розуміючи, що доля соборного українства вирішується саме на теренах Лемківщини, представники західноукраїнської інтелігенції, передусім самі русинські активісти, вирішили протистояти такій гвалтовній денационалізуючій політиці. При цьому цілком виправдано найбільш дієвим інструментом обрали видання газети для народу, що була покликана освідомлювати лемківську громаду та надати їй необхідну ідейну протиотруту.

Таким часописом став добре знаний фахівцям двотижневик «Наш лемко» (1934–1939). На сьогодні чимало написано про його різноплановий вплив на русинську спільноту Другої Речі Посполитої [19; 20]. Натомість, надалі на периферії дослідницьких інтересів перебуває проблема дискурсивних практик історико-краєзнавчого плану редакторів видання Петра Смереканича та Юліана Тарновича, які доклали чималих зусиль, щоб їхні земляки залишилися при українському виборі. Тож недосліджене наразі питання історичної політики видавців «Нашого лемка» постає актуальним для сучасної історіографії русинства. Опрацьовуючи численні матеріали часопису, ми використали такі методуку та підходи, як-от систематичний, порівняльний і критичний аналіз джерельної бази, представленої великими текстовими масивами. Здійснити коректну інтерпретацію

різножанрової газетної інформації уможливило застосування методики контент-аналізу.

Головним завданням для редакторів «Нашого лемка» у річищі конструйованої історичної політики, було опонування тезам польської пропаганди про етнічну близькість русинів та поляків. Таке «відпольщення» лемківської історичної свідомості відбувалося шляхом активної популяризації ідеї органічної пов'язаності історичної долі русинства з українським народом. На сторінках часопису чимало уваги приділялося поясненню читачеві маніпулятивного характеру тверджень польських шовіністів, що у своєму бажанні заперечити приналежність лемків до українства продукували щоразу дивовижніші етногенетичні міфи на кшталт волоського походження лемків.

Аргументовано заперечуючи антиукраїнство пропагандистів Другої Речі Посполитої, «Наш лемко» на багатьох прикладах доводив історичну єдність русинів з їхніми побратимами з Буковини, Галичини, Волині та Наддніпрянщини. Послідовно утверджуючи соборницьку оптику в лемківській спільноті, редакція часопису наголошувала: «Лемківщину заселявали слов'яни такі самі як і Бойківщину, і Поділля, і Волинь, ті слов'яни мали ту саму віру і мову і звичаї і одягу, як і їх брати коло Львова і Києва. <...> Ми не якісь волохи, лише перед тисячами літ наші деякі предки осідали на волоськім праві. А саме закладали оселі місцеві люди, що від непам'ятних часів жили на лемківським Підкарпаттю, а приходили і поселялися побіч них якраз браття з Поділля, Волині і Подніпров'я, а навіть з далекої Чернігівщини» [12: 4].

Категорично відкидаючи будь-які присутні польські впливи на власну історію та культуру, редактори лемківського часопису постійно наголошували на тому, що русини від літописних часів – ідейно та економічно – орієнтувалися винятково на східнослов'янські терени. Відзначимо, що подекуди такі цивілізаційні акценти носили відверто гіпертрофований характер, адже цілковито ігнорувалися очевидні зв'язки русинства зі світом західних слов'ян. Наприклад, один із авторів часопису під псевдонімом Лемко наголошував: «Як бачимо, Лемківщина все мала живі зв'язки тільки зі сходом. Твердження, що всі лемківські церкви побудували польські панове-шляхта також неправдиві. В церковних хроніках виразно записано, що лемки самі собі спільно церкви будували, а деякі церкви будували лемки-солтиси» [12: 4].

Принагідно відзначимо, що утвердженню соборницького почуття у лемківському середовищі, крім історичної аргументації сприяла також мовна політика редакторів часопису. На відміну від московфільської газети «Лемко», котра принципово видавалася лише русинською говіркою [13], видавці українофільського видання варіювали

мовний дискурс у своїй газеті. Частина дописів, котрі здебільшого мали внутрішньо-лемківське змістове навантаження, публікувалися русинським діалектом. Натомість статті більш широкої культурно-ідейної спрямованості подавалися літературною українською мовою. Пояснюючи свою мовну політику, редактори зазначали: «Будемо в тій газеті писати письменницькою мовою і нашим лемківським говором. Письменницькою мовою тому, щоби дати читачам взірець поправної мови, такої, якою говорять коло Києва, якою писали наші поети, як: Тарас Шевченко, Іван Франко і нині пишуть всі письменники, та яку ми всі повинні знати. Читаючи статті написані письменницькою мовою, Лемки пізнають і пересвідчуються, що лемківський говір є і духом і складнею <...> рідною дитиною загальної нашої рідної письменницької мови, а не якоїсь іншої, чужої» [4: 2].

Утверджуючи в свідомості свого читача розуміння одвічної українськості лемківського субетносу, редактори часопису спробували дати відповідь на важливе історіософське питання про особливість історичної місії русинства серед усіх інших відгалужень українського народу. Експонуючи факт географічного розташування Лемківщини як найбільш західного регіону, такою місією було визначено стати надійним бастионом українства на окраїні східнослов'янського світу. Знаний лемківський поет О. Костаревич так передав цю ідею: «Опершись о Татри високі стоїш на далекому заході наче на сторожі Великого Народу. Тілом своїм стримуєш століття цілі захланний напір чужих племен» [9: 3].

Не меншу небезпеку від польської пропаганди, на переконання видавців «Нашого лемка», несла в собі москвофільська ідеологія. Пояснювалося це тим, що в лемківському середовищі традиційно популярними були старорусинські культурні впливи. З огляду на це, автори часопису переконували своїх читачів, що культурне слов'янофільство галицьких будителів XIX ст. немає нічого спільного з агресивною ідеологією модерного москвофільства. Його представники, пояснювалося у багатьох дописах «Нашого лемка», у спілці з польськими чиновниками намагаються за будь-яку ціну зруйнувати зв'язок русинства з українством, перетворивши лемків на етнічний матеріал для чужих культур [1: 7; 14: 4]. Один із активних авторів часопису під псевдонімом Всеволод Ярославич доводив своїм читачам: «Москвофільські провідники й діячі на Лемківщині старалися всіма силами затемнити, викривити й цілковито погасити національну свідомість українських Лемків» [1: 7].

Найбільш гостре ідейне протистояння видавців «Нашого лемка» з адептами москвофільства відбувалося довкола проблеми висвітлення Талергофської трагедії – позасудового ув'язнення та масових страт

галицького населення через здебільшого безпідставні підозри у його співпраці з російською розвідкою. Москвофіли звинувачували у цьому «пеклі галицької України» свідомих українців, котрі ніби то шляхом доносів австрійській владі спроваджували своїх ідейних опонентів на шибениці та до концтаборів. На численних прикладах, залучаючи свідчення очевидців, автори українського часопису доводили, що справжніми призвідцями трагедії були самі москвофіли, котрі гіпертрофованою запопадливістю перед російськими чиновниками в часи окупації краю накликали на місцеве населення терор австрійської військової адміністрації [8: 2].

Події на Наддніпрянщині в другій половині 1930-х років, коли сталінський режим розгорнув агресивну антиукраїнську кампанію, жертвами якої стали визначні українські діячі, спонукав редакцію «Нашого лемка» до глибокої історичної рефлексії над проблемою українсько-російських взаємин. В багатьох публікаціях на цю тему, малознану для більшості лемків, російський імперіалізм вповні виправдано було співставлено із польським за небезпекою для екзистенції українства. Осмислюючи причини українсько-російського протистояння, автори «Нашого лемка» вдавалися до метафори одвічної боротьби цивілізацій європейського Заходу та азіатського Сходу. Змальовуючи трагедію взаємин нашого народу зі своїм східним сусідом, в редакційному дописі йшлося: «Українсько-московське суперництво сягає давніх часів Української Київської Держави й тягнеться нерозривною ниткою через усі століття нашої минувшини аж до теперішньої хвилини. Москва записалася кривавими буквами на сторінках нашої історії. <...> Москва несла нам стало пожари й руїну, знищення й загладу, на штиках багнетів несла нам братовбивчі кличі, що обеззброювали нашого духа, щоби відтак тим дужче затиснути петлю на нашій шиї» [24: 2].

Запорукою успішності формування проукраїнської історичної свідомості у лемківському середовищі, на справедливе переконання редакторів «Нашого лемка», було виховання читачької культури. З цією метою вже від перших чисел часопису в його структурі було запроваджено постійну рубрику «Які книжки читати?», де найчастіше йшлося саме про найбільш популярні історичні праці. «Найперше треба знати, що маємо такі книжки, які остануть на все вогнетривкими стовпами, – йдеться у часописі. – Такою книжкою є наша історія нашого українського Народу. Бачимо там усі діла та славні вчинки наших предків, бо історія це вчителька життя. Вчить нас добрих прикмет, вказує, як уникати злих, некорисних діл та вчинків» [25: 2].

Зацікавленість читачів згаданою рубрикою підказала редакторам «Нашого лемка» ідею запровадити нову структурну частину часопису,

присвячену суто історико-краєзнавчій проблематиці. Обґрунтовуючи потребу в новій історичній рубриці, видавці русинської газети вказували: «На бажання наших читачів починаємо з цим числом вести історичний куток, щоби дати кожному змогу познакомитися з рідною історією. Людина, яка не знає своєї історії, стає рабом, погноєм чужих» [16: 5]. За задумом редакторів, створені досвідченими дослідниками історико-краєзнавчі нариси були покликані виховувати у читача розуміння цінності власної культурної спадщини [11: 12] та єдності історичної долі русинів з рештою українського народу [2: 11]. Згаданий історичний куток мав наступні рубрикаційні складові: «З рідних сіл», «З наших міст і сіл», «Мандруймо по рідних селах», «Пізнаваймо рідні села», «Мандруймо по рідній землі», «Події з історії України» та ін. Історична сторінка «Нашого лемка» найчастіше містила описи таких знакових для історії нашого народу подій, як Володимирове хрещення України [22: 2], Листопадовий зрив [3: 3], акт Злуки [15: 2], бій під Крутами [21: 2] та ін.

Формувати історичну культуру свого читача «Наш лемко» також намагався засобами художнього слова. На сторінках часопису було опубліковано чимало історичної белетристики, присвяченої легендарній історії Лемківщини. В ній головними героями постають відважні русинські князі (напр., Якун), котрі справедливо правлять своїм народом і солідарно з ним протистоять захланним апетитам сусідів [23: 7]. Авторами цих історичних оповідань були такі знані русинські белетристи, як І. Филипчак, В. Качмарський, В. Косар, М. Кипарис та ін. Щодо новітньої доби, «Наш лемко» регулярно друкував мемуари очевидців про трагічні події Першої світової війни та героїчні часи Української революції на західноукраїнських землях.

Важливо, що редакція «Нашого лемка» не лише транслювала своєму читачеві готові знання про минуле, але й закликала разом пізнавати історію рідної землі. З цією метою на сторінках часопису було опубліковано звернення до громадськості занотовувати від старожилів історичні свідчення, фіксувати обрядові практики та описувати топоніми і гідроніми своїх сіл [6: 3]. Запрошуючи до співпраці читачів, редакція пояснювала: «Питання: Звідки ми Українці Лемки найшлися у Карпатах і висунулися цим клином аж поза ріку Попрад – дуже цікаве. Щоб це питання як слід розв'язати та дати нашим ученим дослідникам відповідні до цієї розв'язки матеріали – всі мусимо взятися до цієї праці» [5: 3]. Для полегшення своїм читачам історико-краєзнавчих пошуків, редакція «Нашого лемка» розробила спеціальний питальник, періодично удосконалюючи і друкуючи його на сторінках часопису. Як свідчать численні дописи кореспондентів, розміщені під спільним заголовком «Земля свідком минулого», ідея

залучити лемків до краєзнавчої роботи знайшла чималу підтримку у їхньому середовищі.

Вагомим елементом історичної політики є формування національного Пантеону, постаті якого через загальну впізнаваність і прийнятність мають єднати спільноту усвідомленням спільних цінностей. В «Нашому лемку» бачимо доволі складну ієрархію національних героїв як регіонального, так і загальноукраїнського рівнів. На вершину національного Пантеону вповні виправдано було поставлено культову для всіх українців постать Тараса Шевченка. Редакція «Нашого лемка», подібно до того, як це зазвичай робили й інші тогочасні українські видання, перше березневе число завжди відводила вшануванню Кобзаря, атестованого в часописі «Пророком» та «апостолом нашої правди і волі». При цьому стисло наводилася біографія поета з наголосом на його селянське походження, злиденне голодне дитинство та життєві поневіряння чужими краями. Це, вочевидь, мало викликати емпатію у русинського читача, що нерідко мав подібний гіркий життєвий досвід. Шевченківські числа були багато ілюстровані портретами Кобзаря, замальовками пов'язаних з ним локацій, а також містили найбільш популярні поетичні твори українського генія.

При розкритті національного значення Шевченка, акцентувалася його місія як виразника страждань і сподівань всіх уярмлених українців. Пояснюючи, ким для своїх співвітчизників є видатний поет, «Наш лемко» писав: «Як добрий батько за дітьми, так він за невинним народом, обстоював усім серцем, писав і мріяв про нашу минувшину, відважно ставив царям-катам перед очі народні кривди і грімкими словами домагався для братів волі. Як батько ганив свій народ за недобрі й хибні вчинки, але й навчав, як робити, щоби було добре. Він і наш учитель, бо навчав всіх братів Українців, як любити свою землю й народ, щоби добути крашу долю» [18: 2]. З огляду на таку характеристику, часопис наполегливо радив своїм читачам запізнатися з «Кобзарем», названим «найславнішою й найцікавішою книжкою, яку маємо».

Поряд із Шевченком, на сторінках «Нашого лемка» слідно періодичне вшанування ще одного поетичного генія українства – Івана Франка. Подібно до практик відзначення Шевченкових днів, часопис відводив серпневі числа для демонстрації національного подвигу Каменяря. Знайомлячи свого читача з національним служінням І. Франка, «Наш лемко» підкреслював, що саме галицький поет «серед хащів найдикіших пробивав шляхи для інших, той каменярь, що довгі літа лупав скалу безідейності, байдужості, той, що крушив серця і сумління свого народу – був Мойсеєм, що провадив нарід в обитувану країну народнього щастя і впав на тім шляху...» [7: 3].

Серед визначних постатей новітньої доби вповні очікувано домінували діячі Української революції з обох боків Збруча. При цьому персональні акценти нерідко визначалися подіями меморіального плану. Так, правдивою трагедією для українства було змальовано передчасну смерть в листопаді 1934 р. голови Центральної Ради та «найбільшого і найславнішого нашого історика» Михайла Грушевського [17: 4].

Поряд із цим, чимало уваги на сторінках «Нашого лемка» було відведено постатям визначних русинських діячів. Причинами такої уваги були ювілейні дати чи меморіальні події. Серед вшанованих часописом бачимо духовних пастирів (Р. Винницький, М. Денько, А. Малиняк), колишніх Українських січових стрільців (В. Юрченко, В. Скрипчук), кооперативних (В. Полянський, Г. Банківський), освітянських (М. Юрга, В. Чайківський, В. Яворський) та культурних (Б.-І. Антонич, В. Чайківський) діячів. У всіх дописах такого плану підносилося жертвоне служіння згаданих осіб русинській громаді.

Спонукаючи свого читача до плекання історичної пам'яті в регіональному та загальнонаціональному вимірах, редактори «Нашого лемка» звертали увагу на важливість творення історичних музеїв. Так, коли постав перший Лемківський музей у Сяноці, редактори часопису звернулися до русинів із закликом збагачувати його колекції власними речами, котрі мають антикварну цінність. Пояснюючи важливість існування таких культурних осередків, «Наш лемко» підносив важливість їхньої меморіальної місії: «Такий музей єст барс потрібний. В нім як в зеркалі можна видіти нашу минувшину» [10: 4]. Відзначимо, що редактори часопису постійно інформували свого читача про справи рідного музею, заохочуючи до активної діяльності по збагаченню його фондів збірок.

Насамкінець відзначимо, що стосовно проблеми рецепції читачами «Нашого лемка» особливостей наповнення історико-краєзнавчої складової часопису ми не можемо сказати багато, адже збережений архів редакції практично не містить кореспонденції. Натомість, маємо чимало свідчень того, що владні чиновники зі значним неспокоєм реагували саме на історичну політику русинської газети. Промовистим свідченням цього є рясні пусті шпальти, залишені цензурською рукою саме в тих рубриках, де містилися історичні нариси. На сьогодні ми маємо унікальну можливість реконструювати цензуровані частини дописів, адже у бібліотеці Львівського національного університету імені Івана Франка заховався єдиний повнотекстовий примірник «Нашого лемка» з цензурного комітету. Його порівняння з цензурованим варіантом дозволяє стверджувати, що найчастіше втручання зазнавали саме тексти історико-краєзнавчого плану. Це є промови-

стим свідченням слухності обраної видавцями редакційної політики.

Підсумовуючи історичну політику редакторів «Нашого лемко» відзначимо її концептуальну продуманість, жанрову різноплановість і змістову насиченість. На сторінках часопису у численних науково-популярних дописах, краєзнавчих розвідках, публіцистичних нарисах і художніх творах послідовно утверджувався одвічний зв'язок русинства з українством. Ця соборницька ідеологія утверджувалася шляхом «відпольщення» і «відросійщення» історичної свідомості лемків, що зазнавали гвалтовного денационалізуючого впливу пропагандистів Другої Речі Посполитої. Поряд із цим, чимало уваги «Наш лемко» відводив вихованню місцевого патріотизму. Заохочуючи до глибокого пізнання власної історії та культури, редактори часопису спонукали енергійно перетворювати неприглядне сьогодення та виважено планувати майбутнє. Всі ці заходи мали важливий консолідуючий вплив на русинську спільноту напередодні складного випробування, яким виявилася Друга світова війна. Здебільшого завдяки такій історичній політиці лемки постали як одна з найбільш згуртованих еміграційних спільнот після вигнання з рідних земель.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Всеволод Ярославич*. Москвофільство на Лемківщині // Наш лемко. 1939. Ч. 10. С. 7.
2. *Всеволод Ярославич*. Християнство на Лемківщині (Від найдавніших часів до церковної, Берестейської унії) // Наш лемко. 1939. Ч. 1. С. 11.
3. День 1 листопада для нашого народу // Наш лемко. 1934. Ч. 21. С. 3.
4. До наших читачів // Наш лемко. 1934. Ч. 1. С. 2.
5. За слідами минулого // Наш лемко. 1935. Ч. 22. С. 3.
6. Збираймо всі матеріали і назви Лемківщини // Наш лемко. 1935. Ч. 17. С. 3.
7. Іван Франко // Наш лемко. 1934. Ч. 11. С. 3.
8. Їздять собі на талергофськiм конику // Наш лемко. 1934. Ч. 20. С. 2.
9. *Костаревич О. **** // Наш лемко. 1934. Ч. 1. С. 3.
10. Лемківський Музей в Сяноці // Наш лемко. 1934. Ч. 2. С. 4.
11. Лемківщина в народних переказах // Наш лемко. 1938. Ч. 1. С. 12.
12. *Лемко*. В обороні історичної правди // Наш лемко. 1934. Ч. 7. С. 4.
13. *Наконечний В. М.* Селянський часопис «Лемко»: ідеологія, рубрикація, проблематика // Український селянин. 2020. Вип. 23. С. 73–78. DOI: 10.31651/2413-8142-2020-23-73-77
14. Не тішся враже // Наш лемко. 1939. Ч. 5. С. 4.
15. Переломові дні в історії України. 22 січня – Україна понад усе! // Наш лемко. 1935. Ч. 3. С. 2.

16. Події з історії України // Наш лемко. 1934. Ч. 16. С. 5.
17. Помер М. Грушевський // Наш лемко. 1934. Ч. 24. С. 4.
18. Тарас Григоревич Шевченко. В 120-ту річницю уродин // Наш лемко. 1934. Ч. 5. С. 2.
19. *Тельвак В., Наконечний В.* Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
20. *Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М.* «Геть отрую з наших хат!»: протиалкогольний дискурс газети «Наш лемко» // Русин. 2021. № 66. С. 34–47. DOI: 10.17223/18572685/66/3
21. Триста хоробрих. Хто і за що боровся під Крутами // Наш лемко. 1935. Ч. 4. С. 2.
22. У 950-ліття Володимирового хрещення України // Наш лемко. 1938. Ч. 8. С. 2.
23. *Филипчак І.* Віче в Сяноці в 980 р. // Наш лемко. 1935. Ч. 13. С. 7.
24. Як Москва поневолювала Український Нарід // Наш лемко. 1936. Ч. 5. С. 2.
25. Які книжки читати? // Наш лемко. 1934. Ч. 4. С. 2.

REFERENCES

1. Vsevolod Yaroslavych. (1939a) Moskvofil'stvo na Lemkivshchini [Mosco-philés on Lemkivshchyna]. *Nash Lemko*. 10. p. 7.
2. Vsevolod Yaroslavych. (1939b) Khristiyanstvo na Lemkivshchini (Vid naydavnishikh chasiv do tserkovnoï, Beresteys'koï unii) [Christianity in Lemkivshchyna (From ancient times to the Union of Brest)]. *Nash Lemko*. 1. p. 11.
3. *Nash Lemko*. (1934a) Den' 1 listopada dlya nashogo narodu [November 1st for our people]. 21. p. 3.
4. *Nash Lemko*. (1934b) Do nashikh chitachiv [To our readers]. 1. p. 2.
5. *Nash Lemko*. (1935a) Za slidami minulogo [Following the past]. 22. p. 3.
6. *Nash Lemko*. (1935b) Zbiraymo vsi materialy i nazvy Lemkivshchini [Gathering all the materials and namings of Lemkivshchyna]. 17. p. 3.
7. *Nash Lemko*. (1934c) Ivan Franko. 11. p. 3.
8. *Nash Lemko*. (1934d) Izdyat' sobi na talergofs'kim koniku [They are riding a Thalerhof horse]. 20. p. 2.
9. Kostarevych, O. (1934) [no title]. *Nash Lemko*. 1. p. 3.
10. *Nash Lemko*. (1934e) Lemkivs'kiy Muzei v Syanotsi [The Lemko Museum in Sianok]. 2. p. 4.
11. *Nash Lemko*. (1938a) Lemkivshchina v narodnikh perekazakh [Lemkivshchyna in folk tales]. 1. p. 12.
12. Lemko. (1934) V oboroni istorichnoï pravdi [On guard of historical truth]. *Nash Lemko*. 7. p. 4.

13. Nakonechnyj, V.M. (2020) Selyans'kiy chasopis "Lemko": ideologiya, rubrikatsiya, problematika [Peasant periodical "Lemko": ideology, headings, issues]. *Ukraïns'kiy selyanin*. 23. pp. 73–78. DOI: 10.31651/2413-8142-2020-23-73-77

14. *Nash Lemko*. (1939) Ne tishsya vrazhe [Do not rejoice yet, enemy]. 5. p. 4.

15. *Nash Lemko*. (1935c) Perelomovi dni v istorii Ukraïni. 22 sichnya – Ukraïna ponad use! [Prominent days in the history of Ukraine. January 22 – Ukraine above all!]. 3. p. 2.

16. *Nash Lemko*. (1934f) Podii z istorii Ukraïni [Events from the history of Ukraine]. 16. p. 5.

17. *Nash Lemko*. (1934g) Pomer M. Grushevs'kiy [The death of M. Hrushevsky]. 24. p. 4.

18. *Nash Lemko*. (1934h) Taras Grigorevich Shevchenko. V 120-tu richnitsyu urodin [Taras Shevchenko. The 120th anniversary]. 5. p. 2.

19. Telvak, V. & Nakonechnyj, V. (2020) The Rusin minority in the Second Polish Republic according to *Nash Lemko* newspaper. *Rusin*. 61. pp. 166–182 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/61/10

20. Telvak, V.V., Telvak, V.P. & Nakonechnyj, V.M. (2021) "Down with Poison in our Houses!": Anti-Alcohol Discourse of *Nash Lemko* Newspaper. *Rusin*. 66. pp. 34–47 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/66/3

21. *Nash Lemko*. (1935d) Trista khorobrikh. Khto i za shcho borovsya pid Krutami [Three hundred of the bravest. Who and for what fought near Kruty]. 4. p. 2.

22. *Nash Lemko*. (1938b) U 950-littyta Volodimirovogo khreshchennya Ukraïni [950 anniversary of Ukraine's christening by Volodymyr]. 8. p. 2.

23. Fylypchak, I. (1935) Viche v Syanotsi v 980 r. [The council in Sianok in 980]. *Nash Lemko*. 13. p. 7.

24. *Nash Lemko*. (1936). Yak Moskva ponevolyovala Ukraïns'kiy Narid [How Moscow enslaved Ukrainian people]. 5. p. 2.

25. *Nash Lemko*. (1934i) Yaki knizhki chitati? [What books should we read?]. 4. p. 2.

Тельвак Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Тельвак Віталій Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Vitalii V. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Тельвак Вікторія Петрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Тельвак Виктория Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Viktorija P. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Наконечний Володимир Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв (Україна).

Наконечный Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

Volodymyr V. Nakonechnyj – Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine).

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

УДК 94(438).081+351.823.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/8

The Economic Potential of Agriculture in Eastern Galicia in the Interwar Period

O.T. Levandivskiy¹, V.V. Humeniuk²

¹ Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

E-mail: omelyant@ukr.net

² Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas
15 Karpatska Street, Ivano-Frankivsk, 76019, Ukraine

E-mail: volodymyr.humeniuk@nung.edu.ua

Abstract

The article deals with the economic potential of the agrarian sphere of Eastern Galicia in the interwar period of 1918–1939, the territory of which in certain periods was under the influence of different states. This has also left an imprint on agriculture. Agrarian reforms in the interwar period were accompanied not only by the intensification of the economic activities of property owners and farms, but also by the introduction of advanced agricultural machinery. The article investigates the impact of the economic crisis of the early 1930s on the reduction of agricultural machinery and the decline in purchasing power of the population. The development of market relations in Eastern Galicia during the interwar period was accompanied by the concentration of agricultural machinery mainly at large property owners and farmers, and the lack of it in small peasant farms, where primitive tools of labor were still widely used. The state economic policy contributed little to the industrial development.

Keywords: agriculture, Eastern Galicia, land reforms, private property.

Экономический потенциал сельского хозяйства Восточной Галиции в межвоенный период

Е.Т. Левандовский¹, В.В. Гуменюк²

¹ Прикарпатский национальный университет
им. В. Стефаника

Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57

E-mail: omelyant@ukr.net

² Ивано-Франковский национальный технический университет
нефти и газа

Украина, 76019, г. Ивано-Франковск, ул. Карпатская, 15

E-mail: volodymyr.humeniuk@nung.edu.ua

Авторское резюме

Исследуется экономический потенциал сельского хозяйства Восточной Галиции в межвоенный период 1918–1939 гг., территория которой в определенные периоды была под влиянием разных государств. Это отразилось и на ведении сельского хозяйства. Аграрные реформы в межвоенный период сопровождались не только активизацией хозяйственной деятельности помещичьих и фермерских хозяйств, но и внедрением усовершенствованной в то время сельскохозяйственной техники. Проведен ретроспективный анализ определенных исторических и территориальных особенностей развития сельского хозяйства. Исследовано влияние экономического кризиса начала 30-х гг. XX в. на сокращение сельскохозяйственного машиностроения, снижение покупательной способности населения. Развитие рыночных отношений на территории Восточной Галиции в межвоенный период сопровождалось концентрацией сельскохозяйственной техники преимущественно в хозяйствах крупных землевладельцев и фермеров и отсутствием ее в мелких крестьянских хозяйствах, где еще широко использовались примитивные орудия труда, а государственная экономическая политика мало способствовала развитию местной промышленности.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Восточная Галиция, земельные реформы, частная собственность.

Introduction. Considering the economic potential of the agricultural sphere of Eastern Galicia in the interwar period from 1918 to 1939, we can see certain historical and territorial features of agricultural development. In the interwar period, Eastern Galicia remained an agrarian region. More than 80% of the population was engaged in agriculture. Most peasant farms had a three-way system of growing crops. In addition, allotments were rarely concentrated in a single array. There were considerable difficulties in the cultivation of the land through the land, which often in the absence of public roads had to be reached through the landed estates.

These issues are also relevant from the standpoint of studying the history of the organization of agricultural production, trade in agricultural products, reforming property relations in the context of socio-historical transformations.

As agrarian reforms in the interwar period were accompanied not only by the intensification of the economic activity of landlords and farms, but also by the introduction of advanced agricultural machinery at that time, the study is conditioned not only by the cognitive necessity but also by the applied aspects of the study of historical experience, which may have practical experience.

Analysis of recent research and publications. Despite the fact that there is controversy among scientists about the reform of agriculture in the interwar period, they did not remain a part of the study of regional problems. The most significant contribution to the development of regional aspects of the study of the economic potential of the agricultural sector was provided by the scientific works of O. Lutsky [1], K. Chernievsky [2], L. Korniychuk [3], I. Vasyuta [4], Z. Landau and J. Tomaszewski [5], S. Zlupko [6]. Recognizing the indisputable scientific and practical importance of the conducted research, we believe that the historical aspects of assessing the economic potential of the agricultural sphere of Eastern Galicia remain underdeveloped at both theoretical and methodological levels. Given the urgency of the problem and its lack of scientific disclosure, the purpose of our study is to develop conceptual approaches aimed at unlocking the economic potential of the agricultural sector of Eastern Galicia in the interwar period, knowledge of the historical experience of reforming and organization of agriculture.

Results and discussion. Eastern Galicia has a significant potential for traditional mountainous agriculture, forestry and other organizational forms of production and agriculture activity. The formation of the agricultural sector of Eastern Galicia in the interwar period was accompanied by certain features. After all, the territory of Eastern Galicia was influenced by Austria, Poland, Hungary, the Grand Duchy of

Lithuania, and Russia at certain times. This has also had an impact on the agriculture. In this regard, let us consider the retrospective aspects of agrarian reforms and analyse their importance in the context of developing the economic potential of agriculture (N. Sytnyk, V. Humeniuk, O. Sych, I. Yasinovska) [7: 36].

Agrarian reforms and their economic importance. The agrarian reform of Austria was ensured by the agricultural reform of Eastern Galicia before the beginning of the interwar period. These changes began in 1772-1789 by Archduchess Maria Theresa of Austria. The need for reforms in the countryside was conditioned by the difficult, deplorable condition of agriculture and rural residents during the stay of Ukrainian lands under Polish rule (before the transfer of land to Austrian rule). The ruling emperor of Austria, Joseph II, believed that the peasant of the time was an unhappy creature that existed physically, with nothing but an image of a person anymore (M. Herasymenko) [8: 18].

In order to overcome the economic backwardness of the peasantry, the main directions for improving the situation in the countryside in accordance with the policy of the Austrian authorities were the restriction of the authority of the nobility with regard to serfdom and land relations with serfs, the protection of peasants from arbitrary mockery of the nobility, the reduction and normalization of serfdom, strengthening the duties and levies of the peasants and the announcement that a part of the land would forever belong to peasants (M. Zubets, V. Vergunov, V. Vlasov) [9: 64–67].

On December 17, 1920, the Polish Seimas adopted a law on siege, and from that date the military colonization of the “Eastern Borderlands” began. Predictors were expected to receive 400,000 ha of land, however, by the beginning of 1923 about 57,000 ha had been made available to settlers. In the early 1920s, the reform progressed too slowly. On August 20, 1925, the Seimas approved a new law on agrarian reform, which came into force on December 28, 1925 and was called “On the implementation of agrarian reform” (W. Medrzecki) [10: 12].

The agricultural system of Poland was to rely on strong, highly productive farms of different types and sizes, based on private property. The main components of the reform were: redistribution of land ownership by limiting large tenure (thus, the maximum rate for suburban and industrial areas was set at 60 ha, for agricultural land – 300 ha, and the surplus land was subject to redemption with subsequent division into separate parcels of land, which were used to provide land to the landless and supplement smallholder farms; a part of these lands also formed a state reserve, from which land was allocated to Polish settler colonists); reorganization of land use, the main component of which was

the unification of disparate plots of one owner into one land allotment (land consolidation), which had to create considerable convenience for the owner: to provide an opportunity to rationally plan crops and crop rotations, to save time and physical labor for cultivation, use agrology, etc. The reform also provided for the elimination of easements – the rights of peasants to share with landowners the use of pastures, hay-fields, forests (Y. Slyvka) [11: 147].

An important component of the reform was the rationalization of land use through land consolidation – in fact, the elimination of cross-country and narrow-country. In many cases, the land properties of a single owner were in several, and sometimes in a few, plots located at a considerable distance from the apartment and from each other. Often, having a width of 1-2 meters, these stretches extended for miles and sometimes longer. Of the 226,060 farms up to 50 ha, 133,928 farms had soils in developed areas, of which 11,975 (8.9%) farms consisted of two, 23,367 farms (17.5%), and 16,725 farms (4.5%). Most farms consisted of 6-10 sites – 43,443 (32.4%) (A. Giza) [12: 108].

In addition, land management was facilitated by the elimination of easements. Shared soils and grounds were generally neglected because they did not have a specific owner who would treat them carefully. In addition, easements were a disruption to works related to soil division and allotment. Most of the settlers received the land for free, and the state promised to help them with the farm. Such conditions attracted people who were often unprepared for land work, as 5557 farms were permanently abandoned, the rest abandoned or given away to the state. Those settlers who overwintered on their farms belonged to an active economic element. They took an active part in the social and political life of the region, fulfilled the functions of healers and directors of enterprises (B. Garmatni) [13: 145].

The land fund from which the landowners were granted land consisted of state-owned lands of the Orthodox clergy, mainly confiscated by the tsarist government after the uprising of landlords (mostly landowners of non-Polish nationality who did not return to their estates) until April 1, 1921. According to the law of December 17, 1920 the Polish government provided per colonist: one pair of horses with a harness and a cart (after the demobilization of the sedentary); 80 mi trees and other necessary materials for economic development; credit for 50,000 marks (1921) for equipment (A. Chojnowski) [14: 45–46].

Assessment of the economic potential of the agricultural sector.

According to the 1921 census, only a small portion of the estates had no agricultural machinery, these were mostly destroyed during the farm war. Such farms affected by hostilities accounted for 4.8% in

the Stanisławow Voivodeship, 2,5% in Lwow and 7,1% in the whole of Poland (Polish statistics) [15: 17]. The post-war revival of farms was carried out on the working-out system, using the remedies of the peasants. Large-scale farms saw an increase in the use of advanced tools and machines.

Thus, statistics on farms with an area of 100 ha to 500 ha accounted for much more use of machinery and advanced tools than in large latifundia covering an area of more than 1000 ha of land. The only exceptions were steam plows and threshers because their prices were high and, consequently, they were profitable in larger farms (Polish statistics) [16: 1–2]. So, it can be concluded that the rational use of machines, and therefore the productivity of farms in medium and small farms was higher than in large latifundia. Many efforts were made by landowners and farmers to rationalize the production of their farms using mineral and natural fertilizers.

It should be noted that the development of agricultural production depended on the use of advanced tools and machines, fertilizers, varietal seeds, agricultural machinery and new technologies of tillage. These processes took place in landlords' and peasants' farms in the mid and second half of the 1920s. During this period, the movement for the introduction of new machinery in agriculture increased. One of the reports of the Agricultural Society of East Małopolska for 1927 stated: "The spring season was marked by a rather intense demand of more progressive breeding farms for the implements of cultivation of the land of the Burmistrza system, and in particular of the plows of the Union production and of wide-spreaders" (The State Archives of Ivano-Frankivsk Region, case 4) [17].

New equipment was expensive, so individual owners could not buy it. That is why, since the late 1920s, the Agricultural Society had started a campaign to purchase new machinery. In order to interest the peasants in the new technique, there was widespread propaganda on the pages of economic and cooperative publications, separately printed large brightly colored posters and addresses were provided in Lviv, where it could be purchased (Z. Struk) [18: 24].

The efficiency of the use of new machinery on farms was exemplified by the use of a planter, which is a true friend of the farmer, as it saves him 30–50% of the seeds when compared to the old method of manual sowing. A good seeder will not damage the grain, the grain sown by it is divided evenly, all the grain is stacked under the top, so neither birds nor the frost could damage it. In August 1926, the Farmers Society announced a competition to encourage peasants to buy new equipment. Whoever was the first to purchase equipment through a county

cooperative union or through the Central Union in Lviv would receive 100 zł. (Silskyi hospodar, 1931) [19: 4].

At the initiative of the Rural Owner, it was suggested how new equipment could be purchased. In particular, at the end of the year, the cooperatives paid out to their members bonuses that could be used to divert them to the Village Farm for the purchase of shared machines needed in the village. Thus, in the account of the Society of Agriculture, there was the following machinery in 1927 (Silskyi hospodar, 1928) [19: 27] (Table 1):

Table 1

Agricultural machinery of the Agricultural Company

Machine name	Regions			
	Lwów	Stanisławów	Ternopil	Together
Chain harrows	11	3	3	17
Seeders	3	5	24	32
Threshers	10	13	17	40
Plows	1	1	–	2
Plows for potatoes	3	4	21	28
Together these and other aggregates	80	53	232	365

Source: Our cooperation in 1927. Silskyi hospodar, 1928.

However, on small farms of poor peasants, the use of expensive machines was not rational or affordable. Whereas, wealthy peasants had steam plows, seeders, reapers, threshers and other agricultural implements for the mechanical cultivation of the land.

The Polish government was interested in the fact that the village did not buy foreign machines, but Polish ones, so decided to cooperate with “Rural owner”: reduce the prices of machinery, especially for wholesale purchases, and provide a loan for two years when paid a quarter of the cost of the machine (Silskyi hospodar, 1928) [19: 3]. Such governmental policies and activities of the Farmers Society made it possible to create “machine departments” or, as they were called, “machine and technical parks” at cooperatives or clubs “Farmer”. In 1928, a number of machine-technical parks were already formed in some counties, and in 1932 Ukrainian cooperatives already had 945 such parks (I. Vitanovich) [20: 29].

The organization of machine and technical parks at the company “Village Owner” had not gained widespread distribution, in addition, the machinery was dominated by low power. This can be explained by the

aggravation of the economic crisis in Eastern Galicia and the reluctance under these conditions to provide loans to companies or cooperatives due to the rapid depreciation of funds: if, for example, in 1928 a plow could be bought for 100 kg of rye or 20,8 kg live weight of pork, then in 1935 – 2,7 hundred kg of rye or 41,5 kg of pork had to be paid for the same plow, and the price for a thresher, for comparison, increased from three wagons of rye to 8–9 in three years (L. Grossfeld) [21: 19].

Many smallholder farms replaced the plow with wooden instruments. As a consequence, there was a tendency for technical recession, which led to a sharp decline in agricultural machinery. According to official statistics, the production of threshers in Poland in 1933 decreased 13 times by 1929, equestrian plows – 13,3 times, harrows – 173,6 times (L. Grossfeld) [21: 251].

In the post-war decade, landowners and farmers made a great deal of effort, especially in the last years before the crisis, to promote rational production and improve the technical support of agriculture. But as a result of the crisis, the demand for agricultural machinery had fallen sharply, and it was only since 1935 that the investment of entrepreneurs in the development of agricultural machinery and tools had slowly begun to increase. If the index of investment in agricultural production of machinery and tools was taken 100% in 1928, in 1929 it was 76,2%, in 1930 – 43,9%, in 1932 – 8,8%; in 1933 – 10,3%; in 1936 – 20,6%, in 1937 – 31,2%. Both domestic production and imports of agricultural machinery were reduced to a minimum. If we compare the volume of products of domestic agricultural machinery before the crisis, only the enterprises of Eastern Galicia produced much more. Thus, in 1929, 11 factories produced 29,000 tonnes of machinery and tools for the cultivation of land and the processing of hay and straw. In Poland in 1932, production decreased to 5,000 and in 1937 it increased to 21,000 (K. Chernievsky) [2: 65–77].

The introduction of machines into production required a large financial investment. A significant contribution to accelerating this was made by the State Agricultural Bank, which simultaneously financed agrarian reform and loaned farms to improve the technical equipment of rural entrepreneurs, farmers, and landowners. This issue is still relevant today. Own funds are the main sources of investment resources for most agricultural enterprises (O. Levandivskyi, V. Humeniuk, N. Kaziuka) [22: 543]. From 1925 to early 1932, it issued a long-term loan worth 16,969 thousand zł for mortgage on agricultural investments and debt repayment (The State Archives of Ivano-Frankivsk Region, case 6) [16]. Most of the credit came from Polish landowners and settlers who owned between 20 and 50 ha of land for the purchase of supplies, machinery,

artificial fertilizers and debt payments. Through various cooperatives, unions, and joint-stock banks, loans to predatory farmers, part of which went to purchase agricultural machinery and tools, were granted to the majority 29% and for cash 37% (The State Archives of Ivano-Frankivsk Region, case 1) [16]. These could benefit mainly wealthy market farmers.

Thus, the main occupation of the population of Eastern Galicia was agriculture. In 1921, 70,9% of the population of Lviv Voivodeship, 76,6% of Stanislaviv Voivodeship and 81,2% of Ternopil Voivodeship were engaged in that sector of the national economy. If only ethnic Ukrainians are taken into account, the percentage of the employed in agriculture was almost 95%. The socio-economic relations in the village were characterised by the preservation of the magnate and small peasantry's land ownership. Most of the peasant farms were dwarfed and had an area of less than 2 ha. Large landowners were predominantly Polish (1921): 92,8% in Ternopil, 88,1% in Lviv and 73,1% in Stanislaviv voivodeships. For every 100 ha of land owned by the Ukrainian owners there were 98 ha in smallholdings, and 2 ha in largeholdings. Thus, in 1921 there were 143 large Polish estates in the Ternopil voivodship with the size exceeding 1,000 ha; 18 estates belonging to Ukrainian landowners had on the average 245 ha of land, and 55,2% of all farms owned less than two hectares of land. In 1927, farms with 1 to 5 ha paid 2,38 PLN, with 5 to 15 ha – 2,15 PLN tax, 100-500 ha – 2,09 PLN, 500-2000 ha – 2,03 PLN. According to the Tax Code from 1937, the land tax rates in the Eastern Galicia voivodships averaged 40% of the net cadastral income, and in the native Polish voivodships they were between 7% and 13%. Tax payments in the total amount of all peasant households were on the rise. Thus, in 1927-1928, they amounted to 9,4%, and in 1932-1933, they amounted to 25,7%. In 1932-1933 it was 25,7%. Since the amount of all other taxes was fixed in proportion to the land tax rate, the farms of small peasants were much more heavily taxed than the landed estates [24]. From the results of this study it can be concluded that the potential of the landed estates in Eastern Galicia was quite considerable in the interwar period

Economic problems of agrarian sphere development. One of the reasons limiting the use of technical means in agriculture was the agrarian overpopulation, which created a great amount of labor in the labor market.

Thus, in the report of the Economic Society of East Malopolska it was noted, "The cheap labor of the workers and its excess contribute to conservatism in the economy, do not encourage the heads of farms to raise practical efforts to improve the organization of human labor" (The State Archives of Ivano-Frankivsk Region, case 3) [16].

The farms of large landowners used cheap labor of workers, which inhibited the use of expensive machines. According to the calculations of the mentioned society, manual harvesting of daylilies in the area of 80 morgens cost 1000 zł. And the same amount had to be paid annually for 5 years only for the depreciation of a horse-drawn harvester purchased under a 15% loan. Steam thresher cost – 20-40 thousand zł. Thus, “at such prices for cars and at an average percentage rate, every thrifty owner will seek, buy old threshers and locomobiles, and consider the purchase of new machinery a luxury” (The State Archives of Ivano-Frankivsk Region, case 2) [16]. This tendency manifested itself in the period of economic crisis, when landowners and farmers actively used semi-free labor and worked on the old technical base. From 1923, the Ministry of Agrarian Reform (at the local level, district and county land administrations and commissions) was responsible for the overall management and control of land policy [25: 49].

From 1923, the Polish government made partial concessions to the Ukrainian agrarians of Eastern Galicia. Thus, on 24 March 1923, the Polish Sejm passed a provisional decree stopping the military siege, and on 20 June 1924 a law which gave the right to buy land on the “kresy” not only to Poles, but also to persons of other nationalities, provided they were not punished for crimes against the Polish state [26: 74].

According to the Agricultural Institute, which in 1935 surveyed the state of livelihood of peasant farms in 11 villages of Eastern Galicia and in 42 villages of other regions, the difference in equipping these farms with carts, plows and logging was small. The advantage of the western voivodeships in equipping the farms of rich Polish peasants with threshers, horse-drawn carts, fans and grain-cleaning machines was tenfold. An even greater advantage was the use of harvesters, cultivators and seeders (K. Chernievsky) [2: 55].

Particular attention should be paid to ordinary peasant stock. The low level of economic development of small and parcelled farms is impressive. On farms that had an area of 0,5 to 2 ha, there were only 12% of yards that had one horse, plow and harrow, and 14,6% had one cart each. The farms that had the simplest maintenance could not exist on their own because keeping a horse even up to 2 hectares was unprofitable. Depending on the arable land, there was a simple stock (at least two carts and plows, two or more horses) on all farms (from 5-10 ha).

The use of improved agricultural implements and machines in different groups of farms is evidenced by the questionnaire data of the Institute of Public Economy (Table 2).

The table shows that the southern voivodeships had significantly more advanced farm implements and machines in the same groups than

the eastern voivodeships. The use of labor tools and machines in both groups increases with the size of farms, except for land that is unfit for cultivation. Technical progress in agriculture affected more and more wealthy peasant groups.

Table 2

Use of improved agricultural implements and machines in different groups of farms (1938)

Farm groups, ha	Improved tools and agricultural machinery, on 100 farms surveyed	
	In the southern provinces	In the eastern provinces
Less than 2	41,1	10,9
2-5	95,9	9,4
5-10	168,9	77,7
10-20	219,7	118,8
20-50	318,7	75,7

Source: Czerniewski K. Maszyny i narzędzia rolnicze w gospodarstwach mniejszej własności. Warszawa, 1938.

On small-scale but relatively large in production farms, such as livestock breeding, root-growing, the most widely used were hatcheries and plows for potato rolling. They did not use expensive tools – threshers, horse-drawn vehicles, grain-cleaning machines, seeders, reapers and other tools. Based on statistics in Western Ukraine, there were 16,7% of wealthy peasant households that owned one of these tools. For example, 4,2% of farms owned horse-drawn threshers. Moreover, 54,7% of farms did not even have conventional plows, all the while renting them. According to the General Statistical Office of Poland, in 1935, 9% of farms used seeders in the Lwów and Stanisławow Voivodeship, 14% in Ternopil (Agricultural statistics) [23: 120]. The intensity of agricultural production of the bulk of peasant farms in the interwar period remained at the same level as before the First World War.

Conclusion. The disproportionate development of the agricultural sphere in Eastern Galicia was observed in the use of agricultural implements and machines. On the one hand, the development of capitalist production in agriculture was accompanied by the concentration of agricultural machinery at landowners and farmers, and on the other, the lack of machinery at small farmers who were forced to use primitive tools.

During the economic downturn, agricultural machinery fell into disrepair, holding back the development of capitalist production in the countryside. Low prices for agricultural products and high prices for manufactured goods had a negative impact on the purchasing power of peasant farms. This difference was especially noticeable during the

global economic crisis. Landowners used the old methods of management, which used more cheap labor for hired workers than investing in rationalization of production to reduce its costs. The crisis in agriculture contributed to the growth of the waste system, which revived the remnants of the countryside, inhibiting the development of productive forces more than in industry.

In times of economic crisis, the technical base of agriculture declined as a result of reduced demand for agricultural implements and machines. The minimum amount of equipment in the landlords was ineffective, as a large number of landowners were returning to the old system due to the emergence of cheap labor. Even the farms of wealthy peasants abandoned seeders and cultivators. As for the general majority of peasants, during this period, they went to shallow plowing and refused inter-row cultivation.

The use of sophisticated agricultural machinery was only profitable on large farms of landowners and farmers, at the same time displacing small producers. It should also be noted that in addition to the use of agricultural machinery, permanent fixed-term workers were not hired.

Despite state support, the use of machinery in agriculture created tension in society. On the one hand, on farms that used hired labor, machines displaced agricultural workers, on the other – cheap labor, price differences between agricultural products and machines, in favor of the latter, hampered the mass introduction of agricultural machinery.

REFERENCES

1. Lutsky, O. (1938) *Silskohospodarskyi kredyt: hotivkovi prykhody i rozkhody selianskoi rodyny v rr. 1927–1937* [Agricultural credit: cash income and expenses of the peasant family in the years 1927–1937]. Lviv: [s.n.].

2. Czerniewski, K. (1938) *Maszyny i narzędzia rolnicze w gospodarstwach mniejszej własności* [Machines and agricultural tools on the farms of smaller]. Warszawa: [s.n.].

3. Korniyuchuk, L. (1957) *Stanovyshche trudiashchoho selianstva zakhidnykh oblastei Ukrainy pid vladoiu panskoi Polshchi (1920–1939rr.)* [The position of the working peasantry of the western regions of Ukraine under the rule of the lordship of Poland in 1920–1939]. Kyiv: Vydavnytstvo AN URSR.

4. Vasyuta, I. (1978) *Sotsialno-ekonomichni vidnosyny na seli Zakhidnoi Ukrainy do vozziednannia (1918–1939)* [Socio-economic relations in the village of Western Ukraine before the reunification in 1918–1939]. Lviv: Vyshcha shkola.

5. Landau, Z. & Tomaszewski, J. (1971) *Zarys historii gospodarczej Polski 1919–1939* [Outline of the economic history of Poland 1919–1939]. Warszawa: Książka i Wiedza.

6. Zlupko, S. (2000) *Ekonomichna dumka Ukrainy* [Economic Thought of Ukraine]. Lviv: I. Franko LNU.
7. Sytnyk, N., Humeniuk, V., Sych, O. & Yasinovska, I. (2020) Development of the Carpathian Region in the Context of EU Macro-Regional Strategy. *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 11(1). pp. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.24193/JSSP.2020.1.04>
8. Gerasimenko, M. (1959) *Ahrarni vidnosyny v Halychyni v period kryzy pan-shchynnoho hospodarstva* [Agrarian relations in Galicia during the crisis of the serfdom]. Kyiv: Vydavnytstvo Akademii Nauk Ukrainy RSR.
9. Zubets, M., Vergunov, V. & Vlasov V. (2006) *Ahrarna polityka i makroekonomiczni vidnosyny v ahrarnomu sektori Ukrainy: v 4 t.* [Agrarian Policy and Macroeconomic Relations in the Agrarian Sector of Ukraine: in four volumes]. Kyiv: NNTsIAle.
10. Mędrzecki, W. (1988) *Volyn Voivodship 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych* [Elements of civilization, social and political changes]. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Polska Academia Nauk, Instytut Historii. p. 12.
11. Slyvka, Y. (1985) *Zakhidna Ukraina v reaktsiinii politytsi polskoi ta ukrainskoi burzhazii (1920–1939)* [Western Ukraine in the reactionary politics of the Polish and Ukrainian bourgeoisies (1920–1939)]. Kyiv: [s.n.]. p. 147.
12. Giza, A. (1999) Położenie ludności ukraińskiej na południowo – wschodnich ziemiach Polski w latach międzywojennych [Location of the Ukrainian population in the south-eastern territories of Poland in the interwar years]. *Wrocławskie Studia Wschodnie*. p. 108.
13. Garmatni, B. (2003) *Vaiskovyia asadniki Paleskaha vaiavodstva i ikh dzieinstsiasiarod miastsovoha selianstva u 1921–1939* [Military colonists Polesie province and their activities among the local selyanstva in 1921–1939]. Baranovichi: [s.n.]. p. 145.
14. Chojnowski, A. (1939) *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939* [Concepts of the nationality policy of Polish governments in 1921–1939]. pp. 45–46.
15. Poland. (1925) *Wielka własność rolna* [Great agricultural property]. *Statystyka Polski*. 5.
16. The State Archives of Ivano-Frankivsk region. Fund 415. List 1. Files 1; 2; 3; 4; 6.
17. Struk, Z. (2000) *Diiialnist ukrainskykh kooperatyviv u Zakhidnii Ukraini (1921–1939)* [Activity of Ukrainian cooperatives in Western Ukraine (1921–1939)]. Lviv: NAS of Ukraine.
18. Anon. (1931) *Do vidoma kooperatoriv* [To the attention of co-operator]. *Silskyi hospodar*. 2.
19. Anon. (1928) *Nasha kooperatsiia u 1927 r.* [Our cooperation in 1927]. *Silskyi hospodar*. 12.

20. Vitanovich, I. (1964) *Istoriia ukrainskoho kooperatyvnoho rukhu* [History of the Ukrainian cooperative movement]. New York: Tovarystvo "Ukrainskoi kooperatsii."

21. Grossfeld, L. (1954) *Ekonomicheskyy krizis 1929 – 1933 gg. v Pol'she* [The economic crisis of 1929–1933 in Poland]. Moscow: Inostrannaya literatura.

22. Levandivskiy, O., Humeniuk, V. & Kaziuka, N. (2019) Capital investments of agricultural producers in the globalization conditions. In: *Fundamental and Applied Researches: Contemporary Scientific and Practical Solutions and Approaches. Interdisciplinary Prospects*. Vol. V. Baku; Banska Bystrica; Uzhhorod; Kherson: Posvit. pp. 540–549.

23. Poland. (1936) *Statystyka rolnicza 1935*. Czesc 3 [Agricultural statistics, 1935, Part 3]. Warszawa: [s.n.].

24. Ukraine. (2021) *Inkorporaciya skhidnogalyczkych zemel v polsku derzhavu u mizhvoyennu dobu (1921–1939 rr.)* [Incorporation of Eastern Galician lands into the Polish state in the interwar period (1921–1939)]. [Online] Available form: <http://zno.academia.in.ua/mod/book/view.php?id=3432>

25. Korostil, N. (2007) Sotsialne stanovyshe ukrayinskykh agrariyiv Skhidnoyi Galychyny u 20–30-ti roky XX st. [The social situation of Ukrainian farmers in Eastern Galicia in the 1920–30s]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Problemy istorii Ukrainy: Fakty, sudzhennya, poshuky*. Vol. 16(1). Kyiv: NAS of Ukraine. pp. 44–51.

26. Smolej, V. (2003) *Polske cyvilne i vijskove ahrarne osadnytvo u Zakhidnij Ukraini: istoryko-pravovyy kontekst (1919–1939 rr.)* [Polish civil and military agrarian settlement in Western Ukraine: historical and legal context (1919–1939)]. Ternopil: Pidruchnyky i posibnyky.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луцький О. Сільськогосподарський кредит: готівкові приходи і розходи селянської родини в рр. 1927–1937. Львів, 1938. 45 с.

2. Czerniewski K. Maszyny i narzędzia rolnicze w gospodarstwach mniejszej własności. Warszawa, 1938. 112 s.

3. Корнійчук Л. Становище трудящого селянства західних областей України під владою панської Польщі (1920–1939 рр.). Київ: Видавництво АН УРСР, 1957. 71 с.

4. Васюта І. Соціально-економічні відносини на селі Західної України до возз'єднання (1918–1939). Львів: Вища школа, 1978. 172 с.

5. Landau Z., Tomaszewski J. *Zarys historii gospodarczej Polski 1919–1939*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 321 s.

6. Злупко С. Економічна думка України. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000. 524 с.

7. Sytnyk N., Humeniuk V., Sych O., Yasinovska I. Development of the Carpathian Region in the Context of EU Macro-Regional Strategy // *Journal of Settle-*

ments and Spatial Planning. 2020. Vol. 11, № 1. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.24193/JSSP.2020.1.04>

8. *Герасименко М.* Аграрні відносини в Галичині в період кризи панщинного господарства. Київ: Видавництво Академії Наук України РСР, 1959. 380 с.

9. *Зубець М., Вергунов В., Власов В.* Аграрна політика і макроекономічні відносини в аграрному секторі України: в 4 т. Київ: ННЦІАЄ, 2006. Т. 3. 358 с.

10. *Mędrzecki W.* Województwo Wołyńskie 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. S. 12.

11. *Сливка Ю.* Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920–1939). Київ, 1985. С. 147.

12. *Giza A.* Położenie ludności ukraińskiej na południowo – wschodnich ziemiach Polski w latach międzywojennych. Wrocławskie Studia Wschodnie, 1999. S. 108.

13. *Гарматны В.* Вайсковыя асаднікі Палескага ваяводства і іх дзейнасць сярод мясцовага селянства ў 1921–1939 // Артыкулы № 5. Баранавічы, 2003. С. 145.

14. *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939... S. 45.

15. *Statystyka Polski. T. 5: Wielka własność rolna.* Warszawa, 1925. XXI, 122 s.

16. Державний архів Івано-Франківської області, фунт 415, справа 1, справи 1; 2; 3; 4; 6.

17. *Струк З.* Діяльність українських кооперативів у Західній Україні (1921–1939 рр.). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000. 152 с.

18. До відома кооператорів // Сільський господар. 1931. № 2. 48 с.

19. Наша кооперація у 1927 р. // Сільський господар. 1928. № 12. 46 с.

20. *Витанович І.* Історія українського кооперативного руху. Нью-Йорк: Товариство «Української кооперації», 1964. 624 с.

21. *Гросфельд Л.* Экономический кризис 1929–1933 гг. в Польше. М.: Иностранная литература, 1954. 312 с.

22. *Levandivskyi O., Humeniuk V., Kaziuka N.* Capital investments of agricultural producers in the globalization conditions. Fundamental And Applied Researches: Contemporary Scientific and practical Solutions and Approaches. Interdisciplinary Prospects. Vol. V. Baku; Banska Bystrica; Uzhhorod; Kherson: Posvit, 2019. P. 540–549.

23. *Statystyka rolnicza, 1935. Czesc 3.* Warszawa, 1936. 163 s.

24. Інкорпорація східногалицьких земель в польську державу у міжвоєнну добу (1921–1939 рр.). URL: <http://zno.academia.in.ua/mod/book/view.php?id=3432>

25. *Коростіль Н.* Соціальне становище українських аграріїв Східної Галичини у 20–30-ті роки ХХ ст. Проблеми історії України: Факти, судження,

пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць: в 2 ч. / відп. ред. В.А. Смолій. К.: Інститут історії України НАН України, 2007. Вип. 16. Ч. 1. С. 44–51.

26. *Смолей В.* Польське цивільне і військове аграрне осадництво у Західній Україні : історико-правовий контекст (1919–1939 рр.). Тернопіль: Підручники і посібники, 2003. 112 с.

Omelian T. Levandivskyi – Vasył Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

Левандовский Емельян Тарасович – доцент, доктор економічних наук, завідує кафедрою фінансів Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника (Україна).

E-mail: omelyant@ukr.net

Volodymyr V. Humeniuk – Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).

Гуменюк Владимир Владимирович – професор, доктор економічних наук, професор кафедри загальної, інженерної геології та гідрогеології Івано-Франківського національного технічного університету нафти та газу (Україна).

E-mail: volodymyr.humeniuk@nung.edu.ua

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/9

Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним куриця, курка)*

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Предлагается лингвокультурологический и аксиологический анализ русинских пословиц и поговорок компонентом-орнитонимом *куриця, курка*. Общее число таких языковых единиц – 25. Источниками материала послужили русинские словари Д. Попа и И. Керча, а также многочисленные паремиологические сборники украинского, белорусского, русского и инославянского малого фольклора. В необходимых случаях привлекались и неславянские источники, расширяющие ареальную зону бытования русинской орнитологической паремиологии. орнитологические паремии – одна из активных групп паремиологических анимализмов. Как показывают предыдущие исследования, некоторые из таких русинских лексем (например, *потя*) уходят в праславянскую эпоху, демонстрируя ценность русинского языкового материала для общеславянских реконструкций. Анализируемый материал характеризуется структурно-семантическим и образным разнообразием: 1. Поговорки (resp. фразеологизмы): *Збыв бы пила хижі кури пытаати; здохла тота курочка, што дві яйця несла; куряча памнять; курьом на сміх; курячої око*. 2. Устойчивые сравнения: *голоден, ги мелникова курка; куріцматься ги квѣчка на яйцѣох; розсілася ги квѣчка; писати ги куриця лабѣв; такий ги мокра куриця; трафилося ги сліпѣв курици зирня; упало му ги сліпѣв курици зирня*. 3. Пословицы: *Из курьми лігай, а з когутами вставай; Лігай спати из курьми, а вставай з когутом; И сліпѣв курици зирня ся трафить; Кому свальба, а курици смирть; Кому што, а курици зирня; Котра куриця много кодкодаче, тотя ся мало несче; Кури на сідало, баба на лежало; Куриця гребе, обы дашто угребла; Куриця думала та й здохла; Куря квѣчці не розказує; Яйце курицю учить*. 4. Разное: *Присядьте дамало, обы ся у нас кури несли; Ходи на пальцѣох,*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

кідь хѳчеш имити куріцію на яйцѳх. Ср. также образное русинское название Плеяд, Семизвездия – ‘Куричкы. Русинские паремии с компонентами-орнитонимами отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека и различных ситуаций, в которые он попадает. Находят в этих паремиях и такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическая и речевая деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т. п. Представленные факты убедительно доказывают значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность орнитонимов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с паремиологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период. Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской, белорусской и русской, а также польской, словацкой и чешской на широком общеевропейском фоне, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании. Дидактический смысл славянской (в том числе и русинской) паремиологии остается в основном интернациональным. Тем самым русинский язык и его культура, в том числе и паремиологическая, демонстрируют древнее и неразрывное единство славянской и неславянской Европы, постоянно обогащавших друг друга своим взаимопроникновением.

Ключевые слова: русинский язык, паремиология, фразеология, пословица, поговорка, сопоставительная паремиология.

From paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’)*

V.M. Mokienko

St. Petersburg State University

11 Universitetskaia Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article offers a linguoculturological and axiological analysis of Rusin proverbs and sayings by means of the ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’. The total number of such

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research under Project Nr. 20-012-00305 “Rusin phraseology against a Slavic background: linguoculturological commentary and lexicographic description.”

language units is 25. The material was found in the Rusin dictionaries of Dmitro Pop and Ihor Kercha, as well as in numerous paremiological collections of Ukrainian, Belarussian, Russian and other Slavonic small folklore. When necessary, the author employed non-Slavic sources to expand the areal zone of Rusian ornithological paremiology. Ornithological proverbs make an active group of paremiological animalisms. According to the previous studies, some of these Rusin lexemes (eg. *potya*) go back to the Proto-Slavic era, demonstrating the value of the Rusin language material for common Slavic reconstructions. The analyzed material shows structural-semantic and figurative diversity: 1. Sayings (resp. phraseological units): *Zbyv by pila khizhi kuri pytati; zdokhla tota kurochka, shto dvi yaytsya nesla; kuryacha pamnyat'; kur'om na smikh; kuryachoy oko.* 2. Stable comparisons: *goloden, gi melnikova kurka; kuritsmat'sya gi kvöchka na yayts'okh; rozsilasya gi kvöchka; pisati gi kuritsya laböv; takiy gi mokra kuritsya; traflosya gi slipÿv kuritsi zirnya; upalo mu gi slipÿv kuritsi zirnya.* 3. Proverbs: *Iz kur'mi ligay, a z kogutami vstavay; Ligay spati iz kur'mi, a vstavay z kogutom; I slipÿv kuritsi zirnya sya trafit'; Komu sval'ba, a kuritsi smirt'; Komu shto, a kuritsi zirnya; Kotra kuritsya mnogo kodkodache, tota sya malo nesche; Kuri na sidalo, baba na lezhalo; Kuritsya grebe, oby dashto ugrebla; Kuritsya dumala ta y zdokhla; Kurya kvöchtsi ne rozkazue; Yaitse kuritsyu učit.* 4. Miscellaneous: *Prisyad'te damalo, oby sya u nas kuri nesli; Khodi na pal'ts'okh, kid' khöchesh imiti kuritsyu na yayts'okh;* also the figurative Rusin name of the Pleiades, the Seven Stars – ‘Kurichky’. Rusin proverbs with ornithonymic components reflect the organic unity of the spiritual, mental, and bodily characteristics of people and the various situations in which they find themselves. These proverbs also reflect such aspects as emotional and mental characteristics, physical and speech activity, intellectual properties, physiological state, etc. The presented facts convincingly prove the significance of such a characteristic by linguistic means. Reflecting the conceptual universality of ornithonyms, they demonstrate both specific interlingual and cultural ties with the paremiology of other peoples, and their national specificity, formed in a particular territory in a particular historical period. As compared with similar Ukrainian, Belarussian, and Russian, as well as Polish, Slovak, and Czech proverbs against a broad pan-European background, the specificity of Rusin proverbs and sayings manifests mainly in their form, not in their content. The didactic meaning of Slavic (including Rusin) paremiology remains mainly international. Thus, the Rusin language and its culture, including paroemias, demonstrate the ancient and inseparable unity of Slavic and non-Slavic Europe, constantly enriching each other with their interpenetration.

Key words: Rusin language, paremiology, phraseology, proverb, saying, comparative paremiology.

Введение

Русинская фразеология и паремиология в последнее время стала объектом пристального изучения, поскольку именно она объективно отражает как национальную специфику, так и многоаспектное взаимодействие русинского народа с другими славянскими этнокультурами. Системный сопоставительный анализ показывает целесообразность и эффективность рассмотрения компактных тематических блоков пословиц и поговорок, образуемых на основе конкретной образной доминанты.

Особой фразеологической активностью отличаются так называемые натуральные (термин Ст. Скорупки [31]) фразеологизмы и паремии, т. е. пословицы и поговорки, образованные соматическими и анималистическими компонентами. Орнитологические пословицы и поговорки – одна из таких активных групп паремиологических анимализмов. Как показывают предыдущие исследования, некоторые из таких русинских лексем (например, *потя*) уходят в праславянскую эпоху, демонстрируя ценность русинского языкового материала для общеславянских реконструкций [12].

В статье значимость такого лингвистического выбора иллюстрируется на материале одной из численно представленных подгрупп орнитонимов, образованных на основе лексемы *куриця*, *курка*. По данным общих и специальных фразеологических словарей русинского языка [5; 16; 17], число таких пословиц и поговорок – 25 единиц. При этом они относительно равномерно распределяются по традиционным жанрам малого русинского фольклора, т. е. поговоркам, устойчивым народным сравнениям и пословицам.

Материал исследования

Учитывая структурно-сематическую специфику каждого из названных типов паремий, выделим их из собранного материала:

1. Поговорки (resp. фразеологизмы): *Збыв бы пила хижі кури пыта-ти; здохла тота курочка, што дві яйця несла; куряча памнять; курьом на сміх; курячої око.*

2. Устойчивые сравнения: *голоден, ги мелникова курка; курицьмать-ся ги квѣчка на яйцьох; розсілася ги квѣчка; писати ги куриця лабѣв; такий ги мокра куриця; трафилося ги сліпѣв курици зирня; упало му ги сліпѣв курици зирня.*

3. Пословицы: *Из курьми лігай, а з когутами вставай; Лігай спати из курьми, а вставай з когутом; И сліпѣв курици зирня ся трафить; Кому свальба, а курици смирть; Кому што, а курици зирня; Котра куриця много кодкодаче, тота ся мало несче; Кури на сідало, баба на*

лежало; Куриця гребє, обы дашто угребла; Куриця думала та й здохла; Куря квѣцї не розказує; Яйце курицю учить.

4. Разное. В такую группу паремий можно отнести и словосочетания, которые, строго говоря, не относятся к выделенным трем разрядам. Таковы, например, пожелания, основанные на поверьях, которые якобы могут повысить яйценоскость кур: *Присядьте дамало, обы ся у нас кури несли; Ходи на пальцох, кїдь хѣчеш имити курицю на яйцох.* Ср. также образное русинское название Плеяд, Семизвездия – *Куричкы.*

Представим лингвистическую характеристику каждой из выделенных групп русинских пословиц и поговорок, предложив их анализ в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими паремиями. При этом будет очерчен их ареал, определена их семантика и структура и предложена историко-этимологическая и лингвокультурологическая характеристика каждой такой языковой единицы.

1. Поговорки (resp. фразеологизмы).

В словаре Д. Попа [17] они последовательно сопровождаются украинскими и русскими эквивалентами, что облегчает их семантическую характеристику и частично проясняет их внутреннюю форму:

Збыв бы пила хижї кури пытати – наче опдало городнє – как чучело гороховое (букв. остался бы возле хаты, чулана, хлева кур щупать).

Здохла тота курочка, што двї яйця несла – здохла курочка, що золотї яйця несла – подохла курочка, что золотые яйца несла.

Курьом на смїх – курам на смїх – курам на смех.

Куряча памнять – ледача пам'ять – куриная пам'ять.

В русинско-русском общем словаре И. Керча зафиксировано лишь одно устойчивое словосочетание с производным от корня *кур-*: *Курячой око* – твердая мозоль [5: 458].

Рассмотрим названные русинские паремии на общеславянском, а некоторые – на общеевропейском фоне.

Поговорка *збыв бы пила хижї кури пытати* [17: 130], судя по украинскому и русскому эквивалентам (укр. *наче опдало городнє* – рус. *как чучело гороховое*), имеет пейоративное значение 'о нелепо, безвкусно одетом человеке; о человеке, служащем посмешищем'. Но если последние восходят к обычаю ставить в горох, чтобы отпугивать птиц, пугало или чучело [1: 761], то образ русинского оборота оригинален – букв. остался бы возле хаты (чулана, хлева) кур щупать. И не случайно поэтому на славянском языковом пространстве он не находит параллелей и остается национально маркированным.

Иное дело – словосочетание *куряча памнять*, соответствующее рус. *куриная память* [17: 157]. Хотя Д. Поп сопровождает его описательным украинским эквивалентом *ледача пам'ять*, оно имеется и

в украинской фразеологии – *куряча пам'ять* [14: 96], а в народной речи фиксируется и в варианте *куряча голова* [4: 264; 18]. Известно оно и белорусскому языку: бел. *курыная памяць* [2: 605]. В соседнем польском подобные выражения зафиксированы довольно поздно (с 1888 г.): *kurcza pamięć*; *ta kurza pamięć*; *ta pamięć jak kura* [28, 2: 779], что, возможно, свидетельствует о заимствовании из восточнославянского (в том числе и русинского) ареала. Неслучайно их не отмечают чешские и словацкие словари, зато в русских народных говорах записано и выражение *куриная память*¹ (СПП 2001, 59; ПОС 25, 73), в воронежских, курских и сибирских – орнитологический вариант *воробьиная память* (СРНГ 5, 106; 25, 189), а русских говорах Карелии – *кукушкина память* (СРГК 4, 388). Такие факты свидетельствуют об исконности сочетания *куриная память* в восточнославянской фразеологии.

В словаре И. Керча зафиксировано полуфразеологическое-полутерминологическое словосочетание *курячий око* 'твердая мозоль (обычно на ноге)' [5: 458]. Это – след словацкого и чешского влияния на русинскую фразеологию – ср. чеш. *kuří oko*, которое, в свою очередь, является калькой с нем. *Hühnerauge*. Ср. также словен. *kurje oko* [29: 206]. О том, что это калька именно с немецкого языка, свидетельствуют и пословицы и поговорки, в которые этот оборот входит в различных диалектах Германии: *Besser mit Hühneraugen auf dem Stein, als hinken mit hölzernem Bein*; *Wer Hühneraugen an den Füßen hat, ist leicht einzuholen*; *Einem auf seine (bösen) Hühneraugen treten*; *Einem die Hühneraugen operieren*; *Er hat Hühneraugen am Hintern* [33, 2: 810]; *Die Hühneraugen sind ihm zu Kopfe gestiegen* [33, 5: 1452].

Выражение *курьом на сміх* Д. Поп [17: 156] сопровождается эквивалентными тождествами – укр. *курам на сміх* и рус. *курам на смех*. Действительно, оно давно известно в восточнославянских языках, неодобрительно характеризуя нечто несуразное, крайне абсурдное, смехотворное до нелепости.

Укр. *курам на сміх* употребляется и в варианте *курам на сміх*, *кураці на сміх* [18, 4: 263]. Бел. *курам на смех* возникло, по мнению И.Я. Лепешева, по модели *людзям на смех*, отраженной, в частности, в поговорке *Паспех людзям на смех* [8: 206]. И рус. *курам на смех*, и его восточнославянские параллели объясняются каламбурным характером фразеологизма: даже *курам* с их «куриными мозгами», не умеющим смеяться, будет смешно, настолько что-либо нелепо [1: 366–367]. Об исконности оборота свидетельствуют данные народной речи: *Наспех – курам на смех* (Сок., 70); твер. *Не строй наспех – построишь курам на смех* (ТПП 1993, 23); горьк. *куры будут смеяться 'о чем-л. крайне нелепом, бессмысленном'* (СРНГ 39, 15). По той же

модели образованы перм. *утки захохочут* 'о чем-л. очень смешном' (СРНГ 48, 172) и пск. *воробьи будут смеяться* 'о чем-л. глупом поступке' (СПП 2001, 23).

В русском литературном языке выражение известно с XVIII в.: «Едакой женитьбѣ и куры смѣяться стануть» (А.П. Сумароков, пьеса «Опекун», 1765 – ср. [15: 152]). Глагольная форма первых фиксаций оборота и полное тождество образа и семантики не исключает предположения, что оно – калька с нем. *da lachen ja die Hühner*. Однако немецкие справочники подчеркивают, что фразеологизмы *Da (darüber) lachen ja alle Hühner (die ältesten Hühner, Suppenhühner)* возникли лишь «в новейшее время» [30, 3: 752]. Показательно, что и пол. *kura by się z tego śmiała; kurom na śmiech prawo wydane* впервые фиксируется лишь 1928 г. [28, 2: 254]. Такие факты подтверждают исконное происхождение восточнославянских фразеологизмов, в том числе и русинского.

Поговорку **Здохла тота курочка, што дві яйця несла** Д. Поп [17: 131] сопровождает эквивалентами, имеющими в своем составе вместо нумератива *два* прил. *золотой*: укр. *здохла курочка, що золоті яйця несла* и рус. *подохла курочка, что золотые яйца несла*.

Поговорка давно известна лишь в украинских говорах Закарпатья: *Здохла тота куриця, що по два яйця несла; Вже нема тої курочки, що дві яєчка несла на день; Нема тої курки, щоб по два яєчка несла* [18, 1: 178]. Второй же, более широкий по ареалу вариант также зафиксирован разными источниками: *Вмерла та курочка, що несла татарам золоті яйця; Нема тієї курочки, щоб несла золоті яєчка; Не стало тієї курочки, що несла золоті яєчка* [18, 1: 181]. Этот второй вариант давно уже включен и в русские паремиологические собрания: *Умерла та курица, коя несла золотые яйца* (Богд. 1741, 90; ДП 1, 237); *Умерла та курица, которая похоронила золотые яйца* (Сок., 531). Не случайно как рус. *Умерла та курица, которая несла золотые яйца* переводит буквально на чешский язык Фр.Лад. Челаковский: *Umřela ta slepička, co nesla zlatá vajíčka* [24: 64].

Этот вариант поговорки известен уже давно (с 1580 г.) и в польском языке; *Zdechła kurka, co złote jajka niosta* [28, 2: 39]; *Już ta kurka zdechła, co złote jajka niosta. Umarta już kokosz, która złote jajka niosta* [28, 1: 818–819]. По мнению Ю. Кржижановского, он представляет собой «uprzystowiony zwrot bajkowy», т. е. басенный сюжет, обретший статус поговорки [28, 1: 819]. Этот сюжет издревле бытовал в фольклорных источниках и получил известность благодаря короткой басне Эзопа [27, 1: 299–300].

Мотив курицы, несущей золотые яйца, давно известен в европейской паремиологии – ср. нем. *Das Huhn, das goldene Eier legt, schlachten*. [30, 3: 753]; *Hühner, die goldene Eier legen, muss man wohl bewahren*

[33, 2: 802]; *Nicht alle Hühner legen goldene Eier* [33, 5: 1451]. Однако, как видим, такие пословицы не совпадают с представленными выше славянскими вариантами. Можно найти и европейские «сюжеты» об умерщвляемой курице с целью добычи яиц: нем. *Die Henne töten, um ein Ei zu gewinnen*; фр. (устар.) *tuer la poule pour avoir l'œuf* [30, 2: 699] и под. Но легко увидеть, что они не полностью адекватны ни русинской поговорке *Здохла тота курочка, што дві яйця несла*, ни её русским, украинским и польским эквивалентам, где мертвой оказывается курица, несущая золотые яйца. Оригинальную же поговорку о курице, несущей по два яйца, можно считать собственно русинской.

2. Устойчивые сравнения.

Ареальная картина русинских компаративных фразеологизмов во многом сходна с региональными проекциями описанных выше поговорок.

Сравнение *журиться ги куриця* можно считать национально специфическим, ибо за пределы русинского ареала оно не выходит. Эквиваленты укр. *непокоїться наче куриця, коли сокориться* и рус. *беспокоится, как курица, когда кокочет*, которые приводит Д. Поп [17: 124], ни в одном из восточнославянских источниках нами не обнаружены. Скорее, это описательные сочетания, сконструированные самим автором русинского словаря.

Сравнение *голоден, ги мельникова курка* Д. Поп [17: 108] эквивалентизирует укр. *голодний, мов мельникова куриця* и рус. *голоден, как мельника курица*. Однако в русском языке оно отсутствует: скорее всего, это, как нередко бывает, – буквальный перевод с русинского в словаре Д. Попа. Представление о ненасытности кур, конечно, встречается и в русском малом фольклоре, но без аллюзии к мельнику. Ср. народн. ирон. *Как беззобая курица: всё голоден; как беззобая курица: сколько ни жрёт, а всегда голодна* 'о постоянно голодном, ненасытном человеке', где *беззобый* – «без зоба», т.е. характерной для зерноядных птиц части пищевого горла, в которой пища разбухает до поступления в желудок. Беззобые птицы отличаются ненасытностью (ДП, 675). Ср. *пить как беззобая утка*.

В украинском же языке сравнение с курицей мельника активно представлено. М.М. Пазяк помещает оборот *голодний, як мельникова курка* и его варианты в раздел «Голодний» наряду с другими сравнениями, характеризующими очень голодного человека: *голодний, як млинська курка; такий голодний, як мельникова курка; такий ти голодний, як млинарєва куриця; голоден, як мельникова курка на копій; голодний, як мельникова курка; голодний, як курка в млині* [18, 4: 53]. Однако, как показывает сопоставление с другими языками и

анализ исходного образа (см. ниже), семантика этого компаративно-оборотного иронична – *ad adversum*, т. е. 'абсолютно не голоден'. Об этом свидетельствует и диалектное (подольск.) сравнение *жити, як мельникова курка 'жить богато, зажиточно'* [6: 182]. Правда, возможно и диалектическое толкование, снимающее это кажущееся противоречие. Известно, что куры ненасытны и готовы постоянно склевывать попадающуюся им пищу – ср. русский оборот *куры не клюют*, характеризующий неисчислимое количество денег, и его украинские соответствия *грошей кури не клюють; і кури не клюють; кури не клюють; там грошей і кури не клюють; у нас грошей і кури не клюють* и под. [4: 236; 18, 3: 109, 113]. В этом смысле русинское сравнение и его славянские параллели можно понимать и как «ненасытен, как курица».

Отсутствуя в русском языке, сравнение о мельничной курице уже давно (с 1570 г.) зафиксировано в чешском языке: *má hlad, co mlynářova slepice; mře hlady jako mlynářova slepice; lačen co mlynářova slepice*. Известно оно в словацком: *má bídu jak mlynárova slípka; mlynárovn sliepku neponúkaj zrnom* [25, 2: 258–259]. Описывая эти паремии, В. Флайшганс предполагает, что чешское выражение заимствовано из нем. *Von Müllers Henn' und Witwers Magd wird selten Hungersnoth geklagt* (букв.: И курица мельника, и горничная вдовца редко жалуются на голод). К.Ф.В. Вандер так комментирует эту поговорку: «И у той и у другой достаточно возможностей, чтобы позаботиться о себе: курица мельника находит зерно повсюду, а горничная вдовца свободна от строгого надзора домохозяйки» [33, 3: 762]. Калькой с немецкого является и словацк. *lačnú ako mlynárova sliepka*, которое О.Е. Ермачкова считает национально маркированным и оригинальным по образу [4: 327].

Отсутствие этого сравнения в русском, белорусском и польском языках позволяет предположить, что оно – чешский и словацкий языковой след в русинской паремиологии, оправданный историко-культурологическими обстоятельствами.

Сравнение ***писати ги куриця лабѳв*** Д. Поп [17: 191] объективно сопоставляет с укр. *писати наче курка лапою* и рус. *писать как курица лапой*. И действительно, этот оборот, иронически характеризующий чей-либо неразборчивый почерк, неаккуратное письмо, известен во всех восточнославянских языках в разных вариантах, что свидетельствует о его исконности: бел. *награзмоліць як курыца лапаю*, укр. *написав, мов курка лапою* [6: 182; 13: 286]; *написати як курка (сорока) лапою (лапкою)*. Особо интенсивно он варьируется в русской диалектной речи: воронез. *писа́ть как кура* (СРНГ 16, 107); курск. *дряпать/надряпать как курица лапой* (где *дряпать* 'писать небрежно, пачкать' (СРНГ 18, 250); у кого *почерк как у курицы*; разг., волгогр., орл. *писать как курица лапой*; морд. *накарябать как курица по кирпичам*

исходила (СРГМ 4, 85); как *сорока бродила (набродила)* и под. Образ сравнения понятен: когда курица топчется на одном месте в поисках корма или у кормушки с кормом, то разобрать её отдельные следы практически невозможно. Типологически этот образ запечатлен и в некоторых языках – например, лат. *gallina scripsit* (букв. курица написала) встречается в комедии Плавта [20: 65]. В других языках это ироническое значение выражается иными образами – например, болг. *пиша с краката си* (букв. пишет ногой; чеш. *drápat (škrábat) jako kocoúr* (букв. царапать как кот); фр. *pattes de mouche* ‘каракули’ (букв. лапки мухи); болг. *пиша с краката си*; нем. *die schrecklohe Pfote* (букв. ужасная лапка); *eine fürchterliche Klaue haben* (букв. иметь ужасный коготь); *eine Sauklaue haben* (иметь свиной коготь) и т. п. Такие параллели показывают, что русинское сравнение является частью восточнославянского фразеологического ареала.

Триада **такий ги мокра куриця** – укр. *тютя з полив'яним носом* – рус. *мокрая курица*, выстроенная Д. Попом [17: 213], не совсем полна. Ведь как в украинском, так и в русском языках есть аналогичные сравнения и их варианты: укр. *виглядає, як мокра курка* [18, 4: 90]; *вертиться, як мокра курка* [18, 4: 155]; *ходить, як мокра курка* [18, 4: 196]; *мокра курка* [18, 4: 254]; *мокрый, як курка* [6: 182]; рус. как *мокрая курица*; как *курица мокрая* ‘о жалком, дрожащем, подавленном, удручённом и грустном человеке’, ‘о вялом, пассивном, инертном и беспомощном человеке’ (ДП, 252); волгоград., орл. ‘о неумелом, неловком, нерасторопном человеке’; перм. ‘о неопрятной, некрасивой женщине’; морд. ‘о небрежно, неряшливо одетой женщине’ (СРГМ 3, 105); брян. *намочиться как курица мокрая*; ирк. *промокнуть как курица* ‘о промокшем, сильно вымокшем человеке’; смол. *раскапуститься как мокрая курица* ‘о расплакавшемся человеке’ (ССГ 9, 101); новг. *схухриться как курица мокра* ‘о съёжившемся, нахохлившемся (от мороза, недовольства и т. п.) человеке’ (где *схухриться* ‘съёжиться, нахохлиться’ (НОС 11, 13; СРНГ 43, 79) и др.

В словарях можно найти и такие славянские параллели, как бел. *мокрая курыца, як (што) мокрая курыца*, словц. *ako zmoknutá kura*, чеш. *jako zmoklá slepice (slípka)*; *jako zmoklé kuře*; болг. *мокра кокошка (мишка)*; х/с *kao pokisla kokoš* и др. Однако они, вероятно, позднейшего происхождения. Это подчеркивает автор древнечешского паремиологического тезауруса В. Флайшганс, замечая по поводу чеш. (*sedí, chodí*) *jako zmoklá slepice*, что это новочешское выражение («za to obyčejně novočeské» [25, 1: 481]. Исконно чешским он называет сравнение *sedí (nadrchaný), co umoklá káně*; *chodí jako mokrá káně*, зафиксированное с 1503 г. [25, 1: 481], где промокнувшей птицей является сарыч-канюк.

Прямое значение нашего сравнительного оборота прозрачно: вид курицы, попавшей под дождь, жалок и непригляден. Презрительное уподобление вида мокрой курицы внешности, а затем и способностям, качествам человека и создает экспрессию выражения. Она сохранена и в русинском сравнении.

В двух русинских сравнениях подчёркивается такая физическая особенность курицы, как слепота. Отсюда и шутливо-ироническая ситуация «везения», когда, несмотря на слепоту, ей попадает зерно: **Трафилося ги сліпѹв курици зирня** – укр. *буває, що й сліпа куриця зернину знайде* – рус. *бывает, и слепая курица просо найдет*; **Упало му ги сліпѹв курици зирня** – укр. *йому перепало, як сліпій курці просо* – рус. *досталось ему, как слепой курице зернышко* [17: 220, 223]. Слепота курицы запечатлена и в известном шутливо-ироническом фразеологизме *слепая курица*, характеризующем плохо видящего, подслеповатого человека. Не случайно и болезнь слепнувшего от малокровия после захода солнца человека называют *куриной слепотой*: курица после захода солнца слепнет и становится беспомощной (Зимин, Спириин 1996, 320). Ср. укр. *Ах ти, куряча сліпото!* [13: 164; 18, 3: 327]. Подобные обороты известны во многих языках, например: пол. *kurza ślepota; kurzej ślepoty dostał* ‘не видит явных фактов, вещей’ [28, 2: 255]; нем. *ein blindes Huhn* и др. В диалектной речи можно найти немало сравнений, характеризующих близорукого, плохо видящего человека – ср. рус. разг. (*подслеповатый*) *как слепая курица*; иркут. *слепой как курица*. При этом в некоторых славянских языках можно встретиться с парадоксом, так, чешское название курицы – *slepice*, буквально расшифровывается как ‘слепая птица’, но сравнение с ней отсутствует: рус. *слепая курица* передается эквивалентами *slepý jako patrona* (букв. как патрон), *slepý jako krtek* (букв. как крот), *slepý jako kotě* (букв. как котенок) [32: 355]. Вместе с тем говорить о чёткой ареальной очерченности сравнения «слепой как курица» нельзя, поскольку сюжет о слепой курице, как увидим далее при анализе пословицы *И сліпѹв курици зирня ся трафить*, имеет широкое общеевропейское распространение.

3. Пословицы.

Две русинские пословицы, а точнее вариант одной, выражают народную мудрость о необходимости пробуждения с восходом солнца и своевременного ночного отдыха с его заходом: **Из курьми лігай, а з когутами вставай** – *Лягай разом з курми, а вставай з когутами* – *С курами ложись, а вставай с петухами* [17: 135–136]; **Лігай спати из курьми, а вставай з когутом** – *Спати лягай з курами, а вставай з когутами* – *Спать ложись с курами, а вставай с петухами* [17: 159].

Курица и петух издревле были главными естественными темпоральными ориентирами деревенской жизни [11: 21–26]. И поэтому параллели к русинским пословицам нетрудно найти как в родственных славянских, так и в неродственных языках. Вот некоторые из них: укр. *З курми спати лягай і з курми вставай* [18, 1: 179]; бел. *З курамі лажысь, з петухамі ўставай* [3, 2: 456]; чеш. *chodit spát se slepicemi* [32: 220], с./х. *liegati js kokošima*; словен. *hodil je s kokošmi spat* [29: 498]; нем. *Wer mit den Hühnern zu Bette geht, kann mit dem Hahn aufstehen; Mit den Hühnern zu Bett gehen*; фр. *aller se coucher comme les poules* [30, 3: 752] и др.

К разряду пословиц относится и поговорка о слепой курице, которая, как мы видели, имеет форму компаративных оборотов **Трафилося ги сліпѣв курици зирня** и **Упало му ги сліпѣв курици зирня**, описанных выше. Любопытно и, как увидим, неоправданно, что эта поговорка, в отличие от соответствующих сравнений, Д. Попом считается безэквивалентной, ибо приводимая им и украинская, и русская параллель имеют совершенно иную образность и структуру: **И сліпѣв курици зирня ся трафить** [17: 138] – укр. *чого на світі не буває* – рус. *некошный пошутит* – *чего не нашутит*. Однако в восточнославянском языковом пространстве она активно зафиксирована и обогащена многочисленными вариантами.

В украинских говорах вариантность этой поговорки особенно разнообразна: *І сліпа курка на зерно трафить; І сліпа курка деколи найде зерна; І сліпа курка знайде іноді зерно; І сліпа куриця зерно знайде* [18, 1: 179]; *Сліпій курці добре й зеренце; Сліпій курці усе пшениця* [18, 1: 181]; *Лучилося сліпій курці зерно, та й то порожнє; Раз трапилося сліпій курці зерно, та й то порожнє; Раз трапилося сліпій курці зерно, та й тим удавилася; Случилося сліпій курці зерно, та й те порожнє; Трапилося сліпій курці зерно, та й те порожнє; Трапилося сліпій курці пшеничне зерно; Трапилося сліпій курці бобове зерно і тим ся удавила; Трапилося раз на віку бобове зерно курці і тим удавилася; Трапилося, як сліпій курці бобове зерно і тим ся удавила* [18, 1: 180].

Белорусские источники фиксируют значительно меньшее число вариантов этой поговорки: *Трапіцца і сляпой курцы зернятка знайці; Давядзецца сляпой курцы зярнятка найці* [3, 1: 195]; *Здарылася сляпой курыцы зярня знайсці, і то ўсе ведаюць* [3, 2: 392].

В русском языке известен лишь один вариант этой поговорки, аналогичный укр. *Сліпій курці усе пшениця* – *Слепой курице всё пшеница* (Богд. 1741, 111; ДП 1, 334; СПП 2001, 133).

В польском языке поговорка зафиксирована уже с 1618 г. и представлена активной вариантностью: *Trafiło się jak ślepej kurze ziarno; І ślepej kokoszy ziarno się nadarzy; Zdarzyło mu się, jak ślepej kurze ziarno;*

Zdarzyło się ślepej kurze ziarnko; Ślepej kwoczce ziarnko się czasem udarzy; Podarzyło sie mu, jak ślepej kurce zorko; Wydarzyło sie, jako ślepej kurze zorko; Udało mu się, jak ślepy kurze ziorko и др. [28, 2: 256–257].

Известна пословица и в других славянских языках – например: чеш. *I slepá slepice někdy na zrno trefí* [24: 265]; с./х. *I čorava koka zrno nađe*; словен. *Tudi slepa kokoš zrno najde* [29: 478] и др.

Показательно при этом, что чешскую пословицу Фр. Лад. Челаковский прямо сопоставляет не только с «галицкой» *I slepa kurka najde daколи зернья*, но и (в подстрочном примечании) с дат. *Ein blin Höne finder ogfaa et Korn* и нем. *Eine blinde Henne kann auch en Korn finden* [24: 265]. Тем самым славянские паремии квалифицируются как кальки с германских языков. И действительно, нем. *blindt Hun findt auch wol ein Korn (ein Erbeis)* К.В. Вандер фиксирует с XVI в. в разных регионах Германии с его вариантами: нем. *Auch ein blindes Huhn findet wohl ein Körnlein; Da hat auch ein blind Huhn eine Erbse gefunden; Ein blindes Huhn findet bisweilen ein gutes Körnlein in einem grossen Haufen Sandes* и др. [33, 2: 801, 802, 807].

По-видимому, пословицу можно отнести к общеевропейскому паремиологическому наследию, ибо она представлена во многих языках: ит. *Talvolta anche una gallina cieca trova un Granello*; лат. *Invenit interdum caeca columba pisum*; фр. *Une poule aveugle peut quelquefois trouver son grain*; англ. *A blind man may perchance hit the mark*; греч. *Ὄσπερ μὲν καὶ λέγεται, ἀν πολλὰ βάλλης, ἄλλοτ' ἄλλοῖον βάλεις*. Причем последняя посвящена авторитетом Аристотеля [22: 286–287].

Пословица **Кому свальба, а курици смерть** Д. Поп [17: 151] имеет точный украинский аналог *Кому всілля, а курці смерть* и русскую паремиологическую безобразную параллель *Кому счастье, а кому ненастье*.

В украинском языке, действительно, эта пословица издавна зафиксирована повсеместно и в большом количестве вариантов: *Кому весілля, а курці смерть; Кому свадьба, а курці смерть; Весілля – курям смерть; Кури на весілля не хочуть, та силою несуть; Кури на весілля не хочуть, а їх силою несуть; Не рада курка на весілля, та силують; Не хоче курка на вечорниці, та несуть; Не хочуть кури на весілля, та їх несуть; Не хоче курка на весілля, так понесуть* [18, 1: 180]. И. Франко, показавший несколько таких вариантов из Галиции, предлагает и лингвокультурологический комментарий: «Бо на весілля переважно ріжуть курей, мб. відгомін давнього поганьського культу, де курка була ритуальною жертвою при шлюбі» [21, 1: 218]. Действительно, в свадебной обрядности славян актуализируется брачно-эротическая символика курицы, и именно с курицы начинается и завершается свадьба [19, 3: 62].

В белорусском малом фольклоре отразился один из таких вариантов поговорки: *Не рада каза торгу, а куры – вяселлю* [3, 2: 34].

Русские же поговорки отличаются вариантным многообразием: *Рада бы курочка на свадьбу не шла, да за крыло волокут* (Паус нач. XVIII в., 46); *Рада б курочка в пир не иди, да за хохол тащат* (Ан. 1988, 270); *Рада бы курочка в пир не иди, да повар тащит* (Сок., 244); *Рада бы курочка в пир не шла, да за хохол тащат*; *И курочку на пир зовут (тащат)* (ДП 2, 236); *И не рада б курочка на пир, да за хохол (за хохолок, за крылышко) тащат* (ДП 2, 236); *И курицу зовут на пир – для закуски* (Сок., 237); *Курице и на поминках, и на свадьбе горе* (Спир. 1985, 48; ППЗК 2000, 46); *Курице и на свадьбе и на поминках – горе* (Сок., 238).

Польские поговорки со «свадебным» сюжетом зафиксированы уже с 1618 г.: *Nierady kury na wesele, ale muszq; Nie chciało się kurze na wesele, ale musiała; Komu wesele, a kurze śmieræ*. При этом и составители польского паремиологического тезауруса подчёркивают, что «*Kury były zwyczajowym jadłem weselnym na wsi*» [28, 2: 256]. Фр.Лад. Челаковский сопоставляет пол. *Nie rada koza na targ, ale musí* с укр. *Не хоче коза на торг, та ведуть* и приводит чеш. *Nerady slepice na svatbu, ale musí; Nerada by koza kozka na trh, ale musí*, сопоставляя их с рус. *Рада бы курочка в пир не шла, да за хохол тащат*, укр. (малорос.) *Не хочуть куры на весілле, та їх несуть* и отдельно выделяя галицьк. (соответственно, русинское) *Не рада коза торгу а куры весилю, та мусять* [24: 341].

К русинской поговорке **Кому што, а курици зирня** Д. Поп [17: 152] приводит близкие по образности украинские и русские паремии *Голодній курці все просо на думці* и *Голодной курице просо снится*. Украинские поговорки, тем не менее, известны как в варианте со словом *просо*, так и со словом *зерно*: *Голодній курці просо сниться*; *Голодній курці все зерно сниться*; *Голодній курці зерно на думці*; *Голодній курці просо на думці*; *Голодній курці все просо на думці* [18, 1: 179].

В белорусском языке находим точное структурное соответствие русинской поговорки, но с компонентом *просо*: *Каму што, а курыцы проса* [3, 1: 195]. В то же время здесь встречаются и варианты не только с компонентом *зернятка*, но и *пшеница*: *Галоднай курыцы зярнятка на думцы*; *Сляпой курыцы ўсё пшаніца* [3, 1: 220].

Русская паремиология здесь также представлена обоими «зерновыми» компонентами: вологод., твер. *Кому что, а курица – про просо* (Сок., 192; ТПП 1993, 29); кубан., с.-рус. *Голодной курице [всё] просо снится* (ДП 1, 183; Рыбн. 1961, 136; ППЗК 2000, 52; Сок., 148); волог. *Голодной курице просо мнится* (Яцкевич 2017, 33); *Голодной курице всегда зёрна снятся* (Раз. 1957, 174); *Голодной курице зерно снится* (Сок., 148). Характерно, что в кубанских говорах поговорка

зафиксирована в украинизированной форме: *Голодний курци просо снится* (ППЗК 2000, 52).

Относительно поздно (1850 г.) зафиксирована эта поговорка в польском языке: *Śni siê kurze proso; Śni siê ślepiej kurze proso (ziarnko)* [28, 2: 256].

Пословица **Котра куриця много кодкодаче, тотя ся мало несче** признается имплицитно безэквивалентной, ибо Д. Поп [17: 154] предлагает к ней паремиологические аналоги с иной образностью: укр. *Язиком сяк і так, а ділом ніяк – рус. Много звону – мало толку.*

Близкие по смыслу и образности поговорки известны из белорусского и польского малого фольклора: бел.: *Не кажна курка нясецца, што сакоча* [3, 1: 195]; *Курачка сакочыць, яечка хочыць* [3, 1: 346]; Украинские же и русские поговорки со сходной образностью имеют несколько иное смысловое наполнение: рус. (пск., ленингр.) *Курица ещѣ не снеслась, а уже кудахчет* (Соловьева 2001, 81); *Не там курица кудахчет, где яйцо снесла* (Спир. 1985, 75); *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет* (ДП 2, 138); *Не всегда там курочка кудахчет, где яйцо снесла* (Жиг. 1969, 57); *Не там курочка яйцо снесла, где кудахчет* (Раз. 1957, 85).

Пожалуй, здесь русинская поговорка обнаруживает приверженность к западнославянскому ареалу. Так, польская паремия, зафиксированная с 1614 г. в разных вариантах, точно соответствует русинской: *Kokosz, co mniej pożytku daje, taka najbardziej, a Bóg wie, gdzie jaje; Kura, co dużo gdacze, zwykle mało nisie jajec* [28, 2: 255]. Столь же тождественно ее соответствие чешской поговорке *Která slípka mnoho kdáče, ta málo vajec nese*, которую помещает в свое паремиологическое собрание Фр. Лад. Челаковский, сопоставляя его с серб. *Коя кокошь много какоће, мало яя носи* [24: 102]. В современном словаре чешских поговорок приводится и вариант *Kvokající slepice vejce nesnáší* [23: 93]. Ср. *Která slepice ne nese a kdáče a která žena na svého muže kváče* [25, 2: 887].

В подстрочной ссылке к указанной выше чешской поговорке Фр. Лад. Челаковский приводит и ряд неславянских европейских параллелей: лат. *Multum clamoris, parum lanae*; итал. *Gran gridore e poca lana*; англ. *Great cry and little wool* и нем. *Viel Geschrei und wenig Wolle* [25, 2: 887]. К ним можно присовокупить и итал. *Assai rumore e poca lana*; исп. *Más es el ruido que las nueces*; фр. *Grand bruit, petite toison* и др. [22: 603]. Легко увидеть, однако, что образность этих эквивалентов иная, чем в русинском, польском и чешском языках. Более того, даже немецкая поговорка *Viel Geschrei, wenig Ei, Viel Geschrei und doch kein Ei* [33, 1: 1601; 5: 1338], которая, на первый взгляд, адекватна славянским (букв. Много крика, но мало

яиц), связана с ней все-таки скорее типологически, чем генетически.

Русинскую пословицу **Кури на сідало, баба на лежало**, видимо, можно назвать собственно русинской. Во-первых, ее украинский аналог *Кури на сідало, баба на лежало* в словаре Д. Попа [17: 156] не отражен украинскими паремиологическими источниками, а известен в варианте укр.: *Кури на сідало, а він на лігало*, зафиксированном именно в Закарпатье [18, 2: 455]. Ср. *Ауш кури на сідало, бо завтра Великдень! – Щоб не було з вами клопоту* [21, 2: 437]. Во-вторых, русская паремия *Куры на насест, баба на лежанку*, приведенная Д. Попом, в русском малом фольклоре отсутствует. Близкие же по образности паремии здесь имеют иную структуру и компонентный состав – ср. помор. *Кура – на седало, я – на беседу* (Мерк. 1997, 45), где *беседа* (*бесѣда*) 'дневное собрание молодежи в доме для увеселения или для работы', а *седало* 'насест'. Ср. также урал. *Солнышко на место, курочки на седало (седло), добра жѣнка – за пряслицу* (Ан. 1988, 291).

Аналогична ситуация и с другими славянскими параллелями, которые не обнаруживают полного совпадения с русинской пословицей при близости орнитологического образа – например, чеш. *Dadie kuřeti sedadlo, ano se samo domysli* и пол. *Dano kurowi grzędê a on jeszcze wieże chce* [25, 2: 706]. Ср. также пол. *Daj kurze grzędê, ona powie: wyżej siedê* [28, 2: 253–253].

Русинская пословица **Куриця гребе, обы дашто угребла** сопрягается Д. Попом [17: 156] с украинским и русским эквивалентами *Курка гребе, щоб зернятко знайти* и *Курица гребет, чтоб зернышко найти*. Хотя ни в украинском, ни в русском малом фольклоре нам не удалось найти таких вариантов с компонентном *зернятко* и *зернышко*, но близкие к русинской паремии там зафиксированы. Таковы украинские пословицы *Кожна курка собі гребе; Курка, що гребе, то все на себе; Курочка гребе сама на себе; Всяка курка не дурна: не од себе, а все до себе гребе* [18, 1: 179]. Любопытно при этом, что тот же образ в составе паремиологии может реализоваться и в противоположном «философском» смысле: *Курка тільки від себе гребе; То лиш курка від себе гребе* [18, 1: 179].

Аналогичным образом строятся и русские пословицы об эгоистичном инстинкте нашей домашней птицы: *Курица и та к себе гребѣт* (Спир. 1985, 69); перм. *Одна курица под себя гребѣт* (Прок. 1988, 178) с одной стороны, и *Одна лишь курица от себя гребет* (Сок., 195); *Только одна курица гребѣт от себя* (Сок., 319).

В белорусской паремиологии реализуется лишь второй образ – курицы, гребущей не к себе, а от себя: *Курыца толькі ад сябе грабе* [3, 1: 189]. Ср., тем не менее: *Адзінокаму мужыку, як курыцы: ідзе ні капануў, дак і ўключуў* [3, 2: 39].

Русинская поговорка и здесь становится неким паремиологическим «мостиком» от восточнославянского ареала к западнославянскому. В польском языке представлены варианты *Na to kura grzebie, żeby ziarnko znalazła; Każda kura sobie grzebie; Każda kurka pod swe skrzydło garnie; Każda kokoszka pod siebie korszka; kokoska do siebie koska*. [28, 2: 254–255]. Они, правда, представлены в относительно поздних (1894 г.) фиксациях, что не исключает влияния восточнославянских паремий этого типа.

Близкая по образности орнитологическая модель в западнославянских языках ареально смыкается уже с германоязычным пространством. Так, чеш. *Ani (ano) kuře darmo nehrábe*, т. е. «нерáдо darmo kutí» зафиксировано уже в 1570 г. в разных вариантах, в том числе и диалектных (например: *Ani slepé kuře nehrabe nadarmo; Ani kuřa darmo někuce* и под.), словцк. *Ani kura (kurča) darmo nehrebie (nepapre); Na to kura hřebie, aby vyhrebľa (aby zrnko našla)* и пол. *Żadná kura nie grzebie darmo; Na to kur a grzebie, żeby cos miała* В. Флайшганс связывает с нем. *Kein Huhn scharrt umsonst* [25, 1: 706].

К русинской поговорке **Куриця думала та й издохла** Д. Поп [17: 156] приводит украинское и русское соответствие: *Курка думала і в сун отрапила* и *Куриця думала и в сун попала*. Видимо, это реконструкция автора словаря. Возможно, прототипом ему служили обороты, действительно зафиксированные в обоих языках:

Укр. *Попався, як курка в борщ; Попав, як ворона в юшку; Попався, як ворона в сун* [18, 4: 198]; *Гаразд сі діє: курка здохла, когут піє* [18, 3: 200].

Рус. *Индюк думал, думал, да и сдох* (Раз. 1957, 78); *Индюк думал, думал, да в сун попал* (Запись 1976 г., Ленинград); *попасть (попасться, угодить) куда как кур во щи (в ощип)* (Зимин, Спириин 1996, 104, 118). Известно выражение (хотя и относительно поздно – с 1860 г.) и в польском языке: *Indyk myślał i zdechtł; Indyk myślał i głowê tu uciêli* [28, 1: 797].

Как видим, ареальная проекция русинской поговорки **Куриця думала та й издохла** амбивалента: в варианте с компонентом *куриця* она является собственно русинской, но структурно-семантическая модель с другими орнитонимами (особенно *индюк*) делает ее восточнославянско-польской.

Русинскую поговорку **Куря квѣдці не розказує** Д. Поп [17: 156] сопровождает двумя близкими, но отличающимися по глагольному компоненту известными украинскими и русскими паремиями: *Яйця курки не вчать – Яйца курицу не учат*. Легко увидеть, что при общности смысла они отличаются по компонентному составу. Ареальную очерченность русинской поговорки подтверждает и тезаурус укра-

инской паремииологии, где *Куря квочці не розкаже* извлечена именно из закарпатского сборника пословиц и поговорок [18, 1: 180].

Русинская же пословица **Яйце курицу учить**, к которой Д. Поп [17: 234] предлагает украинский и русский эквиваленты *Діти батька вчать* – *Яйца курицу учат*, как и рус. *Яйца курицу не учат*, имеет весьма широкий славянский ареал и вариантное разнообразие: укр. *Яйця курки не вчать; Курку яйця не вчать*; бел. *Яйцо курыцу [не] вучыць; Яйка мудрэйшае за курыцу*; пол. *Jajko kurę uczy; Jajko [chce być] mądrzejsze od kury; Jeszcze przykładu nie było, żeby jajo kurę uczyło*; словцк. *Kurča učí staru sľiepku; Vajce múdrejšie ako sľiepka; Vajce chce byť múdrejšie od sľiepky*; чеш. *Už vejce moudřejší než slepice*; серб. *Jaje kokošku учи* [7: 181].

Ср. также такие варианты, как укр. *Мудріше яйце від курки; Мудрішіі тепер яйця, ніж кури; Яйце хоче бути мудрішим від курки; Мудріші тепер яйця, ніж кури* [18, 1: 181]; бел. *Яйца курыцу вучаць; Яйцы курэй не вучаць; Бывае, што і яйца курыцу вучаць; Разумнейшыя яйца за куры* [3, 2: 124]; рус. *Курицу яйца не учат* (ДП, 633, 684; Соб. 1961, 72, 136); *Яйца кур не учат* (Раз. 1957, 42); *Яйца курицу не учат* (Соб. 1956, 52; Спир. 1985, 63); *Яйца курицу учат* (Лексикон 1731, 184); *Яйца курицы не учат* (ДП, 156); *Яйца хотят курицу учить* (Тан. 1986, 169). Ср. переделку этой пословицы уже в XVIII в.: «И тако ныне яйце хочет быти мудрее кокоши». «Обличение на соловецкую челобитную, сочинённое убо на сербском языке Юрием Сербиянином... 1704» (СлРЯ XVIII в. 10, 86).

В западнославянском ареале они столь же активны, как и в восточнославянском:

– пол. (1558) *Jaje chce być mędrsze niż kokosz; Jużci dziś nie tylko kury mądre, ale też i same jajca; Mędrsze dzisiaj jajca aniżeli kokoszy; Mędrsze jajca niż kokoszy. Jajca kury uczyć poczq; Niechaj jaja kur rozumu nie uczą; Jaja kur nie uczą; Jaje kury uczą; Jeszcze przykładu nie było, żeby jaje kurę uczyło* [28, 1: 816–817]; (1639) *Mądrzejsze kurczęta od kury; Teraz nastają mędrsze kurczęta niżeli kokosz; Więcej teraz u kurczą rozumu, niż przedtem u samych kurów było; Od kokoszy chcą często być mędrsze kurczęta; Kurczęta mądrzejsze niż stare kury; Mędrsze kurczęta niż kokosz* и др. [28, 2: 258];

– чеш. *Kuřátko chce již múdrejšie býti nežli slepice; Kuře chce býti moudřejší než slepice; Moudřejší kuře než slepice; Kuře chce býti moudřejší než kvočna; kuře učí slepici; Když kuře učí slepici, tuť mistruji učedlnici; Kuře učí slepici hřabat* [25, 1: 706–707]. В. Флайшганс в своем сборнике старочешских пословиц приводит не только славянские (например, словацкие у польские) соответствия этой паремии, но и романские и германские: фр. *Les poucins mènent les gelines*; нем. *Das Kùchlein*

lehat die Glucke scharren [25, 1: 706–707]. На европейские параллели этой поговорки давно уже обратил внимание Фр. Лад. Челаковский в своем «Mudrosloví», приводит к чеш. *Už vejce moudřejší než kuře; Kuře chce už moudřejší býti než slepice; Kuře učí slepici*, кроме в.-луж. *Jajo je mudřiše jak kokoš*; рус. *Яйца курицу учат*; хорв. *Jajce hoæe veæ znati neg kokoš* и др., также и датские, эстонские и немецкие параллели, например *Das Ei will klüger sein als die Henne* [24: 266].

Заключение

Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами, как мы видели, отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека и различных ситуациях, в которые он попадает. Находят отражение в этих паремиях и такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическая и речевая деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т. п. Русинская орнитологическая фразеология и паремиология убедительно доказывают значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность орнитонимов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с паремиологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период. Тем самым подтверждаются некоторые наши констатации, сделанные на русинском материале другого порядка [9; 10].

Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской, белорусской и русской, а также польской, словацкой и чешской на широком общеевропейском фоне, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании. Дидактический смысл славянской (в том числе и русинской) паремиологии остается в основном интернациональным – как это давно показали паремиологические тезаурусы Яна Амоса Коменского [26] и Франтишка Ладислава Челаковского [24]. Тем самым, русинский язык и его культура, в том числе и паремиологическая, демонстрируют древнее и неразрывное единство славянской и неславянской Европы, постоянно взаимно обогащавших друг друга.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт для украинских материалов в академическом 4-томном сборнике М.М. Пазяка [18], а для русских – в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.

Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2007. 926. [2] с.

2. *Беларуска-рускі слоўнік.* Т. 1–2. 2-е выд. Мінск, 1988–1089.

3. *Грынблат М.Я.* Прыказкі: Прыказкі і прымаўкі. Кн. 1–2 / склад. М.Я. Грынблат. Мінск, 1976. Кн. 1. 559 с.; Кн. 2. 616 с.

4. *Ермачкова О.Е.* Некоторые орнитонимы в русской и словацкой фразеологии // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. Белгород: Эпицентр, 2019. С. 324–327.

5. *Керча Ігор.* Русиньско-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинско-русский словарь: в двух томах. Свыше 58 000 слов. Т. 1: (А–Н). 608 с.; Т. 2: (О–Я). 608 с. Ужгород: ПолиПринт, 2007.

6. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: Рута, 2019. 412 с.

7. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

8. *Лепешай І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. 448 с.

9. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–129. DOI: 10.17223/18572685/45/9

10. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. – Slavic-Eurasian research center. – Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies No. 34). Tartu, 2018. С. 103–128.

11. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.

12. *Мокиенко В.М.* Праславянський слід в русинській лексиці і пареміології: потя // Русин. 2021. № 66. С. 119–148.

13. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / спорудив М. Номис. СПб., 1864. 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.

14. *Олійник І.С., Сидоренко М.М.* Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. Вид. 2-е. Київ, 1978. 447 с.

15. *Палевская М.Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века. Кишинев: Штиница, 1980. 367 с.
16. *Поп Д.* Русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинський словари. Ужгород: Повч Р.М., 2011. 312 с.
17. *Поп Д.* Русинско-українсько-руський и русско-русинсько-український фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
18. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. К.: «Наукова думка». Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 2001. 392 с.
19. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.; Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.; Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.; Т. 5. М.: Международные отношения, 2013.
20. *Тимошенко И.Е.* Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. 172 с.
21. *Франко Иван.* Галицько-руські приповідки: в 3 т., 6 вип. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Иван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1901. Т. 10; 1905. Т. 16; 1907. Т. 23; 1908. Т. 24; 1909. Т. 27; 1910. Т. 28.
22. *Arthaber A.* Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989. 822 s.
23. *Bachmannová J., Suksov V.* Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub, 2008. 1. vyd. 384 s.
24. *Čelakovský F.L.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s.
25. *Flajšhans V.* Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova / Editors V. Mokienko, L. Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
26. *Komenský J.A.* Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901. 113 s.
27. *Krzyżanowski J.* Mądrzej głowie dość dwie słowie. Warszawa, 1975. T. 1–3. 3-ie wyd. Warszawa, 1975. T. 1. 346 s.; T. 2. 342 s.; T. 3. 360 s.

28. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978.

29. *Pavlica, J.* Frazeološki slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.

30. *Röhrich L.* Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1–IV. Freiburg; Basel; Wien, 1991–1993.

31. *Skorupka St.* Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. М., 1958. Т. 3. С. 124–155.

32. *Stěpanova Ludmila.* Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. 878 s.

33. *Wander K.F.W.* Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

REFERENCES

1. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Reference Book]. 4th ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.

2. Krapiva, K. et al. (1988–89) *Belaruska-ruskí slouník* [Belarusian-Russian Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1-2. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya.

3. Grynblat, M.YA. (1976) *Prykazki i prymauki* [Proverbs and Sayings]. Vols. 1-2. Minsk: Navuka i tekhnika.

4. Ermachkova, O.Ye. (2019) Nekotorye ornitonimy v russkoy i slovatskoy frazeologii [Some ornithonyms in Russian and Slovak phraseology]. In: Alefirenko, N.F., Ozerova, E.G., Stebunova, K.K. et al. *Frazeologiya vazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry* [Phraseology In the Language Picture of the World: Cognitive-Pragmatic Registers]. Belgorod: OOO Epitsentr. pp. 324–327.

5. Kercha, I. (2007) *Rusin'sko-rosijs'kij slovník: u 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in two vols]. Uzhhorod: PoliPrint.

6. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichny slovník podil'skikh i sumizhnikh govirok* [Phraseological Dictionary of Podolsk and Related Dialects]. Kamyanets-Podilskiy: Ruta.

7. Kotova, M.Yu. (2000) *Russko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstvuyami* [Russian-Slavic dictionary of proverbs with English equivalents]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

8. Lepeshaĭ, Í.Ja. (2004) *Etymalogichny slovník frazealogizmaĭ* [Etymological Dictionary of Phraseological Units] Minsk: Belaruskaya entsyklopedyya.

9. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–129 (in Russian) DOI: 10.17223/18572685/45/9

10. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Russomatic paroemias on a Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Motoki Nomati. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microphilology]. Tartu: Tartu Ülikool. pp. 103–128.

11. Mokienko, V.M. (1990) *Zagadki russkoy frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

12. Mokienko, V.M. (2021) Proto-Slavic trace in Rusyn lexis and paremiology: potya. *Rusin*. 66. pp. 119–148 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/66/8

13. Nomis, M. (ed.) (1993) *Ukraïns'ki prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and the like]. St. Petersburg: [s.n.].

14. Olíynik, Í.S. & Sidorenko, M.M. (1978) *Ukraïns'ko-rosiys'kiy i rosiys'ko-ukraïns'kiy frazeologichniy slovník* [Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Phraseological Dictionary]. 2nd ed. Kyiv: Radyans'ka shkola.

15. Palevskaya, M.F. (1980) *Materialy dlya frazeologicheskogo slovaryá russkogo yazyka XVII veka* [Materials for the phraseological dictionary of the Russian language of the 18th century]. Chişinău: Shtinitsa.

16. Pop, D. (2011) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrayinsko-rusins'kiy slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionaries]. Uzhhorod: Povch R.M.

17. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrayinsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrayinskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: BBK.

18. Pazyak, M.M. (2001) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

19. Tolstoy, N.I. (2004) *Slavyanskíe drevnosti. Etnolingvísticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

20. Timoshenko, I.Ye. (1897) *Literaturnye pervoistochniki i prototipy trekhstot russkikh poslovits i pogovorok* [Literary primary sources and prototypes of three hundred Russian proverbs and sayings]. Kyiv: [s.n.].

21. Franko, Í. (1901–1910) Galits'ko-rus'ki pripovidki: v 3 t. [Galician-Russian tales: in 3 vols]. *Etnografíchniy zbirnik*. 10, 16, 23, 24, 27, 28.

22. Arthaber, A. (1989) *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano: Ulrico Hoepli Editore.

23. Bachmannová, J. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub.

24. Čelakovský, F.L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Praha: nakl. Vyšehrad.

25. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sbírká přísloví, přívídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 2nd ed. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

26. Comenius, J.A. (1901) *Spisy Jana Amosa Komenského*. Vol. 2. Praha: [s.n.].
27. Krzyżanowski, J. (1975) *Mądrej głowie dość dwie słowie*. Warszawa: [s.n.].
28. Krzyżanowski, J. (ed.) (1969–1978) *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.
29. Pavlica, J. (1960) *Frazeološki slovar v peti jezikih*. Ljubljana: Postojna.
30. Röhrich, L. (1991–1993) *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Freiburg; Basel; Wien: Herder.
31. Skorupka, St. (1958) Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. *Slavyanskaya filologiya*. 3. pp. 124–155.
32. Stepanova, L. (2007) *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
33. Wander, K.F.W. (1987) *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. Leipzig: wbg Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/10

Структура лексико-семантического поля «Польза» в русинском языке в сопоставлении с русским литературным языком*

Л.П. Дронова¹, Лю Яньчунь²

¹ Институт филологии СО РАН

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

E-mail: lpdronova@mail.ru

² Даляньский университет иностранных языков

Китай, 116044, г. Далянь, ул. Люйшуньнаньлу, 6

E-mail: liuyanchun@mail.ru

Авторское резюме

Анализируется лексико-семантическое поле «Польза» с точки зрения структуры в русинском и русском литературном языке с целью выявить сходство/различие в структурировании самого понятия «польза» в сознании носителей этих языков. На основе лексикографических источников был определен состав двух лексико-семантических полей. Анализ функционально-семантических особенностей, оценочного спектра лексики этих полей позволил выделить по два субполя в каждом из них, исходя из исторически обусловленного изменения в осознании понятия «польза» носителями языков: изменение отношения к интересам субъекта (индивидуального или коллективного). Результатом исследования стал вывод, что оба поля сохраняют на уровне лексики следы общего развития представления о полезном, связанного в раннем и неразвитом в ценностном отношении сознании с удовлетворением жизненных потребностей и с общим (общественным) интересом, а также с последствием изменения производственных отношений, сформировавших иные ценностные ориентиры, соотносящиеся с личностными интересами субъекта, его личной выгодой. Ориентация на пользу в личных интересах толкуется в общественном сознании как своекорыстие. Общим для сравниваемых лексико-семантических полей яв-

* Публикация подготовлена при поддержке Фундаментального научно-исследовательского проекта Управления образования провинции Ляонин LJKQR2021054 (本论文为2021年辽宁省教育厅基本科研项目 (LJKQR2021054) 阶段性研究成果).

ляется наличие в ядре поля лексем-заимствований, что связано не только со значительным влиянием другой культурно-языковой среды, но и общей тенденцией закрепления за сложными понятиями однозначных языковых знаков, «этикеток». Принципиальное различие в структуре лексико-семантических полей – отсутствие в русинском поле сегмента, отражающего аспект понятия «польза/полезное» как «здоровье/исцеление (души и тела)» (его наличие в русском – результат старославянского влияния). Выявленные различия рассматриваемых лексико-семантических полей являются следствием разной степени их функциональной нагрузки, статуса, степени кодифицированности.

Ключевые слова: утилитарная оценка, понятие «польза», лексика, русинский язык, славянские языки, сопоставительный аспект.

The structure of the lexico-semantic field “pol’za” in the Rusin language compared to the Russian literary language*

L.P. Dronova¹, Liu Yanchun²

¹ Institute of Philology of SB RAS,
8 Nikolaev Street, Novosibirsk, 630090, Russia.

E-mail: lpdronova@mail.ru

² Dalian University of Foreign Languages,
6 Lushunnanlu Street, Dalian, 116044, China.

E-mail: liuyanchun@mail.ru

Abstract

The article analyses the lexico-semantic field “pol’za” (Eng. benefit) in terms of their structure in the Rusin and Russian literary language to identify similarities/differences in the structuring of the concept in native speakers’ minds. The composition of two lexico-semantic fields was determined based on the lexicographic sources. The analysis of the functional and semantic features and the evaluative spectrum of vocabulary identified two subfields in each field, based on a historically determined change in the understanding of the concept “benefit” by native speakers: a change in the attitude to the interests of the subject (individual or collective). The authors conclude that the

* This research is supported by Basic Scientific Research Project of Liaoning Provincial Department of Education of China LJKQR2021054.

vocabulary of the two fields retain traces of the general development of the concept “benefit”, associated in an early and undeveloped consciousness of values with vital needs and common (public) interest, as well as with the consequences of changed production relations that have formed other values correlating with the personal interests and benefits of the subject. The “benefit” for personal interest is interpreted by the public mind as self-interest. Both lexico-semantic fields have borrowed lexemes in their cores, which is associated not only with the significant influence of another cultural and linguistic environment, but also with the general tendency to assign unambiguous linguistic signs, “labels” to complex concepts. The fundamental difference is the absence of the segment “health/healing (of soul and body)” in the Rusin semantic field, while in Russian it is the result of Old Slavonic influence. The revealed differences in the considered lexico-semantic fields are the result of different degrees of their functional load, status, and degree of codification.

Keywords: utilitarian assessment, concept “benefit”, vocabulary, Rusin language, Slavic languages, comparative aspect.

Постановка проблемы, аспект и методика исследования

Выражение в русинском языке понятия «польза/полезный» уже вызывало наш интерес с точки зрения истории формирования лексико-семантического поля утилитарной оценки [8: 31–40]. В данной статье мы пытаемся провести сопоставление структуры лексико-семантических полей (ЛСП) «Польза» в русинском языке и в русском литературном языке, полагая, что такое сопоставление покажет сходство/различие в структурировании самого понятия «польза» в сознании носителей этих языков.

Синонимический словарь русинского языка Дм. Попа [19], к сожалению, не дает ряд лексики со значением ‘польза/полезный’. В поиске такой лексики помог «Русско-русинский словарь» И. Керчи, в котором толкование слов русского языка дается через ряд синонимов в русинском языке, что в определенной степени показывает и употребительность тех или иных синонимов [12; 13]. Кроме того, была проведена сплошная выборка по словарю русинского языка И. Керчи [10; 11] с привлечением словарей гуцульских, бойковских говоров, словаря лемков и других славянских языков, прежде всего, контактных с карпатским ареалом.

Источником для русского литературного языка послужили словари синонимов русского языка (А.П. Евгеньевой, З.Е. Александровой, Н. Абрамова) [1; 2; 29], словарь В. Даля, Малый академический словарь русского языка (МАС: в 4 т.), дополненный данными словаря Д. Ушакова [7; 25–28; 31].

Структура ЛСП «Полезьа» в русинском языке

Полезьа – ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к интересам субъекта (индивидуального или коллективного). Такое толкование полезьы сложилось исторически. В исторически раннем (в неразвитом в ценностном отношении) сознании понятие полезьы соотносилось с удовлетворением жизненных потребностей и с общим (общественным) интересом. Развитие товарного производства и денежного хозяйства сформировало иные ценностные ориентиры, соотносящиеся с личностными интересами субъекта, его личной выгодой. Ориентация на полезьу при этом толкуется как своекорыстие.

Наиболее употребительным средством, полно выражающим понятие «польза/полезный» в русинском языке, судя по имеющимся источникам, является лексема *хосен* 'польза, прок; доход, выгода; разжива, толк'. У этого слова большое словообразовательное гнездо: *хосенный* 'полезный, пригодный, выгодный', *хосенность* 'полезность', *хосновитый* 'полезный, выгодный', *хоснованный* 'подержанный, использованный', *хоснованя* 'употребление, пользование', *хоснователь* 'пользователь', *хосножадник* 'корыстолюб', *хосновливый* 'употребительный, применимый', *хосновати* 'употреблять, использовать' (*хосновати кому* 'быть полезным, идти на полезьу, идти впрок', *хосновати на зло* 'злоупотреблять', *клїма їм не хосновала* 'климат им не шел на полезьу') и др. [6: 203; 11: 546–547].

Хосен – заимствование из венгерского языка (< венг. *haszon* 'корысть, выгода'), известно оно также в украинском, польском, словацком языках [38: 204]. Развитие языка, следующего за усложнением окружающего человека образа жизни, ведет к усложнению семантики слов, формированию многозначности. В свою очередь, это способствует привлечению заимствований как однозначно связанных с определенным понятием, оторванных от смысловых связей с родственной лексикой. Свидетельством того, что именно лексема *хосен* представляет ядро ЛСП «Полезьа» в русинском языке, является семантика этого слова и его производных и преимущественное употребление этого слова при толковании русских семантических аналогов в русско-русинском словаре: *польза* – *хосен*; *пожиток*; *проспїв*, *проспїваня*; *придаток*, *приданя ся*; *пригода* (ср. *пойти на полезьу* – *похосновати*, *быти на придаток*; *приносить полезьу* – *проспївати*, *быти напомочный*, но *извлекать полезьу* – *корыстати з чоґо*). Тот же порядок эквивалентов и при передаче рус. *полезность* (*хосенность*, *хосновитость*; *придатность*, *пожиточность*; *здоровость*), *полезный* (*пожиточный*, *хосенный*, *хосновитый*, *хоснуючий*; *проспївный*, *напомочный*, *спїхувный*, *пригодный*, *придатный*), *полезно* (*хосновито*, *хосенно*) [13: 164, 170].

Порядок следования и семантика русинских синонимов к рус. польза и его производным позволяет определить и наиболее близкую к ядру лексему – *пожиток*. В русинском языке *пожиток* – это ‘польза, выгода’, его производные *пожиточный* ‘полезный’, *пожиточность* ‘полезность’, гуцул. *пожиток* ‘здоровья, прожиток’ (*На пожиток* ‘на користь у житті’) [13: 109; 18: 146]. Производящий глагол *пожити* ‘пожить’ и его производные позволяют определить внутреннюю форму слова *пожиток* как ‘(нечто) нажитое, прибыль; нужное для жизни’, ср.: рус. *пожиток* (устар., пск., твер.) ‘прибыль, выручка, барыш, выгода, польза, нажиток’ (Даль), укр. *пожиток*, блр. *пажытак*, польск. *pożytek* при в-луж. *wużytk*, слвц. *úžitok*, чеш. *užitek* ‘польза, выгода’, *užítí* ‘применить, употребить’, *požitku* ‘доход’ [5: 1877; 7: 571–572; 16: 136, 147; 20: 578; 21: 706, 723; 27: 152; 35: 542, 940; 37: 200]. Таким образом, лексема *пожиток* имеет восточно- и западнославянское распространение и выделяет тот аспект понятия «польза», который связан с физическим существованием человека, живого существа, с материальной пользой.

Следующий синоним *проспів* ‘польза, прок, выгода’, его производные *проспіваня* ‘польза; исполнение’, *проспівный* ‘благоприятный’ связаны с глаголом *проспівати* ‘приносить пользу, способствовать, благоприятствовать’. Есть в русинском еще и однокорневой синоним – *спіхувный* ‘полезный’, производный от *спіховати* ‘готовить, делать’, т. е. ‘полезный для дела, дельный’ [13: 221, 368]. Такое обозначение пользы известно и в других славянских языках, ср.: чеш. *prospěti*, *prospívati* ‘приносить пользу, пойти на пользу, впрок’, *prospěch* ‘польза, выгода, прок’, *prospěšný* ‘полезный, выгодный; благотворный’, с-хорв. *pòspěšan* ‘поспешный, быстрый; торопливый’, ‘способствующий, благоприятный, выгодный’ [22: 662; 35: 569, 770]. Эта группа однокорневых слов восходит к праслав. **spěti* ‘спешить, успевать, достигать’, ‘спешно готовить или быть готовым’, ср.: ст.-слав. *спѣхъ* ‘содействие, помощь’, др.-рус. *спѣти* ‘спешить, стремиться, способствовать’, ст.-слав. *оуспѣхъ* ‘польза, выгода’, ‘способность, сила’, производное от глагола *оуспѣти* ‘успеть’, ‘преуспеть’, ‘справиться с чем-л.’, ‘принести пользу, помочь’ и др. [24: 136; 30: 145, 682; 32: 445–446; 34: 193; 38: 375].

Два русинских обозначения пользы и полезного – *придаток*, *придатный* и *напомочный*, *споможный* – являются, вероятно, поздними образованиями, судя по узкому и компактному ареалу распространения, прозрачной внутренней форме. В первом случае это производные от *придати* ‘прибавить, добавить’: *придатный* ‘полезный, пригодный, годный; толковый, подходящий’, *придаток* ‘прибавка, добавка; польза’, *придатность* ‘полезность, пригодность’ производны от *придати* ‘прибавить, добавить’ [11: 184], ср.: бойк. *придайний* ‘пригодный во всех отношениях’, укр. *придатний* ‘годный, пригодный,

способный', *придалий* 'пригодный', словц. *pridať sa* 'пригодиться', рус. диал. *приданье* 'прибыль' (арх.) [5: 2104; 17: 136; 20: 395; 21: 859; 23: 187], т. е. 'добавка, прибыль' → 'полезное'.

Второй случай – это *напомочный* 'полезный, приносящий пользу', *споможный* 'полезный, содействующий, способствующий', образованные от глагола *спомочи* 'посодействовать кому, поспособствовать, пособить кому' [10: 555; 11: 371], ср. чеш. *náromosnú (být náromosnú komu* 'быть полезным кому-л., оказывать помощь кому-л. в чем-л.)' [35: 13], т. е. 'способствующий, помогающий' → 'полезный'.

Последним в синонимическом ряду к рус. *польза* словарь И. Керчи отмечает русин. *пригодный* 'полезный', *пригода* 'происшествие, случай; польза, прок, пригодность' [11: 183], являющиеся производными от *пригодити* 'случиться, произойти', *пригодити ся* (*быти у пригоді*) 'пригодиться' и продолжением *годити*, *гожити* 'благоприятствовать, способствовать'. В русинском есть и однокорневые образования с близкой семантикой: (*и*)*згодный* 'подходящий', (*в*)*угодный* 'выгодный', (*в*)*угодность* 'выгодность' [10: 350; 11: 183, 461], наряду с бойк. *годити* 'угождать, посылать погоду, благоприятно относиться, помогать', лемк. *пригода* 'случай, происшествие' [9: 272; 17: 178]. Последнее место среди синонимов, вероятно, и меньшую употребительность слова *пригода* можно объяснить тем, что оно больше известно в первом значении – 'происшествие, случай'. Аналогичные по форме и семантике образования есть и в других славянских языках, у них также семантика соотносится с понятиями «польза» и «(удобный, подходящий) случай». К рассматриваемому синонимическому ряду, вероятно, следует добавить *способный* 'пригодный, годный, подходящий', производное от *способити* 'способствовать, посодействовать, благотворно влиять' [11: 373].

С точки зрения структуры поля рассмотренный ряд синонимов русинского языка, возглавляемый лексемой *хосен*, образует субполе, семантика лексем которого представляет понятие «польза/полезный» как «польза / способствующее пользе, положительный результат» (*хосен*, *пожиток*, *проспів*, *придаток*, *пригода*, *напомочный*, *споможный*, *способный*) и соотносится с положительной или – реже – нейтральной оценкой. Второй аспект понятия «польза» связан с обозначением, прежде всего, материальной пользы – «выгода, корысть» – и ситуативно может заключать положительную/нейтральную или отрицательную оценку. Это понимание пользы представлено в русинском языке синонимическим рядом, который дан при толковании рус. *выгода* (в русско-русинском словаре И. Керчи): *выгода* – *хосен*; *выгода*, *корысть*, *пожиток*, *проспів*; *профит*, *интерес* [12: 151]. Правда, слово *выгода* и его производные не отмечены ни в русинско-русском словаре, ни

в словарях гуцульского, бойковского языков, но зато в русинском словаре есть соответствующий фонетический вариант (в)угодный 'выгодный' [11: 461].

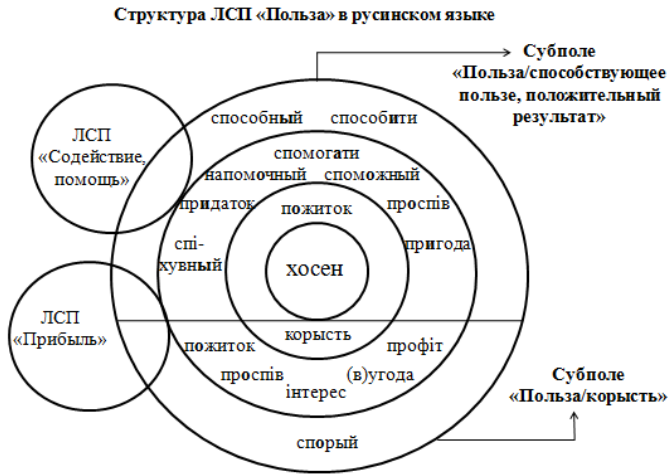
Первым в ряду синонимов к рус. *выгода* стоит русин. *корысть* 'интерес, выгода, расчет' (ср. *корысть* 'добыча, трофей') и его производные – *корыстати* 'извлекать выгоду, прибыль; получить пользу от чего-л.' (*корыстати з нагоды* 'воспользоваться случаем'; ...*не муг корыстати з прав* 'не мог воспользоваться правами'), *корыстливый* 'корыстный', *корыстолюбный* 'корыстолюбивый' [10: 437]. Судя по семантике самого слова *корысть* и его производных, они употреблялись как с положительной и отрицательной, так и нейтральной оценкой. Но в первый синонимический ряд, где все лексемы несут положительную оценку, слово *корысть* не включено автором словаря. Хотя возможно, что это слово с положительной оценкой устарело, малоупотребительно, как и в русском языке, где более актуально у него значение 'корыстолюбие' и ограничено стилистически значение 'выгода', 'материальная польза' (простореч.) [29: 1480]. Такое предположение позволяет сделать и история слова *корысть* с предполагаемым исходным значением 'добыча, трофей' [4: 65–70; 36: 72].

Амбивалентность оценки показывают и другие лексемы рассматриваемого ряда – *пожиток*, *проснів*. Возможность такой ситуативной разнооценочности связана, вероятно, с мотивировочным признаком этих лексем: данные лексемы с внутренней формой '(нечто) нажитое, нажива' и '(нечто) достигнутое вовремя, успешное' актуализируют идею личностного достижения, превосходства, могут называть результаты действий, явлений, оцениваемых по-разному в индивидуальном и общем сознании.

Что касается заимствованных лексем *інтерес* 'интерес', 'корысть, выгода, прибыль' (*інтересалный хосен* 'коммерческий доход') и *профіт* 'прибыль, доход, барыш, нажива', 'выгода, полезность' (но: *профітер* 'рвач, хапуга') [10: 387; 11: 226], то это заимствования нового времени из европейских языков, источником для которых было фр. *intérêt* 'интерес, польза', восходящее, в свою очередь, к латинскому языку [3: 364; 33: 352]. К приведенному ряду лексем, определяемых в качестве синонимов русинского языка к рус. *выгода*, полагаем, можно добавить прилагательное *спорый* 'выгодный, экономичный; удачный; обильный' [11: 372].

Таким образом, ЛСП «Польза» с точки зрения структуры следует разделить на два субполя: «Польза / способствующее пользе» и «Польза/корысть». Ядро ЛСП – лексема *хосен* (заимствование из венгерского). Представляющие их субполя лексемы различаются прежде всего знаком оценки. ЛСП «Польза» как элемент лексико-

семантической системы языка взаимодействует с другими полями: с ЛСП «Содействие/помощь» и «Прибыль».

Структура ЛСП «Польза» в литературном русском языке в значительной части не отличается от структуры поля в русинском языке: по тому же принципу выделяются два субполя – «Польза / способствующее пользе, положительный результат» и «Выгода». Ядро поля, как в русинском языке, представляет заимствование под влиянием церковнославянского и старославянского языка – *польза*, получившее в русском языке значения 'хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.' и 'нажива, барыш' (разг. устар.) [27: 277]. Старославянизм выразил в языке более сложное, назревшее для Средних веков понимание пользы, актуализировав, наряду с физическим, нравственный аспект существования человека: «полезное» – это «не-что благоприятное, дающее облегчение/исцеление/здоровье (души и тела)», и закрепилось это понимание словом *польза* (внутренняя форма слова *польза* – «облегчение/исцеление (души и тела)» [34: 54–55]). История формирования понятия «польза» в русском языке была уже рассмотрено нами [14].

Функционально ближе всего к слову *польза* находится слово *выгода* со значениями 'прибыль, доход, извлекаемые из чего-л.', 'польза', 'преимущество одного по сравнению с другим' [25: 250]. Значения слова *выгода* соотносятся с положительной и нейтральной оценкой, отрицательная оценка возникает в определенном контексте, в обозначении ситуации конфликта интересов, поэтому включаем эту

лексема в околядерную зону обоих полей. В этом слове исторически закреплённая положительная оценка в семантике лексики с корнем *год-* (*годный, пригодный* и др.) получила некоторое отступление: лексема *выгода* разграничивает понимание пользы как реализации только личного или общего интереса.

Ближайший семантически, но менее употребительный по значению синоним к *выгода* – слово *корысть* 'выгода, польза', 'стремление к личной выгоде, к наживе, корыстолюбие' [26: 109]. Слово *корысть* стилистически ограничено в первом значении и значительно менее функционально нагружено по сравнению со словом *выгода*, ср. *польза* (ipm 76.6), *выгода* (ipm 20.6), *выгодный* (ipm 30.9), *корысть* (ipm 3.7), *корыстный* (ipm 4.7) [15], тем не менее по их семантической близости считаем возможным включить оба слова в околядерную зону поля. Об этом слове подробнее говорилось выше в связи с его присутствием в русинском ЛСП.

Функционально-семантические особенности лексики субполя «Польза / способствующее пользе, положительный результат» позволяют выделить его сегменты: «Полезный/благотворный/способствующий» и «Полезный/здоровый, целебный», взаимодействующие с ЛСП «Содействие», «Прибыль» и «Лечение/исцеление».

Сегмент «Полезный/благотворный/способствующий» на ближней периферии представлен, согласно синонимическим словарям, кроме слова *полезный*, лексемами *благодетельный* 'приносящий пользу, благотворный', *благотворный* 'оказывающий хорошее действие, полезный', *благоприятный* 'способствующий, помогающий чему-л., удобный для чего-л.' [25: 93, 95, 96]. Дальняя периферия этого сегмента является смежной с ЛСП «Содействие», «Прибыль» и включает в себя следующую лексику: *содействие* 'помощь, поддержка в чем-л.', *способствовать* 'оказывать помощь, содействие кому-, чему-л.', *помогать/помочь* 'оказать кому-л. помощь, оказать нужное действие', *помощь* 'содействие, поддержка в чем-л.', *подспорье* 'поддержка, помощь в чем-л.', *прибыль* 'польза, выгода' (разг.), *прибыток* (устар.) 'прибыль, доход, выгода', их производные и др. [27: 284–285, 219, 392; 28: 180, 230].

Второй сегмент рассматриваемого субполя связан с ЛСП «Лечение». Под влиянием церковнославянского языка, христианского понимания пользы в русском языке актуализировано понимание пользы как здоровья, исцеления тела и души, подтверждение этому сохраняется в литер. рус. *пользовать* 'лечить' (устар.), *пользительный* (простореч., устар.) [27: 277]. С ограничением в значении 'полезный' употребляется прилагательное *здоровый* (рус. *здоровый воздух, климат*) [25: 605]. Подобное употребление наблюдаем у русин. *здоровость* 'полезность (о климате, воздухе, местности)' [13: 164]. В

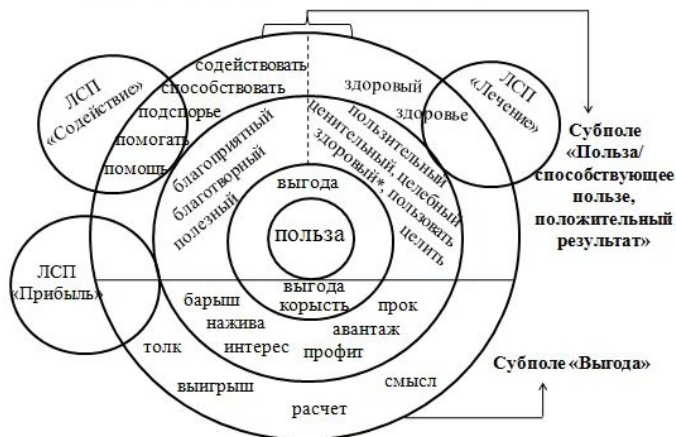
современном русском устаревшие слова *пользовать*, *пользительный* заменили лексемы *лечить* 'применять какие-л. средства для излечения', *целебный* 'полезный для здоровья, способствующий излечению', *исцелить* 'избавить от болезни, вылечить' (книж.), *целить* 'излечивать' (устар.) [25: 694; 26: 180; 28: 636, 637].

Большая часть лексики ЛСП представляет второй аспект понятия «польза» – «выгода». Основным значением связаны с этим понятием лексемы *прок*, *нажива*, *барыш*, *интерес*, *профит*, *авантаж*, представляющие ближнюю периферию субполя. Слово *прок* (разг.) 'польза, выгода' (*Много ли проку от такого дела?*) [27: 492] ближе всего по семантике стоит к околядерным лексемам *выгода*, *корысть*, возможно, его следовало также отнести к околядерной зоне, но мы отнесли к ближней периферии из-за стилистической ограниченности и еще меньшего индекса употребительности по сравнению с лексемой *корысть* (irm. 2.6 [15]). Синоним *нажива* обозначает действие по глаголу *нажить*, *наживать* 'приобрести постепенно, скопить в течение какого-л. времени', вариант – 'получить прибыль, барыш, доход' (*Ведя общее торговое дело, нажили они много денег*) [27: 352–353].

Остальные лексемы ряда – *барыш*, *интерес*, *авантаж*, *профит* – заимствования в русском языке. *Барыш* 'прибыль, получаемая при различных торговых сделках' (устар.) – заимствование из тюркских языков; *интерес* 'прибыль, выгода' (разг. устар.), вероятно, пришло через польское или немецкое посредство; *авантаж* 'преимущество, выгода' (разг. устар.); *профит* (устар.) 'выгода, прибыль, барыш' – заимствования из европейских языков Петровского времени [3: 338, 364; 25: 20, 672; 27: 541; 33: 76, 352].

Дальнюю периферию субполя «Выгода» представляют лексемы, связанные с основным понятием переносным значением: *расчет*, *выигрыш*, и стилистически ограниченные *толк* (разг.), *смысл* (разг.). Слово *выигрыш* известно в значении 'выгода, польза, преимущество' и производно от *выигрывать*, *выиграть* 'получать какую-л. выгоду, пользу, какие-л. преимущества от чего-л.', 'приобрести игрой (в карты, лото и т. п.), получить при розыгрыше (тиража, займа, лотереи)' [25: 257]. Слово *расчет* имеет значение 'соображения, направленные на получение выгоды, пользы' (*Мне нет расчёта ехать туда. Крпеечный расчёт*) и производно от глагола *расчесть*, *рассчитать* 'произвести подсчет, исчисление чего-л.' [37: 681–682, 669]. Семантика слова *расчет*, как и двух других синонимов – *толк* 'прок, польза' (разг.) (*Мне нет смысла переходить на другую работу*) и *смысл* (разг.) 'преимущество, выгода, польза', показывает сопряженность понятий «расчет/ожидание», «действие с положительным результатом» и «польза» [28: 373–374; 29: 313].

Структура ЛСП «Польза» в литературном русском языке

Выводы

1. Сравнение ЛСП «Польза» в русинском и русском литературном языках показало принципиальное сходство в структуре полей, оснований, по которым лексика внутри этих полей может быть противопоставлена, см. выделение в сравниваемых ЛСП субполей «Польза/способствующее пользе, положительный результат» и «Корысть/выгода»).

2. Оба поля сохраняют на уровне лексики следы общего развития представления о полезном, связанного в раннем и неразвитом в ценностном отношении сознании с удовлетворением жизненных потребностей и с общим (общественным) интересом. На уровне языка это выразилось в реализации понятия «польза» производными слав. *goditi, *godьny (русин. *пригода, пригодный*, рус. *выгода*), исторически синкретично представлявшими общую положительную оценку, и слав. *koristь с исходным значением 'добыча, трофей'.

3. Новое время, новые производственные отношения внесли амбивалентность в понимание пользы в зависимости от совпадения/несовпадения интересов личности и общества, что отразилось и в том и другом языке в формировании лексики, выражающей понятие «польза» и могущей выступать с разной оценкой.

4. Общим для сравниваемых ЛСП является и наличие в ядре поля, в имени поля, лексем-заимствований, что связано не только со значительным влиянием другой культурно-языковой среды в данных случаях, но и с общей тенденцией закрепления за сложными понятиями однозначных языковых знаков, «этикеток».

5. Принципиальное различие в структуре лексико-семантических полей – отсутствие в первом субполе русинского ЛСП сегмента, отражающего аспект понятия «польза» как «здоровье/исцеление», имеющегося в русском ЛСП (в результате старославянского влияния).

6. Значительная часть различий рассматриваемых лексико-семантических полей, представляющих понятие «польза», является следствием разной степени их функциональной нагрузки, статуса, степени кодифицированности.

Список сокращений

Языки: блр. – белорусский; бойк. – бойковский; венг. – венгерский; в.-луж. – верхнелужицкий; гуцул. – гуцульский; др.-рус. – древнерусский; лемк. – лемковский; польск. – польский; праслав. – праславянский; пск. – псковский; рус. – русский; русин. – русинский; с.-хорв. – сербохорватский; слав. – славянский; словц. – словацкий; ст.-слав. – старославянский; твер. – тверской; укр. – украинский; фр. – французский; чеш. – чешский.

Другие сокращения: арх. – архаичный; диал. – диалектный; книж. – книжный; простореч. – просторечный; разг. – разговорный; устар. – устаревшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по значению выражений. Около 5 000 синонимич. рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд. М.: Русские словари, 1999. 499 с.

2. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. Около 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб., доп. М.: Русск. яз., 2001. 568 с.

3. *Биржакова Е.Э., Л.А. Войнова, Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 432 с.

4. *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии (слав. *koristь, русск. *скряга*, русск. диал. *намокнуть* 'приучиться', русск. *дроля*, русск. *-начить*) // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 65–84.

5. *Гринченко Б.* Словарь української мови: в 4 т. Київ, 1907–1909.

6. *Гуцульські говірки.* Короткий словник / відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и доп. изд. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4. М.: Прогресс; Универс, (1907) 1994. Т. 3.

8. Дронова Л.П. Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект) // Русин. 2017. № 2. С. 31–40.
9. Дуда І. Лемківський словник. 26 000 слів. Тернопіль: Астон, 2011. 375 с.
10. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.
11. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.
12. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 582 с.
13. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 598 с.
14. Лю Я., Дронова Л.П. Формирование понятия «польза» в русском языке // Филология и человек. 2022. № 2. С. 65–82.
15. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики / Электронная версия издания: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
16. Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И. Большой русско-польский словарь. 3-е изд., испр. и доп. Москва; Варшава: Рус. язык, Вгод-заПовшехна, 1987.
17. Онышкевич М.Й. Словник бойківських говірок: в 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.
18. Піпаш Ю.О., Галас Б. Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород: Нац. ун-т, 2005. 276 с.
19. Поп Д. Русинський синонімічний словарь из українськыма відповідниками. Ужгород: Удавательство В. Падыка, 2001.
20. Русско-словацкий словарь: ок. 50 000 слов / В. Доротьякова, М. Филкусова, Д. Коллар и др. Москва: Рус. язык; Братислава: Словац. пед. изд-во, 1989. 747 с.
21. Русско-украинский словарь: в 3 т. Киев, 1980. Т. 2.
22. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов / сост. И.И. Толстой. М.: ГИС, 1957. 1168 с.
23. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 31. СПб.: Наука, 1997.
24. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 40. СПб.: Наука, 2006.
25. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981. Т. 1.
26. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русский язык, 1982. Т. 2.
27. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русский язык, 1983. Т. 3.

28. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Русский язык, 1984. Т. 4.
29. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2003.
30. Словарь старославянского языка: в 4 т. Репринт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 4.
31. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИЗ иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 4.
32. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1970. 599 с.
33. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1.
34. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2.
35. Чешско-русский словарь. 3-е изд., испр. / под ред. К. Горалка, Б. Илка, Л. Копецкого. Прага: Гос. пед. изд-во, 1970. 1242 с.
36. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука. 1984. Вып. 11.
37. Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / гл. ред. О.С. Мельничук. Киев: Наукова думка, 1985. Т. 2. 573 с.
38. Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / гл. ред. О.С. Мельничук. Киев: Наукова думка, 2006. Т. 5. 704 с.

REFERENCES

1. Abramov, N. (1999) *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po znacheniyu vyrazheniy* [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning]. 7th ed. Moscow: Russkie slovari.
2. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian Synonyms: A Practical Handbook]. 11th ed. Moscow: Russkiy yazik.
3. Birzhakova, E.E., Voynova, L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Papers on the historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka.
4. Varbot, Zh.Zh. (1972) *Zametki po slavyanskoy etimologii (slav. *korist', russk. skryaga, russk. dial. namoknut' 'priuchit'sya', russk. drolya, russk. – nachit')* [Notes on Slavic etymology (Slav. *korist', Rus. skryaga, Rus. dialectal 'namoknut' 'priuchitsya', Rus. drolya, Rus. – nachit')]. In: Varbot, Zh.Zh., Gindina, L.A., Klimov, G.A., Merkulova, V.A., Toporov, V.N. & Trubachev, O.N. (eds) *Etimologiya* [Etymology]. Moscow: Nauka. pp. 65–84.
5. Grinchenko, B. (1907–1909) *Slovar' ukrains'koi movi.: v 4-kh tt.* [Dictionary of the Ukrainian Language. In 4 vols]. Kyiv: [s.n.].

6. Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [The Guzúl Dialects. A Short Vocabulary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.
7. Dal, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Progress, Univers Publishing Group.
8. Dronova, L.P. (2017) Utilitarian assessment in the Rusin language: a comparative perspective. *Rusin*. 2. pp. 31–40 (in Russian) DOI: 10.17223/18572685/48/3
9. Duda, I. (2011) *Lemkiv's'kiy slovník* [The Lemko dictionary]. Ternopil: Aston.
10. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
11. Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
12. Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
13. Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
14. Liu, Ya. & Dronova, L.P. (2022) Formation of the concept “benefit” in the Russian language. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 65–82 (in Russian).
15. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [New Frequency Dictionary of Russian]. Moscow: Azbukovnik.
16. Mirovich, A., Dulevich, I., Grek-Pabis, I. & Marynyak, I. (1987) *Bol'shoy russko-pol'skiy slovar'* [Comprehensive Russian-Polish Dictionary]. 3rd ed. Moscow, Warsaw: Russkiy yazyk, Vgodza Povshekhna.
17. Onyshkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykiv's'kikh govirok* [Dictionary of Boykian Dialects]. Kyiv: Naukova dumka.
18. Pipash, G.B. (2005) *Materiali do slovníka gutsul's'kikh govirok* [Materials for the dictionary of Guzúl dialects]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.
19. Pop, D. (2001) *Rusins'kyy sinonimichnyy slovar' iz ukrayins'kyma odgovidnikami* [Dictionary of Rusin Synonyms with Ukrainian Correlates]. Uzhhorod: V. Padyak.
20. Dorotyakova, V., Filkusova, M. & Kollar, D. (1989) *Russko-slovatskiy slovar'* [Russian-Slovak Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk; Bratislava: Slovak Pedagogical Publishing.
21. Ganich, D.I. & Oleynik, I.S. (1980) *Russko-ukrainskiy slovar': v 3-kh tt.* [Russian-Ukrainian Dictionary: in 3 vols]. Vol. 2. Kyiv: Ukrainian Soviet Encyclopaedia.
22. Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIS.
23. Sorokoletov, F.P. (1997) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 31. Leningrad: Nauka.
24. Sorokoletov, F.P. (2006) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 40. Leningrad: Nauka.
25. Evgenieva, A.P. (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russian Academy of Science.

26. Evgenieva, A.P. (1982) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Russian Academy of Science.
27. Evgenieva, A.P. (1983) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Science.
28. Evgenieva, A.P. (1984) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russian Academy of Science.
29. Evgenieva, A.P. (2003) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow: AST.
30. Alekseev, A.A. & Gerd, A.S. (eds) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka.: v 4-kh t.* [Dictionary of the Old Slavonic Language: in 4 vols]. Reprint ed. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
31. Ushakov, D.N. (1935 – 1940) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4-kh tomakh* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: GIZ.
32. Tsyganenko, G.P. (1970) *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Kyiv: Radyans'ka shkola.
33. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkij yazyk.
34. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkij yazyk.
35. Horálka, K. (1970) *Česko-ruský slovník* [The Czech-Russian Dictionary]. 3rd ed. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.
36. Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologičeskij slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond* [Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.
37. Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologičnij slovníkukraïns'koïmovi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
38. Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologičnij slovníkukraïns'koïmovi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИФЛ СО РАН (Россия).

Dronova Lyubov Petrovna – IPL SB RAS (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

Лю Яньчунь, кандидат филологических наук, старший преподаватель русского языка Даляньского университета иностранных языков (Китай). E-mail: liuyanchun@mail.ru

Liu Yanchun – Dalian University of Foreign Languages (China).

E-mail: liuyanchun@mail.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/11

О переводе лексических единиц социальной сферы (семейные пособия)

Д. Саболова¹, М. Кашова²

¹ Католический университет

Словакия, 034 01, Ружомберок, Грабовска цеста, 1

E-mail: d_s@centrum.sk

² Прешовский университет

Словакия, 080 01, Прешов, ул. 17 ноября, 1

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

Авторское резюме

Дан сопоставительный анализ некоторых лексических единиц, употребляемых в сфере социальных услуг. В центре внимания находится лексика, отражающая сферу поддержки семьи. Социальная сфера в отдельных странах связана с правовой системой данного государства, включает в себя большое количество услуг, различных структур, а также всевозможных мер и предложений. Анализируется лексика русского, словацкого, чешского и немецкого языков. Подчеркивается важность учета межкультурного фактора при анализе лексики, поскольку сопоставляются системы социального права трех немецкоязычных государств: ФРГ, Австрийской республики и Швейцарской конфедерации, – и государств славянского мира: Словацкой республики, Чешской республики и Российской Федерации.

Ключевые слова: лексические единицы социальной сферы, перевод, русский, словацкий, чешский, немецкий языки.

On translating lexical units in the social sphere (family manuals)

D. Sabolova¹, M. Kasova²

¹ Catholic University

1 Hrabovská cesta, Ružomberok, 034 01, Slovakia

E-mail: d_s@centrum.sk

² University of Presov

1 17 November Street, Prešov, 080 01, Slovakia

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

Abstract

The article provides a comparative analysis of some lexical units used in the social service. The focus is on the vocabulary of family support (both terms and common lexical units). The social sphere in some countries is connected with the legal system, includes many services, various structures, as well as all kinds of measures and offers. For this reason, when translating specialized texts, it is not only important to know how to translate (translation technique), but also to be aware of extra-linguistic factors, because the translation is not only a language transfer, but also the translation of realities, necessary information, and terminology. The article emphasizes the importance of intercultural aspects when analysing vocabulary through the comparison of social law systems of three German-speaking countries – Germany, Austria, and Switzerland – with those of the Slavic world (Slovakia, Russia, Czech Republic). The research reveals significant differences in the terminology of the countries with German as their official language, especially between Germany and Switzerland, and a high degree of similarity between Slovak and Czech terminology.

Keywords: lexical units of social sphere, translation, Russian, Slovak, Czech, German languages.

Введение

Предметом нашего исследования являются лексические единицы, употребляемые в социальной сфере, эквиваленты рассматриваемых единиц в сопоставляемых языках и варианты возможного перевода безэквивалентной лексики. Цель статьи – показать важность адекватного восприятия текста исходного языка, так как неправильно поня-

тый текст обычно приводит к его неверному толкованию на целевом языке и таким образом может вести к некорректной интерпретации социальных явлений.

Социальная сфера в отдельных странах связана с правовой системой данного государства и основывается на законах и постановлениях соответствующих министерств. Социальная сфера включает в себя большое количество услуг, различных структур, а также всевозможных мер и предложений. При переводе специальных текстов такого рода важным считается не только владение техникой перевода, но и знание экстралингвистических факторов, так как перевод представляет собой не только передачу языка, но и интерпретации реалий, необходимой информации, закрепленной за отдельными понятиями. В связи с этим подчеркивается важность учета межкультурного аспекта, т. к. сопоставляются социальные системы государств с отличающимися юриспруденцией и традициями.

В центре внимания данного сопоставительного анализа – некоторые лексические единицы, отражающие сферу поддержки семьи. Отдельные государства оказывают разного рода поддержку семьям уже начиная со стадии беременности, во время декретного отпуска, далее речь идет о выплатах разного рода: пособия, выплачиваемые в связи с родами, пособие на ребенка, пособие по уходу за ребенком и др.

Материалом для исследования послужили онлайн-ресурсы – газеты, журналы и другие источники, освещающие семейную тематику, включая официальные сайты отдельных институтов. Исходными языками были словацкий язык и словацкие реалии. Выявленные актуальные лексические единицы (термины и нетерминологическая лексика) были далее переведены на другие языки с учетом того факта, что немецкий язык является основным или одним из основных в трех странах – ФРГ, Австрии и Швейцарии. Предложенные нами для перевода на другие языки термины были сверены с информацией официальных сайтов соответствующих учреждений.

К вопросу о переводе терминов

При переводе терминов необходимо учитывать коммуникативные рамки, коммуникативное поле, к которому относятся данные термины. В нашем случае это поле социальной системы. При этом важно брать во внимание существенную роль двух факторов. Первый – степень лингвистического родства исходного и целевого языков, а второй – степень родства сравниваемых систем [6: 29]. В нашем случае речь идет о сравнении отражения различных социальных систем в различных языках. Однако мы должны учитывать как языковую бли-

зость, так и близость анализируемой социальной сферы Словацкой и Чешской республик, что проявляется в основном в аналогичном переводе социальных терминов.

По мнению Р. Штольце [5: 167], в гуманитарных науках мы встречаемся с конвенционализированным содержанием (в отличие от естественных наук, в которых термин имеет точное определение), т. е. термины, как правило, согласовываются на основе конвенций. Исходя из изложенного, исследователь предполагает, что перевод социальных терминов не представляет сложности из-за их открытой интерпретации. Если переводчик обладает необходимой рецептивной компетенцией, он способен переводить социальные термины без особых затруднений. Мы можем согласиться с этим тезисом в случае перевода определенного типа терминов, в основном абстрактного характера, например безработица, социальная среда и т. д., содержание которых определяется не точным определением, а конвенционализацией или интерпретацией и идентичная интерпретация которых предположительно одинакова во всех языках. Термины, которые являются предметом нашего интереса, относятся к строго стандартизированной области, где вольное толкование исключено и термины должны быть точно определены. В большинстве случаев рецептивной компетенции было бы недостаточно; требовались бы другие соответствующие переводческие компетенции, главным образом речь идет о культурных и межкультурных знаниях.

Верным представляется мнение П. Сандрини, который называет профессиональный перевод межъязыковой транскультурной профессиональной коммуникацией, отличая это понятие от межкультурной коммуникации, характеризуемой прямым контактом между представителями двух и более культур. В переводе переводчик является посредником межъязыковой коммуникации. Сандрини подчеркивает, что профессиональный перевод – это не просто перевод текстов на профессиональном языке, а интегративная часть межкультурной профессиональной коммуникации [4: 32].

Сопоставление отдельных лексических единиц

Рассмотрим номинации, обозначающие виды пособий. В первую очередь это пособие на воспитание ребенка, выплачиваемое во всех названных странах. В словацком и чешском языках названия практически схожи: *prídavok na dieťa / přídavek na dítě* – таково официальное название данного пособия, употребляемое в соответствующих документах [1; 2]. В неофициальном общении, в том числе и в СМИ, употребляется разговорное *rodinné prídavky / přídavky*, что можно перевести как ‘семейные пособия’. В российских реалиях встречаемся

с ежемесячным *пособием на ребенка*. В немецком языке отмечено название *Kindergeld (s)* [3], причем составная часть *geld* означает 'деньги', что и выражает суть – давать деньги на ребенка (*Kinder*). Данный термин употребляется в ФРГ. А в Австрии это *Familienbeihilfe (e)*, что можно перевести как 'помощь семье' или же 'семейное пособие'. В Швейцарии оно же называется *Kinderzulage (e)*, причем слово *zulage* означает 'надбавка'. В швейцарской системе встречаемся и с *пособием по образованию*, которое выражено термином *Ausbildungszulage (e)*.

В связи с этим необходимо отметить экстралингвистический фактор. В Швейцарии сумма упоминаемых пособий зависит от места жительства (у жителей горных регионов она выше, чем у проживающих в низменности, к примеру 220 CHF vs 200 CHF – пособия на ребенка, или же 270 CHF vs 250 CHF – образовательное пособие). В отличие от этого подхода в Чехии сумма зависит от возраста ребенка (до 6 лет, до 15 и свыше 15 лет), а в ФРГ сумма становится выше на третьего и четвертого ребенка. В РФ размер пособия зависит от того обстоятельства, воспитывается ли ребенок в полной или неполной семье (размер пособия для родителя-одиночки выше). Словакия выплачивает одинаковую сумму вне зависимости от возраста или других показателей, но кроме пособия на ребенка может выплачиваться и надбавка к данному пособию – *Príplatok k prídavku na diéta*. Такое пособие предназначено родителям-одиночкам в случае, если у них нельзя учесть *налоговый бонус*. Аналогичного пособия в ФРГ нет. На немецкий язык данное название можно перевести как *Zusatz zum Kindergeld (r)*. Сам *налоговый бонус* (по-словацки *odpočítateľná položka* – налоговый вычет) является вычетом из зарплаты у работающих родителей определенной суммы, которая не облагается налогом. С аналогичным вычетом (бонусом) встречаемся в австрийской системе, его название *Kinderabsetzbetrag (r)*. В австрийской юриспруденции фиксируется и термин *Alleinverdienerabsetzbetrag (r)* – 'пособие для родителя-одиночки', а также *Alleinerzieherabsetzbetrag (r)* – это пособие для родителя-одиночки, который больше шести месяцев живет без супруга и получает пособие на ребенка более семи месяцев.

В швейцарской терминологии встречается и понятие *Differenzzahlung (e)*. Термин маркирует надбавку к пособию на ребенка в зависимости от места работы родителей (кантона). В случае, если родители работают в кантонах с разницей в сумме выплачиваемых пособий, к пособию, получаемому родителем, работающим в кантоне с низшими пособиями, выплачивается надбавка. Благодаря этой надбавке семья получает сумму, соответствующую пособию в кантоне с высшим размером. С аналогичным термином и выплачиваемой надбавкой встречаемся и в австрийской системе. Кроме этого, в этой системе находим

и термин *Geschwisterstaffelung*, который можно перевести как ‘финансовая надбавка к пособию на следующего ребенка в зависимости от количества детей’. В Словакии раньше применялся такой подход: сумма пособия была выше на второго и третьего ребенка. В настоящее время таких надбавок нет. На словацкий язык австрийский термин можно перевести как *súrodenecký príplatok*. Данное понятие сложно перевести на русский язык, т. к. нет эквивалента к слову *súrodenec*, понятию, означающему братьев и сестер вместе, поэтому, считаем, можно перевести это название как *пособие-надбавка на второго и последующего ребенка*. Можно было бы перевести как *пособие для многодетной семьи*, но в России существует пособие, выплачиваемое многодетным семьям при рождении третьего ребенка и последующих детей, – это дополнительные единовременные и ежемесячные пособия на родившегося ребенка (детей) [7]. Поэтому такой перевод употребляемого в австрийской юриспруденции термина оказался бы «ложно синонимичным» другой русской номинации и не отражал бы содержание анализируемого австрийского понятия.

В ФРГ семьям с низким доходом предоставляется компенсация *Kinderzuschlag* (*r*) (*KiZ*), что можно перевести как *прочее пособие к пособию на ребенка* (по-словацки *ostatný príspevok k prídavku na dieťa*). Во время пандемии к указанному термину добавлялся аффикс **Notfall**-*KiZ* (*r*), что значит ‘временный’, в данном случае – ‘кризисный’. Названное пособие назначалось родителям-одиночкам или семьям с низким доходом на неженатого ребенка моложе 25 лет, проживающего вместе с родителями.

Определенные пособия выплачиваются родителям в декретном отпуске, чтобы возместить доходы, получаемые до рождения ребенка. В Словакии и Чехии мать получает ежемесячное пособие, сумма которого зависит от ее предыдущей заработной платы (составляет определенный процент от зарплаты). Название этого пособия – *materský príspevok* (‘материнское пособие’, слов.) / *peněžitá pomoc v mateřství* (‘денежная помощь в материнстве’, чеш.). В ФРГ употребляется термин *Mutterschaftsgeld* (*s*) (‘материнские деньги’, *materské peniaze*), в Австрии – *Mutterschaftsentschädigung* (*e*) (‘компенсация на время декретного отпуска’, *odškodnenie počas materskej dovolenky*), а в Швейцарии – *Wochengeld* (*s*) (‘недельные деньги’, *tyždňové peniaze*), образованное на базе слова *wochenbett* – ‘шестинедельный послеродовой период’, *šestonedelie* (слов.). В российской системе женщина перед уходом в декретный отпуск получает *пособие по беременности и родам*. В быту эти деньги называют *декретными*. Пособие выплачивают один раз перед уходом в отпуск по беременности и родам, чтобы компенсировать женщине потерю зарплаты до и после рождения ребенка.

Казалось бы, что словацкое понятие *materská* и русское *декретные* одно и то же, но реализация в дискурсе отличается. Если в Словакии женщина ежемесячно получает часть ранее получаемой зарплаты в виде пособия от государственной социальной страховой компании, то в РФ это единовременная выплата.

В Словакии и Чехии это пособие предоставляется на период декретного отпуска – 28 недель. После окончания декретного отпуска можно уйти в отпуск по уходу за ребенком и получать соответствующее пособие *rodičovský príspevok / rodičovský příspěvek* (буквально – ‘родительское пособие’). В Словакии такое пособие получает родитель до трехлетнего возраста ребенка, в Чехии – до четырехлетнего. Само слово *príspevok* можно перевести на немецкий как ‘Beitrag (r)’. В немецком языке употребляется термин *Elterngeld (s)*, аналогичный к наименованию «киндергелт», в котором первая часть – ‘родители’, а вторая – ‘деньги’. В ФРГ выплачивается основное пособие *Basiselterngeld (s)*, а также дополнительное пособие *EnterngeldPlus (s)* для родителей, которые совмещают работу и уход за ребенком. В Австрии аналогом родительского пособия является *Kinderbetreuungsgeld (s)*, раньше – *Karenzgeld (s)*. В социальной системе Швейцарии такого пособия нет. В РФ родитель получает *ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет*.

Для обеспечения нужд ребенка в словацкой системе предоставляется возможность получения пособия *príspevok na starostlivosť o dieťa* (‘пособие по уходу за ребенком’), что на немецкий язык можно перевести как *Kinderbetreuungsgeld (s)*, но к этому наименованию необходима дополнительная информация. В данном случае речь идет о пособии, которое получает работающая мать, и сумма предназначена на возмещение части расходов на ясли, детский сад или оплату тому, кто индивидуально заботится о ребенке, пока мать на работе. В других социальных системах аналога словацкой, мотивирующей надбавки для матери, чтобы она могла выйти на работу, не находим.

В связи с ситуацией, сложившейся вследствие пандемии, в словацкой системе появилось новое понятие *pandemický rodičovský príspevok* (‘пандемическое родительское пособие’). Данное пособие получали родители, сидевшие дома с детьми после истечения срока выплат, т. е. после достижения трехлетнего возраста ребенка во время пандемии. Это, безусловно, безэквивалентное выражение, т. к. в других языках и странах не фиксируется такое понятие. Определенные временные выплаты осуществлялись, но не с аналогичным названием. Например, в России это были дополнительные выплаты на детей до трех лет, которые относились только ко времени пандемии.

К нововведениям словацкой системы принадлежит *tehotenské* (‘по-

сobie для беременных»). Такое пособие предоставляется женщине, будущей матери, для покрытия повышенных расходов, связанных с беременностью. Это пособие имеют право получать только работающие, т. е. находящиеся в системе социального обеспечения, выплачивающие социальные взносы. В РФ аналогом можно считать *ежемесячное пособие при постановке на учет в женской консультации*. Для женщин не работающих, не имеющих право получать такое пособие, предназначена *SOS dotácia* (СОС дотация). Аналогию такого пособия не находим в других странах. На немецкий язык такое название можно перевести как *Schwangerschaftsgeld* (s) или *Schwangerschaftsleistung* (e), т. е. ‘пособие по беременности’ или ‘для беременных’.

В Словакии после рождения ребенка выплачивается пособие *príspevok pri narodení dieťaťa*, которое можно перевести как *пособие при рождении ребенка*, сумма с первого по третьего ребенка одинаковая (в настоящее время это 829,86 €), а с четвертого – радикально снижается (представляет только сумму 151,37 €). В Чехии аналогичное пособие называется *porodné* (‘родовые’) и предоставляется на первых двух детей в семье (на первого рожденного ребенка в сумме 13 000 крон, на второго – 10 000 крон). В российской системе также существует *единовременное пособие при рождении ребенка* (20 472,77 ₴). Если в семье родилось сразу несколько детей, пособие выплатят на каждого из них. На немецкий язык название пособия можно перевести как *Entbindungsgeld* (s). В немецкоговорящих странах аналогичное пособие не предоставляется, за исключением некоторых кантонов Швейцарии, где выплачивается пособие не только при рождении ребенка, но и при усыновлении. Для обозначения данных понятий употребляются термины *Geburstzulage* (e) и, соответственно, *Adoptionzulage* (e), причем последнее можно перевести как ‘пособие на усыновление’, чему соответствует словацкое *príspevok na adopciu*, чешское *příspěvek na adopci* и русское *выплата при усыновлении*.

Хотим обратить внимание и на некоторые термины словацкой юриспруденции, перевод на немецкий язык которых отличается. При передаче ребенка в приемную семью приемные родители имеют право получить единовременные и повторяющиеся пособия на патронажное воспитание в приемной семье. Общее название таких пособий – *príspevku na podporu náhradnej starostlivosti o dieťa* (‘пособия на содержание ребенка в приемной семье’), в чешском языке – *dávky pěstounské péče* (‘пособия по патронажному воспитанию’), что на немецкий язык можно перевести как *Pflegschaftsbeihilfen* (Pl.). К таким принадлежит единовременное пособие *jednorazový príspevok dieťaťu* – ‘одноразовое пособие на ребенка’. При переводе данного термина в немецком языке отмечается выражение *einmaliges Pflegschaftsgeld*

(буквально – jednorazový opatrovnícky príspevok, слов., ‘единовременное одноразовое патронажное пособие’). Для повторного пособия используется номинация *opakovaný príspevok dieťaťu, ee* перевод на немецкий язык – *Beihilfe zur Deckung des Bedarfs des Kindes (e)* (буквально – finančná úroveň na pokrytie potrieb dieťaťa, слов., ‘финансовая поддержка для покрытия нужд ребенка’). *Такие варианты перевода на немецкий язык встречаются в официальных документах, размещенных на сайте ЕС, т. е. это одно пособие, но отличается в первом случае одноразовой выплатой, а во втором – повторением выплат и называется абсолютно разными терминами. Нам представляется такой перевод не совсем адекватным. Мы согласны с переводом einmaliges Pflegschaftsgeld или же einmaliges Pflegegeld, но в случае второго термина предлагаем перевод mehrmaliges Pflegschaftsgeld или же mehrmaliges Pflegegeld, который более адекватен содержанию словацкого понятия. В чешском языке встречаем с термином příspěvek na úhradu potřeb dítěte ‘пособие для удовлетворения потребностей ребенка’ – Pflegekindzuschuss, а в русском языке – с названием ежемесячная выплата денежных средств на содержание детей, находящихся на патронажном воспитании.*

Следующий термин словацкой юриспруденции – это *výživné na dieťa*, обозначает пособие, которое выплачивается родителем, не проживающим в семье вместе с ребенком, что можно перевести на русский как ‘алименты на ребенка’. В юриспруденции ФРГ употребляется термин *Kindesunterhalt (r)* или просто *Unterhalt (r)* – для ребенка, рожденного в семье. Для маркирования выплат на внебрачного ребенка используется термин *алименты*. В австрийской системе встречаются понятия *Kindesunterhalt (r)* и *Alimente (Pl)*, а в Швейцарии употребляется термин *Minderjährigenunterhalt (r)*, что буквально можно перевести как ‘пособие для несовершеннолетнего’. Аналогичный термин фиксирует и чешская система – *výživné na nezletilé dítě*. Для выплат, связанных с обеспечением совершеннолетнего ребенка, употребляется немецкий термин *Volljährigenunterhalt (r)* или выражение с предлогом *Unterhalt für volljährige Kinder (r)* в ФРГ, а в Швейцарии – это *Unterhalt für mündige Kinder (r)* или *Mündigenunterhalt (r)*, что буквально значит ‘дееспособный’, в Чехии – *výživné na zletilé dítě*.

В словацкой системе к терминологии семейных пособий относится и понятие *výživne na manžela/manželku* – ‘алименты для супруга(и)’. Супруг после развода обязан финансово поддерживать неработающую бывшую супругу или супруга. Чешский термин вполне соответствует словацкому, за исключением предлога – *výživne pro manžela/manželku*. Аналогичный немецкий термин *Trennungsunterhalt (r)* основывается на лексеме, обозначающей развод – «Trennung», и употребляется в

ФРГ и Австрии, а в Швейцарии – это термин *nachehelicher Unterhalt* (буквально ‘пособие после окончания супружества’).

В случае, если обязанный не выполняет должное, т.е. не платит алименты, эту роль берет на себя государство. Словацкое и чешское государства выплачивают *náhradné výživné / náhradní výživné*, что на немецкий язык переводится как *Unterhaltsvorschus (r)*. В русском языке можно употребить понятие *временные алименты* (из алиментного фонда).

В отдельных социальных системах встречается и жилищное пособие (субсидия) – *príspevok na bývanie* (слов.), *příspěvek na bydlení* (чеш.), в Швейцарии – это *Haushaltungszulage (e)*, что можно буквально перевести как ‘пособие на содержание семьи (дома)’, а в некоторых кантонах выплачивается семьям с низкими доходами и *Ergänzungsleistungen für Familien (Pl.)* (FamEL), что переводится как ‘дополнительные доплаты для семей’ (*dodatocné príplatky pre rodiny*, слов.). В австрийской юриспруденции находим аналогичный термин – *Wohnbeihilfe (e)* и *Mietbeihilfe (e)*, причем *beihilfe* – это ‘помощь’ (на жилье или аренду).

На время болезни член семьи, заботящийся о ребенке или другом члене семьи, получает пособие, которое называется *ošetrovné / ošetřovné*, в разговорной речи обычно употребляется аббревиатура ОČР (инициалы слов, составляющих выражение *ošetrovanie člena rodiny* – ‘уход за членом семьи’). Данному термину соответствует немецкое *Pflegeunterstützungsgeld (s)*, в буквальном переводе – ‘финансовая поддержка’. В немецком языке существует аналогичное пособие по уходу за больным ребенком – официальный термин *Kinderkrankengeld*, в русском языке – это *пособие по уходу за больным членом семьи*.

Во время пандемии словацкие родители получали *pandemické ošetrovné* (при закрытии школ, детских садов). В немецком социальном дискурсе встречается термин *zusätzliche Kinderkrankentage*, что можно перевести как продление стандартного пособия по уходу за ребенком (по-словацки *predĺženie „bežného“ ošetrovného, ОČР*), и такое пособие в ФРГ выплачивалось в течение 30 дней. В Словакии и Чехии основное пособие ограничено десятью днями. В случае долговременной заботы о родственнике данное лицо получает право на выплату в течение шести месяцев. На время пандемии выплаты в Словакии относились ко всему периоду закрытия школ.

Заключение

Можно сказать, что социальная сфера всех исследуемых нами языковых вариантов представляет собой очень сложный механизм. Для перевода такого рода текстов необходимо приобретение огромного

количества сведений, обладание знаниями юриспруденции отдельных стран. Важно отметить: несмотря на то что часть стран, реалии которых мы рассмотрели, являются членами ЕС, в их терминологии обнаружены значительные расхождения.

Часть реалий (видов пособий) относится ко всем рассматриваемым нами социальным системам, таковыми, например, является пособия и алименты на ребенка. Некоторые из них функционируют только в одной или двух странах (*tehotenské*, слов.; *пособие при постановке на учет в женской консультации*, рус.). Обращаем внимание также на расхождения в терминологии отдельных немецкоговорящих стран, где даже в случае наличия одинакового вида пособий, формальное оформление последних может отличаться, например названия детских пособий. Наибольшее сходство наблюдаем в словацкой и чешской терминологии, что, на наш взгляд, связано с общим прошлым – это, как известно, было одно государство. Значительные расхождения находим в терминологии ФРГ и немецкоязычной части Швейцарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ministerstvo práce, sociálnych vecí a rodiny SR. URL: <https://www.employment.gov.sk/sk/rodina-socialna-pomoc/podpora-rodinam-detmi/penazna-pomoc> (дата обращения: 17.03.2022).

2. Ministerstvo práce a sociálných věcí ČR. URL: <https://www.mpsv.cz> (дата обращения: 17.03.2022).

3. Missoc Datenbank. URL: <https://www.missoc.org/missoc-information/missoc-vergleichende-tabellen-datenbank/?lang=de> (дата обращения: 23.03.2022).

4. *Sandrini P.* Fachliche Translation // Maliszewski Julian (ed): Diskursterminologie beim Fachübersetzen und Dolmetschen. Discourse and Terminology in Specialist Translation and Interpreting. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 31–51.

5. *Stolze R.* Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. 388 s.

6. *Wrede O.* Theoretisch-pragmatische Reflexionen zur interlingualen Übersetzung ausgewählter Textsorten des Strafprozessrechts (Deutsch – Slowakisch). Hamburg: Dr. Kovač Verlag, 2020. 394 s.

7. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Как в нашей стране поддерживают матерей и семьи с детьми. URL: <http://duma.gov.ru/news/51392> (дата обращения: 27.04.2022).

REFERENCES

1. Ministry of Labour, Social Affairs and Family of the Slovak Republic. [Online] Available from: <https://www.employment.gov.sk/sk/rodina-socialna-pomoc/podpora-rodinam-detmi/penazna-pomoc> (Accessed: 17th March 2022).
2. Ministry of Labour and Social Affairs of the Czech Republic. [Online] Available from: <https://www.mpsv.cz> (Accessed: 17th March 2022).
3. Missoc Database. [Online] Available from: <https://www.missoc.org/missoc-information/missoc-vergleichende-tabellen-datenbank/?lang=de> (Accessed: 23rd March 2022).
4. Sandrini, P. (2010) Fachliche Translation [Specialised Translation]. In: Maliszewski, J. (ed.) *Diskursterminologie beim Fachübersetzen und Dolmetschen* [Discourse and Terminology in Specialist Translation and Interpreting]. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 31–51.
5. Stolze, R. (1992) *Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen* [Hermeneutic Translation. Linguistic Categories of Understanding and Formulating in Translation]. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
6. Wrede, O. (2020) *Theoretisch-pragmatische Reflexionen zur interlingualen Übersetzung ausgewählter Textsorten des Strafprozessrechts (Deutsch – Slowakisch)* [Theoretical-pragmatic Reflections on the Interlingual Translation of Selected Text Types of Criminal Procedure Law (German – Slovak)]. Hamburg: Dr. Kovač Verlag.
7. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2021) *Kak v nashey strane podderzhivayut materey i sem'i s det'mi* [How mothers and families with children are supported in our country]. [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/news/51392> (Accessed: 27th April 2022).

Саболова Драгомира – доцент кафедры иностранных языков Педагогического факультета Католического университета в г. Ружомберок (Словакия).

Drahomira Sabolova – Catholic University in Ružomberok (Slovakia).

E-mail: d_s@centrum.sk

Кашова Мартина – профессор института германистики Философского факультета Прешовского университета в г. Прешов (Словакия).

Martina Kasova – University of Presov in Prešov (Slovakia).

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/12

Понятие «покорный» в истории русинского языка

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Языковая репрезентация важнейших культурно значимых этических понятий находится в сфере интересов современного языкознания. Представлена история формирования понятия «покорный, подчиняющийся во всем, послушный» в русинском языке. Данное понятие выражают три русинских прилагательных – две однокоренные лексемы *покорный*, *покорливый* и *резігнований*. Сравнительно-исторический и лингвогеографический анализ указанного синонимического ряда позволил выявить, что данное языковое выражение исследуемого понятия либо унаследовано из древнерусского лексического фонда (*покорный*), либо является церковнославянизмом (*покорливый*), либо заимствовано из польского языка (*резігнований*). Понятие «покорный» в русинском языке изменилось в связи с развитием общества, что представлено в переходе к новым социальным отношениям. Унаследованное из древнерусского прилагательное *покорный* выражает насильственный отказ от прав вследствие силового воздействия, покорения; церковнославянизм *покорливый* выражает активное свойство, покорность, отказ по своей воле, заимствованный из западноевропейских языков адекватив *резігнований* – уже добровольный отказ от своих прав, отражающий другое основание покорности.

Ключевые слова: русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, историческая лексикология.

The concept *pokornyy* in the history of the Rusin language

S.A. Tolstik

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia,

E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The language representation of the most important ethical concepts is in the field of interests of modern linguistics. This article dwells on the history of the formation of the concept *pokornyy* (Eng. submissive, obedient) in the Rusin language. This concept is expressed by three Rusin adjectives – two cognate lexemes *pokornyy*, *pokorlivyy* and *rezignovanyy*. The comparative historical and areal analysis of this synonymous series has shown that the linguistic expression of the concept under study is either inherited from the Old Russian lexical fund (adjective *pokornyy*), or is Church Slavonicism (adjective *pokorlivyy*), or borrowed from the Polish language (adjective *rezignovanyy*). The adjective *pokornyy* in the Rusin language has changed in connection with the development of society and transition to new social relations. The adjective *pokornyy*, inherited from Old Russian, indicates a forcible renunciation of rights due to force, subjugation. The Church Slavonicism *pokorlivyy* expresses an active property, submissiveness, renunciation of one's own free will. The adjective *rezignovanyy*, borrowed from Western European languages, means voluntary renunciation of one's rights, reflecting another basis for submissiveness.

Keywords: Rusin language, Slavic linguistics, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, historical lexicology.

Покорность – одно из культурно значимых этических понятий, характеризующих поведение человека, его отношения в социуме, следовательно, языковая репрезентация этого понятия находится в сфере интересов современных лингвистов в различных аспектах. Чаще всего в современной лингвистике понятие / концепт «покорный / покорность» рассматривается как важнейший элемент языковой картины мира разных народов (славянских и неславянских). Например, в статье Д.И. Илиевой «Ядро концепта “власть” и его ядерная зона со смысловым концептом “подчинение” сквозь призму болгарских паремий» покорность рассматривается как фрагмент ядерной части концепта «власть», а именно концепт «подчинение»

на материале болгарских фольклорных текстов. Болгарская лексика *покоряване*, *покорност* входит в достаточно большой ряд синонимов в значении подчинения, количество которого «свидетельствует о большом внимании, которое болгарское лингвокультурологическое сознание уделяет отношению зависимости и в этой связи – господству, власти» [7: 67]. Автор делает вывод, что в болгарских поговорках, репрезентирующих концепт «власть», находит отражение преимущественно приядерная зона «господство»; вторая приядерная зона – «подчинение» (куда входят и интересующие нас лексемы (*покор-* не отмечена развернуто).

И.Е. Колесникова в работе «Особенности понятия “покорность” в украинской и английской лингвокультурах (на примере фразеологических единиц, выражающих черты характера человека)» обращается к интересующему нас понятию, но в других языках и на примере не лексических единиц, а фразеологических [10].

Русской и древнерусской лексике с корнем (*по*)*кор-* посвящена статья Н.В. Семеновой «Лексика самооценки в истории русского языка: *покорность*», где представлена история возникновения в русском литературном языке лексемы *покорность* и однокорневых образований в сопоставлении с другой лексикой самооценки (*гордость*, *кротость*, *смирение* и др.). Единицу *покорность* автор считает третьим промежуточным элементом триады «недолжное» (*гордость*) – «должное» (*покорность*) – «сверхдолжное» (*смирение*), «ярче всего отражающим лингвокультурные предпочтения русского человека» [15].

В статье Б. Тафры «Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе» рассматривается процесс десинонимизации, когда некоторые члены синонимических пар могут употребляться как синонимы и как паронимы. В качестве одного из примеров автор приводит хорватскую пару прилагательных *pokoran* и *pokorljiv*, которые были синонимами, а в современном языке эта пара уже является паронимами [31: 867]. Такой исторический путь развития проходит эта пара и в других славянских языках, ср. рус. *покорный* и *покорливый*, которые еще в XIX в. были синонимами, сейчас являются паронимами. Если первый член этой пары – обозначение пассивного свойства, то второй – активного [31: 867].

Мы опирались, прежде всего, на выводы указанных работ Н.В. Семеновой и Б. Тафры, но рассматриваем лексику с корнем (*по*)*кор-* и другие лексические единицы как репрезентацию понятия «покорный, послушный» в другом восточнославянском языке – русинском.

С целью выявить особенности формирования понятия «покорный» в русинском языке определим, когда и в связи с чем возникло данное понятие, самостоятельно или под влиянием других языков и культур,

что именно и на каком этапе послужило мотивирующим признаком для каждого из его трех репрезентантов.

Глубину формирования понятия можно выявить на основе анализа языковых данных с использованием, прежде всего, сравнительно-исторического метода. Для этого мы обращаемся сначала к материалам русинского языка, потом – по мере необходимости – к данным родственных других восточнославянских, затем – контактных языков, далее всех остальных славянских языков.

Лексические единицы для анализа набирались по «Русско-русинскому словарю» И. Керчи. В русинском языке понятие «покорный» выражают прилагательные *покорный*, *покорливый*, *резігнований* [8: 118] и однокорневая им лексика. Доминантой указанного синонимического ряда является прилагательное *покорный* (оно указывается первым в словаре и выражает разные аспекты рассматриваемого понятия) [3: 306; 8: 118; 9: 161].

С целью выявить особенности формирования понятия «покорный» в русинском языке была проанализирована семантическая структура этих лексических единиц в истории данного языка. *Покорный* характеризует структуру анализируемого понятия как состоящего из признаков: ‘подчиняющийся во всем, послушный’ (о человеке): *Послушность ліпша, як добрый дар; слуга покорный (пей: несогласие). Дякую фاینенько!* и ‘выражающий покорность’ [9: 161]. Прилагательное *покорливый* выражает признак ‘послушный, покладистый’ (а также наречие *покорливо*) как характеристику не социальных, а межличностных отношений [8: 118]. Контексты для русинского прилагательного *покорливый* не найдены, но есть для ряда однокорневых обозначений.

Однокорневые *покура*, *покорность*, *покорно* также выражают признак послушания: *покорно: Дякую дуже покорно Вашуй Ексцеленції ‘Весьма покорно благодарю Ваше сиятельство’* [8: 118]. Производные *покореня* ‘покорение, действие по глаголу *покорити*’, *покоритель* ‘покоритель, тот, кто покорил кого-то’ обозначают активный признак и активного деятеля. Производящий для *покорный* глагол *покорити/ся* имеет ту же семантику, что и в русском языке – ‘подчинить своей власти; заставить повиноваться’: *1830 року Франція покоряет Алгірію ‘В 1830 году Франция покоряет Алжир’* [8: 118]. В словаре И. Сабодоша, характеризующем лексику говора закарпатского села Сокирница, глагол *покоритися* представлен в противоположном значении (возможно, это проявление диалектной энантиосемии) – ‘на какое-то время стать непокорным’: *Моя дівка спершу покорилас’а, шчо не пуде за Йуру, а пак пушла* [14: 249]. Этот пример является единичным, пока однозначно не можем его прокомментировать.

Префиксальные *упокоряти /упокорити* ‘покоряться, пресмыкаться, поджимать хвост перед кем-то’ и *упокореня* ‘унижение, пресмыкание’ имеют семантику внешнего выражения подчинения [8: 500–501].

Поскольку данные истории русинского языка нам практически недоступны, с целью выявить истоки и глубину значения ‘покорный’ следует обратиться к материалу других славянских языков.

Русинский язык формировался в окружении таких славянских языков, как украинский, польский, словацкий, поэтому прежде всего следует в них посмотреть семантическую структуру прилагательных *покорный* и *покорливый*. В украинском представлен признак, характеризующий личную зависимость – *покірний* ‘послушный, который всегда покоряется, не перечит’: *А вже він такий був покірний та слухняний – що б йому жінка не звеліла, чи воно до ладу, чи ні, то так сааме й зробить* // ‘выражающий покорность’: *За селом над свіжою ямою стоїть, покірна доли, тиха й добра Федорченкова мати. Покірливий* имеет такую же семантическую структуру, как и *покорный*: *Лукина пішла через греблю з Іваном, наче покірлива овечка. Покірливи були, плохі, боялись кожного* [6: 264; 25: 25–26; 27: 271–272], в староукраинском есть социальная характеристика – ‘вассально зависимый’: *Мы Стефан воєвода... визнавамы... аже... яко соут были и пєрєдковє наши... покорни коу... короунь полскої, так и мы имаємь бытии* (XV в.) [23: 179]. В словацком языке также представлен признак, характеризующий личную зависимость человека *pokorný* ‘покорный, смиренный’ [22: 339]. В польском языке наблюдаются оба признака, как социального характера: ‘признающий чье-то превосходство’, так и личностного: ‘униженный’ как следствие покорности, подчинения, ср. польск. *pokorny* ‘смиренный, покорный, кроткий’, ст-польск. *pokorny* ‘послушный, податливый, скромный’ (о человеке): *Niemasz miecza na pokornego...* и выражающий покорность (о предмете): *Pokorna prośba* [2: 723; 43: 325; 44: 361]. Причем более ранней является семантика покорности социального характера, в современный период в основном анализируемое прилагательное выражает личное смирение добровольного характера.

Однокорневая лексика в этих трех контактных славянских языках, с одной стороны, развивает уже указанную выше семантику покорности личной и социальной (польск. *pokora*, как ‘послушность’, так и ‘униженность’, ‘акт публичного покаяния, просьба о прощении’ с XVI в.) [2: 723; 37: 457], с другой стороны – и некоторые другие значения, например, ‘скорбь’ как чувство, сопровождающее покорность (польск. диал. *pokora* ‘скорбь’), покорения как преодоления чего-либо (*pokorać, pokurać* ‘справиться с чем-либо’, ‘добиться чего-либо’: *Z ledwością pokorasz colek* ‘С легкостью справишься с чем-либо’) [37: 457; 39: 225–226].

Для уточнения формирования семантики исследуемых прилагательных материал был рассмотрен в древнерусском языке, где зафиксированы оба прилагательных: *покорный* и *покорливый*.

Слово *покорный* в древнерусском языке характеризовало социальную подчиненность человека под влиянием силы – ‘покорный, послушный, подчиняющийся чьей-либо власти’: *Феодоръ же... мнѣшетъ ни убо държащимъ ли помалу покорьномъ бывати, нъ глаше исповьданиа бжия предъ самъми тьми цсри*. Ж. Феод. Студ. XII в. [17: 50; 21: 171], ср. пассивное причастие *покоренный*. Позже в старорусский период с XVI в. стало обозначать и личное – подчинение ‘послушный, почтительный’, ‘выражающий покорность’ [21: 171].

Древнерусское *покорливый* развивает семантику личной покорности человека по доброй воле, в результате собственного выбора или признак активного характера – то, что может заставить стать покорным: ‘покорный, смиренный’ (о человеке): [*Мария*] *вниде в манастыръ и пострижеся и работаше съ покорливою брат<и>ею, мнихомъ*. Пролог. XIII–XIV вв., ‘способствующий покорности, заставляющий повиноваться’ (о предмете, явлении): *Житие несквърньо показавъ, учение покорливо и млстивьныя щедроты на послушание*. Мин. Ноябрь. 1097, ‘убедительный, заставляющий подчиняться убедительным доводам’ (о предмете, явлении): *Обладаемымъ же бещьствемъ и веденомъ нуждею и бьдою, ключися убо даяти отъпущение, имъти же и мьсто клироса, паче яко отъветъ покорлив сътвориша*. Евр. Корм. XII в. [17: 49; 21: 170]. Н.В. Семенова, сопоставляя древнерусские *покорный* и *покорливый*, утверждает: «Лексема *покорный* акцентирует уже совсем другой семантический компонент, чем *покорливый*. Это уже не самоподчинение (как ‘склонность к’), а подчинение под влиянием посторонней силы. Таким образом, если значения прилагательного *покорливый* дают основания говорить о добровольном подчинении, то семантика прилагательного *покорный* такую трактовку исключает: в языке XI–XVII вв. *покорный* – это: 1) ‘послушный, подчиняющийся чьей-либо власти’; 2) (с XVI в.) ‘выражающий покорность, смирение; почтительный’» [15: 29].

Слово *покорливый* является по происхождению церковнославянизмом, который имел в древнерусском более широкое хождение, чем *покорный* [12; 15: 29; 16: 597; 28: 127]. Церковнославянское происхождение адъектива *покорливый* объясняет его появление в русинском языке, поскольку в течение долгого времени литературным языком русинов был церковнославянский, и поэтому в русинском языке представлено большое количество церковнославянизмов [11; 30: 132].

Древнерусское словообразовательное гнездо (*по*)*кор-* является достаточно объемным (более 20 лексических единиц) и представляет

семантику покорения, подчинения, смирения, послушания [15: 29; 17: 44–49; 21: 169–171]. Реже встречается также семантика речевого воздействия, порицания: *покорь* ‘укор, упрек, порицание’, *покоровати* ‘поносить, ругать, корить’ [17: 49; 21: 169–171].

В других славянских языках анализируемые прилагательные представлены в основном в тех же значениях, что и в русинском – ‘послушный, податливый’, ‘выражающий покорность’ как выражение личного подчинения (укр., словц. и польск. данные см. выше): болг. *покорный*, серб. *покоран*, рус. *покорный*: *Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоедушное* и устаревшее *покорливый*: *Аннушка, покорливая, серьезная – вся вылитая мать*, блр. *пакорны*: *Марыля была ціхая, пакорная работніца і жаль свой дзявочы хавала глыбока и пакорливы: Заўсёды ціхая і пакорлівая, маці гаварыла на гэты раз гучна і рашуча*, блр. диал. *пакорны* ‘послушный’: *Такія пакорныя дзеці* [1: 588; 20: 249–250; 24: 342; 32], чешск. *pokorný* ‘покорный, смиренный, безропотный’: *pokorna prosba* ‘покорная просьба’ [36: 70], кашуб. *pokorni*: *Pokorni jak barank* [45: 117]. Прилагательное *покорливый* представлено только в восточнославянском ареале, что поясняется заимствованием из церковнославянского языка.

В русских народных говорах встречаются интересные значения, выбивающиеся из общеславянской семантической структуры анализируемого прилагательного: ‘имеющий какой-либо недостаток, изъян’ (тул.) и ‘необходимый, нужный’ (том.) [18: 396–397]. Второе значение приводится в СРНГ с вопросом, возможно, это какое-то вторичное сближение. Производное наречие *покорно* тоже имеет специфические значения ‘стыдно’: *Ты дарись, моя радость, не скупись, чтоб головушке твоей было не покорно* (калуж.), ‘о том, что подходит, пригодно’: *Что к чему покорно: щи к пирогу, хлеб к молоку* [18: 396–397]. *Покорливый* тоже есть в русских диалектах в том же значении, что и в других восточнославянских языках: ‘исполненный послушания, покорности, незлобивый’: *Будь сердчушко покорливо* (олон., онеж.) *Моя головушка не покорливая и не поклончивая!* (песня). Терек. [18: 397]. Диалектное существительное *покор* тоже имеет семантику ‘изъян’ (орл.): *У другуу диревню девки выхадили с пакорьми какими*, а также встречающееся на обширной территории во всех группах говоров ‘стыд, позор, бесчестье’ (орл., новг., олон., арх., пенз., ряз., тул., моск., ворон., калуж., тобол., сиб., вят., груз. сср, тамб., дон.): *Пакор, пакор, жэнщина так адета* [18: 397; 19: 104]. Возможно, значения типа ‘изъян’, ‘стыд’ связаны с речевым значением ‘то, что нужно осуждать, порицать’, ср. уст. *покор* ‘укор, упрек, позор’ и с другой приставкой – *укор* ‘упрек, порицание’. В сербском языке существительное *попора* выступает как ‘наказание,

кара' [13: 1211], видимо, как словесное выражение крайней степени неодобрения, порицания.

Производящий глагол *покорити(ся)* ← праслав. **(po)koriti* имел исходное значение 'признать унижение, отречься от прав'. Праславянское **koriti* в ЭССЯ характеризуется как «этимологически трудное слово», оно относится к сфере моральной и отрицательной экспрессивности устных действий ('осуждать, хулить, оскорблять, унижать'), ср. также праслав. **ukorъ*, **ukoriti*, **perkor* [34: 305; 35: 75–76].

Развитие семантики анализируемого прилагательного, таким образом, по всей видимости, в славянских языках шло от речевого значения: 'отрекающийся, отказывающийся (от прав), признающий унижение' → 'подчиняющийся (власти)' → 'послушный, покладистый'.

Третье слово анализируемого синонимического ряда – прилагательное *резігнований*, представлено в русинском языке в значении 'покорный, безропотный, смиренный'. Контексты для прилагательного не найдены, но представлены для родственных репрезентантов понятия «покорный» – существительного *резігнація* и глагола *резігновати*, которые развивают семантику не только послушания, безропотности, но и отказа. В сочетании *резігнація з чого* существительное представлено в значении 'отказ от чего, отставка': *Пишет пану Андрашови, обы резігнацію строны Бобовищ и Лавкы лелеську вуглядав* 'Сообщается господину Андрашу, чтобы он отыскал в лелесском архиве отказ со стороны сел Бобовищи и Лавка'. Глагол *резігновати* имеет значение 'смиряться' и тоже используется в сочетании *з чого* 'отказываться от чего; оставлять/покидать что': *На вершиїї свої карьєры она нечekanно резігнує из позваня до Лондона* 'На вершине своей карьеры она неожиданно отказывается от приглашения в Лондон' [8: 262].

Данное прилагательное наблюдается и в контактных языках – словацком, польском, украинском. Адъектив *резігнований* (отпричастная форма) пришло в русинский язык из польск. *rezygnowany*. В польский и другие славянские языки этот материал был заимствован из европейских языков (фр. *resignation*, нем. *Resignation*. 'покорность судьбе, смирение, безропотность' ← ср.-лат. *resignatio* 'отречение' ← лат. *re-signare* 'отменять, уничтожать, объявлять недействительным' ← 'снимать печать, распечатывать, вскрывать') [4: 834; 5: 48; 38: 1362]. В ряде других славянских языков (преимущественно западных) эта лексика также имеет семантику послушания и отказа от (части) своих прав в пользу другого (болг. *резигнация* 'покорность, примирение с судьбой', польск. *rezygnowany*, причастие от *rezygnować*, *rezygnować* 'отказываться, отречься', 'смиряться, примиряться', *rezygnacja* 'отказ, отречение', 'смирение, покорность', словц. *rezignácia* 'отказ, отречение', 'покорность судьбе', *rezignovat'* 'отказываться, уходить в отставку', 'по-

коряться судьбе, смириться», чешск. *rezignovaný, resignovaný* 'покорный, смиренный'; *rezignace, resignace* 'покорность, смирение'; 'отставка'; *rezignovati, resignovati* 'смиряться', 'подавать в отставку', в.-луж., н.-луж. *rezignacija*, с.-хорв. *резигна́ција*, рус. уст. *резигнация* 'безропотное смирение, полная покорность судьбе', 'отказ от личного счастья, отречение', укр. *резігнація* 'полная покорность судьбе'), которая фиксируется в указанных славянских языках с начала XIX в. [1: 746; 2: 889; 5: 48; 22: 430; 26: 487; 33; 36: 241; 40: 504; 41: 34; 42]. В кашубском языке в связи с употреблением в сфере бытового общения семантика сузилась от 'отказ' до 'отказ размножаться'; *rèzègnovac* 'отказываться размножаться (о животных)': *Naša jedna sviña rèzègnjeje* [45: 328].

Итак, на основании рассмотренных языковых фактов можно сделать следующие выводы. Понятие «покорный» в русинском языке изменилось в связи с развитием социума, что отражает переход к новым социальным отношениям – вассальной зависимости. Если унаследованное из древнерусского языка *покорный* выражает насильственный отказ от прав вследствие внешнего силового покорения, церковнославянизм *покорливый* выражает активное свойство, покорность, отказ по своей воле, то пришедшее из западноевропейского мира *резигнованный* – уже отказ добровольный, отражающий другое основание покорности.

Изменение семантики анализируемых единиц связано с экстралингвистическими данными. Крепостное право было не у всех русинов, но на интересующей нас территории Закарпатья крепостное право длилось с XVI в. до середины XIX в. [11; 29]. И в XIX в. появляются заимствованные лексемы с *резигн-*, отражающие уже новый вариант социальной зависимости.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. – архангельский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; в.-луж. – верхнелужицкий; ворон. – воронежский; вят. – вятский; диал. – диалектный; дон. – донской; калуж. – калужский; кашуб. – кашубское; лат. – латинский; моск. – московский; нем. – немецкий; н.-луж. – нижнелужицкий; новг. – новгородский; олон. – олонечский; онеж. – онежский; пенз. – пензенский; польск. – польский; праслав. – праславянский; орл. – орловский; рус. – русский; ряз. – рязанский; серб. – сербский; сиб. – сибирский; слвц. – словацкий; ср.-лат. – средневековый латинский; ст.-польск. – старопольский; с.-хорв. – сербскохорватский; тамб. – тамбовский; тобол. – тобольский; том. – томский; тул. – тульский; укр. – украинский; фр. – французский; чешск. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 1955. 972 с.
2. *Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. Москва: Рус. яз.; Варшава: Вєдза Повшєхна, 1967. 1344 с.
3. *Горошак Я.* Перший лемквско-польський словник. Pierwszy stownik lemkowski-polski. Легница, 1993. 257 с.
4. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2009. 1055 [7] с.
5. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова. Т. 5: Р–Т. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.
6. *Желеховский Є.* Малорусско-німецький словар. Ruthe-nian-deutsdhes Wörterbuch: в 2 т. Т. 2: П–Я. Львів; Lemberg, 1886. 1117, [1] с.
7. *Илиева Д.И.* Ядро концепта «власть» и его приядерная зона со смысловым концептом «подчинение» сквозь призму болгарских паремий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-kontseptna-vlast-i-ego-priyadernaya-zona-so-smyslovym-kontseptom-podchinenie-skvoz-prizmu-bolgarskih-paremiy> (дата обращения: 29.03.2022).
8. *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.
9. *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.
10. *Колесникова И.Е.* Особенности понятия «покорность» в украинской и английской лингвокультурах (на примере фразеологических единиц, выражающих черты характера человека) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 3. С. 116–118.
11. *Лебедев С.* Карпатская Русь. Этническая история. Русинский вопрос. URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/02/04/karpatskaya_rus (дата обращения: 25.03.2022).
12. *Поляков А.Е.* Грамматический словарь церковнославянского языка (по материалам корпуса). URL: <http://dic.feb-web.ru/slavonic/dicgram/1/0f.htm> (дата обращения: 29.03.2022).
13. Руско-српски, српско-руски речник / приредило Р. Бошковић. Београд: Јасен, 2007. 1580 с.
14. *Сабадош І.* Словник Закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.
15. *Семенова Н.В.* Лексика самооценки в истории русского языка: *покорность* // Вестник Пермского университета. 2012. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (17). С. 25–32.

16. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. СПб., 1899. 946 с.
17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов: в 10 вып. М.: Русский язык, 2004. Вып. 7. 505 с.
18. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов; ред. П.И. Павленко, Ф.П. Сороколетов: в 49 вып. Вып. 28: Подель–Покороче. СПб.: Наука, 1994. 401 с.
19. Словарь орловских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии: в 15 вып. Орел: Орлов. гос. пед. ин-т., 1999. Вып. 10. 237 с.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип: в 4 т. Т. 3: П–Р. М.: Рус. яз., 1987. 752 с.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова: в 31 вып. Вып. 16: Поднавъсь–Поманути. М.: Наука, 1990. 295 с.
22. Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.
23. Словник староукраїнської мови XIV–XIV: в 2 т. Київ: Наукова думка, 1978. Т. 2. 592, [1] с.
24. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: в 5 т. Т. 3: М–П. Мінск, 1982. 536 с.
25. Словник української мови: в 11 т. Т. 7: Поїхати–Приробляти / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1976. 724 с.
26. Словник української мови: в 11 т. Т. 8: Природа–Ряхтливий / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1977. 929 с.
27. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»: в 4 т / ред. с добавлением собственных материалов Б.Д. Гринченко. Т. 4: О–П. Киев, 1909. 507 с.
28. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10 000 слов / ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
29. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
30. Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., перераб. Минск: Выш. шк., 1989. 480 с.
31. Тафра Б. Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе // Лексикология и лексикография славянских языков. М.: ЛЕКСРУС, 2018. С. 846–875.
32. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <http://https://www.skarnik.by/tsbm/53505> (дата обращения: 29.03.2022).
33. Українська літературна мова на Буковині. URL: <https://slovnyk.me/dict/bukovina/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D2%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%94> (дата обращения: 25.03.2022).
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф.

Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 3: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

35. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева: в 41 вып. М.: Наука, 1984. Вып. 11. 220 с.

36. Чешско-русский словарь = Cesko-ruský slovník / под ред. Л.В. Копецкого и Й. Филипца: в 2 т. Т. 2: P–Ž. Москва: Советская энциклопедия; Praha: Stat. ped. nakl., 1973. 864 с.

37. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 863 s.

38. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Paris, 1883. V. 5.

39. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 4: P. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1906. 466 s.

40. Kralik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda. 704 s.

41. Linde S.B. Słownik języka polskiego: w 6 t. Т. 5: R–T. Warszawa, 1812. 704 s.

42. Słownik języka polskiego. URL: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/rezygnowac;5490071.html>; <https://slovyk.me/dict/bukovina/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D2%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%94> (дата обращения: 29.03.2022).

43. Słownik staropolski. Redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk: w 11 t. Т. 6. Z. 5 (38): Pokolenie–Poradować. Wrocław; Warszawa; Krakow: Polska Akademia Nauk, 1972. 401 s.

44. Słownik polszczyzny XVI wieku: w 36 t. Т. 26: Podoba–Polżyć/ redaktor tomu K. Wilczewska. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk: Zaktad Narodowy im. Ossolinskich; Polska Akademia Nauk, 1988. 467 s.

45. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej: w 7 t. Т. 4: P–R. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1970. 433 s.

REFERENCES

1. Andreychin, L. (1955) *B'lgarski t'lkoven rechnik* [The Bulgarian Explanatory Dictionary]. Sofia: Nauka i izkustvo.

2. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [The Large Polish-Russian Dictionary]. Warsaw; Moscow: Wiedza Powszechna; Sovetskaya entsiklopediya.

3. Goroshchak, Ya. (1993) *Pershiy lemkiwsko-pol'skiy slovník* [The First Lemko-Polish Dictionary]. Legnitsa: [s.n.].

4. Dvoretzkiy, I.Kh. (2009) *Latinsko-russkiy slovar'* [The Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

5. Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

6. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-n'em'etskiy slovar* [The Rusin-German Dictionary]. Vol. 2. Lviv: [s.n.].
7. Ilieva, D.I. (2013) Yadro kontsepta "vlast'" i ego priyadernaya zona so smyslovym kontseptom "podchinenie" skvoz' prizmu bolgarskikh paremiy [The core of the concept "power" and core zone with the semantic concept "submission" through the prism of Bulgarian proverbs]. *Magister Dixit*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-kontsepta-vlast-i-ego-priyadernaya-zona-so-smyslovym-kontseptom-podchinenie-skvoz-prizmu-bolgarskikh-paremiy> (Accessed: 25th March 2022).
8. Kercha, I. (2007) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovnik* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
9. Kercha, I. (2012) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovnik* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
10. Kolesnikova, I.E. (2016) Specificity of the concept "obedience" in the Ukrainian and Russian linguo-cultures (by the example of the phraseological units expressing the traits of human character). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 12(66). pp. 116–118 (in Russian).
11. Lebedev, S. (2014) *Karpatskaya Rus: Etnicheskaya istoriya. Rusinskiy vopros* [Carpathian Rus. The Rusin Question]. [Online] Available from: ruskline.ru/analitika/2014/02/04/karpatskaya_rus (Accessed: 25th March 2022).
12. Polyakov, A.E. (n.d.) *Grammaticheskiy slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka (po materialam korpusa)* [The Grammatical Dictionary of the Church Slavonic language (based on the corpus)]. [Online] Available from: <http://dic.feb-web.ru/slavonic/dicgram/1/0f.htm> (Accessed: 29th March 2022).
13. Boshkovich, R. (2007) *Rusko-srpski, srpsko-ruski rechnik* [The Russian-Serbian, The Serbian-Russian Dictionary]. Belgrade: Jacen.
14. Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koi govorki sela Sokirnitsya Khust'skogo rayonu* [The Dictionary of Transcarpathian Dialect of Sokirnitsa village, Khust district]. Uzhhorod: Lirab.
15. Semenova, N.V. (2012) Leksika samoootsenki v istorii russkogo yazyka: 'pokornost'' [The vocabulary of self-esteem in the history of the Russian language: 'pokornost'']. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(17). pp. 25–32.
16. Starchevskiy, A.V., Mikloshich, F.K., Vostokov, A.Kh, Berednikov, Ya.I., Kochetov, I.S. & Suvorin, A.S. (1899) *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyy po Ostromirovu Evangeliyu* [The Dictionary of the Old Slavic language, compiled according to the Ostromir Gospel]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
17. Avanesov, R.I. (ed.) (2004) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary]. Vol. 7. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1994) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Dialects]. Vol. 28. St. Petersburg: Nauka.

19. Vetrova, T.M. & Vlasova, L.A. (1999) *Slovar' orlovskikh govorov: Uchebnoe posobie po russkoy dialektologii* [The Dictionary of Orel dialects: Textbook of the Russian dialectology]. Vol. 10. Orel: Orel State Pedagogical University.
20. Evgeniev, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Filin, F.P. (ed.) (1990) *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th century]. Vol. 16. Moscow: Nauka.
22. Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko-ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk; Slovatskí vydavateľstvá.
23. Gumetska, L.L. & Kernitskiy, I. M. (1978) *Slovník staroukrajinskoi movy XIV-XV st. [The Old Ukrainian Dictionary of the 14th – 15th century]*. Kyiv: Naukova dumka.
24. Matskevich, Yu.F. (1982) *Slovník belaruskikh govorok pažnochna-zakhodnyay Belarusi i yae pagranichcha* [The Dictionary of the Belorussian Dialects of Nord-Western Belarus and Its Border]. Vol. 3. Minsk: [s.n.].
25. Bilodid, I.K. (ed.) (1976) *Slovník ukraïnskoi movy* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.
26. Bilodid, I.K. (ed.) (1977) *Slovník ukraïnskoi movy* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka.
27. Grinchenko, B.D. (1909) *Slovar' ukrainskogo yazyka, sobrannyy redaktsiye zhurnala "Kievskaya starina"* [The Dictionary of the Ukrainian language, collected by the editors of the magazine "Kievskaya starina"]. Vol. 4. Kyiv: [s.n.].
28. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X-XI vv.)* [The Old Slavonic Dictionary (by manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Sulyak, S.G. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of tragic history]. *Rusin*. 3-4(13-14). pp. 7–34 (in Russian).
30. Suprun, A.E. (1989) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [The Introduction to Slavic Philology]. Minsk: Vysshaya shkola.
31. Tafra, B. (2018) Leksiko-semanticheskie svyazi v khorvatskom yazyke v diakhronicheskoy perspektive [The lexico-semantic connections in the Croatian language in a diachronic perspective]. In: Chernyshev, M.I. (ed.) *Leksikologiya i leksikografiya slavyanskikh yazykov* [Lexicology and lexicography of Slavic languages]. Moscow: LEKSURUS. pp. 846–875.
32. Skarnik.by. (n.d.) *Tlumachal'ny slovník belaruskay movy* [The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. [Online] Available from: <https://skarnik.by> (Accessed: 25th March 2022).
33. Slovyk.me. (n.d.) *Ukraïns'ka literaturna mova na Bukovini* [The Ukrainian literary language in Bukovina]. [Online] Available from: <https://slovyk.me/dict/bukovina/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D2%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%94> (Accessed: 25th March 2022).

34. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

35. Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.

36. Kopetskiy, L.V. & Filipets, Y. (1973) *Cheshsko-russkiy slovar'* [Czech-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; Prague: Stat. ped. nakl.

37. Boryś, W. (2005) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow: Wydawnictwo literackie.

38. Du Cange, Sh. (1883) *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis* [A glossary of middle and low Latin writers]. Vol. 5. Paris: [s.n.].

39. Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish Dialects]. Vol. 4. Krakow: Jagiellonian University.

40. Kralik, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [The Brief Etymological Dictionary of Slovak Language]. Bratislava: Veda.

41. Linde, S.B. (1812) *Słownik języka polskiego*. Vol. 5. Warsaw: [s.n.].

42. Poland. (n.d.) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. [Online] Available from: <http://sjp.pl> (Accessed: 29th March 2022).

43. Urbanczyk, S. (1972) *Słownik staropolski* [The Old Polish Language Dictionary]. Vol. 6, 5(38). Wrocław; Warsaw; Krakow: Polska Akademia Nauk.

44. Wilczewska, K. (1988) *Słownik polszczyzny XVI wieku* [The Dictionary of Polish Language XVI c.]. Vol. 26. Wrocław; Warsaw; Krakow; Gdansk: Polska Akademia Nauk.

45. Sychta, B. (1970) *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* [The Dictionary of Kashubian dialects against the background of folk culture]. Vol. 4. Wrocław; Warsaw; Kraków; Gdańsk: Polska Akademia Nauk.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/13

Назви за основни фарби у лексично-семантичним полю фарби руского мови*

М. Фейса

Універзитет у Новим Садзе

2 Др Зорана Діндича, Нови Сад, 21000, Сербия

E-mail: fejsam@gmail.com

Абстракт

Главни цель того вигледованя представляє основних колористичних терминох у лексично-семантичним полю фарби бачко-сримскей русинскей (рускей) хроматскей терминології, хтора по тераз не преучована у славистики. Руски еквиваленти за основни фарби хтори розликую Brent Берлин и Пол Кей у своїм ділу *Термини за основни фарби: їх универзалносц и еволюция (white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray) била, чарна, червена, желена, жовта/жолта, белава, браон, лилова, целова, помаранчецова/помаранджецова и шива*; еквиваленти жовта и помаранчецова характеристични за жителях Руского Керестура, док еквиваленти жолта и помаранджецова характеристични за жителях Коцура. Вигледовацки корпус углавним творя Сербско-руски словник и Руско-сербски словник. Анализа указала же ше термини за основни фарби часто поклопюю у двох генетски зродних мови як цо то руски и сербски, але егістую и велі сущни розлики. Руска лексема *била* у сербским мови ма еквиваленти *бела* и *плава*, а руска лексема *белава* у сербским мови ма еквиваленти *плава* и *седа* кед ше менюю власи або брада. Существоу даскельо случаї кед приметнік хтори преноши дату фарбу неохобни у єдним мови, але не и у другим випитованим мови (напр. рус. *цибуля* : серб. *црни лук*; рус. *желена пасуля* : серб. *боранија*). Векшина хроматских понятия славянского походження (**бель* > *била*, **чърнь* > *чарна*, **сивь* > *шива*, **зелень* > *желена*, **жль* > *жолта/жовта*) але ше позички вше частейше хасную за ниянсоване, напр. *азурна*, *тегет*, *аквамарин*, *тиркизна* остатніх деценийох; даєдни з нїх

* Робота настала як резултат проєктох Меншински мови и литературы у АП Войводини – семиотични и културни ресурси у вибодови етнічного идентитету [Minority Languages and Literatures in AP Vojvodina – Semiotic and Cultural Resources in the Construction of Ethnic Identity] и вигледоване и розвой функционалних сферох руского мови оможлівени зоз доставаньом ИСО кода RSK [Research and Development of the Functional Spheres of the Ruthenian language Enabled by Obtaining the ISO Code RSK], хтори финансиє Покраїнски секретариат за високе образование и науковигледовацку діялносц АП Войводини.

оставаю непроменени, напр. *блонд, браон, драп, крем, бежи* у руским и у сербским, а *лила* и *розе* лєм у сербским. Лексема *боја* у обидвох вигледованих славянских языкох не славянского походзения; лексема *боја* у сербским языку походзи зоз турского языка (тур. *boya*), а лексема *фарба* у руским языку (як и у сербским кед ше поняце одноши на неязычни ентитети) немецкого походзения (нем. *farbe*).

Ключни слова: лексично-семантичне польо фарби, славянска хроматска терминология, Берлин-Кейова теория, термини за основни фарби, пожички, руски язык.

Основные термины цвета в лексико-семантическом поле цвета в русинском языке*

М. Фейса

Университет г. Новый Сад
Сербия, 21000, г. Новый Сад, ул. З. Диндича, 2
E-mail: fejsam@gmail.com

Авторское резюме

Основная цель настоящего исследования – представить основные цветотермины в лексико-семантическом поле цвета бачковско-сремской русинской (русинской) хроматической терминологии, которая до сих пор не изучалась в славистике. Русинские эквиваленты основных цветовых терминов, выделенных Брентом Берлином и Полом Кеем в их работе «Основные цветовые термины: их универсальность и эволюция» (white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray), била, чарна, червена, желена, жовта/жолта, белава, браон, лилова, целова, помаранчецова/помаранджецова и *шива*; эквиваленты *жовта* и *помаранчецова* характерны для жителей Руского Керестура, тогда как эквиваленты *жолта* и *помаранджецова* характерны для жителей Коцура. Исследовательский корпус в основном состоит из следующих словарей: Сербско-руски словник и Руско-сербски словник. Анализ показал, что основные термины цвета часто совпадают в двух генетически родственных языках,

* Работа настала як резултат проектох Меншински язики и литературы у АП Войводины – семиотични и културни ресурси у вибодови етничного идентитету [Minority Languages and Literatures in AP Vojvodina – Semiotic and Cultural Resources in the Construction of Ethnic Identity] и Вигледованє и розвой функционалних сферох руского языка оможлєвени зоз доставаньом ИСО кода RSK [Research and Development of the Functional Spheres of the Ruthenian language Enabled by Obtaining the ISO Code RSK], хтори финансиє Покраїнски секретариат за високе образованє и науковигледовацку діялносц АП Войводины.

таких как русинский и сербский, но есть много важных различий. Русинская лексема *била* имеет эквиваленты *бела* и *плава* в сербском языке, а русинская лексема *белава* имеет эквиваленты *плава* и *седа* в сербском языке при названии волос или бороды. Есть несколько случаев, когда прилагательное, передающее данный цвет, необходимо в одном языке, но не в другом исследуемом (например, русинское *цибуля* *цибуля*: серб. *црни лук*; русин. *желена пасуля*: серб. *боранија*). Большинство хроматических терминов имеют славянское происхождение (**бель* > *била*, **чърнь* > *чарна*, **сивь* > *шива*, **зелень* > *желена*, **жль* > *жолта/жовта*), но заимствования все чаще используются для уточнения нюансов, например *азурна*, *тегет*, *аквамарин*, *тиркизна*, в последние десятилетия; некоторые из них остаются неизменными, например *блонд*, *браон*, *драп*, *крем*, *беж* и *окер*, на обоих языках, а *лила* и *розе* – только на сербском. Лексема *цвет* в обоих исследованных славянских языках не славянского происхождения; лексема *боја* в сербском языке происходит из турецкого языка (тур. *boya*), а лексема *фарба* в русинском языке (а также в сербском, когда термин относится к неязыковым объектам) имеет немецкое происхождение (нем. *farbe*).

Ключевые слова: лексико-семантическое поле цвета, славянская хроматическая терминология, теория Берлина–Кея, основные термины цвета, заимствования, русинский язык.

Basic colour terms in the lexical-semantic field of colour in the Rusin language*

M. Fejsa

Univerzitet u Novim Sadze

2 Dr Zorana Djindjiča, Novi Sad, 21000, Serbia

E-mail: fejsam@gmail.com

Abstract

The main goal of this research is to present basic colour terms in the lexical-semantic field of colour of the Bačka-Srem Rusin (Ruthenian) chromatic terminology,

* Робота настала як результат проектох Меншински язики и литератури у АП Войводини – семиотични и културни ресурси у вибодови етнічного идентитету [Minority Languages and Literatures in AP Vojvodina – Semiotic and Cultural Resources in the Construction of Ethnic Identity] и Вигледоване и розвой функционалних сферох руского языка оможлівени зоз доставаньом ИСО кода RSK [Research and Development of the Functional Spheres of the Ruthenian language Enabled by Obtaining the ISO Code RSK], хтори финансиує Покраїнски секретариат за високе образование и науковигледовацку діялносц АП Войводини.

which has not been studied in Slavic studies so far. Rusin equivalents to the basic colour terms distinguished by Brent Berlin and Paul Kay in their work *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution* (white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray) are *bila*, *čarna*, *červena*, *žel'ena*, *žovta/žolta*, *belava*, *braon*, *lilova*, *celova*, *pomarančecova/pomarandžecova* and *šiva*; the equivalents *žovta* and *pomarančecova* are characteristic for the inhabitants of Ruski Krstur whereas the equivalents *žolta* and *pomarandžecova* are characteristic for the inhabitants of Kucura. The research corpus is mainly composed of *Serbian-Ruthenian Dictionary* and *Ruthenian-Serbian Dictionary*. The analysis has shown that the basic colour terms often coincide in two genetically related languages such as Rusin and Serbian but there are many important differences. The Rusin lexeme *bila* has the equivalents *bela* and *plava* in Serbian, and the Rusin lexeme *belava* has the equivalents *plava* and *seda* in Serbian when naming hair or beard. There are several cases when an adjective that conveys a given colour is necessary in one language but not in the other (e.g. Rusin *cibul'a* : Serbian *crni luk*; Rusin *žel'ena pasul'a* : Serbian *boranija*). Most of the chromatic terms are of Slavic origin (**belъ* > *bila*, **čьrnъ* > *čarna*, **sivъ* > *šiva*, **zelenъ* > *žel'ena*, **žltъ* > *žolta/žovta*) but loanwords have been increasingly used for nuanced purposes, e.g. *azurna*, *teget*, *akvamarin*, *tirkizna* in recent decades; some of them remain unchanged, e.g. *blond*, *braon*, *drap*, *krem*, *bež* and *oker* in both languages, and *lila* and *roze* only in Serbian. The lexeme *colour* in both researched Slavic languages is not of Slavic origin; the lexeme *boja* in the Serbian language originates from Turkish (Turkish *boya*), and the lexeme *farba* in Rusin (as well as in Serbian when the term refers to non-linguistic entities) is of German origin (German *farbe*).

Key words: lexical-semantic field of colour, Slavic chromatic terminology, Berlin-Kay theory, basic colour terms, loanwords, Rusin language.

Увод

Хроматскеј лексике у руским језику (у бачко-сримскеј варијанти русинског језика) не пошвецована окремна увага. Можеме повесц же хроматска лексика у одредзеној мири обробоена у капиталних лексикографских ділох – двотомним *Сербско-руским словніку* [8; 9] и єднотомним *Руско-сербским словніку* [11]. За потреби тих словнікох анализована најширша јазична материя. У словнікох ше находза и одредніци зоз прикладами, колокацијама и фразеологійнимма варазама хтори укључую и назви за фарби у руским и сербским језику. Попри Јулијана Рамача, Михайла Фейси, Гелени Медєши (у обидвох словнікох) и Оксани Тимко Дітко (у другим наведзеним) хроматскеј лексике одредзена увага пошвецена и у даскеліх авторских роботох. Розпатрајуци рижни правописни проблеми, Гелена Медєши ше огляд-

ла и на векше число лексемох хтори преноша ниянси дзепоедних основних фарбох [4; 5]. Рамач Юлиан даєдни назви за одредзени фарби дотхнул у своїх розпатраньох о прикметнікох [10]. Михайло Фейса єдну свою роботу пошвецел хроматскей терминології, намагаюци ше утвердзиц основни инвентар лексемох зоз хторима ше меную фарби у руским язичу и систематизовац руску хроматску терминологию, хтору слависти у славистики вообщє не спатрали [17]. У тей роботі автор жада поровнац хроматску терминологию руского язича зоз хроматским терминологиями тих язичох хтори у одредзених историйних периодах були у длугшим контакту зоз руским язичом. То ше окреме одноши на сербски и малярски язич. По розпад Австро-Угорскей 1918. року службени язич Руснацом бул малярски язич, а од того року по нешка (з кратшу прерву под час Другей шветовой войны) то бул сербски язич. Же на руску хроматску терминологию маю уплів и други язичи указує и податок же лексема/меновнік за фарбу у руским язичу немецкого-германского походзєня (рус. *фарба* < нем. *farbe*).

Тото виглєдованє у сущности предствая предлуженє виглєдованьох хроматскей терминології у язичох швета, хтори розпочали Брент Берлин и Пол Кей зоз своїм ділом *Термини за основни фарби: Їх универзалносц и еволуция* [16]. Авторе, глєдаюци язични универзалиї, до инвентару основних фарбох дошли так же од жридлових бєшєднікох дзєведзешат осєм рижних язичох вимагали менованє розличних фарбох зоз таблїчки фарбох Генрия Мансєла [19]. По Берлинови и Кейови язичи свою хроматску терминологию розвиваю зоз стану у хторим ше находза лєм два основни хроматски термини. Тот стан ше розвива и приходзи по стан у хторим ше видзелюю максимално єденац фарби. Авторе аж запровадзєли и гєрархию фарбох – кєд даєден язич ма два термини за основни фарби, то буду *била* и *чарна* (англ. *white, black*); кєд даєден язич ма три термини за основни фарби, то буду *била*, *чарна* и *червена* (англ. *white, black, red*); кєд даєден язич ма штири термини за основни фарби, то буду *била*, *чарна*, *червена* и або *желєна* або *жовта* (англ. *white, black, red, green/yellow*); кєд даєден язич ма пєйц термини за основни фарби, то буду *била*, *чарна*, *червена*, *желєна* и *жовта* (англ. *white, black, red, green, yellow*) итд.; други фарби: *бєлава*, *браон* и *помаранчєцова* и/або *лилова* и/або *цєлова* и/або *шива* (англ. *blue, brown, orange/pink/purple/gray*). Попри утвердзованя єденац основних фарбох Берлин и Кей як язичну универзалию, на основи виглєдованя коло сто културох, утвердзєли и сєдем фази їх наставаня. У першей фазі розвою, по авторох, єден язич ма найменєй два фарби и то *била* и *чарна*; у другей *червену*; у трецєй *желєну* або *жовту*; у штвартєй *жовту* або *желєну*; у пиятєй

белаву; у шестей *браон*; у седмей *лилову* або *целову* або *помаранчецову* або *шиву* [16: 7]. Назви за основни фарби, по Берлинови и Кейови, требали би буц єдноморфемни и немотивовани. За розлику од напр. англійского языка у хторим основа словох хтора означує фарбу єднака прикметніку у цалосци, у руским и вообщє у славянских языкох, у сущносци ані нет єдноморфемних терминох за фарби, понеже ше на основу прикметніка вше додаваю законченя за род. Заш лєм, за термини основних фарбох будземе тримац гевти прикметніки хтори формовани лєм зоз основни прикметніка и одредженого законченя за род. Кед же даєдни прикметніки маю ещи даєден афикс, тоти прикметніки не третираме як примарни основни фарби понеже неспорне же вони резултат познейшого розвою [17: 310–311]. Цо ше дотика примени критериюманемотивованосци, одредзованє (не)мотивованосци у даєдних случайох дискутабилне. То ше напр. одноши на хроматски термини *vörös* у малярским языку (тото слово инкорпорованє до руского презвиска малярского походженя *Вереш* [3; 14]) и *червена* у руским языку хтори мотивовани; малярски термин походзи од меновніка *vér* «крв» [15], а руски термин од меновніка *черв* «црв» хтори зачувани у меновнику *червоточ* [9: 824]. И попри тим же тоти прикметніки у одредженой мири процивсловя твердзеньом Берлина и Кея у поглядзе наставаня терминох за основни фарби, треба визначиц же бешедніки руского языка кед хасную прикметнік за червену фарбу (*червени*) цалком страцели зоз видогляду вязу зоз меновником за хтори можеме повесц же ше уж находзи у фонду архаичних словох. Без огляду на тото же як ше наведзени прикметніки третираю, чи як часц критикох универзалистох чи як час критикох релативистох [2], ми оставаме на становиску же у вигледованю тей файти барз хасновите рушиц од єдного инвентару фарбох хторого у науки провадзи солидна аргументация.

Як еквиваленти за назви основних фарбох у англійским языку (по Берлинови и Кейови: *white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray*) зяваю ше назви шлїдующих основних фарбох у руским языку: *била, чарна, червена, желєна, жовта/жолта, белава, браон, лилова, целова, помаранчецова/помаранджецова* и *шива*. Дублети *жовта* и *жолта*, односно *помаранчецова* и *помаранджецова* одноша ше на лексични вариянти хтори Руснаци хасную у двох найвекших населєных у хторих жию. Назви *жовта* и *помаранчецова* характеристични за жительох Руского Керестура а назви *жолта* и *помаранджецова* характеристични за жительох Коцура [12: 352]. Видзелени назви основних фарбох у руским языку будземе у тей тоботи анализовац спрам предпоставеной хронології наставаня, на хтору указую и резултати вигледованя Кароля Гаданїя. Гаданї

заклучує же у праславянским языку не существовало вельке число прикметнікох хтори означовали фарби понеже у старославянским языку и старей литературы восточнославянских и южнославянских языкох. Од єденац терминох за основни фарби у руским языку пейц маю континуитет од праславянского периоду: **belь* «били», **čьrнь* «чарни», **zeleнь* «желени», **žltь* «жолти/жовти», **sivь* «шиви». Попри нїх у праславянским периодзе хасновани и прикметніки медзи хторима дзепоедни не зачувани у руским языку, або вименєли значене: **blědь* «бляди», **modрь* серб. «модар», рус. «цмобелави», **rudь* серб. «руд», рус. «червенкасти», **рьdjavь* серб. «риђ», рус. «ардзави/», **сьдь* серб. «сед», рус. «шиви», **sinь* серб. «сињи», рус. «белави» [18: 21]. Други хроматски прикметніки (окреме прикметніки зоз хторима ше одредзую фарби зоз шестей и седмей фази їх наставаня по Берлинови и Кейови – *браон, лилова, целова, помаранчецова/помаранджецова, шива*) у инвентарох славянских языкох настали у познейшим периодзе розвою або су превжати зоз других, неславянских языка.

Методологийни приступ ґу вигледованю

Приклади уключени до роботи ексцерпирани зоз найширшей язичней градзи. *Сербско-руски словник* и *Руско-сербски словник* [8; 9; 11] уключели шицку существуюцу литературу обявену на руским языку до 2010. року и представляю найлепши лексикоґрафски діла бачко-сримскей варианти русинского языка, односно южнорусинскей варианти заступеней у Сербії и Горватскей. У тих найобсяжнейших словнікох руского языка обезпечени числени приклади и вирази зоз руского языка, як и одвитуюци еквиваленти у першим случаю на релациї сербски – руски а у другим случаю на релациї руски – сербски, цо потвердзую и рецензенти проф. др Гордана Вукович, проф. др Александер Д. Дуличенко и проф. др Боголюб Станкович, як и фахово совитніки у работи на Словнику и Картотеки проф. др Митар Пешикан, проф. др Слободанка Бошков и проф. др Гордана Йованович.

Попри тих жридлох, за анализу хроматскей терминології хтора вязана за основни фарби у руским языку хасновали зме и релевантну литературу обявену по обявйованю *Руско-сербского словника* 2010. року. З тей литературы треба визначиц сет од пейцох кнїжкох Гелени Медешовой у хторих окреме значни статі «Белава дзивка» [4: 46–48] и «Офарбене зоз словами» [5: 50–51]. За виводзене заклученьох о одношеньох на плану хроматскей терминології у славянских языкох консултовали зме одвитуюцу литературу хтора ше одноши на лексично-семантичне польо фарба у славянских языкох.

З оглядом на то же слово *фарба* женского роду (як и у сербским языку *боја*), назви за фарби будземе наводзиц зоз прикметніками у женским

роду. То ше, розумліве, не одноши на *браон* фарбу хтора ґерманского походзєня и хтора у руским и у сербским прилапєна як неперемєнліва. Интересантне же и лексема хтора ше хаснує як обща назва за шицки фарби, як у сербским так и у руским язичу, не лєм женского роду але и неславянского походзєня. У сербским язичу лексема *боја* походзи зоз турского язича (од тур. *boya*) [20: 143], а у руским язичу лексема *фарба* ґерманского походзєня (од нем. *Farbe*) [7: 188]. Зявйованє лексеми *фарба* ше толкує з приходом Немцох до Бачки на концу 18. и на початку 19. века, хтори у привредним поглядзе були розвитши. Цо ше дотика жридловей, славянскей лексеми, хтора дакеди прєношєла тото значєнє, вона ше уключєла до рошлінскей терминології и дала мєновніки *квиток* (мнж. *квитки*, *квице*) и *квет* (мн. *квєце*). Жридлове значєнє зачуванє у даєдних славянских язичох, напр. *цвет* русийским и *цвят* у болгарским [6]. У габи анґлицизмох хтора заплюсла руски язич на початку 21. веку зявєла ше и лексема *колор* (< анґл. *colo(u)r*); мєновнік *колор* прємєнліви а цо ше дотика його хаснованя хаснує ше як обща назва за шицки фарби (углавним у синтаґми *ТВ у колору*).

Кєд слово о наводзєню фреквєнтних виразох або колокацийох зоз *Сербско-руского словніка* [8; 9] и *Руско-сербского словніка* [11] у хторих ше назви фарбох находза у хлопским або стрєднім роду, вони буду прєберани у тим роду у хторим и служа як илустрация за хаснованє одредзєней фарби.

У роботы хасновани и шлїдуюци скрацєня за язичи: *анґл.* – за анґлийски, *нем.* – за нємєцки, *рус.* – за руски, *серб.* – за сербски, *тур.* – за турски.

Заступєноц назвох за основни фарби у виглєдовацким корпусу

И попри критикох универзалистох од рєлативистох [2: 223–225] ми тримамє же рушиц у виглєдованю од єдєнац основних фарбох вигоднє и же прєдставя рєлєвантну основу за поровнованє хроматскей терминології у рижних язичох.

Прєдставянє хаснованя назвох за основни фарби у руским язичу у тим поглавю тиж базуємє на Берлин-Кєйовєй теорії [16: 7]. У складу зоз прєдпоставєнима фазами наставаня основних фарбох и ми термини за основни фарби у руским язичу прєдставямє по гипотєтичним порядку наставаня. То причина же у анализи рушамє од *билей*, прєйґ *чарней*, *чєрвєней*, *жєлєней*, *жовтєй/жолтєй*, *бєлавєй*, *браон*, *лиловєй*, *цєловєй*, *помаранчєцовєй/помаранджєцовєй* по шиву.

1. Била. *Билу* фарбу стрєтамє напр. у *били швет* : *бели швет*; *чарнє на билим* : *црно на белом*. Обачуємє же ше як еквивалєнти за руски

прикметнік *била* у сербским языку зявюю, попри *бела*, и прикметніки *плава* (*блонд*) [17: 312] и *седа* (оп. *шава* у часци 11).

У шлідуючих прикладах лексема *била* у синонимским одношеню зоз лексему *седа*: *били власи* : *седе косе*; *била брада* : *седа брада*.

Кед слово о *сейкастих*, *блядих*, *блонд* власох младеј особи, у сербским языку еквиваленти *плава*, *светла* або *блонд*, напр. *дзивче зоз билима власами* : *девојчица плаве косе*. Прикметнік *блонд* у обидвох языкох представя пожичку зоз англійского языка и непроменліви є.

2. Чарна. *Чарну* фарбу стретаме напр. у *чарни як угель* (*угле, галка*) : *црн као гавран* (*угљен*); *облечиц* (*завиц*) *дакого до чарного* : *завити некога у црно*.

Лем у фігуративним значеню, зоз меновніками хтори знача дацо недобре и негативне, могу ше у руским языку як еквиваленти за сербски прикметнік *црна* зявиц и други прикметніки. Наприклад: *црни човече* : *нещесни чловече*; *црни грех* : *вельки* (*чежки*) *грех*; *црна беда* : *велька беда*.

Додајме же назви *црни лук*, як и *бели лук*, у руским языку не укључую дотичну фарбу понеже їх прекладни еквиваленти окремни лексеми – *цибуля* и *цеснок*.

3. Червена. У векшини случайох за фарбу *червена* еквивалент у сербским языку *црвена*, але у даскеліх случайох и *румена*. Наприклад: *червена крев* : *црвена крв*; *червена ружа* : *црвена ружа*; *Червени криж* : *Црвени крст*; *червени ліца* : *румени образи*; *твар му червена як јабука* : *лице му је румено као јабука*.

Одвитујуци прикметніки за *румена* у руским языку, у зависносци од контексту, попри *червена*, и *червенкаста* и, евентуално, *целова*.

4. Желена. Скоро у шицких зазначених прикладах за лексему *желена* еквивалент у сербским языку *желена*. Наприклад: *желена трава* : *зелена трава*; *желена поверхноц* : *зелена површина*; *желена овоц* : *зелено воће*; *желени очи* : *зелене очи*; *желени од еду* (*гніву*) : *зелен од јада* (*љутине, беса*); *ти ещи желени* : *ти си још зелен*.

Прикметнік *желена* у руским языку додава ше ґу меновніком *пасуля* и *ящурка*. Одвитујуци поняца у сербским языку за еквивалент маю едну лексему – *боранија* за *желена пасуля* а *зелембаћ* за *желена ящурка*.

5. Жолта/Жовта. У велькеј векшини прикладах за *жолту/жовту* фарбу еквивалент *жута*. Наприклад: *жолта маїца* : *жута мајица*; *жолти лимун* : *жути лимун*; *жолта раса* : *жута раса*; *жовта преса* : *жута штампа* [13: 73].

6. Белава. У векшини прикладах *белава* ше находзи у еквивалентним одношеню зоз *плава*. Наприклад: *белаве небо* : *плаво небо*; *белаве морйо* : *плаво море*; *белави каменок* : *плавии камен*; *белава крев* : *плава крв*.

Даєдни приклади указую на шветлейшу (рус. *ясна*) або цмейшу (рус. *цма*) ниянсу *белавей*: *яснобелава* : *отворено плава*; *цмобелава* : *затворено плава, тамноплава*. *Плави сумрак*, наприклад, у руским язiku *цмобелава* *змерк*. За *цмобелаву* ниянсу у сербским язiku суцествує и прикметнік *модар*. Так напр. *белави очи* могу буц и *плаве* и *модре очи* [8: 745].

Кед при дачим *белавим* (напр. морю, небу и др.) обачліва *шивкаста* ниянса, у сербским ше язiku у тим случаю хаснує прикметнік *сиња*. Тот прикметнік, медзитим, може буц прекладни еквивалент и за *шава*, *чарна* и за даєдни други прикметніки (хтори анї не муша преношиц фарбу алє емоції). Наприклад: *шиви камень* : *сиви камен*; *шивкасти власи* : *сиња коса*; *чарни гавран* : *сињи гавран*; *нещесни широтки* : *сињи сирочићи*; *пукло як страшни гром* : *пуче као сињи гром*.

7. Браон. У обидвох язикох, попри термину *браон*, хасную ше ещи два еквиваленти. У руским язiku *кафова* и *доганова*, а у сербским язiku *смеђа* и *кафена*. Наприклад: *кафови штоф* : *браон штоф*; *кафово власи* : *смеђа коса*.

Прикметнік *браон* у обидвох язика неперменліви. Вон у суцносци затримал неперменлівосц хтору ма и у немецким язiku.

За *власи* (сербски *косу*) и *очи*, попри лексемах *кафово* и *браон*, могу ше хасновац и синонимски прикметніки – *гестиньово* и *доганово*; у сербским язiku у тих случайох еквивалент, попри *смеђа*, и *кестенаста*.

8. Лилова. *Лиловей* фарби еквиваленти у сербским язiku прикметнік *љубичаста* и бешедни прикметнік *лила*, хтори неперменліви.

Интересантне же тота фарба у анализованих словнікох зазначена лєм у комбинації зоз *ултра* – *ултралилова* : *ултраљубичаста*. *Сербско-руски словнік* зазначає и синонимску комбинацію *ултравиолетна* : *ультравиолетна* [9: 818].

9. Целова. Сербски еквиваленти за *целову* фарбу *ружичаста* и *розе*; еквивалент *розе* неперменліви. У виглєдовацким корпусу находзиме лєм шлїдуюци вираз: *патриц на (през) целово окуляри* : *гледати на (кроз) ружичасте наочаре*.

Попри термину *розе* еґзистує и форма *роза*, алє у теј роботы даваме першенство форми *розе*, у складу зоз становиском Милки Ивич [1].

10. Помаранджецова/Помаранчецова. Сербски еквивалент *помаранджецовой/помаранчецовой* фарби *наранџаста/наранчаста*; корпус обезпечує и прикметнік *оранжаста* (виведзени зоз *оранж*), хтори новшого походзєня и предствая пожичку зоз французкого язика.

Понеже назва фарби базована на фарби дотичней южней овоци, здобува ше упечаток же то и єдина асоцияция у вязи з ню. У анализованих словнікох нет анї єдней илустрації за хаснованє теј фарби.

11. Шива. Еквивалент *шивей* фарби у сербским *сива*, а за *косу* и *браду* еквивалент може буц и *седа*. Наприклад: *шава еминенција* : *сива еминенција*; *шиви медведз* : *сиви медвед*; *шава маса* : *сива маса*.

Основни фарби зоз найвецей ниянсами

Найвецей ниянси у виглєдовацким корпусу маю *жовта* и *червена*. Так напр. *лимункова*, директно асоцира на фарбу лимуна и, мож повесц, представя шветлейшу ниянсу *жовтей/жолтей* (серб. *светложута, боје лимуна*). Блїзка єй и *гушаткова* з оглядом на тото же асоцира на *жовту/жолту* фарбу гушаткох (серб. *светложута, боје гушчића*). Як ниянси *жовтей/жолтей* мож розликовац и шлїдуюци фарби: *бронзова, драп* (непременлїви прикметнїк) / *драпова* (и *драпкова*), *златна, кайсова* (и *кайсочкова*), *крем* (непременлїви прикметнїк) / *кремова* (и *кремкова*), *стриберна* (и *стрибернїста*); серб. *бронзана, драп* (непременлїви прикметнїк), *златна, боје кайсије, крем* (непременлїви прикметнїк), *сребрна* (и *сребрнаста*). Новшого походзєня и *беж* (ниянса *кремовеї*) и *окер* (*червенкастожовта*) фарба, хтори як прикметнїки непременлїви.

Кед *целова фарба* цмейша наволує ше *мескова* (серб. *прљаво розе, боје меса*). Як ниянси *червенеї* можеме розликовац и фарби *винова* (*цмочервена*), *вишьнова, цегелкова, циметова* и *табакова* (*доганово-червена*); еквиваленти тих прикметнїкох у сербским языку *тамноцрвена, вишьнаста / вишьнева / боја вишьне, боја ћерамиде, циметаста* и *боја труле вишьне*. У сербским языку хасную ше и термини *пурпурна, гримизна* и *скерлетна*, док ше у руским языку за тоти три термини як еквивалент хаснує *пурпурна* (зоз синонимом *багрова* и комбинованим прикметнїком *лилово-червена*); *багрова фарба* за еквиваленти у сербским языку ма *пурпурну* и *багрєну боју*. У обидвох языкох прилапєна и пожичка францужского походзєня *бордо* (по файти вина зоз околїска города Бордо), хтора непременлїва; вона означує *цмочервену* фарбу. Новшого походзєня и *цинобер* (*помаранчецово червена*) фарба. Блїзко при тей ниянси и *ардзава червенкаста* (серб. *боја рђе*).

Закључєнє

У рамикох хроматскеї терминологїї руского языка видзелює ше сет од єденац терминох: *била, чарна, червена, жељєна, жовта/жолта, бєлава, браон, лилова, целова, помаранчецова/помаранцецова* и *шава* [17]. Рушаюци од терминох за основни фарби, хтори свойчасово видзелєли Берлин и Кей [16], у роботи зме, на основи виглєдовацкого корпуса, хторого творя насампредз *Сербско-руски словнїк* [8; 9] и *Руско-сербски словнїк* [11], представєли основу рускеї хроматскеї терминологїї, хтора нє була систематски спатрана у славистики.

Тото поровнуюче вигледованє потвердзує заключенє хторе виведла и Кример-Габорович за сербски язык [2: 245]. Єй констатация же найвецей засєдїчки колокації и вирази у сербским языку єст при лексемох хтори меную фарби *бела, црна, црвена, зелена, жута и плава* одноши ше и на одвитујуци фарби у руским языку – *била, чарна, червена, желєна, жолта и белава*. Тоти фарби и у руским языку маю подобни звонкаязични референти, напр. *дзєнь били, ноц чарна, крєв червена, вегєтация желєна, слунко жолте, небо белава*.

Значни розлики видзиме у тим же за лексему *била* сербски язык ма еквиваленти *бела* и *плава*, а за лексему *белава* ма еквиваленти *плава* и *седа*. Розлика найвираженша при менованю власох або бради. Попри тим, за *червену* сербски язык ма *црвена* и *румена*; *румена* за еквивалент ма *целова* (напр. за твар, лїца, яблуко).

У векшини случайох хаснованє фарбох як у основним так и у преншеним значеню идентичне. Егзистую, медзитим, случаї кед прикметнїк хтори прєноши дату фарбу неохобни за менованє одредзених поняцох у єдним языку, док ше у другим языку хаснує окремна лексема, кед дотична фарба або уключена до окремней лексеми або ше зоз окремну лексему подрозумює (напр. рус. *цибуля* : серб. *бели лук*; рус. *желєна пасуля* : серб. *боранија*). Утвердзени розлики треба мац на розуме при ученю вигледованих языкох же би у билингвалним хаснованю не приходзело до гришкох, т.є. же би не приходзело до негативного трансферу.

Векшина хроматских терминох славянского походзєня (**belъ > била, *čьrnъ > чарна, *sivъ > шива, *zelenъ > желєна, *žltъ > жовта/жолта*), алє ше у остатнїх децениюх за потреби ниянсованя вше вецей хасную и одредзени пожички, напр. *азурна, теґет, аквамарин, тиркизна* и др. Даєдни з нїх оставаю неперемєнлїви, напр. *блонд, браон, драп, крем, беж* и *окер* у обидвох языкох, а *лила* и *розе* лєм у сербским.

Лексема за означованє фарби у обидвох вигледованих славянских языкох (у сербским и *боја* и *фарба*, а у руским лєм *фарба*) не-славянского походзєня. Лексема *боја* у сербским языку походзи зоз турского языка (тур. *boya*), а у руским языку (як и у сербским языку кед ше термин одноши на звонкаязични ентитети) лексема *фарба* нємецкого походзєня (нєм. *farbe*). Лексема *фарба* предствая пожичку од нємецких ремеселнїкох и тарговцох хтори ше до Бачки приселєли на концу XVIII и на початку XIX вику.

Патраци у цалє, тота робота предствая пробованє же би ше витворєла перша систематизация хроматскей терминологїї у руским языку. За цалосне або ширше спатранє терминох хтори уключени до комплетней системи менованя фарбох у руским языку неохобни дальши вигледованя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивић М.* Нови приступ придевској конструкцији // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2008. № 51 (1–2). С. 7–10.
2. *Кример-Габоровић С.* Концептуализација, категоризација и именовање боја у енглеском и српском језику у светлу Берлин-Кејовог модела // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2014. № 57 (2). С. 217–245.
3. *Медџи А.* Германизми у руским језику. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2014.
4. *Медџи Г.* З червеним виправене. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2014.
5. *Медџи Г.* З червеним дописане. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2017.
6. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М.: Ком Книга, 2007.
7. *Рамач Јо.* Руска лексика. Нови Сад: Филозофски факултет, 1983.
8. *Рамач Јо., Фејса М., Медџи Г.* Српско-русински речник // Србско-русински словник А–Њ. Нови Сад: Филозофски факултет, 1995.
9. *Рамач Јо., Фејса М., Медџи Г.* Српско-русински речник // Србско-русински словник О–Ш. Београд: Завод за издавање учебника, 1997.
10. *Рамач Јо.* Граматика руског језика. Београд: Завод за издавање учебника, 2002.
11. *Рамач Јо., Тимко-Дитко О., Медџи Г., Фејса М.* Руско-србски словник // Русинско-српски речник. Нови Сад: Филозофски факултет, 2010.
12. *Фејса М.* Лексичке разлике у говору Русина Руског Крстура и Куцуре // Језици и културе у времену и простору 6. Нови Сад: Филозофски факултет, 2017. С. 351–359.
13. *Фејса М.* Енглески утицај на русински језик // Англијски утицај на руски језик / The English Influence On the Ruthenian Language. Нови Сад: Филозофски факултет, 2019.
14. *Фирис Г.* Презвиска мађарског походзене при бачванско-сримских Русинох. Будапешт: ЕЛТЕ, 2012.
15. *Andrić E.* Nazivi za crvene nijanse u mađarskom jeziku // Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu. 2012. № 2. S. 15–33.
16. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969.
17. *Fejsa M.* Hromatska terminologija u rusinskom i srpskom jeziku // Studia Slavica Hung. 2019. № 64 (2). S. 309–320.
18. *Gadányi K.* Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, горватского языков). Melbourne: Academia Press, 2007.
19. *Munsell A.H.* A Color Notation. Boston: G.H. Ellis Co., 1905

20. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom–hrvatskosrpskom jeziku. Sarajevo: Svjetlost, 1973.

REFERENCES

1. Iviš, M. (2008) Novi pristup pridevskoj konstrukciji [A New Approach to Adjective Construction]. *Zbornik Matitse srpske za filologiju i lingvistiku*. 51(1–2). pp. 7–10.
2. Krimer-Gaborović, S. (2014) Kontseptualizatsija, kategorizatsija i imenovanje boja u engleskom i srpskom jeziku u svetlu Berlin-Kejovog modela [Conceptualization, Categorization and Naming Colours in English and Serbian in the Light of Berlin-Kay Model]. *Zbornik Matitse srpske za filologiju i lingvistiku*. 57(2). pp. 217–245.
3. Medieshi, A. (2014) *Germanizmi u ruskim yaziku* [Germanisms in the Rusin-Language]. Novi Sad: Društvo za ruski jazik, literaturu i kulturu.
4. Medieši, G. (2014) *Z červenim vipravene* [Corrected with Red]. Novi Sad: Društvo za ruski jazik, literaturu i kulturu.
5. Medieši, G. (2017) *Z červenim dopisane* [Added with Red]. Novi Sad: Društvo za ruski jazik, literaturu i kulturu.
6. Vasilevič, A.P. (ed.) (2007) *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskiy analiz* [Colour Naming in Indo-European Languages: A Systematic and Historical Analysis]. Moscow: Kom Kniga.
7. Ramač, Yu. (1983) *Ruska leksika* [Rusin Lexicon]. Novi Sad: Filozofski fakultet.
8. Ramač, Yu., Fejsa, M. & Medieši, G. (eds) (1995) *Srpsko-rusinski rechnik* [Serbian-Rusin Dictionary]. Novi Sad: Filozofski fakultet.
9. Ramač, Yu., Fejsa, M. & Medieši, G. (eds) (1997) *Srpsko-rusinski rečnik* [Serbian-Rusin Dictionary]. Beograd: Zavod za vidavanje učebn`ikoch.
10. Ramač, Yu. (2002) *Gramatika ruskoj jazika* [Grammar of the Ruthenian Language]. Beograd: Zavod za vidavanje uchebnikokh.
11. Ramač, Yu., Timko-Ditko, O., Medieši, G. & Fejsa, M. (eds) (2010) *Rusko-serbski slovn`ik* [Ruthenian-Serbian Dictionary]. Novi Sad: Filozofski fakultet.
12. Fejsa, M. (2017) Leksičke razlike u govoru Rusina Ruskog Krstura i Kucura [Lexical Differences in the Speech of Rusins in Ruski Krstura and Kucura]. In: Gudurić, S. (ed.) *Jezici i kulture u vremenu i prostoru* [Languages and Cultures in Time and Space]. Vol. 6. Novi Sad: Filozofski fakultet. pp. 351–359.
13. Fejsa, M. (2019a) *Engleski utitsaj na rusinski jezik* [The English Influence on the Rusin Language]. Novi Sad: Filozofski fakultet.
14. Firis, G. (2012) *Prezviska madyarskogo pokhodzene pri bachvansko-srimskikh Rusinokh*. Budapesht: ELTE.
15. Andrić, E. (2012) Nazivi za crvene nijanse u mađarskom jeziku. *Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. 2. pp. 15–33.

16. Berlin, B. & Kay, P. (1969) *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press.
17. Fejsa, M. (2019b) Hromatska terminologija u rusinskom i srpskom jeziku [Chromatic Terminology in Ruthenian and Serbian]. *Studia Slavica Hungarica*. 64(2). pp. 309–320.
18. Gadányi, K. (2007) *Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nykh tsveta v slavyanskykh yazykakh (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, gorvatskogo yazykov)* [Comparative Description of Colour Names in Slavic Languages (On the Material of Russian, Serbian, Slovak, Croatian)]. Melbourne: Academia Press.
19. Munsell, A. H. (1905) *A Color Notation*. Boston: G.H. Ellis Co.
20. Škaljić, A. (1973) *Turcizmi u srpskohrvatskom–hrvatskosrpskom jeziku* [Turkisms in the Serbo-Croatian–Croatian-Serbian Language]. Sarajevo: Svjetlost.

Фейса Михайло – доктор лингвистике, порадни професор за узшу наукову обласц Русинистика – руски язык Оддзелєня за русинистику Филозофского факултета Универзитета у Новим Садзе (Сербия).

Фейса Михайло – доктор лингвистических наук, профессор отделения русинистики философского факультета университета Нового Сада (Сербия).

Mikhaylo Fejsa – University of Novi Sad (Serbia).

E-mail: fejsam@gmail.com

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/14

Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта*

З.И. Резанова¹, И.С. Коршунова²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Авторское резюме

Характеризуются функциональный вариант русского языка, который сформировался в зоне языкового контактирования, в местах компактного проживания носителей шорского, хакасского и татарского языков на юге Западной Сибири. Спонтанная устная речь билингов представлена как самостоятельная подсистема, которая анализируется в соотношении с нормами кодифицированного письменного русского литературного языка. Обсуждаются вопросы: какие типы отклонений от речевого стандарта (ОРС) преобладают в речи тюркско-русских билингов и обнаруживается ли зависимость нарушений речевых норм от возраста и образования носителей языка представителей исследуемого типа билингвизма. Материалом послужили тексты корпуса, размеченного по отклонениям от речевого стандарта, общим объемом около сорока часов звучания. При проведении анализа данные были преобразованы, теги ОРС были объединены по уровням языка (Phon, Morph, Synt, Lex, Disc), файлы загружены в среду языка программирования R. Проведенный статистический анализ показал, что значительно количественно преобладают ОРС, обусловленные особенностями устной спонтанной коммуникации. К ним относятся варианты хезитации и формально-смысловая и функциональная неполнота высказываний. Второе место по частотности занимают нарушения синтаксической связности и конструктивной правильности высказываний. Значительно уступают им ОРС на лексическом и морфологическом уровнях языка. При этом нарушения норм синтаксической

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

связности в большом количестве случаев обнаруживает интерферентную обусловленность влиянием родных языков билингвов. Зависимость распределения ОРС от базовых социолингвистических характеристик носителей билингвизма – возраста и образования – была обнаружена только для групп морфологических и синтаксических ошибок.

Ключевые слова: русский язык, тюркско-русский билингвизм, разговорная речь, региональный вариант русского языка, отклонения от речевого стандарта.

Russian speech in the language contact zone: active trends in deviations from the speech standard*

Z.I.Rezanova¹, I.S. Korshunova²

Tomsk State University

Russia, 634050, Tomsk, 36 Lenin Ave

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Abstract

In the article, the authors characterize the functional version of the Russian language, which was formed in the language contact zone in the places of compact settlement of the the Shor, Khakass, and Tatar speakers in the south of Western Siberia. Spontaneous oral speech of bilinguals is presented as an independent subsystem that can be analysed according to the norms of the written codified Russian literary language. The authors discuss what types of deviations from the speech standard (DLS) prevail in the speech of Turkic-Russian bilinguals and whether deviations of speech norms depend on the basic sociolinguistic characteristics of native speakers – age and education. The material includes about forty hours of recorded texts, marked by deviations from the speech standard. The data were preprocessed before the analysis, with DLS tags combined by language levels: Phon, Morph, Synt, Lex, Disc., and files loaded into the R programming language environment. The statistical analysis has shown significant quantitative predominance of DLS conditioned by oral spontaneous communication. They include variants of hesitation and formal-semantic and functional incompleteness

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority2030).

of utterances. The second most frequent DLS are various types of deviations of syntactic coherence and constructive correctness of utterances. Significantly inferior to them are DLS at the lexical and morphological levels. However, deviations from the norms of syntactic coherence in a significant number of cases manifest interference caused by the influence of native languages of bilinguals. The dependence of DLS distribution on the basic sociolinguistic characteristics of bilingual speakers – age and education – was found only for groups of morphological and syntactic errors.

Keywords: Russian language, Turkic-Russian bilingualism, colloquial speech, regional version of the Russian language, deviations from the speech standard.

Введение. Постановка проблемы

Славянские языки характеризуются весьма вариативными типами контактирования, противопоставленными как по социальным-политическим, культурным условиям, так и собственно лингвистическим (ср., например, [6; 12]). В числе первых наиболее значимыми признаются длительность и условия констатирувания – особенности языковой ситуации в регионе контактирования, характеризуемой по ряду параметров [6].

Среди лингвистических характеристик, влияющих на процессы и результаты контактирования, в качестве важнейшей определяем тип языковых структур вступающих во взаимодействие языков.

В исследованиях языкового контактирования противопоставляются работы, анализирующие следы языковых контактов в структурах языков, и работы, обращенные к актуальным речевым практикам. Приведем лишь некоторые, обсуждавшиеся на конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» на секциях по исторической лексикологии в соответствующих выпусках журнала «Русин» [3; 11] и представляющие длительную традицию исследований по исторической и сравнительной лексикологии славянских языков.

Другой тип работ обращен к изучению взаимодействия языков, отраженных в речевых практиках билингвов, и их когнитивных основ [1].

Русский язык на евразийском пространстве вступает в активное взаимодействие с другими языками как в районах пограничья, так и на обширных территориях доминирования во всех сферах коммуникации, что обуславливает формирование его особых территориальных вариантов, границы и языковые особенности которых динамичны. Подобные территориальные варианты появляются как результат влияния различных факторов. С одной стороны, исследователями выделяются общие тенденции, характерные для языка в

целом, проявляющиеся прежде всего в пополнении нейтрального стиля ресурсами как разговорной литературной, так и некодифицированной русской речи. Эти непрерывно протекающие процессы могут ускоряться в определенные периоды времени, будучи языковым отражением социальных трансформаций, как это было в послеволюционное или перестроечное и постперестроечное время (см. анализ этих процессов в [5; 10]). С другой стороны, динамические процессы могут иметь региональный характер, отражая особенности локальных языковых ситуаций не только в функциональных, но и системно-структурных сдвигах. Так, особенности языковых ситуаций в местах компактного проживания коренного населения обуславливают то, что русский язык, являясь функционально доминирующим, испытывает влияние материнских языков, принадлежащих к разным языковым семьям и типам морфологических структур. Все совместно действующие факторы определяют формирование особого территориально-социального варианта языка, отличия которого от литературной нормы прослеживаются на всех уровнях системы, от фонетического до дискурсивного. Степень устойчивости такого варианта зависит прежде всего от динамики языковой ситуации, проявляющейся в изменениях коммуникативной и этнической мощности вступающих во взаимодействие материнских языков и государственного языка, языка-макропосредника общения в регионе (ср., например, исследование языка русского зарубежья, как западного, так и восточного [6]).

В нашей статье мы обращаемся к характеристике особенностей функционального варианта русского языка, формируемого в местах компактного проживания носителей шорского, хакасского и татарского языков на юге Западной Сибири.

Предметом анализа является устная спонтанная речь говорящих на русском языке носителей названных материнских языков. В подходе к анализу устной речи мы следуем традициям московской школы, сложившейся в 80-е гг. XX в., теоретически и методологически противопоставившей в литературном языке две относительно самостоятельные подсистемы – кодифицированный литературный язык (КЛЯ), реализованный в письменной форме, и русскую разговорную речь (РРР). При описании своеобразных норм РРР в качестве точки отсчета была принята система норм литературной письменной речи (КЛЯ) [4; 9].

Вслед за традицией московской школы исследований РРР мы анализируем устную речь как самостоятельную подсистему, с тем отличием, что мы рассматриваем речь говорящих на русском языке билингов недифференцированно, в аспекте ее принадлежности к

литературной, просторечной и диалектной нормативным системам русского языка.

В статье анализируются актуальные речевые явления, вопрос о их системно-языковом статусе мы выносим за рамки данного исследования. Межъязыковая интерференция также рассматривается как речевое явление в соответствии с классическим определением У. Вайнрайха: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [2: 22].

Данный подход был реализован в созданном в проекте «Языковое и этнокультурное многообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур» корпусе устной русской речи RuTuBic [7], в котором наряду со стандартной морфологической разметкой была реализована ручная разметка отклонений от речевого стандарта (ОРС). В предыдущих исследованиях было установлено, что отклонения от речевого стандарта в речи билингов являются результатом действия многих факторов, взаимодействующих разнонаправленно или солидарно: влияние родного языка, опыт говорения на русском языке в одном из его территориальных вариантов, собственный речевой опыт в условиях особого языкового окружения (русские народные сибирские говоры вторичного образования), условия устной спонтанной речи [8].

Предмет анализа в данной статье – региональный вариант русской речи, складывающийся в условиях языкового контактирования и реализуемый в речевых практиках билингов, родными языками которых является один из тюркских языков (шорский, татарский, сибирский, хакасский). Вариант интерпретируется в одном аспекте: характеризуется система отклонений от усредненной нормы русского литературного языка, зафиксированной в академических словарях и грамматиках. С применением методов статистического анализа мы ответим на вопросы: какие типы ОРС преобладают? Есть ли зависимость ОРС от базовых социолингвистических характеристик носителей языка – возраста и образования?

Материал и методы исследования

В настоящее время в корпусе размеченный по ОРС подкорпус составляет 40 часов 3 минуты, представлено 32 аудиозаписи 28 респондентов, среди них носители первых, материнских языков распределились следующим образом: татарский – 7, хакасский – 6, шорский – 15; распределение по уровню образования: начальное и неполное среднее – 4 (до 9-го класса), среднее и среднее специальное – 6, незаконченное высшее и высшее – 18; по возрастным группам:

первая группа, до 35 лет – 5; вторая возрастная группа, от 35 до 65 лет – 15; третья возрастная группа, от 65 лет – 8.

Кратко охарактеризуем систему разметки отклонений от речевого стандарта в корпусе, представленную в системе тегов. Система тегов соответствует уровням языка и отражает тип ОРС. На фонетическом уровне маркируются особенности произношения отдельных слов и отклонения от норм ударения, теги Phon, PhonAcc (*Я говорю, я же сильно не **мощу** (не мочу); Зимой на **лыжАх** (**лы́жах**) за продуктами ходили*); на морфологическом – отклонения от норм выражения грамматических значений, тег MorphAff (*ой, как там **солдатов** (**солдат**) обнимали, как плакали,*); норм морфологической категоризации, тег MorphNum (*А вы там делайте, чтоб в руках молочный был, **сухая сливка** (**сухие сливки**), да туда разбавляйте, она очень вкусна*), норм выражения деривационных значений, тег DerAff (*...ну, ты мне, на меня посмотри, я ли **колдовка** (**кодунья**) или шаманка*). На синтаксическом уровне маркируются отклонения в установлении отношений падежного управления и способов его формального выражения, теги SyntGov и SyntPrep (*...он в казначействе работал, тоже **ему** (**его**) должность обязывала иметь высшее образование; Их две было, племянницы старшая и младшая, дочери брата, я с **Абакана** (**из Абакана**) вез их*); отклонения от норм согласования по падежу, роду и числу, теги SyntAgrCase, SyntAgrGen SyntAgrNum (*Вот есть возможность поехать в Петербург, поступить на магистратуру, но опять же вот **эти возможностей** (**этих**) нет и материальные как-то; всё, боль невыносимый (невыносимая) уже...; И, э... тут **начались всё** (**началось все**) – перестройка пошла, и прочее, и прочее*); норм семантико-синтаксического сочетания, не связанного с грамматическим управлением и согласованием в словосочетании, тег SyntCon (*И чтобы они были как бы на столе, **что** (**потому что**) они символизируют именно двух молодых людей, которые вот решили соединить, э-э так сказать, свою жизнь*); норм построения синтаксических структур, SyntStruct (*Она пришла и сказала: «**По хакасской** (**по-хакасски**) **нужно** разговаривать дома»*); норм семантико-синтаксического функционирования слов, тег SyntSemFunc: (*...он пришёл, мы с ним досмотрели, э-э, Гарри Поттера и **такие**: «А где кот?»*); семантико-грамматическая неполнота предложения, явление, пограничное с дискурсивным нарушением, где неполнота обусловлена самоперебиванием, тег SyntLess (*Вот есть такая игра Куряж, то есть, это два человека...*

На лексическом уровне теги Lex, LexId фиксируют использование в речи лексем и устойчивых словосочетаний, не относимых к единицам литературной нормы, не зафиксированным в словарях русского литературного языка, либо маркированным в них специальными

пометами диалектизмам, просторечным словам, в том числе грубо просторечным (*Это я районный папштык, а в каждом посёлке ешь ещё свои папштыки избранные: ...потому что, ну, это такое храмное блюдо*). Теги LexSem и LexSemAgr маркируют использование общерусского слова в ином значении и нарушение норм лексико-семантического согласования (*В...в к...какой-то степени да, в какой-то степени надо подпнывать, что вот это надо, вот это надо...; Мы, во-первых, должны были и сценки на своём языке говорить, и песни свои*). К дискурсивным явлениям, маркируемым тегом DiscHes, относим проявления речевых нарушений, обусловленных спонтанностью речи: замена слов, повтор, незавершенное предложение как самоперебивка и самокоррекция, маркеры дискурсивной связности, заполнители пауз и слова-паразиты и т.п.: *Понимаешь, ну, как бы, я, особо, ну, блин...; спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой, тег CodeSw (А, а она по-шорски говорила: «Пульге' пара'мас». Это, пурна'с, то есть, домой пойдём, поменяем)*.

Как было отмечено, анализ проводился на основе размеченных материалов корпуса, в разметке которых принимали участие и авторы данной статьи. Разметка корпуса позволяет проанализировать речевые практики в целом, как территориальный вариант русского языка, складывающийся из разнонаправленных тенденций в условиях языкового контактирования, так и по группам респондентов.

Методика анализа

Для проведения анализа данные были предобработаны: файлы с разметкой ошибок в форматах .doc/.docx были переименованы по одному типу с включением информации о гендерной принадлежности, возрастной группе, образовании и родном языке респондента, также в названиях файлов указывается шифр респондента и тип разметки (например, Sh0030_ж_2_высшее_err_шор). При наличии нескольких записей одного респондента файлы были объединены, теги обозначения речи респондента унифицированы (transcript_resp), файлы загружены в среду языка программирования R. Из общей структуры диалогов и полилогов выделены реплики респондентов, в них удалены служебные теги и пунктуация, далее были выделены и посчитаны теги, маркирующие типы отклонений от речевого стандарта, после чего теги были удалены из реплик респондентов и в них был произведен подсчет количества слов; теги были объединены по уровням языка: Phon, Morph, Synt, Lex, Disc. После этого мы перешли от абсолютных величин к относительным (количество ошибок было разделено на количество слов респондента). Мы добавили информа-

цию о возрастной группе, родном языке, образовании и гендерной принадлежности респондентов.

Результаты анализа

На первом этапе были получены данные соотношения типов ОРС во всех текстах без деления по социально релевантным параметрам респондентов.

Результаты проведенного анализа показали, что значительно количественно преобладают ОРС, обусловленные особенностями устной спонтанной коммуникации: дискурсивные – разные варианты хезитации и формально-смысловая и функциональная неполнота высказываний; на втором месте – синтаксические: разного типа нарушения синтаксической связности и конструктивной правильности высказываний. Значительно уступают им ОРС на лексическом и морфологическом уровнях языка (таблица). В таблице в столбцах отмечены минимальные и максимальные количества ОРС, содержащиеся в репликах одного респондента (Min, Max), медиана и среднее (Median; Mean); первое и третье стандартное отклонение (1st Qu.; 3rd Qu.)

Описательная статистика ОРС в текстах всех групп респондентов

Тип ОРС	Min	1st Qu.	Median	Mean	3rd Qu.	Max
Synt	0,0013	0,0048	0,0068	0,0092	0,0090	0,0420
Phon	0,0005	0,0053	0,0131	0,0151	0,0236	0,0384
Disc	0,0288	0,0556	0,0665	0,0686	0,0830	0,1289
Lex	0,0002	0,0032	0,0043	0,0052	0,0067	0,0107
Morph	0,00	0,0005	0,0016	0,0024	0,0030	0,0122

Для того чтобы провести другие значимые для нашего исследования виды статистического анализа, мы проверили тип статистического распределения всех типов ошибок (Disc, Phon, Synt, Lex, Morph) в текстах всех групп респондентов, а также в соотношении с текстами представителей разных возрастных групп и типа образования (Synt&1, Synt&2, Synt&3, Synt&высшее и т. д.). Не все группы ошибок в текстах, сгруппированных по обозначенным основаниям, имели гауссовское распределение, поэтому далее мы использовали непараметрические методы статистического анализа.

На следующем этапе анализа мы определили степень статистической вероятности появления разного типа ошибок в одном тексте и/или тексте одного респондента. Применение непараметрического метода анализа (корреляция Спирмена) показало, что наибольшая положительная корреляция ОРС была выявлена между морфо-

логическими и синтаксическими ($p = 0,67$); морфологическими и лексическими ($p = 0,602$) отклонениями от речевого стандарта, что обозначает, что в текстах, где преобладает один тип ошибок с высокой долей вероятности, будет преобладать второй тип ошибок. Отрицательные корреляции ОРС дискурсивными и фонетическими ($p = -0,1$), дискурсивными и лексическими ($p = -0,1$) отклонениями от речевого стандарта не достигли значимого уровня (рис. 1).

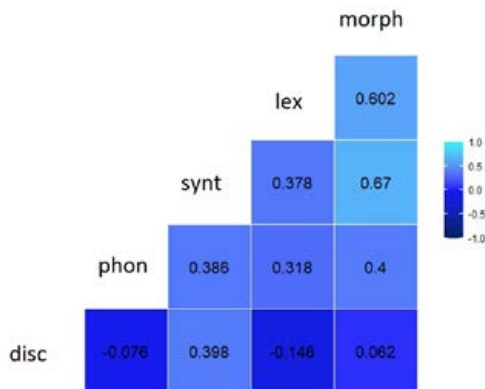

Рис. 1. Корреляционный анализ Спирмена в текстах всех групп респондентов

Далее был проведен анализ распределения групп ОРС относительно объединений респондентов, дифференцированных по возрасту и типу образования. Как отмечалось, респонденты были объединены в три возрастные группы (первая – до 35 лет; вторая – от 35 до 65 лет; третья – от 65 лет) и в три группы по уровню образования (первая – начальное и неполное среднее; вторая – среднее и среднее специальное, третья – незаконченное высшее и высшее).

Проверка типа распределения данных показала, что ненормальное распределение (не соответствующее гауссовскому) было у следующих групп: Synt&3 возрастная группа; Morph&2 возрастная группа; Synt&высшее образование; Morph&высшее образование. Поэтому для анализа корреляций синтаксических и морфологических ОРС и социальных групп билингов был использован критерий Краскела–Уоллиса (непараметрический метод для трёх и более уровней). Для анализа корреляций других типов ОРС и групп респондентов мы использовали однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (параметрический метод для трёх и более уровней).

Статистически значимые различия в распределении ОРС в речи выделенных групп носителей тюркско-русского билингвизма были выявлены для синтаксических и морфологических ОРС. Охарактеризуем их.

Морфологические ошибки и тип образования ($\chi^2 = 12,2229$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0$): статистически значимые результаты были обнаружены при сравнении распределения ОРС в речи респондентов с высшим и начальным ($p = 0,002$) с высшим и средним ($p = 0,007$) образованием (рис. 2).

Морфологические ошибки и возрастные группы ($\chi^2 = 7,5129$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,02$) представлены на рис. 3: статистически значимые различия были установлены в распределении морфологических ОРС в речи представителей второй и третьей ($p = 0,007$), первой и третьей ($p = 0,011$) возрастных групп.

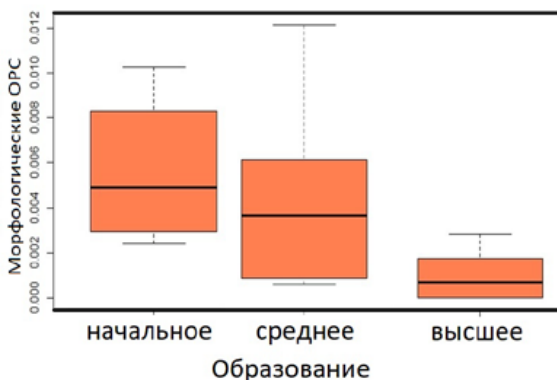

Рис. 2. Диаграммы размаха морфологических ОРС в текстах респондентов с разным уровнем образования

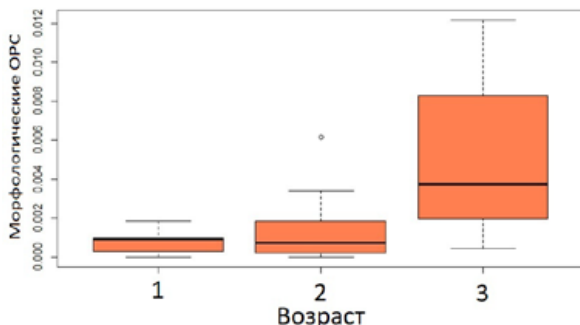

Рис. 3. Диаграммы размаха морфологических ОРС в текстах респондентов трех возрастных групп

Синтаксические ошибки и возрастные группы ($\chi^2 = 6,3634$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,04$): статистически значимые результаты были обнаружены при сравнении типов распределения синтаксических ОПС в речи представителей второй и третьей ($p = 0,012$), первой и третьей ($p = 0,018$) возрастных групп (рис. 4).

Синтаксические ошибки и тип образования ($\chi^2 = 7,8222$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0,02$): статистически значимые результаты были обнаружены только при сравнении синтаксических ОПС в речи респондентов с высшим и начальным образованием ($p = 0,003$), что визуализировано в диаграмме размаха (рис. 5).

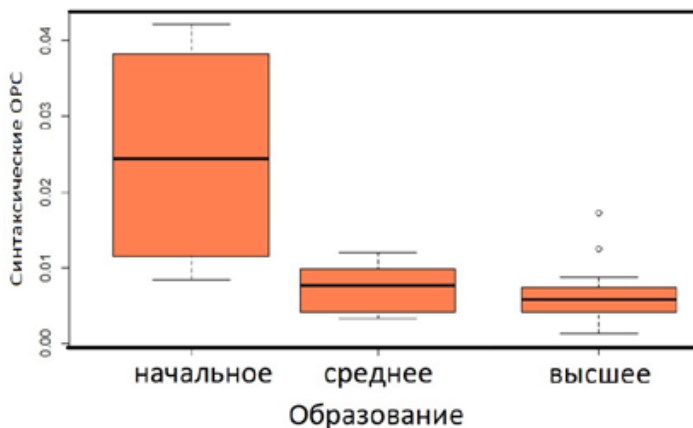

Рис. 4. Диаграммы размаха синтаксических ОПС в текстах респондентов с разным уровнем образования

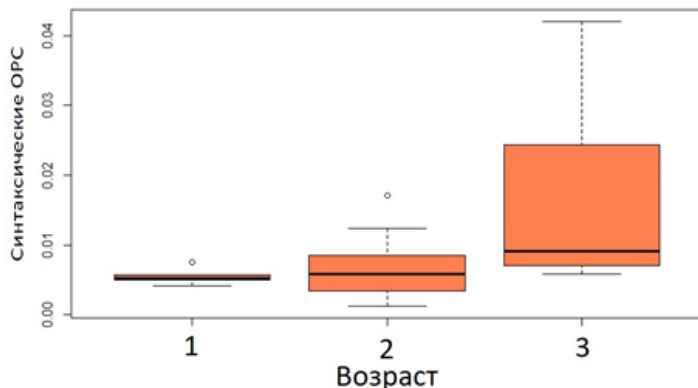

Рис. 5. Диаграммы размаха синтаксических ОПС в текстах респондентов трех возрастных групп

Заключение

Таким образом, статистическая обработка данных о зафиксированных ОРС в региональном варианте русской устной речи билингов, родным языком которых является один из тюркских языков (шорский, татарский сибирский, хакасский), показала, что доминирующим типом являются отклонения от стандарта, обусловленные спонтанным характером речи. Вместе с тем количественное преобладание нарушения норм синтаксической связности в значительном количестве случаев обнаруживает интерферентную обусловленность влиянием родных языков, что было показано нами ранее [8]. Этим же может быть отчасти объяснена положительная корреляция синтаксических и морфологических ОРС. Зависимость распределения ОРС в русской устной спонтанной речи билингов от базовых социолингвистических характеристик носителей языка – возраста и образования – была обнаружена только для групп морфологических и синтаксических ошибок, что также коррелирует отчасти с результатами проведенного нами анализа ОРС в аспекте выявления факторов, их обуславливающих. Проведенный статистический анализ может рассматриваться как довод в пользу того, что дифференциация по уровню образования и возрасту в распределении ОРС выявляется, прежде всего, в зонах наиболее явного проявления интерферентных влияний материнских языков. Однако данный вывод нуждается в дополнительном анализе с привлечением большего объема материала, с проведением дополнительной ручной разметки ОРС по наличию интерференции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акынбекова А.У., Душеева К.А. Речь ребенка-билингва в условиях русско-кыргызского двуязычия // Вестник науки и образования. 2018. Т. 1: Филологические науки, № 5 (41). С. 68–70.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Дронова Л.П. Понятие «тоска/печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи // Русин. 2018. № 2 (52). С. 118–125. DOI: 10.17223/18572685/52/9
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
5. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. 144 с.
6. Оглезнева Е.А. Славянские анклавы в Китае: этническое и языковое

сохранение // Русин. 2018. № 2 (52). С. 77–88. DOI: 10.17223/18572685/52/6.

7. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.

8. Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62

9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983.

10. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.

11. Толстик С.А. Понятие «скромный» в истории русинского языка // Русин. 2018. № 2 (52). С. 161–176. DOI: 10.17223/18572685/52/12

12. Шоля И.С. Влияние экстралингвистических факторов на выбор личных имен ужгородцев в XX в. // Русин. 2020. № 60. С. 227–239. DOI: 10.17223/18572685/60/14

REFERENCES

Akynbekova A.U. & Dusheeva K.A. (2018) Rech' rebenka-bilingva v usloviyakh rusско-kyrgyzskogo dvuyazychiya [The speech of a bilingual child in the conditions of Russian-Kyrgyz bilingualism]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 1(5). pp. 68–70.

Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts. Research status and problems]. Kyiv: Vishcha shkola.

Dronova, L.P. (2018) The concept “melancholy/sadness” in the Rusin language: historical and areal links. *Rusin*. 2(52). pp. 118–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/9

Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Yekaterinburg; Perm: Ural State University.

Oglezneva, E.A. (2018) The Slavic enclaves in China: ethnic and linguistic preservation. *Rusin*. 2(52). pp. 77–88 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/6

Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7

Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations from the speech standard in

the regional version of oral Russian speech: intra-lingual and inter-linguistic interaction. *Rusin*. 62. pp. 144–158 (in Russian). DOI: 10.17223/1857268562

Zemskaya, E.A. (ed.) (1983) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.

Vorontsova, V., Glovinskaya, M., Golanova, E., Ermakova, O. & Zemskaya, E. (2000) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Tolstik, S.A. (2018) The concept “modest” in the history of the Rusin language. *Rusin*. 2(52). pp. 161–176 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/12

Sholia, I.S. (2020) The effect of extralingual factors on the choice of personal names in Uzhhorod in the 20th century. *Rusin*. 60. pp. 227–239 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/60/14

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Rezanova Zoya I. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Коршунова Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Korshunova Irina S. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: korshunova-61818@mail.ru

УДК 811.16, 811.163.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/15

Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики)

Ю.В. Филь¹, И.Я. Конончук²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

Авторское резюме

Исследуются глаголы со смягчительным значением в русском и старославянском языках; описаны частные значения диминутивности в сфере обозначения действия; определены исконности/заимствованности для данных языков префиксальных моделей с по-, при-, под- с семантикой «делать что-либо слегка, не прилагая особых усилий, не в полную меру, недолго, некоторое время». Работа основывается на положениях исследований славянской языковой картины мира, отраженной средствами деривационного уровня. Отмечается, что глаголы с упомянутыми приставками, характеризующиеся высокой продуктивностью в современном русском языке, указывают на смягченный характер обозначаемого действия, выполненного не в полной мере и/или оцененного как таковое, и отражают черты, свойственные менталитету носителей русского языка (неопределенность, эмоциональность, склонность к рефлексии). Выявляется незначительное количество единиц со значением неполноты и ограниченности действия, зафиксированных в старославянских, а также в древнегреческих лексикографических источниках; отмечаются явные различия в оттенках смягчительности по сравнению с русским языком; рост глагольных единиц со значением неполноты действия в церковнославянском языке; расширение спектра частных значений смягчительности. Различие в диминутивных глаголах старославянского и русского языков связывается с особенностями мировосприятия представителей данных лингвокультур. Делается вывод об исконности «смягчительных» моделей для русского языка, значимости для носителей языка данного типа семантики, характеризующей обозначаемые действия с количественного, результативного, временного и других аспектов, актуальных для сферы русского глагола.

Ключевые слова: русский язык, старославянский язык, церковнославянский язык, префиксальный глагол, диминутивная семантика.

The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary)

Y.V. Fil¹, I.Y. Kononchuk²

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

Abstract

The article dwells on the verbs with a diminutive meaning in Russian and Old Slavonic. It describes particular diminutive meanings in action designation and determines originality of prefix models with *po-*, *pod-*, *pri-* with the semantics “to do something a little, without making special efforts, not to the full extent, not for long, for some time” for these languages. The work is based on the studies of the Slavic language picture of the world reflected by derivational means. The authors claim that verbs with these prefixes are highly productive in the modern Russian language. They indicate the diminutive nature of the designated action not fully performed and/or evaluated as such and reflect the mentality of native Russian speakers (uncertainty, emotionality, reflexivity). Old Slavonic and Ancient Greek lexicographic sources contain a small number of units with the meaning of incompleteness and limitation of action. The authors emphasise different shades of attenuation in comparison with the Russian language, an increasing number of verbal units with the meaning of incomplete action in the Old Slavonic language, and the expanded range of particular meanings of attenuation. The difference in diminutive verbs of the Old Slavonic and Russian languages is associated with the peculiar worldviews of their speakers. The authors conclude about the original “attenuation” models in the Russian language. They argue that it was important for native speakers to characterise the designated actions from quantitative, productive, temporal, and other aspects relevant to the sphere of the Russian verb.

Keywords: Russian language, Old Slavonic, Church Slavonic, prefix verbs, diminutive semantics.

Данное исследование направлено на изучение одного из многообразных видов аспектуальных значений русского глагола – смягчительного (диминутивного или аттенуативного в другой терминологии), представляющего не только актуальные для носителя языка смыслы, реализующиеся при отражении действия, но и определенные черты самих носителей языка (*чуть-чуть приоткрыть, немного приспустить, слегка приободрить, полстакана подлить, немного подзабыть, слегка поизноситься, чуть-чуть поворчать* и т. д., т. е. делать/сделать что-либо не в полной мере, слегка, некоторое время). Как представляется, зона количественной аспектуальности наиболее значима для славянских языков, имеет длительную историю формирования, сочетает как денотативный, так и аксиологический смысловые компоненты, которые маркируются префиксальными, реже суффиксальными морфемами.

Развитая диминутивная деривация (и именная, и глагольная) представляет собой специфическую особенность русского языка, объединяющую его с другими славянскими языками и отличающую от деривационных систем других (индоевропейских и неиндоевропейских) языков [21: 195]. По всей видимости, выделенность «диминутивного фрагмента» в картине мира, готовность одних языков к активному использованию диминутивных единиц и сопротивление в отношении их образования и использования других языков свидетельствуют о ценностном предпочтении носителей данного языка, действию определенных стереотипов, особенностях национального характера [13: 86].

Таким образом, наше исследование вписывается в ряд работ, посвященных описанию динамической картины мира, демонстрирующих необходимость и продуктивность обращения в этом аспекте к деривационному уровню, который не в меньшей степени, чем лексический, обладает особой национально-культурной спецификой (см. работы Т.И. Вендиной, О.А. Дмитриевой, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной, З.И. Резановой и др.). Говоря об этническом своеобразии языковых картин мира, З.И. Резанова отмечает яркую черту русского языка – «включенность деривационных механизмов в формирование комплекса оценочных смыслов при явной предрасположенности к насыщению выражаемых рационально-оценочных смыслов эмоциональностью» [8: 196]. В работах Т.И. Вендиной, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной особое внимание уделяется реконструкции древней славянской культуры, сопоставлению близкородственных славянских лингвокультур, как в целом, так и в их отдельных фрагментах. Не обойдена вниманием и русская языковая картина мира, по мнению исследователей, представленная

среди прочих такими семантическими доминантами, как повышенная эмоциональность, высокая оценочность, склонность к рефлексии и саморефлексии, дифференциация рационального и эмоционального, неагентивность, некатегоричность, осторожность, неконтролируемость, неопределенность и др. (см. исследования Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Г.И. Гущиной, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, Е.В. Петрухиной, а также проект томских исследователей, представленный в серии монографий «Картины русского мира»). В сфере обозначения действия в русском языке специфичным является обязательное (даже в большей степени, чем в других славянских языках) «выражение внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия в самой структуре глагольного значения – в грамматических видовых и аспектуальных словообразовательных признаках глагола» [11: 427], маркирующихся префиксами. При этом посредством приставок можно передать широкий спектр смыслов, отражающих названные выше черты русского менталитета. Так, средствами вербализации некатегоричности, эмоциональности, оценочности, неопределенности служат многочисленные в русском языке глаголы с семантикой ослабленного действия («делать что-либо слегка, не прилагая особых усилий, не в полную меру, недолго»): *Когда заиграла музыка, Давиду захотелось вынуть из кармана коробочку, на мгновение **приоткрыть** её, чтобы куколка не простудилась, и показать ей музыкантов* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба); *Но после обеда необходимо вернуться к работе, не поддаваясь соблазну **прилечь** на часок-другой* (Светлана Белыева. И это пройдет // Поиск); *Желая перевести дух, я стал искать местечка, где бы мог **присесть** и немного **пооглядеться*** (М.Н. Загоскин. Вечер на Хопре); – *Вот и хорошо. Нам надо немного **пообсохнуть***. – *Ну ладно* (Борис Левин. Инородное тело); *Решая немного **подзаработать** у китайцев, Паскуале чудом остается жив* (Анна Василенко. Под маской Гоморры // Криминальный отдел); *Урожаен (4–5 кг с куста); устойчив к болезням и вредителям; однолетние побеги могут **подмёрзнуть**, но растение обладает хорошей восстановительной способностью* (Ю. Горбунов. Лох за калиткой // Наука и жизнь) [10].

Как считает Н.Д. Арутюнова, «язык постоянно ищет баланс между неполнотой информации и необходимостью вынести о ней истинное суждение», в результате чего он «избегает категоричности» и обладает целым спектром многочисленных знаков приблизительности (*более или менее, когда-то, какой-нибудь, около* и т. п.) [2: 5–6]. Представляется, что в сфере глагола такими маркерами как раз и являются приставки со смягчительно-ограничительной семантикой – **при-**, **под-**, **по-**. Данные единицы выступают в роли операторов (в терминологи-

гии В.А. Плунгяна, М.А. Кронгауза и др.), «преобразующих исходное значение глагола», сфера их действия – семантика глагола [12: 102]. Приставка-оператор указывает на преобразование значения производящего глагола, в то время как сам глагол указывает на понятийную область, в рамках которой происходит подобное преобразование, т. е. придает качественную специфику единице, параметры которой указаны приставкой. По мнению В.А. Плунгяна, единицы с подобным функционалом (будь то приставки, послелого, наречные слова и др.) крайне распространены в языках [12: 101].

Несмотря на различие в наборе префиксов, маркирующих семантику неполноты действия, в степени их частотности, в спектре частных значений смягчительности (ослабленность, временная ограниченность, второстепенность и т. п.), славянские языки могут быть охарактеризованы как языки со значительным количеством подобных глагольных единиц. Любое действие, осмысленное человеком и отраженное в глагольной единице, представляется носителями языка как имеющее свои параметры, свою степень результативности относительно определенного стереотипа протекания этого действия (ср. *солить* – *посоли́ть* – *недосоли́ть* – *пересоли́ть* – *насоли́ть* – *присоли́ть* – *подсоли́ть* и т. д.). При общности количественных параметров оценивания действия и его результата, принятых в славянских языках, частные значения префиксов, их инвентарь, продуктивность тех или иных «смягчительных» приставок в разных языках варьируются.

В качестве объекта данного исследования нами выбраны глаголы смягчительного способа действия в русском и старославянском языках. Подобные единицы обозначают действие с оттенком неполноты, префикс смягчает полноту проявления действия (за счет сокращения времени его протекания, незначительности результата, неосновного характера данного действия), оценивают его значимость, эффективность. В итоге действие представляется как совершаемое / совершенное немного, слегка, некоторое время, понемногу и время от времени.

Цель исследования – путем сопоставительного анализа указанных старославянских и русских глаголов оценить возможность заимствования «смягчительной» модели из старославянского языка в русский. Часто иноязычные единицы при заимствовании легко ассимилируются и становятся «базой деривации для новых слов по издревле сложившимся продуктивным для языка словообразовательным моделям, тем самым служа доказательством, что этнокультурные особенности ярче всего проявляются в языке его носителей» [20: 161]. Поэтому вполне естественным представляется предположение о возможном влиянии старославянской глагольной подсистемы на русскую, переходе определенных префиксальных моделей (в том

числе со смягчительно-ограничительными приставками) из старославянского языка в церковнославянский и дальнейшем развитии их на почве русского языка.

История изучения глаголов с семантикой смягчительности смыкается с общей аспектологической традицией и наиболее полно отражается в работах А.В. Исаченко, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Е.В. Петрухиной, М.А. Кронгауза, А. Макаровой и др., в которых отмечается круг основных значений приставок и глаголов в смягчительном значении, их семантические пересечения, особенности функционирования подобных единиц, в том числе зависимость от контекста, синонимия приставок **при-** и **под-**, большая смысловая абстрактность **по-**.

Наиболее значимыми в аспекте предпринятого исследования являются работы З.И. Годизовой, О. А. Димитриевой, Л.В. Табаченко, Л.И. Ройзензона, в которых рассматриваются история префиксов **при-**, **по-**, **под-** в русском языке, постепенное формирование вторичных смягчительных значений наряду с первичными пространственными, участие в видовой корреляции, деривационный потенциал.

Смягчительные глаголы предполагают сравнение реально совершаемого действия (в ослабленной степени, ограниченного по времени) с типичным (протекавшим в полной мере, за обычный для него временной период). Приставки в подобных единицах выполняют одновременно несколько функций: *дескриптивную* (обозначают действие совместно с глагольной основой), *оценочную* (указывают на характеристику количественного объема действия и качество результата; меньше, чем обычно, следовательно, менее значимо, чем обычно, возможно, второстепенно, дополнительно) и *игровую* – являются показателями намеренной саморефлексии или рефлексии в отношении обозначаемой ситуации, иронии; носителями языка осознается, что не всегда действие, обозначенное как выполненное неполно, таковым является, ср.: *привстал со стула и сразу же сел и встал и пошел; приоткрыл дверь, чтобы в щелочку подглядывать, и приоткрыл дверь так, что с ног сквозняком сносит*. В данных глаголах часто выражается несколько снисходительное, но доброжелательное отношение к действию и его субъекту [7: 120], а неопределенность в характеристике действия может быть вызвана «дипломатическими ходами», «стилистическими приемами» [1: 184].

Остановимся на исследуемых глаголах подробнее. Наиболее древними среди рассматриваемых единиц считаются глаголы с префиксом **при-**, выступающим в качестве первичного и вторичного. По мнению З.И. Годизовой, интенсивные значения приставки (в том числе смягчительное) сформировались в старорусском языке, но отдельные

единицы со значением неполноты действия отмечались уже в древнерусский период [4: 34]. На продуктивность префиксальной модели с вторичной смягчительной приставкой **при-** в древнерусский период указывает Л.И. Ройзензон [14: 76]. Не перестают быть продуктивными данные единицы и в современном русском языке, это глаголы движения, речи, физического воздействия, состояния, ментальные глаголы (*привстать, приумолкнуть, принадвинуть, приоткрыть, привянуть, приозябнуть, призадуматься* и т. п.).

К смягчительным глаголам с **при-** следует отнести глаголы с приставкой в значении «дополнительного воздействия на объект, прибавления чего-то к тому, что уже имеется». В данном случае это значение не отменяет диминутивного оттенка единицы, значения смягчительности и дополнительности логически взаимосвязаны: часть объекта, которую прибавляют, обычно оказывается меньше самого объекта, к которому происходит прибавление (*призаять денег, принаять работников, прикупить ещё зерна*) [9: 132]. Аналогичная семантика характерна и для глаголов с префиксом **под-** (*подлить воды, подзаработать денег, подгладить платье*), которые обозначают «ситуации, воспроизводимые повторно», «с какими-то уменьшенными исходными параметрами», «с ослабленной интенсивностью», в результате чего «возникает очень важное неравноправие исходной и производной ситуации: приставка **под-** вводит заведомо редуцированную, “уменьшенную” реализацию исходной ситуации» [12: 110].

Следующую группу глаголов с исследуемой семантикой составляют единицы с приставкой **по-** ограничительного (делимитативного) способа действия, способной сочетаться с широким кругом глагольных основ: глаголы конкретного физического действия, местопребывания, перемещения, движения, состояния, интеллектуально-психической деятельности (*посидеть, полежать, повыждать, пооглядеться, пораздумать, поиздержаться, поизмываться* и т. д.). Подобные глаголы обозначают небольшую «порцию» действия, ограниченного временем [7: 111].

Ограниченность действия может проявляться по-разному: за счет ограничения длительности действия (*повыждать немного, побыть с часок*), ограничения количества объекта или воздействия на объект не тотально, а в некоторых местах (*позалатать рубашку, повыдавить пасты*), смягчения проявления действия, его малой степени интенсивности (*немного порасспросить, порассказать*). По мнению исследователей, пространственное значение данный префикс в русском языке довольно рано сменил на количественное [4], при этом наиболее продуктивным он оказался в прерывисто-смягчительном

значении в комплексе с суффиксами **-ыва-/-ива-** «делать что-то понемногу, время от времени» (*покальывать, покашливать, побаливать, подумывать*; ср. также *подшучивать, прихрамывать*). З.И. Годизова отмечает, что подобные глаголы достигают самой высокой активности в русском языке в XVII в. [4: 33].

Менее продуктивными в русском языке (в сравнении с **при-** и **по-**) глаголами со смягчительной семантикой являются единицы с префиксом **под-**. Среди подобных единиц выделяются глаголы физического воздействия на объект, движения, состояния, некоторые глаголы ментально-психической сферы (*подзатянуть, подлить, поднажать, поднатужиться, подзавянуть и подвянуть, подзамёрзнуть и подмёрзнуть, подразведать, подпортить* и т. д.). Отметим, что подобные единицы в большей степени характерны для литературного языка, чем для говоров, они практически не зафиксированы в диалектных словарях, а также малоактивны в других славянских языках [9].

Итак, в русском языке функционируют следующие типы единиц с префиксами **при-**, **по-** и **под-** с разными оттенками смягчительного, ослабленного значения.

1. Глаголы с чистым смягчительным значением, предполагающие осуществление действия или проявление состояния в несколько ослабленной степени по сравнению с обычным протеканием данного действия (*привстать, подзабыть, поосмотреться*).

2. Глаголы с ограничительным значением приставки, как следствие, предполагающим неполное, «смягченное» действие, совершенное в течение некоторого, чаще непродолжительного времени, не успевшее достичь полноты результата (*поахать, поспать, поразмяться*).

3. Глаголы, сочетающие в себе дополнительное и смягчительное значения, отображающие действие как добавление, дополнение, прибавление к чему-либо основному (*приписать, подзаработать*), которое расценивается как меньшее по объему и результату, второстепенное по сравнению с основным.

4. Глаголы с прерывисто-смягчительным значением, обозначающие действие, протекающее с неопределенной длительностью и повторяемостью, с перерывами, время от времени, в ослабленной степени (*покачивать, подкашливать, прихрамывать*).

Таким образом, в русском языке отмечается количественное (более 900 единиц [15]) и качественное разнообразие «смягчительных» глаголов, при этом некоторые единицы не зафиксированы в словарях, однако функционируют в речи (*притупить* (немного не понять), *подперчить* (добавить немного скабрзности в текст) и др. [10]). В целом префиксальные «смягчительные» модели представляются продуктивными.

На следующем этапе исследования был рассмотрен материал старославянского языка. Объектом исследования в данном случае выступали глаголы, зафиксированные в словарях старославянского языка [17; 18].

Проведенный анализ глаголов с префиксами **при-**, **по-**, **под-** позволяет утверждать, что в преобладающем большинстве данные префиксы использовались в старославянском языке в пространственном или результативном значении: **приклонити**; **привязати**; **прикасати** **с**; **подложити**; **подвести**; **подъдръжати**; **подвисати** – двинуть, поднять; **повести**; **побьлити** и т. д. [17; 18]. Однако единичные случаи указанных оттенков смягчительной семантики у старославянских глаголов все-таки встречаются. Среди них глаголы с префиксом **по-** в ограничительном значении: **повити** – повить, обернуть (разово, некоторое время); **пожити** – жить, пожить (недолго, некоторое время); **походити** – ходить, походить, обходить; с префиксом **при-** в смягчительном значении: **приломити** – надломить, и в значении дополнительного действия (в том числе с оттенком диминутивности) – **прикладати** – прибавлять; **прикоупити** – заработать, присоединить; **придати** – добавить, прибавить [17; 18]. Среди глаголов с префиксом **под-** глаголов со смягчительной семантикой не найдено.

При этом отмечается вариативность значений префиксов, сохранившаяся и в современных языках. Так, у префикса **по-** варьируются диминутивно-ограничительное и дистрибутивное значения: **пожити** – пожить недолго и **повьпрошати** – расспросить всех. Подобная вариативность нейтрализуется в контексте (как в ближайшем, т. е. в сочетании префикса и глагольной основы, первичного и вторичного префиксов, так и в расширенном – в предложении через соседнее окружение глагола). Ср. **побыти** (побыть некоторое время): **Тьмъ же и воєводовьскыи сань приимъ и побысть в немъ мало / побьгати** (убегать): **Вьси побьггахъ** [18].

Префикс **по-** в своей семантике не имеет направленности на какой-то пространственный предел (в отличие от **при-** или **под-**) и развивает ряд значений, маркирующих завершенность действия, начало движения (в современном русском языке префикс также характеризуется наиболее абстрактным среди других приставок значением, свободным от указания на пространственные ориентиры, наиболее близким к значению общего результата). Конкретное перемещение объекта со временем стало расцениваться как абстрактное действие вообще. Такая семантическая эволюция префиксальной семантики естественна для славянских языков, где развивались категория степеней действия, а затем категория вида. Судя по частотности данных единиц в старославянском, а затем в церковнославянском языке,

они могут расцениваться как вполне узуальные глагольные образования, в высокой степени продуктивные. Значение префикса в ряде случаев пересекается со значением глагола, налагается на него, в итоге приставка ассимилируется глагольной основой. Это особенно видно в глаголах **поникаѣти**, **послабѣти**, в которых отмечается скорее общерезультативное значение приставки, чем ограничительное (что подтверждается дефиницией: **поникаѣти** – опускаться, **послабѣти** – ослабить, развязать).

Проведенный анализ старославянского материала позволяет утверждать, что глаголы со значением неполноты и ограниченности действия представлены в старославянском языке, однако количество подобных единиц, зафиксированное в словарях, крайне незначительно. Отметим, что описание значения старославянских глаголов в словарях прежде всего сосредоточено на лексической семантике всей единицы (часто без учета значения префикса, в отличие от лексикографических источников церковнославянского языка), в том числе на ее соотносительности с соответствующей древнегреческой единицей. Поэтому далее были рассмотрены древнегреческие аналоги исследуемых старославянских глаголов как возможные источники значений неполноты действия, воспринятые старославянскими единицами через прямое значение смягчительности, ограниченности, дополнительности или через семантические трансформации других значений префиксальных единиц.

Анализ древнегреческих аналогов старославянских глаголов с приставками, способными выражать значение неполноты, смягчительности, добавочности и т. п., демонстрирует значительное многообразие данных единиц, в их семантике отмечается акцент на пространственные пределы действия, его результативность.

Так, например, у глагола **походѣти** (ходить, походить, подходить) в словаре зафиксирован древнегреческий аналог **ἔρχεσθαι**: 1) приходить, прибывать; 2) приходить на помощь и др. Древнегреческий аналог глагола **повъпрошати** (спросить, спросить) **ἐπερωτᾶν** имеет значения: 1) снова спрашивать; 2) спрашивать; 3) вопрошать и т. д. В нескольких зафиксированных в словарях единицах с **под-** отмечается пространственное значение префикса как в старославянском, так и в древнегреческом языках: **подъстълати** – **ὑποστρώννυμι**: 1) подстилать; 2) постилать, стлать и т. д. Глагол **подъкоповати** (подкапывать): соотносится с аналогичным древнегреческим глаголом **διούρσσειν** – 1) прокапывать, прорывать; 2) вести подкоп, проламывать; 3) раскапывать, разрывать, а также 6) подкапывать, подрывать, разрушать и др. Для аналога глагола **прикоупѣти** (заработать, приобрести) **κερδαίνειν** характерно значение: 1) получить прибыль, пользу, а у

глагола **συνάπτειν** (**прикоупляти**) отмечаются значения: 1) связывать, соединять, сочетать, а также 7) прилагать, примыкать, простираться; 8) находиться в связи, соприкасаться; 9) приближаться, быть близким [5; 18].

Как видим, смягчительная семантика в рассмотренных глаголах практически отсутствует, однако обращение к значениям древнегреческих приставок, встречающихся у глаголов-аналогов старославянских единиц, позволяет отметить значения, входящие в сферу смягчительности. Так, у приставки **κατα-** находим значения: 1) движение вниз (**καταβάλλω**); 2) противодействие или враждебность (**καταγελᾶω**, **καταβοᾶω**); 3) усиление (**κατακόπτω**); 4) переходность (**καταθρηνέω**); 5) завершённость (**καταφαγεῖν**), а также в глаголе **κατάγγυμι** 2) надламывать, подрывать, ослаблять [5].

Для приставки **παρα-** характерны значения: 1) рядоположенность, смежность (**παρίστημι**, **παράλληλοι**); 2) движение мимо (**παροίχομαι**, **παρατρέχω**), а также 5) передельвание, изменение (**παράλλασσω**, **παραπέιθω**); при этом в некоторых выражениях приставка обозначает приближение к какому-либо качеству или состоянию (**παρ' ὀλίγον εἶναι** – ничего не значить, мало значить) [5].

Среди значений приставки **ὑπο-** выделяются: 1) под- (**ὑπόγειος**); 2) подчинённость (**ὑποστράτηγος**); 3) скрытость, незаметность или постепенность (**ὑπέρχομαι** и т. д.), а также 4) ослабленность, при-близительность качества (**ὑπόλευκος** – беловатый, белесоватый; **ὑπύγλαυκος** – синеватый). Кроме того, отмечаются многочисленные глаголы, в которых присоединение приставки приводит к формированию у них семантики ослабленности действия, его неполноты: **ὑποβαρβαρίζω** – говорить несколько ломаным языком, немного коверкать язык; **ὑποβήσσω**, **ὑποβήπτω** – покашливать; **ὑπογίγνομαι**, ион. **ὑπογίνομαι** (**γί**) – постепенно зарождаться, мало-помалу возникать (**τά ὀμματα** Хен.); **ὑποκλαίω** – тихо плакать; **ὑποκλάω** – надламывать; **ὑποκορίζομαι** – называть смягчённым словом, употреблять уменьшительные имена, умялять, уничижать; **ὑποβρέχω**: 1) немного увлажнять, **υποβεβρεγμένος** – немного выпивший; 2) слегка напиваться [5]. Следует отметить, что в словарях старославянского языка аналогичные единицы отсутствуют.

Для приставки **προσ-** среди прочих значений (а именно: 1) направление (**προσέρχομαι**); 3) смежность или близость (**πρόσκειμαι**) и т. д.) отмечается значение 2) добавление (**προστίθημι**: 1) прикладывать, приставлять, а также 7) приписывать) [5].

Интересен в аспекте данного исследования и префикс **ἐπι-** со значениями: 1) пребывание на чем-л. (**επειμι**) или помещение на что-л. (**ἐπίθημα**); 2) движение против чего-л. (**ἐπιστρατεύω**), к чему-л.

(*ἐπιβοάω*) или до чего-л. (*ἐπιτελέω*); 3) сопровождение (*ἐπαυλέω*); 4) прибавление, избыток (*ἐπιδίδωμι*: 1) (также или сверх того) давать, отдавать, передавать, 8) увеличиваться, расти, разрастаться, возрастать; *ἐπίκτητος* – (вновь) приобретённый) и др. [5]. Зафиксированный в Материалах для Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского глагол *приглаголати* имеет аналог *ἐπιλέγειν* – (после чего-л. или при чём-л.) говорить, (к сказанному) добавлять, присовокуплять [5; 19], что можно характеризовать как смысловой оттенок дополнительности, добавочности.

Таким образом, у рассмотренных древнегреческих префиксов наблюдаем отдельные значения – «приблизительность качества», «незначительность действия, ее малая степень», «добавление к чему-то уже имеющемуся», которые можно, как уже отмечалось, причислить к спектру смысловых оттенков смягчительности. Как и в случае с современными славянскими приставками, здесь пространственные и направительные значения приближения к чему-либо, направленность на пространственный предел трансформируются в значения временные и количественные для обозначения незначительности производимого действия, его подобия действию, выполненному в полной мере. В целом отпространственные смыслы рождаются посредством переосмысления пространственного значения, его распространения на сферу обозначения других обстоятельственных характеристик обозначаемого действия. При этом считать, что древнегреческие приставки абсолютно аналогичны славянским аналогам, выступающим в качестве аффиксов в старославянских глаголах, нельзя.

Делая предварительные выводы по рассмотренному материалу, следует отметить незначительное количество «смягчительных» глаголов в старославянском языке и практически отсутствие аналогичных значений у древнегреческих глаголов и префиксов, выступавших аналогами старославянских единиц и зафиксированных в лексикографических источниках (несмотря на наличие значений неполноты действия, добавочности у древнегреческих префиксов *ἐπι-, ὑπο-, παρα-*). При этом некоторые из деривационных моделей, «почерпнутые» из древнегреческого языка, через посредство старославянского языка попадали в словообразовательную систему русского языка и развивались в ней далее. (Ср. древнегреческие глаголы с префиксом *προ-* в значении заранее совершенного, предварительного действия – *προαναίρέω* (заранее уничтожать, губить), *προεπαγγέλλω* (заранее возвещать) и старославянские единицы с приставкой *прѣд-* – *прѣдъпоказати* (заранее указать), *прѣдъполагати* (предполагать); древнегреческие глаголы с префиксом *συν-* в значении одновременности действия – *συγκαθίημι* (одновременно

опускать, складывать), *суукатаѿѡѡ* (жить вместе) и старославянские единицы с приставкой **сь-** с аналогичным значением совместности действия – *сьпогрести* (похоронить вместе с кем-либо), *сьпожити* (пожить вместе с кем-либо) и др.)

По всей видимости, смягчительно-ограничительная семантика оказалась незначимой в старославянских текстах, в центре внимания которых находились прежде всего вопросы веры, духовной жизни человека, его жизненных установок и ценностей, указания на «полудействия», на степень их результативности, на неопределенность в описании обозначаемых ситуаций не требовалось, «диминутивный фрагмент» картины мира древнего славянина IX–XI вв., как представляется, отсутствовал. Кроме того, живой, игровой характер «смягчительных» единиц, поддерживаемый специальным контекстом, не коррелирует со старославянскими текстами, задумывавшимися как высокая литература, призванная нести истину.

Полный спектр количественно-аспектуальных значений славянских приставок, в том числе смягчительности, неполноты, ограничительности, сложился позднее. Словарь русского языка XI–XVII вв., Материалы для Словаря древнерусского языка, а также Полный церковнославянский словарь Григория Дьяченко [6; 16; 19] свидетельствуют о значительно большем (по сравнению с зафиксированными в словарях старославянского языка) количестве глаголов со значением неполноты действия. Проведенный анализ единиц с префиксами **при-**, **под-**, **по-** демонстрирует значимость для носителя языка смягчительно-ограничительных значений, характеризующих обозначаемые действия с количественного, результативного, временного и других аспектов. Подобные значения выражались в церковнославянском и древнерусском языках глаголами с приставкой **по-**: *побольти* – поскорбеть, потужить; *посвирати* – поиграть в свирель; *побыти* – побыть несколько времени; *пожити* – пожить некоторое время; *поубыти* – убыть несколько, уменьшиться; *поудержати* – удержать на некоторое время, *поугнуити* – дать некоторое время погнуть, побродить; *поужаснутися* – поужасаться некоторое время; *поукръпити* – укрепить в некоторой степени; *поукрытися* – спрятаться на некоторое время; *похльбати* – похлевать [6; 16; 19].

Вызывает интерес большее, чем с другими приставками, сочетание префикса **по-** с глаголом, уже имеющим приставку **у-**. Вторичный в данном случае префикс взаимодействует с первичной приставкой и корнем, внося общее значение неполноты, ограниченности действия, указывает на то, что оно совершенно не в той мере, в какой должно быть. Тем более что приставка **у-** явно указывает на завершенность действия, как правило, в результате его интенсивного исполнения

(можно укрепить до конца, а можно слегка, чтобы сейчас, в данный момент что-то не разрушилось; можно сгноить что-то вообще, а можно дать совершиться действию не в полной мере, отведя на это небольшое количество времени). Таким образом многоприставочный глагол позволяет обозначить сложное в аспектологическом смысле действие: происходит совмещение значений, выраженных первичной и вторичной приставками, их приспособление друг к другу.

Не менее продуктивна в выражении неполноты, ограниченности действия приставка **при-**: **пригашати** – слегка гасить; **пригнути** – пригнуть; **призадуматиса**; **призолотити** – слегка позолотить, местами; **присиживати** – садиться на короткое время; **прислабнути** – несколько ослабнуть; **притихнути** – несколько успокоиться (чаще о больном); **притыхати** – становиться несколько затхлым (о зерне); **приумолкнути** – умолкнуть на короткое время; **прихворати** – заболеть на некоторое время; **причеркнути** – кратко написать; **пришепеливати** – слегка шепелявить [6; 16; 19]. Не менее продуктивен данный префикс и в значении дополнительного действия: **привозлагати** – лишнее добавлять; **прижптити** – прикупить, приобрести; **приливати** – подливать, доливать; **приложити** – прибавить, добавить; **примышляти** – прибавлять к прежнему приобретению; **приввести** – ввести дополнительно; привнести – внести дополнительно; **придълити** – придать, прибавить; **придати** – придать, добавить; **придобыти** – добыть к уже имеющемуся; **приистоцити** – истратить дополнительно; **припрашивати** – просить что-то вдобавок; **присажати** – сажать дополнительно и др. [6; 16; 19].

Особо следует отметить, что в дефинициях указанных глаголов прямо (через указатели «мало», «слегка», «некоторое время») или опосредованно (через приводимые контексты (**мало врьма, хльбца немношко, часть села** и т. п.) маркируется смягчительно-ограничительная семантика единиц.

Церковнославянские глаголы с приставкой **под-**, как правило, сохраняют семантические компоненты «снизу», «сбоку» и не реализуют смягчительно- и добавочного значения (как в русском языке): **подниматиса**; **подъпирати**; **подължити** – облупить снизу; **подпръти** – подгнуть (под снегом), а также переносное **подъмълвивати** – подстрекать [19].

Отметим, что значительное количество глаголов со смягчительно-ограничительным префиксом **по-**, как уже отмечалось, вполне объясняется его свободным от указания на пространственный предел значением, развившимся далее в отпространственное значение ограничения действия в целом, близостью его семантики к общерезультативной.

Что касается приставки **при-**, то для нее исконным значением в славянских языках было пространственное – «приближение к какой-то точке», «близость к чему-то». По мнению исследователей, такое действие протекает по поверхности, неглубоко, приставка «оставляет невыраженной сему предела перемещения» [3: 37–38]. Смягчительное значение префикса формируется как результат семантической трансформации пространственной семантики: приближение к чему-то без нарушения границ трактуется как не абсолютное, то есть неполное приближение, а значит, неполное действие вообще. Пространственные параметры действия («близость чего-то», «приближение к чему-то») преобразуются в количественные показатели, указывают на неполный охват действием объекта, малую степень интенсивности действия. Как уже отмечалось, приставка в данном случае выступает как своего рода оператор, профилирующий называемую глаголом тематическую область, указывающий на то, что действие реализуется не в полной мере по сравнению с аналогичным действием при его обычном течении.

Сравнивая исконные пространственные значения приставок **при-** и **под-**, можно увидеть, что **под-** сохраняет в своей семантике сему «непосредственной близости», пространственную характеристику «снизу», «рядом», а **при-** в исследуемых глаголах актуализирует семы «приближения», «появления» объекта, не маркируя место присоединения к нему. На наш взгляд, последняя характеристика, сохраняющаяся и в диминутивном значении приставки, делает возможным сочетание смягчительного префикса **при-** с широким кругом глагольных основ. Конкретные с пространственной точки зрения семы «снизу вверх», «сбоку и снизу» делают приставку **под-** более «разборчивой» по сравнению с **при-** в сочетании с глагольными основами и первичными префиксами, которые на уровне денотативного значения не должны противоречить указанным выше семам: **подвстать* (но *привстать*) и, наоборот, **принакидать* (но *поднакидать*) и т. п.) [9: 136]. При этом для современного русского языка с его развитой «системой» смягчительных смыслов возможна и синонимия префиксов, если они выступают как вторичные: *подзавянуть* – *призавянуть*, *поднатужиться* – *принатужиться*; *подзадержаться* – *призадержаться*. Подобная конкуренция приставок (с точки зрения современного русского языка) для старославянского (а также церковнославянского) языка была не характерна еще и потому, что префикс **под-** в принципе малопродуктивен в старославянском, а затем и в церковнославянском языке. Как считает З.И. Годизова, образование основного массива русских аттенуативных (смягчительных) глаголов с **под-** приходится на XVI–XVII вв. [4: 38].

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует собственную траекторию развития диминутивных средств в сфере обозначения действия в русском языке, невозможность заимствования «смягчительных» префиксальных моделей из старославянского языка в русский из-за крайне незначительного количества в старославянском языке префиксальных глаголов со смягчительной семантикой. При этом в данном языке отмечается преобладание пространственных и предельных значений по сравнению с другими у приставок **при-, по-, под-**, выступающих в русском языке маркерами диминутивной семантики. Для церковнославянского и далее русского языков характерны наращивание спектра значений смягчительности (неполноты действия, добавочного действия, прерывистого действия и т.д.), своего рода конкуренция смягчительных приставок **при-** и **по-**; наблюдается постепенное введение в оборот приставки **под-** с пространственной семантикой в церковнославянском языке и в добавочном и смягчительном значениях в русском языке. Для глаголов со смягчительной семантикой, функционирующих в русском языке, характерно приращение новыми единицами на протяжении нескольких веков, что свидетельствует о значимости данных единиц для носителей языка. По всей видимости, смягчительность является неотъемлемым свойством русского глагола, отражающим общие тенденции в интерпретации действия в языке с учетом особенностей русского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 182–189.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 3–6.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. 196 с.
4. Годизова З.И. История глаголов интенсивных способов действия в русском языке IX–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2012. 52 с.
5. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. М.: ГИС, 1958. Т. 1–2. 1904 с.
6. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Типография Вильде, 1899. 1159 с.

7. *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (Studia philologica)
8. *Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / [Л.П. Дронова, Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунин и др.]; отв. ред. З.И. Резанова.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 356 с.
9. *Королева Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.
10. ациональный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.05.2022).
11. *Петрухина Е.В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // *Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ Пленарные заседания.* СПб., 2003. С. 426–433.
12. *Плунгян В.А.* Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // *Московский лингвистический журнал.* 2001. Т. 5, № 1. С. 95–124.
13. *Резниченко Л.Ю.* Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвopsихологической картины мира // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2009. № 5. С. 85–92.
14. *Ройзензон Л.И.* Славянская глагольная полипрефиксация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
15. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.
16. *Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова.* М.: Наука, 1992. Вып. 18. 290 с.
17. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова.* М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
18. *Словарь старославянского языка: в 4 т. / под ред. Р.А. Алексеев, А.С. Герд.* СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. Т. 3. 680 с.
19. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2. 919 с.
20. *Старикова Г.Н.* Номинативный состав языка русинов как отражение национально-специфических условий жизни народа // *Русин.* 2019. № 56. С. 149–165. DOI: 10.17223/18572685/56/9
21. *Филь Ю.В., Резанова З.И.* Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках // *Русин.* 2018. № 2 (52). С. 193–206. DOI: 10.17223/18572685/52/14

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1995) Neopredelennost' priznaka v russkom diskurse [Uncertainty of a sign in Russian discourse]. In: Rybtseva, N.K. & Arutyunova, N.D. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical

Analysis of Language. Truth and Verity in Culture and Language]. Moscow: Nauka. pp. 182–189.

2. Arutyunova, N.D. (1995) Ot redaktora [Editorial] In: Rybtseva, N.K. & Arutyunova, N.D. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Truth and Verity in Culture and Language]. Moscow: Nauka. pp. 3–6 (in Russian).

3. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: the semantic structure and systemic relationships]. Voronezh: Voronezh State University.

4. Godizova, Z.I. (2012) *Istoriya glagolov intensivnykh sposobov deystviya v russkom yazyke IX–XVII vv.* [The history of verbs of intensive modes of action in the Russian language of the 9th –17th centuries]: Abstract of Philology Dr. Diss. Vladikavkaz.

5. Dvoret'skiy, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 vols]. Moscow: GIS.

6. Dyachenko, G. (1899) *Polnyy tserkovnoslavjanskiy slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Tipografiya Vil'de.

7. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

8. Dronova, L.P., Ermolenkina, L.I., Katunin D.A. et al. (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.

9. Koroleva, Yu.V. (2003) *Poliprefiksial'nye glagoly v russkom yazyke* [Multi-prefixal verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

10. Ruscorpora.ru. (n.d.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.rus-corpora.ru> (Accessed: 30th May 2022).

11. Petrukhina, E.V. (2003) Dominantnye cherty russkoy yazykovoy kartiny mira (v sravnenii s cheshskoy) [Dominant features of the Russian language picture of the world (in comparison with the Czech one)]. *Russkoe slovo v mirovoy kul'ture* [Russian Word in World Culture]. Proc. of the Tenth Congress. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 426–433.

12. Plungyan, V.A. (2001) Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti [The prefix pod- in Russian: to the description of the semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). pp. 95–124.

13. Reznichenko, L.Yu. (2009) Diminutivnost' kak sredstvo modelirovaniya lingvokul'turnoy i lingvopsikhologicheskoy kartiny mira [Diminutiveness as a means of modeling the linguocultural and linguopsychological picture of the world]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 85–92 (in Russian).

14. Royzenzon, L.I. (1970) *Slavyanskaya glagol'naya poliprefiksatsiya* [Slavic verbal polyprefixation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

15. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th century]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
17. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th century)]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Alekseev, A.A. & Gerd, A.S. (eds) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka* [Dictionary of the Old Slavonic Language]. Vol.3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
19. Sreznevskiy, I. I. (2003) *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Znack.
20. Starikova, G.N. (2019) The nominative composition of the Rusin language as the evidence of the culture-specific living conditions of the people. *Rusin*. 56. pp. 149–165 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/9
21. Fil, Yu.V. & Rezanova, Z.I. (2018) Dame si pivko nebo cajicek? Genre and contextual conditions of diminutives use in Russian and Czech languages. *Rusin*. 2(52). pp. 193–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/14

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inessa Y. Kononchuk – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/16

Русская речь в китайском Трехречье: языковые особенности

Е.А. Оглезнева¹, О.В. Пустовалов²

¹Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 634003, Томск, Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

²Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай

E-mail: pustovalowol@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируется русская речь потомков переселенцев из России в китайское Трехречье, а именно в район Внутренняя Монголия КНР в XX в. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения различных форм бытования современного русского национального языка, в том числе в зарубежье. Источником для изучения русского языка в китайском Трехречье выступили как устные, так и письменные материалы, собранные авторами в 2017–2018 гг. во время научных экспедиций в Русскую национальную волость Эньхэ (КНР). Исследование русской речи потомков переселенцев из России в китайское Трехречье показало наличие в ней отклонений от норм русского литературного языка. Это обусловлено бытованием русского языка в диалектной форме, а также интерференцией под влиянием китайского языка. Установлено, что русские говоры Трехречья генетически связаны с русскими говорами Восточного Забайкалья, а те, в свою очередь, – с севернорусскими говорами. Диалектные особенности русских говоров китайского Трехречья позволяют отнести их к говорам переходного типа на севернорусской основе. Отсутствие внешних факторов влияния на диалектный русский язык со стороны других его идиомов обусловило консервацию названной диалектной формы русского языка в Трехречье до начала XXI в. В статье рассматривается как диалектное своеобразие русской речи в Трехречье на разных уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, так и случаи межъязыковой интерференции, возникшие в результате влияния китайского языка на русскую диалектную систему. Проанализирована фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая интерференция и типичные случаи ее проявления. Определены факторы, которые

вливают на интенсивность проявления интерференции: поколение, образование, профессия, языковая среда. Описание активных зон взаимодействия типологически различных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингов позволило обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма. Выводы исследования характеризуются новизной: изучен один из вариантов существования русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье – в китайском Трехречье, специфика которого проявляется в сохранении в нем русской диалектной основы и интерференции под влиянием китайского языка, что представляет собой малоизученный факт русской языковой действительности в эмиграции.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, Китай, Трехречье, русские говоры в Китае, межъязыковое взаимодействие, интерференция.

The Russian language in the Chinese Three Rivers region: linguistic features

E.A. Oglezneva¹, O.V. Pustovalov²

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering

2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Heihe University, Heihe, China

E-mail: pustovalowol@yandex.ru

Abstract

The authors analyse the Russian speech of immigrants' descendants from Russia to the Chinese Three Rivers region in the Inner Mongolia in the 20th century. The relevance of the study is due to the need to study various forms of existence of the modern Russian national language, including those in foreign countries. The research is based on both oral and written sources collected by the authors in 2017–2018 during their expeditions to Enhe Russian Ethnic Township (China). The research has shown deviations in the speech of immigrants' descendants from the norms of the Russian literary language due to the use of Russian in its dialect form, as well as interference from Chinese. The authors have proved that the Russian dialects of the Three Rivers region are genetically related to the Russian dialects of Eastern Transbaikalia, which, in turn, are related to the North Russian dialects. The dialectal features of the Russian dialects of the Chinese Three Rivers qualify them as the transitional dialects on the

North Russian basis. Since there were no external factors of influence on the dialectal Russian language from its other idioms, the stated dialectal form of the Russian language remained unchanged until the early 21st century. The article considers both the dialectal originality of Russian speech in the Three Rivers region at different language levels (phonetics, morphology, syntax, vocabulary), and the cases of interlingual interference resulting from the influence of the Chinese language on the Russian dialect system. The authors describe the following factors that determine the intensity of interference: generation, education, profession, and language environment. Having described the active zones of interaction between typologically different Chinese and Russian and determined the areas of interference in the Russian speech of bilinguals, the authors detected “weak points” of the Russian language system in the situation of Russian-Chinese bilingualism. Thus, the authors have studied the variant of the Russian language specific for the Chinese Three Rivers region and concluded that it preserves the Russian dialect base influenced by the interference from Chinese, which is an understudied fact of the Russian language environment in emigration.

Keywords: Russian language abroad, China, Chinese Three Rivers region, Russian dialects in China, interlingual interaction, interference.

Район Трёхречья в Китае, наряду с Харбином и приграничными селами Китая на правом берегу Амура, был одним из мест массового переселения русских в конце XIX и начале XX в. В настоящее время на этой территории располагается Русская национальная волость Эньхэ – единственная национальная волость КНР, титульной национальностью которой являются русские. Русский язык потомков переселенцев из России в китайское Трёхречье, сохранившийся до 20-х гг. XXI в., является объектом нашего исследования.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения функционирования современного русского национального языка в зарубежье в различных формах. Источником для изучения русского языка в китайском Трёхречье выступили записи устной речи потомков русских переселенцев в Трёхречье и письменные материалы, собранные авторами в 2017–2018 гг. во время научных экспедиций в Русскую национальную волость Эньхэ в Китае.

В начале XX в. в китайском Трёхречье вследствие событий 1917 г. в России и последовавшего за ними массового переселения русских из приграничного с Китаем Забайкалья сформировался русский анклав, характеризующийся достаточно автономным положением на китайской территории. Численность русских и их потомков к середине 50-х гг. XX в. – времени массовой реэмиграции и репатриации русских из Трёхречья – составляла 11–25 тыс. чел. [8: 141].

Однако до сих пор на территории китайского Трехречья проживает 2 631 потомок русских переселенцев – это метисы, причисляющие себя к национальному меньшинству русских в Китае – элосьцзу [15].

В китайском Трехречье, характеризующемся многонациональностью и многоязычием, в начале XX в. сформировалась уникальная языковая ситуация с участием русского языка. Кроме китайского и русского языков и их идиомов, компонентами языковой ситуации выступали языки многочисленных коренных народов региона: эвенков, дауров, забайкальских бурят, маньчжуров и др. Языковая ситуация в Трехречье на протяжении всего XX в. динамично развивалась под влиянием исторических и политических обстоятельств, менялось и положение русского языка в этом регионе. В первой половине XX в. русский язык был доминирующим идиомом на территории Трехречья из-за преобладания численности русского населения и был представлен разными идиомами: литературной формой (письменной и устной) и народно-разговорной – диалектной, которая была основной формой бытования русского языка в китайском Трехречье. В этот период русский язык – язык эмигрантов – обладал большей демографической мощностью, чем китайский – язык страны проживания (показатель демографической мощности русского языка – 0,55 к 0,35 у китайского языка) [12: 53], а также большей, чем у китайского языка, коммуникативной мощностью, обслуживая максимальное число коммуникативных сфер: быт, торговлю, хозяйственно-производственную сферу, образование, административное управление, религию. Оценочные признаки языковой ситуации, включающие отношение к языку собственно носителей, также были высоки: для русских и их потомков в Трехречье русский язык обладал высокой степенью значимости, престижности и коммуникативной пригодности.

При исследовании русской речи потомков русских переселенцев в Трехречье в начале XXI в. были обнаружены отклонения от норм русского литературного языка, что объясняется несколькими причинами:

- 1) основной идиом русского языка в Трехречье – русский диалект, который имеет языковые особенности, отличающие его от литературного стандарта;

- 2) основной процесс, характерный для русской диалектной речи в Трехречье, – интерференция под влиянием китайского языка.

Диалектное своеобразие русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Идентификация типа русского говора. Диалектное сообщество в Трехречье – это территориально ограниченный социум, сформированный в условиях сельской жизни, культуры. Туда переселялись в основном казаки и крестьяне из российского приграничья. По рассказам информантов (а это были представители второго

и третьего поколения переселенцев), их предки до переселения проживали в селах Восточного Забайкалья: Борзинское, Приаргунское, Булдуруй, Бура, Олочи, Александровский завод, и, соответственно, являлись носителями русских народных говоров. Исследование русской речи трехреченцев ставит перед нами задачу выявления ее диалектных черт и определение типа русского говора.

Среди причин сохранения русской диалектной речи в китайском Трехречье можно назвать следующие:

- изолированность и отдаленность места проживания носителей русских говоров от крупных административных центров с русскоязычным населением, исключают или минимизируют влияние других форм русского языка на их диалект;

- отсутствие образования, кроме начального, на русском языке, что ограждало диалектную речь носителей диалекта от нивелирующего воздействия литературного языка;

- традиционный крестьянский уклад жизни, занятия сельскохозяйственной деятельностью, охота, рыболовство, русские народные промыслы делали востребованным диалектный словарный состав и способствовали его поддержанию.

Нами были рассмотрены диалектные особенности в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье на разных уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Диалектные особенности их речи были выявлены с помощью метода речевого портретирования представителей второго и третьего поколений потомков русских трехреченцев: Николая Ш., 1935 г. р.; Лидии Д., 1951 г. р.; Александра М., 1939 г. р.; Ирины Г., 1942 г. р.; Марии Б., 1938 г. р., а также по результатам наблюдений над речью других потомков переселенцев, с которыми удалось побеседовать (Елизаветы Ф., 1940 г. р.; Зои Б., 1945 г. р. и др.).

Всего обнаружено 30 диалектных черт в фонетике – вокализме и консонантизме; 32 диалектные черты в грамматике – морфологии и синтаксисе), а также выраженная диалектная специфика в лексике.

Фонетические особенности:

1. Наблюдается аканье со следами оканья: [а]тнправить, в п[а]сёлке, х[а]тела, вт[о]рой, г[о]стинцы.

2. Иканье со следами еканья: п[и]рчатках, вс[и]гда, н[и]множко, пл[е]мянник, п[е]р[е]водчик.

3. Употребление протетического [в] перед начальным [о] и [у]: [в^уь] гль, [в^оь]зеро, [в^ьь]сенью.

4. Употребление протетического [j] в начале слова перед [э]: [jэ]ти, [j]етот, [j]ето.

5. Отмечается произношение [e] на месте [a] после мягкой согласной как лексикализованное явление: *о[п`e]тъ*.

6. Отмечено произношение корня *сел-* с [a] как лексикализованное явление: *[с`a]л, [с`a]ли, при[с`a]живайся*.

7. Заднеязычная звонкая фонема <г> реализуется как взрывной [г]: *[г]олубица, [г]рибы, о[г]город, [г]уси, помо[г]али*.

8. Г-фрикативный присутствует в слове *бо[γ]атый*.

9. Отмечено произношение [x] на месте [к]: *до[x]тор, [x]то*.

10. Фонема <в> в сильной позиции реализуется губно-зубным звуком [в]: *[в]ыселили, пере[в]одчик, [в]ремя*.

11. Отмечено произношение твердого губного на конце: *кро[ф]* (кровь).

12. Отмечено употребление [x] на месте [ф]: *ва[x]ли*.

13. Отмечен вставной [в] в слове *замуж: пошла взамуж*.

14. Аффриката <ч> реализуется как [тш]: *[тш]улки, у[тш]ился, у[тш]иба, до[тш]ка*; редко как [ч]: *[ч]ушки*.

15. Аффриката <ц> реализуется как [тс]: *китае[тс]*; [с]: *китае[с]ы, кури[с]ы, спе[с]иальный*; [ц]: *[ц]ерква*; [ц`]: *револю[ц`]ия*.

16. Шипящий <ш> произносится как твердо: *хоро[ш]и, китаю[ш]ка, [ш]ибко*, у[ш]кан, так и мягко (реже): *чу[ш]ки*.

17. Шипящий <ж> произносится твердо: *ничу[ж]ить, сте[ж]анка*.

18. Произношение мягкого долгого шипящего <ш`> как твердого [ш]: *[ш:]ш:]ука, е[ш:]о, и и[ш:]о, про[ш:]аются, Благове[ш:]енске, кре[ш:]она*.

19. Произношение твердого долгого шипящего <ж:> как [ж:] *дро[ж:]и и дро[ж:]ы*.

20. Утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в прилагательных, глаголах, а также местоимениях-прилагательных, порядковых числительных: *Караванна, помогам, понимает, разговариват, ухаживат, думаешь, грамотны*.

21. Отмечается пропуск начального губно-зубного согласного [в]: *(в)кусны, (в)ставать, (в)сю, (в)се*.

22. Произношение некоторых согласных звуков с придыханием: *лук` , старык` и, к` алзох, к` то, суп`*.

23. Произношение сочетания *чн* как [шн]: *пограни[шн]ики, непривы[шн]ы, привы[шн]ы, кирпич[шн]а*.

24. Смешение звонких и глухих согласных: *пенз`ия, сабоги, каг* (как), *бапушка*.

25. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных: *Мару[с`к`a], мале[н`к`a]*.

26. Произношение ЧТ в корне местоимений как [ч`o] и [чо]: *ч`e и чо*.

27. Отмечена утрата взрывного в сочетании [ст] в конце слова: *eсь* (есть), *шеь* (шесть).

28. Наблюдается выпадение согласных, например, [б]: *баушка* (бабушка).

29. Встречается замена согласных: *чижало* (тяжело), *пашпорт* (паспорт), *кажный* (каждый).

30. Произношение твердого [р] в некоторых словах: *Т[ро]хречье*, *двер*, *разговарывали*.

Грамматические особенности:

1. Т. п. существительных ж. р. представлен формой с окончанием *-ом*, *-ем*: *литовком*, *переводчиком*, *бутылком*.

2. Т. п. существительных мн. ч. представлен формой с окончанием *-ам*: *ногам под машиной*, *съездит за вам*.

3. Р. п. существительного м. р. ед. ч. представлен формой с окончанием *-у*: *с югу*, *с Китаю*.

4. Р. п. существительного мн. ч. представлен формой с окончанием *-ов*: *с кирпичёв*.

5. Р. п. существительного ед. ч. представлен формой с окончанием *-у*: *с югу*, *служил до Амуру*, *из Китаю*.

6. П. п. существительных м. р. ед. ч. представлен формой с окончанием *-у*: *в первом дому*.

7. В. п. существительных ср. р. ед. ч. представлен формой с окончанием *-у*: *поставь на окошку*.

8. И. и В. п. существительных мн. ч. представлены формой с флексией *-ы*: *утяты*, *гусяты*, *цыпляты*, *бараняты*, *стёклы*, *домы*.

9. Отмечено образование формы И. п. мн. ч. на *-ја*: *волосья*.

10. Отмечено употребление существительных ср. р. как существительных ж. р.: *шубу приколотила на окошку*, *баранья*, *скотска*, *свинья мясо*, *на какой собрании*.

11. Отмечено употребление существительного ср. р. как существительного м. р.: *село так маленький*.

12. Отмечено употребление существительных ж. р. как существительных м. р.: *чей фамилия*.

13. Отмечено употребление существительных м. р. как существительных ж. р.: *одна километра*.

14. Отмечено употребление прилагательных с окончанием *-ай* вместо *-ий/-ый*: *русской*, *высокай*, *правольнай*, *весёлай*.

15. Отмечено употребление окончания прилагательного *-ья* вместо *-ье*: *молодыя*.

16. П. п. прилагательного в ед. ч. представлен формой с окончанием *-им*: *в каком месте*, *в русском ресторане*.

17. Личные местоимения 3-го лица в косвенных падежах с предлогами употребляются с корневым [j]: *с ём*, *за имя*, *на ём*, *у ей*, *с имя*, *у его*, *с ей*.

18. Указательное местоимение *этот* в форме предложного падежа имеет флексию *-им*: *в этом лесу*.

19. Личное местоимение 1-го лица ед. ч. в р. п. имеет форму *мине*.

20. Вопросительно-относительное местоимение *кто* и отрицательное местоимение *никто* могут использоваться как неодушевленные в форме *каво* и *никаво*: *Каво это ты сказала? Никаво не ест, никаво не умею*.

21. Собирательные числительные *оба*, *двое*, *трое* в форме И. п. употребляются в форме *обоя*, *двоя*, *троя*.

22. Возвратный постфикс у глаголов представлен вариантами *-ся*, *-сь*, *-си*: *родилася*, *случилося*, *молюся*, *боюсь*, *родилась*, *молюсь*, *укоренились*.

23. Отмечены единичные случаи неразличения 1-го и 2-го спряжений глаголов: *садют*, *ходят*, *плотют*.

24. Отмечено употребление формы инфинитива с суффиксом *-чи*: *пекчи*.

25. Отмечено употребление личных форм глаголов 2-го спряжения ед. и мн. ч. с ударением на окончании: *варíшь*, *напакостíли*.

26. Отмечено употребление следующих форм глаголов в повелительном наклонении: *напой*, *спечи*.

27. Отмечено выравнивание основ в глагольных формах: *пекёшь*, *пекёт*, *пекчи*, *стрегёшь*.

28. Отмечено частотное использование постпозитивных частиц *-ка* и *-то* при глаголах и других частях речи: *прибавлю-ка*, *иду-ка*, *осталася-ка*, *сразу-ка*, *нету-ка*, *тама-ка*, *он-то так кулак*.

29. Частотно используется предлог *С* для выражения пространственных отношений: *с Рассеи*, *с дому*.

30. Предлог *С* используется для выражения значения материала, из которого сделаны предметы, средства: *с пуху*, *с кирпичёв*.

31. Предлог *ПО* используется для выражения объектно-целевых отношений: *ездили по ягоду*.

32. Отмечено частотное использование двойных и повторяющихся предлогов: *со с работы*, *иду по дороге по маленькой*, *у меня у внука жена*.

Лексические особенности. В речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье присутствует много русских слов, не имеющих повсеместного распространения и характеризующих диалектный континуум именно этой территории. Эти слова представляют различные тематические группы (ТГ), отражающие актуальное для диалектоносителя членение окружающего мира.

ТГ «Человек и его свойства, действия»: *бравый* «красивый», *оро-бетъ*, *поученый*, *китаюшка*, *китаюха*, *метисты*, *мешень* «метисы», *докторица* и др.

ТГ «Названия ягод и грибов»: *моховка* «дикая смородина», *брусница*, *голубица*, *сопляк* «гриб маслёнок» и др.

ТГ «Одежда и обувь»: *курмушка*, *стежанка*, *кушак*, *катанки* и др.

ТГ «Продукты питания»: *шаньги*, *капустник*, *картомники*, *тарочки*, *наливнушки* и др.

ТГ «Названия животного»: *яман*, *яматка*, *куцан*, *котиться* (о кош-ке), *жеребиться*, *оягниться*, *сохатый*, *козуля* «косуля», *ушкан* «заяц», *барануха*, *бараняты*, *гусяты*, *цыпляты*, *утяты* и др.

ТГ «Части тела»: *вертуг* «сустав», *костка* «кость» и др.

В русской речи современных жителей Трехречья также используется и диалектно-просторечная лексика: *маленько*, *шибко*, *отсюдава*, *манатки*, *плотют* и др.

Большинство (99,6 %) диалектных особенностей в речи потомков русских трехреченцев совпадает с диалектными особенностями русских говоров Восточного Забайкалья, территориально соположенного с китайским Трехречьем. Именно русские говоры Восточного Забайкалья были вывезены в Китай русскими переселенцами, функционировали там на протяжении более ста лет и сохранились как диалектная система. По этой причине русские говоры Трехречья являются генетически связанными с русскими говорами Восточного Забайкалья.

Данные о диалектной системе русских говоров Забайкалья для сравнительного анализа с диалектной системой русских говоров Трехречья взяты из работ современных исследователей забайкальских говоров О.Л. Абросимовой, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскиной [1; 6; 7; 11].

В свою очередь, русские говоры Восточного Забайкалья генетически связаны с севернорусскими говорами: именно «севернорусские говоры стали материнской основой для большинства говоров Забайкальского края» [7: 280]. Это дает основание утверждать, что русские говоры китайского Трехречья так же, как и русские говоры Забайкалья, относятся к **говорам переходного типа на севернорусской основе**.

Диалектная речь некоторых представителей второго и третьего поколений русских переселенцев в Трехречье представляет собой уникальную форму «чистого, нерастворенного» диалекта, усвоенного «на слух» от русской матери или бабушки. Отсутствие внешних факторов влияния на их диалектный русский язык со стороны других его форм обусловило консервацию диалектной формы русского языка в Трехречье.

Явление интерференции под влиянием китайского языка в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Описание

активных зон взаимодействия типологически разных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингов представляет большой научный интерес и дает возможность обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма. Исследователь языковых контактов У. Вайнрайх называет явлениями интерференции «случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в речи двуязычных людей в результате того, что они могут использовать больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [2: 22]. Вслед за В.Ю. Розенцвейгом мы будем определять интерференцию как «нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [13: 4].

Межъязыковая интерференция вполне закономерна в контексте существующей языковой ситуации в китайском Трехречье, сложившейся в результате длительного взаимодействия русских и китайцев в этом регионе, а также их языков – китайского и русского. Рассмотрим случаи интерференции, возникшие в результате влияния китайского языка на русскую речь проживающих в настоящее время в Трехречье потомков русских переселенцев во втором и третьем поколениях Лидии Д., Николая Ш., Александра М., Марии Б., Ирины Г., Елизаветы Ф., Зои Б. Все они рождены в смешанных русско-китайских браках, являются билингвами, в их языковую компетенцию входит два языка: китайский и русский. В их русской речи была отмечена фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая интерференция.

Фонетическая интерференция:

1. Тоническое произношение имен собственных, в частности, имен и топонимических названий: так, названия сел Эньхэ 恩和 (ēnhé), Саньхэ 三河 (sānhé), уезда Якэши 牙克石 (yákèshí) произносятся с тоническим ударением.

2. Произношение [л'] как твердого [л]: *поболше, началник, в Забайкалэ.*

3. Произношение звука [л] на месте [р] и наоборот: *лыбу* (вместо *рыбу*), *в Хайраре, в Хайлале* (вместо *в Хайларе*).

4. Произношение глухих согласных как звонких: *позмотреть, кубишь* (вместо *купишь*), *пензия, сабоги, каг* (вместо *как*).

5. Произношение звонких согласных как глухих: *точка* (вместо *дочка*), *бапушка* (вместо *бабушка*), *покуляли* (вместо *погуляли*).

6. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке: *лук^х, старык^х, к^х алзох, к^х то.*

7. Произношение звука [п] с придыханием: *суп^х.*

8. Произношение аффрикаты <ц> как [с] и [тс]: *китае[с]ы, кури[с]ы, китае[тс], спе[с]иальный.*

9. Произношение аффрикаты <ч> как твердого [тш]: *сэ[тш]ас* (сейчас), *у[тш]ился* (учился), *до[тш]ка* (дочка), *на[тш]нёт* (начнёт), *дево[тш]ка* (девочка).

Фонетическая интерференция предполагает «взаимовлияние фонетических систем двух языков, при котором одна из систем по ряду признаков уподобляется другой, доминирующей, отступая от своих собственных норм» [9: 245]. Приведенные выше отклонения от произносительной нормы русского языка можно объяснить следующими фактами фонетики китайского языка:

1. Слоги в китайском языке отличаются не только своим звуковым составом (согласными и гласными), но и тоном [5: 191]. По этой причине потомки русских переселенцев в Трехречье, билингвы, часто произносят слова в своей русской речи с тоническим ударением (см. п. 1).

2. Мягкие согласные в китайском языке отсутствуют [4: 15]. Это может объяснять тот факт, что в речи некоторых потомков русских переселенцев твердый звук [л] употребляется на месте мягкого (см. п. 2). Кроме того, имеется артикуляционная специфика: в китайском языке при произношении согласного [л] кончик языка прижат к десенной части альвеол, т. е. отодвинут несколько дальше, чем при произношении русского [л], а также несколько ниже опущена спинка языка [14: 41], потому и в русском языке билингвы начинают артикулировать [л] по типу ближайшего в артикуляционном отношении китайского звука.

3. Звук [р], отсутствующий в китайском языке, заменяется на звук [л] в русской речи билингвов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 3). Это происходит по причине отсутствия [р] в китайском языке, вследствие чего происходит неразличение [р] и [л] [4: 15; 10: 85].

4. В китайском языке нет противопоставления согласных по глухости-звонкости [14: 30]. Это является причиной неразличения парных согласных по этому признаку в русской речи билингвов и, как следствие, наблюдается озвончение глухих и оглушение звонких. Таким образом, противопоставление согласных по этому признаку становится неактуальным для говорящих (см. п. 4, 5).

5. Произношение согласных с придыханием в русской речи билингвов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 6, 7) может быть объяснено наличием придыхания в китайском языке при произношении согласных [р], [т], [к], которые противопоставлены по признаку «придыхательный/непридыхательный» согласным [б], [д], [г] [14: 30], и, как следствие этого, возможное произношение согласных звуков [б], [д], [г], [т], [п], [к] с придыханием.

6. Аффриката <ч> в стандарте русского языка, как известно, реализуется всегда как мягкий звук, а соответствующий ему звук [ch] в китайском языке, наоборот, всегда твердый [14: 48]. Этот факт может влиять на закрепление твердого произношения аффрикаты <ч> в речи билингов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 8).

7. Реализация аффрикаты <ц> как свистящего [с] или как [тс] в русской речи билингов приближается к звуку [tsʰ] китайской фонетической системы, в пиньинь обозначаемому 'c', в котором [т] ослаблен и даже отсутствует, а [с] является более свистящим (см. п. 9).

Многие из представленных случаев интерференции встречаются в речи потомков русских переселенцев в Харбин [9: 239–242] и в приграничные села Китая [3: 183].

Ряд языковых фактов из перечисленных, которые возможно интерпретировать как результат межъязыковой интерференции, совпадают с диалектной нормой, а именно с нормой русских говоров восточного Забайкалья, генетически связанных с русскими говорами Трехречья. Можно утверждать, что в указанных случаях русские диалектные фонетические особенности получают поддержку фонетической системы второго языка билингов – китайского. Речь идет о произношении аффрикат <ч> и <ц>, согласных [к], [п] с придыхательным элементом, смешении звонких и глухих (*[тш]улки, кури[с]ы, пензия*).

Морфологическая интерференция:

1. Использование одной падежной формы вместо другой, чаще всего – формы И. п. Например: *И. п. вместо Р. п. (у меня бабушка нет, два куля морковка); И. п. вместо В. п. (мой муж уехал на учёба, мы поставили икона); И. п. вместо П. п. (русска школа не учились)* и др. Также отмечено использование *Р. п. вместо П. п.: в средней школы; Т. п. вместо Р. п. (огурцом накупим)* и др.

2. Использование одних глагольных форм вместо других. Например: форма глагола прошедшего времени ср. р. ед. ч. используется вместо формы глагола мн. ч. (*Русские школы было*); возвратная форма глагола вместо невозвратной (*Мама с деревни родила / а папа – Якеши / я тут родила* (вместо *родилась*) и др.).

3. Использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *ла* 了 [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершения действия, изменения состояния: *Тоже их / стары нетула // Одни дети остались //*

4. В некоторых случаях отмечено наложение китайской и русской грамматических моделей друг на друга. *У меня мужина сестра* (по-китайски *我丈夫的姐妹 wǒzhàngfudejiěmèi*, где *我 (wǒ)* значит мой, *丈夫 (zhàngfu)* – муж, *的 (de)* – служебная частица для обозначения

притяжательности, 姐妹 (jiěmèi) – сестра). Ср.: синтетическая модель *папина, дядина, сестрина* и аналитическая модель *сестра моего мужа* в русском языке.

Отступления от нормы в употреблении грамматических форм встречаются и в речи потомков русских, переселявшихся в XX в. в Харбин [9: 243] и в приграничные села Китая [3: 184].

Морфологическая интерференция обусловлена в первую очередь типологическими особенностями взаимодействующих языков: в китайском языке, который является изолирующим по типу, отсутствует словоизменение, поэтому в русской речи билингов – потомков переселенцев из России в китайское Трехречье возникают отклонения от нормы при использовании грамматических форм русского языка, для которого свойственно словоизменение.

Синтаксическая интерференция:

1. Употребление предлогов нарушением норм русского языка: *от юга* (вместо *с юга*), *так мама с деревни родила(сь)* (вместо *в деревне*).

2. Пропуски предлогов: *А сейчас уехала Улан-Удэ; Правительство раньше был Драгоценка; А папа – Якеши родился* (вместо *в Якеши*).

3. Рассогласованность форм рода и числа в словосочетаниях: *наша секрет, мой братья*.

4. Синтаксические кальки с китайского языка. Например: *Сто лет больше, две сутки больше, дак тридцать боле*. В китайском языке для выражения значения «больше *n* лет, суток» используется обратный порядок слов: *一百年多, 两天多*, где *多* (*duō*), где наречие со значением «больше» ставится в конце предложения и др.

Приведенные примеры демонстрируют нарушение синтаксических правил русского языка под влиянием синтаксиса китайского языка в речи информантов-билингов. В частности, указанные в п. 1 и 2 пропуск предлогов или выбор предлогов, не соответствующих норме употребления в русском языке, обусловлен тем, что в китайском языке в подобных предложениях предлоги не используются. Например, фраза *А сейчас уехала Улан-Удэ* по-китайски будет звучать как *她去了乌兰乌德*, где после глагола *уехать* *去* отсутствует предлог.

Лексическая интерференция:

1. Заимствования из китайского языка достаточно частотны в речи потомков русских переселенцев в Трехречье. Они используют их в двух основных функциях: 1) для называния реалий китайской действительности, не имеющих обозначения в русском языке: *Картами играть ушла // Да таjiang //*; 2) для уточнения понятия, названного русским словом, используют китайский эквивалент: *Грибы по-китайски «тоди» // А грузди ещё есть в Караванной // Всё есть //* и др.

2. Кальки, представляющие собой буквальный перевод на русский язык китайского сочетания и использование его в своей русской речи.

Так, словосочетание *сердцу неловко* используется вместо *сердце болит*. Происходит это потому, что в китайском языке для обозначения болезни или недомогания используют выражение 不舒服 (*bùshūfu*), что дословно значит «некомфортно, неудобно».

Также отмечено использование словосочетаний *больша девка*, *младша девушка* в значении «старшая дочь», «младшая дочь». У слова 大 (*dà*) в китайском языке есть значения «большой» и «старший», а у слова 小 (*xiǎo*) – «маленький» и «младший». Значения «старший» и «младший» появляются у слов «маленький» и «большой» в русской речи билингвов по аналогии с китайским языком.

Итак, в ходе проведенного исследования было выявлено, что представители второго и третьего поколений переселенцев из России в китайское Трехречьё говорят на русском диалекте, испытывавшем влияние китайского языка – интерференцию. Некоторые особенности произношения наших информантов, которые можно интерпретировать как обусловленные интерференцией (неразличение звонких и глухих согласных; *пензия*, *сабоги*; произношение согласных с придыханием: *лук* , *суп* ; твердое произношение аффрикаты <ч>), совпадают с диалектными особенностями, характерными для русских говоров Забайкалья, и в этом случае системы разных языков пересекаются и начинают поддерживать друг друга в речи языкового коллектива.

Было выявлено, что диалектные черты речи потомков переселенцев во втором и третьем поколениях соотносятся с говорами переходного типа на севернорусской основе. Это позволяет говорить об особом варианте русского языка в восточном зарубежье, а именно в Трехречьё, который можно обозначить как **трёхреченский вариант русского языка в зарубежье**.

Демонстрируя длительную сохранность, русский язык в китайском Трёхречьё вместе с тем демонстрирует и тенденцию к угасанию. Китайский язык в настоящее время является доминирующим, что влечет за собой в последующих поколениях трёхреченцев отказ от языка своих славянских предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимова О.Л.* Фонетическая система русских говоров Читинской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 26 с.
2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.

3. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 238 с.
4. Дэн Цзе. Позиционные закономерности русской фонетической системы «в зеркале» китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 215 с.
5. Задюенко Т.П. Краткий очерк системы тонов современного китайского языка // Вопросы китайской филологии. М., 1963. С. 191–219.
6. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 240 с.
7. Игнатович Т.Ю. Забайкальская русская народно-разговорная речь. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. 176 с.
8. Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.
9. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.
10. Панова Р.С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 83–86.
11. Пляскина Е.И. Система консонантизма говоров сел Борзинского района Читинской области // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1988. С. 43–49.
12. Пустовалов О.В. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Трехречье, Китай): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2022. 210 с.
13. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты, лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 81 с.
14. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 141 с.
15. Статистический ежегодник территорий Китая за 2019 год (информация о деревнях) департамента государственного статистического управления социально-экономического исследования сельских районов Китая. 2019. Пекин: Национальное бюро статистики КНР, 2020. 461 с.

REFERENCES

1. Abrosimova, O.L. (1996) *Foneticheskaya sistema russkikh govorov Chitinskoy oblasti* [Phonetic system of Russian dialects in Chita region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Vaïnraïkh, U. (1979) *Yazykovyye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: status and research problems]. Kyiv: Vishcha shkola.

3. Gordeeva, S.V. (2014) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae: na materiale rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20–40-kh gg. XX v. i ikh potomkov* [Russian Language in Border China: Based on the Speech of Russian Settlers in China in the 1920s–1940s 20th century and their descendants]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

4. Deng Jie. (2012) *Pozitsionnye zakonomernosti russkoy foneticheskoy sistemy "v zerkale" kitayskogo yazyka* [Positional patterns of the Russian phonetic system "in the mirror" of the Chinese language]. Philology Cand. Diss. Moscow.

5. Zadoenko, T.P. (1963) *Kratkiy ocherk sistemy tonov sovremennogo kitaïnskogo yazyka* [A brief outline of the tone system of Modern Chinese]. In: Rogachev, A.P. (ed.) *Voprosy kitayskoy filologii* [Questions of Chinese Philology]. Moscow: Moscow State University. pp. 191–219.

6. Ignatovich, T.Yu. (2011) *Sovremennoe sostoyanie russkikh govorov severnorusskogo proiskhozhdeniya na territorii Vostochnogo Zabaykal'ya: foneticheskie osobennosti* [The current state of Russian dialects of northern Russian origin in the territory of Eastern Transbaikalia: phonetic features]. Moscow: FLINTA: Nauka.

7. Ignatovich, T.Yu. (2015) *Zabaikal'skaya russkaya narodno-razgovornaya rech'* [Transbaikalian Russian colloquial speech]. Chita: Transbaikalia State University.

8. Kaygorodov, A.M. (1970) *Russkie v Trekhrech'e (po lichnym vospominaniyam)* [Russians in Three Rivers (according to personal recollections)]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 140–149.

9. Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the Russian East foreign countries (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

10. Panova, R.S. (2009) *Foneticheskaya interferentsiya v russkoy rechi kitaytsev* [Phonetic interference in the Russian speech of the Chinese]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22. pp. 83–86.

11. Plyaskina, E.I. (1988) *Sistema konsonantizma govorov sel Borzinskogo rayona Chitinskoy oblasti* [The system of consonantism of dialects of the villages of Borzinsky district, Chita region]. In: *Sibirskie govory: funktsionirovanie i vzaimovliyanie dialektnoy rechi i literaturnogo yazyka* [Siberian dialects: functioning and mutual influence of dialect speech and literary language]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 43–49.

12. Pustovalov, O.V. (2022) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Trekhrech'e, Kitay)* [Russian Language in the Eastern Abroad (Based on Russian Speech in Three Rivers, China)]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.

13. Rozentsveig, V.Yu. (1972) *Yazykovye kontakty, lingvisticheskaya problematika* [Language contacts, linguistic problems]. Leningrad: Nauka.

14. Speshnev, N.A. (1980) *Fonetika kitayskogo yazyka* [Phonetics of the Chinese language]. Leningrad: Leningrad State University.

15. China. (2020) *Statisticheskij ezhegodnik territoriy Kitaya za 2019 god (informatsiya o derevnyakh) departamenta gosudarstvennogo statisticheskogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo issledovaniya sel'skikh rayonov Kitaya* [The 2019 China Territory Statistical Yearbook (Village Information) of the China Rural Socio-Economic Research Department of the State Bureau of Statistics]. Beijing: National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. (In Chinese).

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, Томский государственный архитектурно-строительный университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Пустовалов Олег Викторович – кандидат филологических наук, Хэйхэский университет (Китай).

Oleg V. Pustovalov – Heihe University (China).

E-mail: pustovalowol@yandex.ru

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/17

Русский язык в татарско-русской контактной зоне: когнитивная обработка падежных форм*

В.Е. Владимирова¹, З.И. Резанова²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, ул. Ленина, 36

¹ E-mail: picture_perfect@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторское резюме

Славянское языкознание, как и другие отрасли лингвистики, в настоящее время все более активно включается в междисциплинарные исследования, расширяя предметную сферу и методологию. К таким новым предметным сферам относится выявление когнитивных основ речевых практик с использованием не только традиционных лингвистических методов, но и экспериментальных. Также считаем важным вовлечение в анализ нового языкового материала, в том числе отражающего результаты контактирования славянских языков с языками других морфологических типов. В статье представлены экспериментальные доказательства влияния родного татарского языка, принадлежащего к тюркской языковой группе, на обработку грамматических форм второго русского языка. Исследование базируется на данных корпусного исследования речевых практик татарско-русских билингвов, полученных в рамках проекта «Языковое и культурное разнообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур». Выявленные в результате анализа корпусных данных закономерности позволили сформулировать гипотезы о специфике когнитивной обработки единиц, находящихся в зонах наибольшего варьирования, и проверить их в психолингвистическом поведенческом эксперименте с использованием окулографического оборудования и фиксации движения глаза. Было выявлено, что характерные для билингвов отклонения от речевого стандарта русского языка проявляются как при производстве, так и при обработке речи. Наиболее показа-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

тельный результат был обнаружен при анализе когнитивной обработки локативных конструкций. В результате корпусного исследования было выявлено, что билингвы имеют тенденцию к пропуску предлога или же к употреблению зависимого имени существительного в именительном падеже. Статистический анализ показал: употребление существительного в именительного падеже с предлогом обрабатывается немного быстрее, чем при пропуске предлога, и является свидетельством в пользу того, что употребление локатива в именительном падеже продиктовано структурными особенностями тюркских языков в большей степени, чем пропуск предлога.

Ключевые слова: окулографическое исследование, эксперимент, билингвальная интерференция, татарский язык, русский язык, грамматическая интерференция, падеж.

The Russian language in the Tatar-Russian contact zone: cognitive processing of case forms*

V.E. Vladimirova¹, Z.I. Rezanova²

Tomsk State University

Russia, 634050, Tomsk, st. Lenina, 36

¹ E-mail: picture_perfect@mail.ru

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

Abstract

Slavic linguistics, as other branches of linguistics, is becoming more and more actively involved in interdisciplinary research, expanding the subject area and methodology. These new subject areas include the identification of the cognitive foundations of speech practices using not only traditional, but also experimental linguistic methods. The authors also consider it important to employ new linguistic material in the analysis, including the results of the contact of Slavic languages with languages of other morphological types. The article presents experimental evidence of the influence of the native Tatar language, belonging to the Turkic language group, on the processing of grammatical forms of the second Russian language. The study is based on the data from a corpus study of the speech practices of Tatar-Russian bilinguals under Linguistic and Cultural Diversity of Southern Siberia: Interaction of Languages and Cultures Project. The patterns revealed in the analysis of corpus data allowed formulating hypotheses

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority2030).

about the specificity of cognitive processing of units in the zones of greatest variation and testing them in a psycholinguistic behavioral experiment using oculographic equipment with eye movement fixation. It was found that deviations from the speech standard of the Russian language manifest themselves both in the production and processing of speech. The most significant result has been obtained in the analysis of cognitive processing of locative constructions. The corpus research has revealed that bilinguals tend to skip a preposition or use a dependent noun in the nominative case. The statistical analysis has shown that the use of a noun in the nominative case with a preposition is processed slightly faster than when the preposition is omitted, so the use of the locative in the nominative case is dictated mainly by the structural features of the Turkic languages than by the omitted preposition.

Keywords: oculographic study, experiment, bilingual interference, Tatar language, Russian language, grammatical interference, case.

Введение

Выявление когнитивных основ речевых практик на родном и втором, изучаемом языке необычайно актуализировалось на рубеже веков. К настоящему времени уже накоплен значительный объем данных о базовых когнитивных основах разных аспектов речевой деятельности, о способах хранения и обработки языковой информации как на разных уровнях системы, так и в их взаимодействии. Вместе с тем остается актуальным вопрос о варьировании общих когнитивных закономерностей под влиянием формальных структур языков. Первые данные в этой области были получены прежде всего на материале английского языка. Вовлечение славянских языков в данную парадигму видится весьма актуальным, и конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» регулярно обращается к обсуждению результатов применения методов когнитивной психолингвистики к широкому спектру частных проблем, развивая традиции специализированных научных форумов (Psycholinguistics of Slavic Languages 2022 (PsychoSlav2022) in Tübingen), как, например, в [5; 6]. Анализ грамматических структур славянских языков в экспериментальной парадигме видится актуальным и вследствие значительного своеобразия их глубоко синтетических грамматических систем с развитой морфологической структурой.

В мировой психолингвистике проблемы когнитивной обработки грамматических форм и репрезентируемой семантики как носителями родного языка, так и билингвами находятся в зоне активного обсуждения. Данная проблема является частью более общих теоретических дискуссий о характере когнитивной обработки морфологи-

чески сложных слов, о хранении в ментальном лексиконе отдельных грамматических форм и целостных парадигм, об уровне языка, на котором репрезентируются грамматические формы, о соотношении семантики и формы в процессе когнитивной обработки.

Эмпирическая проверка формулируемых теорий и гипотез проводится с использованием экспериментальных методов. К настоящему времени накоплен весьма значительный опыт формирования дизайнов экспериментов, направленных на получение данных относительно различных аспектов общей проблемы. Отметим, что к настоящему времени уже накоплены эмпирические данные относительно когнитивной обработки падежных форм флективных языков, в том числе данные о русском языке. Так как падежная форма, с одной стороны, обладает самостоятельным значением, а с другой – это значение всегда формируется и реализуется в контексте, в ряду экспериментальных исследований сформировалось два направления: разработаны процедуры исследования когнитивной обработки морфологически сложных слов как в изоляции, так и в контексте. Экспериментально доказано, что при обработке словоформ вне контекста начальная форма (форма именительного падежа) обрабатывается быстрее косвенных, что объясняется ее большей частотностью. Исследования косвенных форм дают противоречивые результаты при сходстве базовых параметров дизайнов экспериментов. Так, в исследованиях Lukatela et al. в экспериментах с заданием на выполнение лексического решения на материале сербохорватского языка не было обнаружено статистически значимых различий в скорости обработки косвенных форм между формами дательного/локативного и инструментального падежей [12: 13]. Однако в исследовании обработки падежей имен существительных русского языка с помощью экспериментальных заданий лексического решения и постепенной демаскировки было обнаружено, что скорость восприятия мужского рода уменьшается в следующей последовательности падежей: именительный и винительный, дательный и родительный, творительный, предложный; для женского рода характерна такая последовательность: именительный, родительный, винительный и творительный, дательный и предложный [14: 470].

В нашем же исследовании мы сравниваем скорость обработки не разных форм в парадигме одного языка, но обработку одних и тех же форм носителями русского языка как родного и билингвами. При этом данные о частотности разных словоформ в пределах парадигмы и о влиянии этого фактора на скорость обработки слов будут учитываться нами в процессе интерпретации полученных данных.

Вторая проблема, решение которой значимо для нашего исследования, – соотношение обработки словоформ вне контекста и в контексте

предложения. R. Bertram, J. Hyönä, M. Laine исследовали когнитивную обработку омонимичных падежных форм на материале финского языка и выяснили, что контекст помогает «заранее» определить, какая именно форма должна быть употреблена, тем самым частотность форм нивелируется эффектами контекстной предсказуемости. Частотность словоформы относительно других словоформ лексемы (а не других лексем) не несет большой когнитивной нагрузки, не влияет на восприятие определенной словоформы в тексте [7: 381]. Представленные в исследовании J. Hyönä, S. Vainio и M. Laine результаты разных экспериментов с задачей лексического решения подтвердили данные о том, что морфологически более простые формы в изоляции обрабатываются быстрее, однако эффекты контекстной предсказуемости оказываются намного более значимыми [10: 429].

Нашей задачей не является рассмотрение когнитивной обработки изолированных форм существительных или нахождение места форм одной лексемы в ментальном лексиконе, в статье представлены результаты исследований когнитивной обработки слов в контексте с использованием окулографического метода. В наших экспериментах мы не манипулируем фактором предсказуемости, но контролируем его, так как группы респондентов, противопоставленные по типу языкового опыта, выполняют тождественный набор заданий на чтение целевых слов в тождественных контекстах, следовательно, мы анализируем интерферентное влияние родного языка в тождественных условиях контекстной предсказуемости реализации падежных значений. Полученные результаты могут быть проинтерпретированы как эмпирические данные о наличии или отсутствии разницы в обработке форм в однотипных контекстных условиях. Мы также учитываем результаты предшествующих исследований действий данного фактора для интерпретации наших данных.

Задача данного исследования – поиск экспериментальных доказательств наличия или отсутствия влияния родного татарского языка, принадлежащего к тюркской языковой группе, на обработку грамматических форм второго русского языка.

Проблема влияния фактора билингвизма на обработку грамматических форм осваиваемого языка также осмысливается в мировой лингвистике как актуальная, однако в настоящее время имеются лишь единичные исследования, выполненные на материале различных языковых пар. В целом получены свидетельства о том, что, каким бы продвинутым ни был уровень владения вторым языком, при обработке любого из языков языки билингва влияют друг на друга [9: 509].

В работах, посвященных обработке грамматической информации, показано, что билингвами проводится поверхностный синтаксиче-

ский анализ предложения, т. е. восприятие содержания происходит с большей опорой на семантику, чем на непосредственно грамматику, вследствие чего обнаруживается влияние фактора билингвизма при обработке сложных синтаксических структур [11: 210]. Нам известно исследование когнитивной обработки падежных форм имен существительных русского языка носителями русского как родного и англо-русскими билингвами K. Gor, A. Chrabaszcz, S. Cook [8]. Исследовалась обработка изолированных слов с использованием экспериментальной задачи аудиального лексического решения. Результаты исследования подтвердили полученные ранее данные о более быстрой обработке носителями русского как родного начальной формы имени по отношению к косвенным падежам. Исследователи отмечают, что чем выше уровень владения языком, тем больше проявляется паттерн, соответствующий распределению времени реакции в группе носителей как родного [8: 325]. Полагаем, что уровень владения языком – важнейший фактор, который должен контролироваться в исследованиях билингвального взаимодействия, однако, как правило, он проявляется в интеракции с другими, к числу которых следует отнести и соотношение языковых структур, положение в структуре языка категорий, когнитивная обработка которых экспериментально исследуется, тип билингвизма (естественный/учебный, время «вхождения в язык», степень активности использования языков во время прохождения экспериментов, соотношение практик чтения и говорения в языковом опыте и др.) Так, в приведенном исследовании K. Gor, A. Chrabaszcz и S. Cook английский родной язык – аналитический, не имеющий развитой системы формального маркирования падежных значений, билингвы являются представителями учебного билингвизма на продвинутом уровне владения языком, в среднем они начали учить русский язык в 16 лет (возраст участников исследования – от 20 до 23 лет).

Экспериментальное исследование

В статье экспериментально исследуется когнитивная обработка падежных форм носителями русского языка и татарско-русскими билингвами, представляющими другой тип билингвизма по значимым параметрам по сравнению с тем, который описан в труде K. Gor, A. Chrabaszcz и S. Cook. Работа базируется на данных корпусного исследования речевых практик татарско-русских билингвов, полученных рамках проекта «Языковое и культурное разнообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур». Анализ текстовых данных корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBic [13: 200–

210] выявил относительно малое количество отклонений от речевого стандарта (ОРС) [13: 209], обусловленных интерферентным влиянием родных тюркских языков билингов. В корпусе маркированы отклонения от речевого стандарта на всех уровнях языковой системы – от фонетического до дискурсивного. В качестве стандарта был принят стандарт русской литературной письменной речи. Это находит объяснение в особенностях языковой ситуации в исследованных местах компактного проживания билингов – абсолютное функциональное доминирование русского языка с вытеснением материнских языков в сферу семейного и бытового общения. Следствием этого является то, что преобладающим типом билингвизма является ранний естественный билингвизм, асимметричный, с доминированием второго, русского, языка.

Формулирование исследовательской гипотезы и выбор конкретных падежных форм при моделировании дизайна эксперимента также основывались на данных корпусного исследования и на анализе соотношений падежных систем в языках, вступающих во взаимодействие в ментальном лексиконе билингов рассматриваемого типа.

В совокупности ОРС, связанных с формами предложно-падежного управления, относительно более частотными оказались формы именительного падежа в позиции винительного падежа со значением прямого объекта и в позиции субъекта в пассивной синтаксической конструкции, а также пропуск предлога в локативных конструкциях, употребленных в предложном падеже, или же употребление формы именительного падежа в локативных конструкциях без пропуска предлога.

Отнесение данных ОРС как обусловленных интерферентным влиянием языков базируется на анализе падежных систем русского и татарского языков, типологически противопоставленных как синтетический флективный и агглютинативный [4: 205–206]. Назовем значимые для дальнейшего анализа отличия в способах выражения семантических ролей падежными формами в татарском языке. Выражение семантической роли объекта определяется синтаксическим прямым дополнением в обоих языках. В татарском языке прямое дополнение может быть как оформленным, так и неоформленным, т.е. оно может не иметь аффикса в. п., что обусловлено взаимодействием с категорией определенности: объектное значение в соединении со значением неопределённости не маркируется аффиксально. Выражение семантики прямого объекта аффиксами исходного и направительного падежей не является частотным [1: 26–29].

Пространственные отношения, маркируемые в русском языке предложно-падежным сочетанием, в татарском языке выражаются с использованием аффиксов исходного, направительного и местно-

временного падежей, существительное употребляется без послелога [1: 41]. Таким образом, пространственная соотнесенность в тюркских языках выражается морфологически.

Выражение довольно частотного предикативного значения творительным падежом в русском языке соответствует подобной конструкции в татарском, однако в татарском языке именной частью сказуемого будет существительное, употребленное в основном падеже. Собственно основной падеж соответствует именительному в русском языке [2: 34].

Выявленные закономерности в появлении отклонений от речевого стандарта на грамматическом уровне позволили сформулировать гипотезы о специфике когнитивной обработки единиц, находящихся в зонах наибольшего варьирования, и проверить их в серии психолингвистических поведенческих экспериментов с измерением времени реакции и фиксации движения глаза при чтении.

В исследовании проверяется гипотеза о том, что билингвы будут менее чувствительны к подобному роду отклонений от речевого стандарта, чем к нетипичным для них ошибкам, и это проявится в различии скорости обработки целевых слов, встроенных в предложения в формах, соответствующих грамматической норме, в формах с типичным и нетипичным отклонением от речевого стандарта.

Для проверки данной гипотезы был создан дизайн окулографического эксперимента.

Дизайн эксперимента

Материал исследования. В качестве целевых слов отобраны 150 нарицательных существительных по «Новому частотному словарю русской лексики» О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [3] для трех типов конструкций:

1) для предложений, в которых целевое слово является прямым объектом, выбрано 30 существительных одушевленного женского рода, 30 слов неодушевленного женского рода, 30 слов одушевленного мужского рода. Существительные неодушевленного мужского рода не могли быть отобраны, поскольку отсутствует возможность манипулировать употреблением винительного/именительного падежа – формы совпадают. В связи с тем что мы оперируем категориями рода и одушевленности, нами могли быть использованы только существительные, у которых формы винительного и именительного падежей различаются;

2) для предложений, в которых целевое выражает пространственное значение, отобрано 30 существительных (15 мужского и 15 женского рода);

3) для предложений, в которых целевое слово является субъектом, а предикат употреблен в пассивном залоге, отобрано 30 одушевленных существительных мужского рода. Существительные женского рода не были использованы в данном типе конструкций, поскольку ограничен материал, отвечающий необходимым условиям (длина, частотность).

Чтобы избежать влияния значимых факторов на скорость прочтения целевых слов, все стимулы контролировались по фактору длины слова и объективной частотности употребления. В психолингвистических исследованиях установлено значительное влияние факторов длины и частотности слова на разные аспекты его когнитивной обработки, вследствие чего эти характеристики слова контролируются в экспериментальных исследованиях. Нами были отобраны слова строго от 6 до 11 символов, однако трудности с достижением сбалансированного количества слов по данному параметру обусловили необходимость расширения диапазона объективной частотности: от 10,7 ipm (instances per million) «зажигалка» до 213,3 ipm «девушка», диапазон частотности для локативных конструкций: от 60,5 ipm «дворец» до 490,4 ipm «машина», диапазон частотности для пассивных конструкций: от 60,2 ipm «редактор» до 222,2 ipm «директор».

Примеры целевых слов в смоделированных предложениях представлены в таблице.

Стимульный материал состоит из 480 предложений по 270, 120 и 90 предложений соответственно. Каждое предложение соответствовало структуре: (...) SVT (...); где S – субъект, V – предикат, T – целевое слово. Многоточиями показаны обстоятельства места и времени, образа действия (например: Обычно девушка съедает котлету с большим аппетитом), которые были добавлены, чтобы предложение не было слишком коротким для внимания участника и целевое слово находилось не в конечной позиции.

Образец сконструированных стимульных предложений для окулографического эксперимента

Предложение	Корректное предложение	Предложение с возможным по корпусу OPC	Предложение с невозможным по корпусу OPC
Предложение с прямым объектом	Изредка ребята убрали зажигалку в недоступное место	Изредка ребята убрали зажигалку в недоступное место	Изредка ребята убрали зажигалке в недоступное место
Предложение с локативной конструкцией	Теперь студент проводил в комнате практически весь день	Теперь студент проводил комнате / в комната практически весь день	Теперь студент проводил комната практически весь день
Предложение с пассивной конструкцией	Утром разговор был записан американцем втайне от коллег	Утром разговор был записан американец втайне от коллег	Утром разговор был записан американце втайне от коллег

Также было составлено 240 филлерных предложений, они не включали отклонения от норм русского языка.

Респонденты. Для проверки гипотезы были привлечены носители русского языка как родного в качестве контрольной группы и татарско-русские билингвы в качестве экспериментальной группы.

Контрольную группу составили 40 человек (18 мужчин) в возрасте от 17 до 39 лет, все носители русского языка как родного, не говорящие на татарском языке, в основном студенты лингвистических специальностей или уже получившие высшее образование.

Экспериментальную группу составили 11 татарско-русских билингвов (6 мужчин) в возрасте от 17 до 53 лет, имеющие среднее, среднее специальное, высшее образование или студенты. Как уже упоминалось выше, тип билингвизма характеризуется функциональным доминированием русского языка с вытеснением материнского татарского языка в сферу семейного и бытового общения, поэтому мы можем утверждать, что более молодые участники уже практически не говорят на татарском языке.

Дизайн данного эксперимента представляет собой сочетание трех независимых переменных:

– тип предложения с тремя уровнями, противопоставляемыми падежом и функцией целевого слова: 1) В. п., прямой объект; 2) П. п., локативное значение, 3) Т. п., субъект в конструкции пассивного залога;

– тип ошибки с тремя уровнями: 1) грамматически корректное предложение, 2) предложение с отклонениями от нормы русского языка, выявленными при анализе корпусных данных, т. е. считающимися в большей или меньшей степени типичными для билингвов; 3) предложение с нетипичной ошибкой, отклонение от норм русского языка в корпусе не зарегистрированы и не объясняются билингвальной интерференцией;

– родной язык респондента с двумя уровнями: 1) русский, 2) татарский.

Процедура. Вначале участники заполняли протокол информированного согласия и приглашались поучаствовать в нашем исследовании. Участники были предупреждены, что они могут закончить эксперимент в любой момент и не обязаны проходить его до конца. Участники были уведомлены о том, что исследование не направлено на измерение объема знаний. Также участники были предупреждены, что выявленных негативных влияний аппарата для фиксации взгляда на организм не обнаружено и ничто не угрожает их здоровью.

Процедура эксперимента включала тренировочную и экспериментальную сессии. После успешной процедуры калибровки на экране появлялись фиксационная точка и текст, сообщающий респонденту, что для появления стимула ему необходимо зафиксировать взгляд на точке и нажать клавишу «пробел».

По окончании чтения предложения респондентам предлагалось перейти к следующему предложению, также зафиксировав взгляд на фиксационной точке и нажав «пробел». После прочтения нескольких предложений предлагались вопросы, направленные на проверку осмысленности чтения, которые появлялись в случайном порядке в 33% случаев

Движения глаз были записаны с помощью Eyelink1000+ (SR Research, Canada) с частотой 1000 Гц. Предложения были показаны на 24 Benq xl2430 мониторе (разрешение экрана 1920×1080 пикселей; частота обновления 144 Hz) под управлением операционной системы Windows 10, процессора Intel Core i7-6700 и видеокарты Nvidia GeForce GTX 1050 Ti.

Результаты исследования

Данные были извлечены с помощью программы DataViewer (Interest Area Report). Обработка данных была проведена в программе Rstudio на языке R. Всего было собрано 92 465 наблюдений. После удаления нерелевантных данных (фиксации на других словах, филлерные предложения) и выбросов анализировались 8 497 наблюдений, из которых 1 753 наблюдения составляли данные о чтении целевых слов билингвами. Данные не подчиняются нормальному закону распределения по критерию Пирсона ($p < 0,01$), поэтому были использованы непараметрические методы анализа, а именно анализ Краскела–Уолесса с поправкой Бонферрони для всех сравнений, кроме выявления эффекта билингвизма – в данном случае применялся критерий Манна–Уитни.

Анализ времени первой фиксации внутри типов предложений не выявил статистически значимой разницы между типами ошибок, однако такая разница была выявлена при анализе времени полной фиксации на целевых словах. Далее приведены результаты анализа именно этой зависимой переменной.

Анализ данных выявил главный эффект билингвизма. Как можно заметить на рис. 1, фиксация билингвами (рис. 1, обозначение bilingual) на целевых словах статистически значимо дольше, чем носителями русского языка как родного (рис. 1, обозначение russian) ($p < 0,01$).

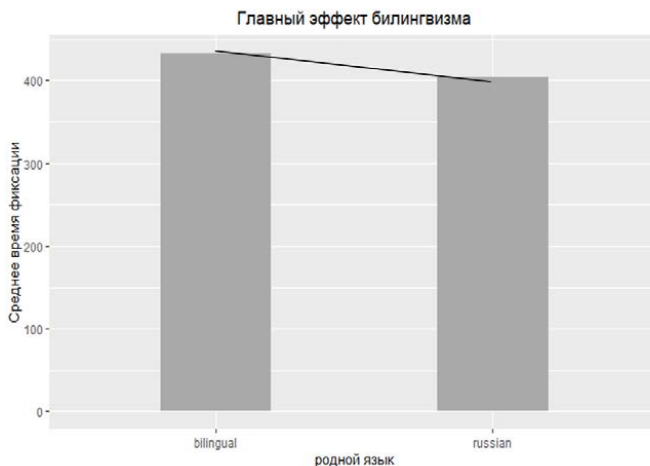

Рис. 1. Средние значения фиксации на целевых словах билингвами и носителями русского языка как родного

Рассмотрим обработку предложений по типам предложений и типам ошибок.

Тип 1. Предложения, в которых целевое слово является объектом. Результаты анализа представлены на рис. 2, 3 (objcorr обозначается для предложений, соответствующих нормам русского языка, objnotyr – для предложений с незарегистрированными OPC, objtyr – для предложений с зарегистрированными OPC).

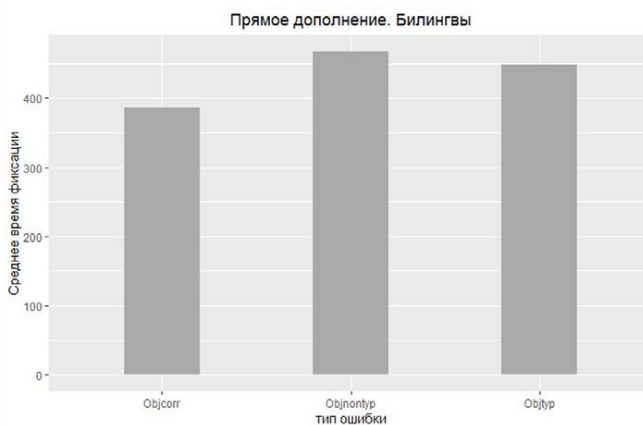

Рис. 2. Средние значения фиксации на целевых словах билингвами при обработке конструкций с прямым дополнением

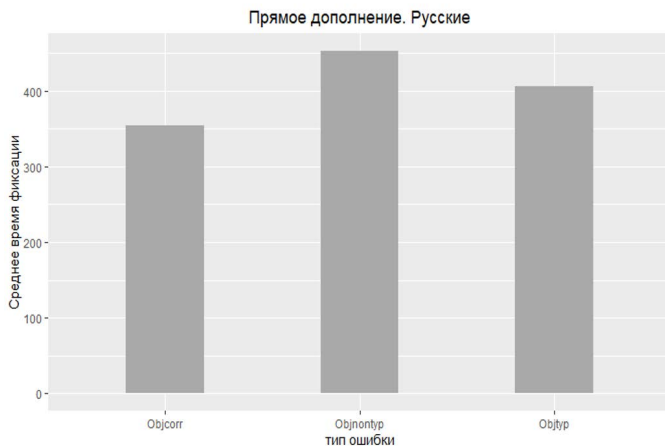

Рис. 3. Средние значения фиксации на целевых словах носителями русского языка как родного при обработке конструкций с прямым дополнением

Как можно заметить, в группе татарско-русских билингов выявлен главный эффект корректности предложения ($p < 0,01$): предложения, в которых прямое дополнение было употреблено в В. п. (см. рис. 2, objcorr; пример: *Осенью мой приятель надевает фуражку во время вечерних прогулок*), обрабатываются быстрее предложений с любым типом отклонения от норм русского языка (рис. 2, objtur и objnontyp; пример: *Осенью мой приятель надевает фуражка во время вечерних прогулок* и *Осенью мой приятель надевает фуражке во время вечерних прогулок* соответственно). При этом не обнаружено статистически значимой разницы между обработкой предложений с выявленным в корпусных данных ОРС и предложений с нетипичным для билингов ОРС ($p = 0,12$).

Однако в группе носителей русского языка как родного выявлена статистически значимая разница между тремя типами предложений (см. рис. 3). По длительности они обрабатываются в следующей возрастающей последовательности: корректные предложения (см. рис. 3, objcorr), предложения с выявленными в корпусных данных ОРС (см. рис. 3, objtur) и предложения с нетипичными для билингов ОРС (см. рис. 3, objnontyp) ($p < 0,01$).

Когнитивная обработка конструкций с прямым дополнением не обнаруживает билингвальных интерференций, возможно, потому, что такие конструкции обладают высокой частотностью, а также выражение семантической роли объекта в тюркских и русском языках пересекается.

Тип 2. Предложения, в которых целевое слово является локацией. Результаты анализа представлены на рис. 4, 5 (Lcorr обозначается для предложений, соответствующих нормам русского языка, LnoPrepNom – для предложений с незарегистрированными OPC, а именно с локативом, употребленным в именительном падеже с пропуском предлога, LPrepNom и LnoPrep – для предложений с зарегистрированными OPC, а именно с локативом, употребленным в именительном падеже с предлогом и с локативом, употребленным в предложном падеже с пропуском предлога, соответственно).

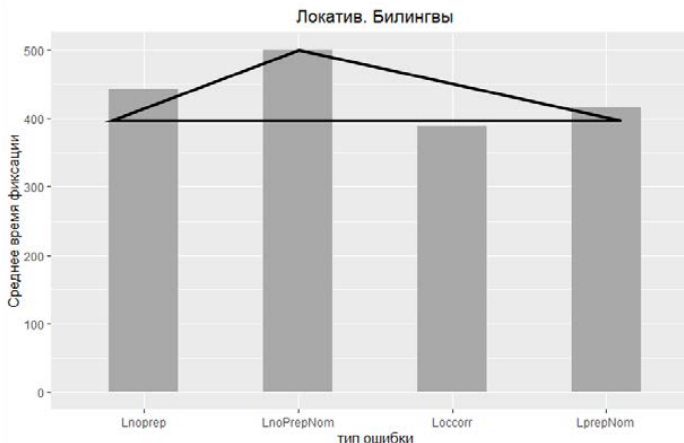

Рис. 4. Средние значения фиксации на целевых словах билингвами при обработке локативных конструкций

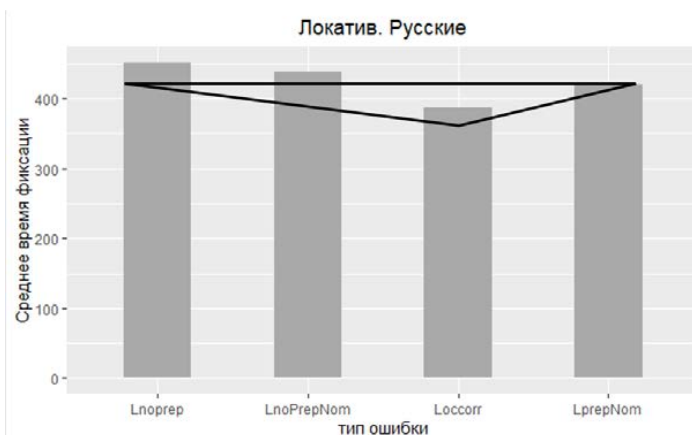

Рис. 5. Средние значения фиксации на целевых словах носителями русского языка как родного при обработке локативных конструкций

Как видно на рис. 4, анализ в группе татарско-русских билингов выявил различия между типами ошибок ($p = 0,02$). По длительности они обрабатываются в следующей возрастающей последовательности: корректные предложения (пример: *Обычно власти проводят в регионе необходимые улучшения*), предложения с предлогом и локативом, употребленным в именительном падеже (по данным корпуса) (пример: *Обычно власти проводят в региона необходимые улучшения*), предложения с пропуском предлога (по данным корпуса) (пример: *Обычно власти проводят регионе необходимые улучшения*) и предложения с нетипичной для билингов ОРС, т. е. с пропуском предлога и локативом, употребленным в именительном падеже (пример: *Обычно власти проводят региона необходимые улучшения*). Статистически значимой разницы между обработкой двух типичных случаев отклонения от речевого стандарта не было выявлено ($p = 0,26$), однако проявляется паттерн к более быстрой обработке предложений, в которых предлог не опускается, а целевое слово употребляется в форме именительного падежа. Также не выявлено статистически значимой разницы между обработкой корректных предложений и двух типичных случаев отклонения от речевого стандарта ($p = 0,24$ – между корректным предложением и предложением, в котором предлог не опускается, а целевое слово употребляется в форме именительного падежа, и $p = 0,08$ – между корректным предложением и предложением, в котором предлог опускается).

Однако, как видно на рис. 5, в группе носителей русского языка как родного выявлен лишь главный эффект корректности предложения ($p < 0,01$). Корректное предложение обрабатывается статистически значимо быстрее (см. рис. 5, *losscorr*), чем все предложения с отклонениями от норм русского языка. Между типами предложений с отклонениями от норм русского языка статистически значимой разницы не обнаружено.

Тип 3. Предложения, в которых целевое слово является субъектом, а предикат употреблен в пассивном залоге. Результаты анализа представлены на рис. 6, 7 (*Passivecorr* обозначается для предложений, соответствующих нормам русского языка, *passnontyp* – для предложений с незарегистрированными ОРС, *passnom* – для предложений с зарегистрированными ОРС).

На рис. 6 видно, что анализ Краскела–Уолесса с поправкой Бонферрони в группе билингов не выявил различий между обработкой типов предложений ($p = 0,2$). Наблюдается тенденция к более быстрой обработке корректных предложений ($p = 0,06$; пример: *Раньше парень работал сотрудником популярного заведения*), однако пред-

ложения с выявленным в корпусных данных ОРС (пример: *Раньше парень работал сотрудник популярного заведения*) и нетипичным ОРС (пример: *Раньше парень работал сотруднике популярного заведения*) обрабатываются с одинаковой длительностью ($p = 0,43$). Однако на рис. 7 видно, что в группе носителей русского языка как родного выявлена статистически значимая разница между тремя типами предложений ($p < 0,01$). По длительности они обрабатываются в следующей возрастающей последовательности: корректные предложения, предложения с выявленными в корпусных данных ОРС и предложения с нетипичными для билингвов ОРС.

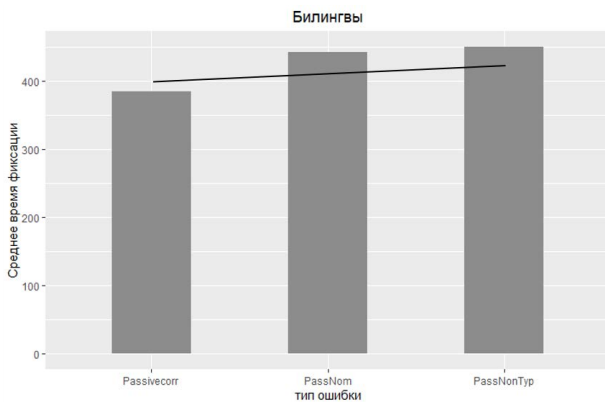

Рис. 6. Средние значения фиксации на целевых словах билингвами при обработке пассивных конструкций

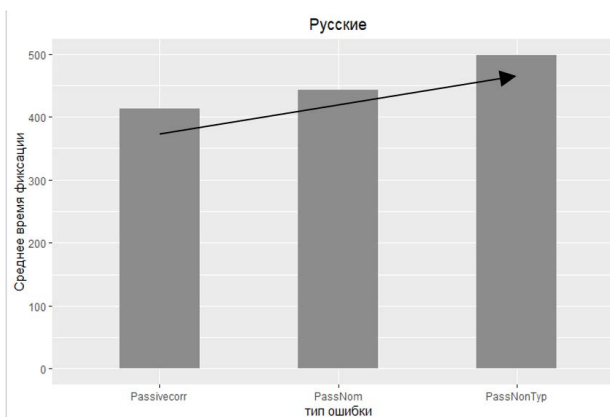

Рис. 7. Средние значения фиксации на целевых словах носителями русского языка как родного при обработке пассивных конструкций

Заключение

Таким образом, было выявлено, что характерные для билингов отклонения от речевого стандарта русского языка также проявляются и при обработке речи. Наиболее показательный результат был обнаружен при анализе когнитивной обработки локативных конструкций. В результате корпусного исследования было выявлено, что билингвы имеют тенденцию к пропуску предлога или же к употреблению зависимого имени существительного в именительном падеже. Поскольку билингвами опускался только предлог В, был сделан вывод о влиянии диалектной фонетики. Статистический анализ показал, что оба варианта отклонения от речевого стандарта воспринимаются билингвами как «типичные», однако употребление существительного в именительного падеже, вместо предложного имеет паттерн более быстрой когнитивной обработки, чем при пропуске предлога. В связи с этим будет целесообразно заключить, что употребление локатива в именительном падеже продиктовано структурными особенностями тюркских языков в большей степени, чем пропуск предлога.

Результаты, полученные при анализе когнитивной обработки конструкций с прямым дополнением, показали, что билингвальная интерференция не проявляется при обработке таких структур, билингвы, владея русским языком на высоком уровне, обрабатывают такую информацию так же, как и носители русского как родного. Такой результат соответствует уже полученным в академическом сообществе результатам о когнитивной обработке грамматической информации билингвами. Билингвальная интерференция при отличном уровне владения проявляется лишь при обработке сложных синтаксических структур.

Когнитивная обработка формы творительного предикативного в группе билингов не выявила различий между типами ошибок в отличие от группы носителей русского языка как родного. Можно предположить, что такая синтаксическая конструкция, по сравнению с предложной конструкцией или конструкцией простого предложения (SVO), оказывается недостаточно частотной для такого же паттерна обработки, как в группе носителей русского как родного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Л.К., Сафиуллина Ф.С. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. С. 26–29.
2. Замалетдинов Р.Р., Саттарова М.Р., Сафонова С.С., Чупрякова О.А., Юсупова З.Ф. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков.

Морфология / под ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 180 с.

3. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 15.04.2022).

4. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 205–206.

5. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // Русин. 2015. № 3. С. 241–255.

6. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Категория абстрактности имен существительных в русском и болгарском языках: когнитивные рефлекссы формализации // Русин. 2016. № 3 (45). С. 17–32. DOI: 10.17223/18572685/45/3

7. *Bertram R., Hyönä J., Laine M.* The role of context in morphological processing: Evidence from Finnish // *Language and Cognitive Processes*. 2000. Vol. 15, № 4/5. P. 379–382.

8. *Gor K., Chrabaszcz A., Cook S.* Processing of native and nonnative inflected words: Beyond affix stripping // *Journal of Memory and Language*. 2017. № 93. P. 323–327.

9. *Hoshin N., Kroll J.F.* Cognate effects in picture naming: Does cross-language activation survive a change of script? // *Cognition*. 2008. № 106. P. 501–511.

10. *Hyönä J., Vainio S., Laine M.* A morphological effect obtains for isolated words but not for words in sentence context // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. № 14 (4). P. 428–429.

11. *Love T. et al.* The influence of language exposure on lexical and syntactic language processing // *Experimental Psychology*. 2003. № 50. P. 204–216.

12. *Lukatela G., Carello C., Turvey M.* Lexical representation of regular and irregular inflected nouns // *Language and Cognitive Processes*. 1987. № 2. P. 12–14.

13. *Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Artemenko E.D., Stepanenko A.A., Dat sy uk V.V., Dybo A.V.* The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. Вып. 18. Дополнительный том. С. 200–210.

14. *Vasilyeva M.* Demasking Russian case inflection // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конф. 15 июня 2017 г. / под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. М.: Буки Веди, ИППиП, 2017. С. 469–470.

REFERENCES

1. Bayramova, L.K. & Safullina, F.S. (1989) *Sopostavitel'nyy sintaksis russkogo i tatarskogo yazykov* [Comparative syntax of Russian and Tatar languages]. Kazan: Kazan State University. pp. 26–29.

2. Zamaletdinov, R.R., Sattarova, M.R., Safonova, S.S., Chupryakova, O.A. & Yusupova, Z.F. (2017) *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i tatarskogo yazykov. Morfologiya* [Comparative grammar of Russian and Tatar languages. Morphology]. Kazan: Kazan State University.

3. Lyashevskaya, O.N. & Sharov S.A. (2015) *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [A New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary]. Moscow: Azbukovnik.

4. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language Interaction in Shor-Russian Bilinguals' Speech in Southern Siberia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitar. Nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2(187). pp. 205–206 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

5. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2015) The influence of grammatical gender on the bimodal perception of Bulgarian nouns. *Rusin.* 3(41). pp. 241–255 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/17

6. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2016) The category of abstractedness in the Russian and Bulgarian languages: cognitive reflexes of formalisation. *Rusin.* 3(45). pp. 171–32 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/3

7. Bertram, R., Hyönä, J. & Laine, M. (2000) The role of context in morphological processing: Evidence from Finnish. *Language and Cognitive Processes.* 15(4/5). pp. 379–382. DOI: 10.1080/01690960050119634

8. Gor, K., Chrabaszcz, A. & Cook, S. (2017) Processing of native and nonnative inflected words: Beyond affix stripping. *Journal of Memory and Language.* 93. pp. 323–327. DOI: 10.1016/j.jml.2016.06.014

9. Hoshino, N. & Kroll, J.F. (2008) Cognate effects in picture naming: Does cross-language activation survive a change of script? *Cognition.* 106. pp. 501–511. DOI: 10.1016/j.cognition.2007.02.001

10. Hyönä, J., Vainio, S. & Laine, M. (2002) A morphological effect obtains for isolated words but not for words in sentence context. *European Journal of Cognitive Psychology.* 14(4). pp. 428–429. DOI: 10.1080/09541440143000131

11. Love, T., Maas, E. & Swinney, D. (2003). The influence of language exposure on lexical and syntactic language processing. *Experimental Psychology.* 50. pp. 204–216. DOI: 10.1026//1617-3169.50.3.204

12. Lukatela, G., Carello, C. & Turvey, M. (1987) Lexical representation of regular and irregular inflected nouns. *Language and Cognitive Processes.* 2. pp. 12–14. DOI: 10.1080/01690968708406349

13. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artemenko, E.D., Stepanenko, A.A., Datsyuk, V.V. & Dybo, A.V. (2019) The bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals'

speech (RuTuBiC). In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 200–210.

14. Vasilyeva, M. (2017) Demasking Russian case inflection. In: Pechenkova, E.V. & Falikman, M.V. (eds) *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya* [Cognitive Science in Moscow: New Research]. Moscow: Buki Vedi. pp. 469–470.

Владимирова Валерия Евгеньевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Valeriia E. Vladimirova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: picture_perfect@mail.ru

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

УДК 811

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/18

Корпусные библиометрические аспекты славяноведческой тематики в русскоязычных научных электронных ресурсах в контексте категорий исторического познания

А.В. Бочаров

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

E-mail: inspert2015@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется задача измерения полноты, репрезентативности и сбалансированности при создании корпуса русскоязычных текстов по славяноведческой литературе. Расчет данных критериев формирования дисциплинарного корпуса может быть произведен с использованием библиометрических и наукометрических подходов. Разные категории исторического познания могут обозначать явления, сопоставимые с тематиками и проблематикой исследований в славяноведении. Всего проверено 76 исторических категорий (историческая аналогия, историческая память, историческая возможность историческое время, историческая личность и т.д.). Все исторические категории, сопряженные с тематикой славяноведения, либо с тематикой русинов, были ранжированы по частотности поисковой выдачи полнотекстовых ресурсов в scholar.google.ru и academia.edu. Выявлены и проанализированы следующие показатели: соотношение упоминания славяноведения совместно с разными славянскими языками; представленность славяноведения в ряду других страноведческих дисциплин; совместная встречаемость различных лингвистических дисциплин со славяноведением; соотношение и распределение категории исторического познания в текстах со славяноведческой тематикой. Изучено распределение частоты связи исторических категорий со славяноведением. Показана специфичность влияния славяноведческой тематики на популярность разных категорий и особенности функционирования исторического сознания в славяноведческом научном сообществе. Сделан вывод, что корпусная сбалансированность может рассматриваться на четырех уровнях в рамках возможности создания: 1) филологического корпуса с текстами по различным направлениям языкознания и литературоведения;

2) историографического корпуса с разнотематическими и разножанровыми историческими текстами на одном языке; 3) страноведческого корпуса с текстами по различным страноведческим дисциплинам; 4) дисциплинарного корпуса только по тематике славяноведения.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, славяноведческий корпус, библиометрия, исторические категории, цифровые ресурсы славистики.

Corpus bibliometric aspects of Slavic studies in Russian-language scholarly electronic resources in the context of categories of historical knowledge

A.V. Bocharov

Tomsk State University

Lenin Ave, 36, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: inspert2015@gmail.com

Abstract

The article analyses the task of measuring completeness, representativeness, and balance when creating a corpus of Russian-language texts on Slavic literature. The criteria for a disciplinary corpus can be calculated using a bibliometric and scientometric approaches. Different categories of historical knowledge can denote phenomena comparable to the themes and problems of research in Slavic studies. A total of 76 historical categories have been tested (historical analogy, historical memory, historical possibility, historical time, historical personality, etc.). All historical categories associated with Slavic studies or with Rusins have been ranked according to the frequency of search results of full-text resources in scholar.google.ru and academia.edu. The following indicators have been identified and analysed: representation of Slavic studies in a number of other regional studies disciplines; joint occurrence of various linguistic disciplines with Slavic studies; correlation and distribution of the category of historical knowledge in texts with Slavic themes. The author has studied the frequency distribution of the connection between historical categories and Slavic studies and shown the specificity of the influence of Slavic subjects on different categories and functioning of historical consciousness in the Slavic academic community. He concludes that corpus balance can be considered at four levels within the possibility of creating: 1) a philological corpus with texts in various areas of linguistics and literary criticism;

2) a historiographic corpus with historical texts of various themes and genres in one language; 3) a regional corpus with texts on various regional disciplines; 4) a disciplinary corpus only on the subject of Slavic studies.

Keywords: corpus linguistics, Slavic corpus, bibliometrics, historical categories, digital resources of Slavic studies.

Введение

Корпусная революция в филологии во взаимодействии с цифровизацией научных публикаций может и должна ставить задачу создания специализированных дисциплинарных корпусов.

Методы корпусной лингвистики в славяноведении в последнее десятилетие все активнее используются вслед за остальными языковедческими дисциплинами. В русскоязычных академических публикациях эта тенденция, в частности, продемонстрирована в ряде работ [1; 3–5; 7].

Если ставить задачу создания корпуса русскоязычных текстов по филологической, страноведческой или славяноведческой литературе, то такой корпус должен составляться с учетом критериев полноты, репрезентативности и сбалансированности. Расчет данных критериев формирования дисциплинарного корпуса может быть произведен с использованием библиометрических и наукометрических подходов. Учет библиометрической статистики также становится устойчивым трендом в самых разных научных дисциплинах. В русскоязычном славяноведении последних лет присутствуют работы с библиометрическим уклоном [6; 8; 9].

Цель исследования – провести разведочный обзор представленности в научных цифровых платформах полнотекстовых русскоязычных ресурсов по славяноведению с учетом соотношения различных тематик, которые можно учесть как критерии корпусной сбалансированности. Проблематика оценки сбалансированности относительной доли текстов в корпусе в статье дополнительно проиллюстрирована на примере сравнительной библиометрической оценки тематики русинов и русинского языка.

Сбалансированность славяноведческого корпуса по разным дисциплинарным направлениям

Очевидно, что сбалансированность для состава специализированного дисциплинарного корпуса не может быть идентичной сбалансированности национального языкового корпуса. Если в национальном корпусе речь идет о пропорциональности разных типов и жанров

текстов, то в корпусе научных (в том числе научно-образовательных) текстов понятие сбалансированности может опираться на категориально-понятийную и терминологическую специфику научных дисциплин, которым посвящен корпус. Разметка подобного корпуса должна опираться также на предметные общенаучные и узкодисциплинарные рубрикаторы.

Соотношение славяноведческой тематики на разных славянских языках в академических текстах продемонстрировано в табл. 1. Все приведенные в статье частоты актуальны на апрель 2022 г. В Google Scholar индексируются публикации, изданные с 1990-х гг. по настоящее время.

Частота текстов с упоминанием научной дисциплины на конкретном языке в первую очередь коррелирует с количеством носителей данного языка. Однако свой вклад в разницу частот на разных языках вносит также уровень развития в разных странах как научной гуманитаристики в целом, так и популярности конкретной научной дисциплины (славяноведения в нашем случае). Также дополнительный фактор в современной наукометрии – это доля англоязычных статей в национальной науке.

Таблица 1

**Работы в Google Scholar с упоминанием названия дисциплины
на разных славянских языках**

Язык	Поисковый запрос	Статистика поисковой выдачи (кол-во текстов)	Общее число говорящих
English	slavic studies slavistics	328 000	Ок. 600–700 млн (2003 г.)
Русский	славяноведение славистика	15 600	Ок. 260 млн (2014 г.)
Čeština	slavistika	5 090	Ок. 10,62 млн (2016 г.)
Hrvatski	slavistiku	3 620	Ок. 21 млн (2006 г.)
Українська	словянознавство славистика	994	Ок. 27,3 млн (2019 г.)
Polski	slawistyka	848	Ок. 40 млн (2007 г.)
Беларуский	славяназнаўства славістыка	213	Ок. 6,4 млн (2009 г.)

В сбалансированности корпуса по славяноведению необходимо также учесть соотношения текстов с упоминанием разных славянских языков совместно со славяноведением. Объем текстов с упоминанием менее изученных языков не должен превышать объем более изученных. На рис. 1. продемонстрировано соотношение количества текстов с совместным упоминанием славяноведения (славистики) с разными славянскими языками в русскоязычных публикациях, проиндексиро-

ванных в Google Scholar. Так, русинский язык является пока одним из наименее упоминаемых славянских языков в русскоязычных текстах (после верхне- и нижнелужицкого языков, которые, впрочем, имеют значительный (в три раза) разрыв с русинским языком).

Если посмотреть общую частоту поисковой выдачи в scholar.google.ru (со снятой опцией «показывать цитаты»), то для запроса (славяноведение | славистика) частота равна 15 700, а для запроса («русини» | русинский) частота в scholar.google.ru равна 4 540. Поиск в Google Scholar делался со снятой опцией «показывать цитаты», чтобы статистика указывала в большей степени на тексты, игнорируя упоминания этих же текстов в библиографических ссылок. Тематика именно русинов взята здесь как пример сравнительной доли представленности изучения отдельного языка и народа в рамках славяноведения в контексте истории.

Рис. 1. Соотношение количества текстов с совместным упоминанием славяноведения (славистики) с разными славянскими языками в русскоязычных публикациях, проиндексированных в Google Scholar

Аналогичная поисковая выдача при поиске Google на сайте academia.edu почти всегда отличается в меньшую сторону, поскольку размещение текста в социальной сети происходит по инициативе авторов, а не автоматически, по факту появления изданий в электронных библиотеках или сайтах. В academia.edu для запроса славяноведение | славистика – частота равна 3 490, для запроса «русини» | русинский частота равна 951. Стоит отметить, что в поисковый запрос в данном случае не включалось слово «русин» (в единственном числе

и без кавычек), т.к. иначе в статистику выдачи вмешалось бы название журнала «Русин», не все статьи которого непосредственно посвящены русинскому языку или этносу. Если сравнивать поисковые выдачи по тому же запросу («русин» | русинский) до выхода журнала в 2005 г. и после этого, то будет заметна существенная разница: в Google Scholar до 2004 г. включительно размер поисковой выдачи равен 429 публикациям, с 2005 г. – 4040 публикациям. При этом, если с 2005 г. исключить из поиска название журнала через знак минус, т.е. – «Русин», то разница уменьшится приблизительно на одну тысячу – 2 960 публикаций. Такой результат означает, что выход журнала был не единственным, но очень важным фактором для развития русинской тематики в научной периодике.

Таким образом, упоминания тематики русинов в научных электронных библиотеках занимает приблизительно 29% от общего количества русскоязычных публикаций по теме славяноведения. В академической социальной сети academia.edu тематика русинов занимает приблизительно 27% от общего количества русскоязычных публикаций по теме славяноведения на этом же ресурсе (если считать, что упоминание русинов указывает на славяноведческую тематику, даже при условии, что сами понятия «славяноведение» или «славистика» в тексте не упоминаются).

Для организации систематизированного поиска сопряженности славяноведения с различными дисциплинами и категориями использовался авторский сервис «Конструктор комбинаторных поисковых запросов по истории и социальным наукам» (www.lib.tsu.ru/inspert/). Этот онлайн сервис позволяет генерировать поисковые запросы с учетом синонимии, омонимии и тематических тезаурусов.

В перспективе при составлении страноведческого корпуса пропорциональность представленности русскоязычных текстов по отдельным дисциплинам должна соответствовать их соотношению в ряду библиометрических частот. В ряду других страноведческих дисциплин в русскоязычных публикациях в Google Scholar наблюдаются следующие соотношения (табл. 2). Ожидаемо славяноведение (славистика) (15 600) сопоставимо с русистикой (22 900). Остальные соотношения частот можно объяснить как различной развитостью русскоязычных научных школ, так и сложностью изучения языков, а также востребованностью языков в системе международных отношений. Данные носят накопительный характер с точки зрения хронологии публикаций, т.е. это количество текстов, накопленное к текущему 2022 г. Для того чтобы сравнивать диахронические тенденции в развитии различных дисциплин или дисциплинарной терминологии, необходимо делать поисковые запросы и сравнивать результаты по разным годам. Такой

анализ не входит в задачи нашего исследования, хотя, безусловно, в корпусной сбалансированности необходимо учитывать также распределение объемов текстов по разным хронологическим периодам.

Таблица 2

**Славяноведение в ряду других страноведческих дисциплин
в русскоязычных публикациях, проиндексированных в Google Scholar**

Дисциплина	Частота (кол-во текстов)
Русистика	22 900
Славяноведение славистика	15 600
Африканистика	6 910
Тюркология	6 230
Германистика	3 090
Синология	2 990
Уралистика финно-угроведение	2 070
Арабистика	1 750
Романистика	1 700
Индология	1 510
Алтаистика	774
Индоевропеистика	691
Иудаика	671
Полонистика	454
Иранистика	363
Скандинавистика	226
Японистика	212
Семитология	120
Израилеведение	113
Албанистика	85
Санскритология	77
Балтистика	56

Распределение упоминания в корпусе специальной дисциплинарной терминологии (лингвистической в нашем случае) связано с анализом тематических тенденций в рамках сбалансированного корпуса.

В табл. 3 показаны частоты в совместной встречаемости лингвистических дисциплин со славяноведением (славистикой) в Google Scholar. Использовался список языковедческих дисциплин, представленный в одной из поисковых форм сервиса InSpert – «Клиограмме истории идей». Если характеризовать состав оцифрованных текстов, то подавляющее большинство публикаций в результатах комбинаторного поиска – это научные статьи или разделы монографий, учебных пособий или диссертаций, в которых искомые ключевые слова встречаются в одном смысловом контексте. Иногда в небольшом проценте случаев в поисковые результаты попадают сборники статей в общем файле, в которых ключевые слова встречаются под одной обложкой, но в

разных статьях. Другой особый случай, когда на одной pdf-странице перед началом одной статьи идет конец и список литературы другой статьи, в котором встречаются искомые ключевые слова. Такие ситуации не указывают на прямую связь славяноведения с искомым понятием. Однако из-за редкости подобных случаев (несколько процентов от результата поиска) они не искажают общую статистическую картину состава текстов для составления корпуса по славяноведению.

Таблица 3

Совместная встречаемость лингвистических дисциплин со славяноведением (славистикой) в Google Scholar

Лингвистическая дисциплина	Частота в Google Scholar	Лингвистическая дисциплина	Частота в Google Scholar
синтактика	18 600	лингводидактика	825
семантика	14 900	идиоматика	755
лингвистика	8 900	контрастивная лингвистика	658
поэтика	8 230	топонимика	614
грамматика	5 800	корпусная лингвистика	390
лексикология	4 990	прагмалингвистика	375
лексикография	4 800	акцентология	301
этнолингвистика	4 160	идеография	235
этимология	4 100	морфонология	225
когнитивная лингвистика	3 060	нарратология	141
стилистика	2 640	терминоведение	117
фонетика	2 620	ностратика	110
социоллингвистика	2 390	семиология	86
фразеология	2 370	фоносемантика	58
семиотика	2 270	этносемантика	52
фонология	2 060	лингвоперсонология	44
риторика	1 780	лексикостатистика	42
диалектология	1 700	семитология	40
текстология	1 630	дериватология	35
морфология	1 620	глоссематика	27
психоллингвистика	1 460	грамматология	26
компьютерная лингвистика	1 410	силлогистика	25
фольклористика	1 410	психопоэтика	24
ономасиология	1 330	меметика	5
орфография	1 270	стилометрия	4
лингвокультурология	1 180		

Частота связи лингвистических субдисциплин со славяноведением указывает:

- во-первых, на степень изученности и актуальности различных

языковедческих аспектов в славяноведении. Поэтому, например, высокочастотны лексикология или этимология, но малочастотно совместное упоминание со славяноведением таких дисциплин, как фоносемантика или лингвоперсонология;

– во-вторых, на универсальность лингвистических явлений, изучаемых соответствующими дисциплинами. Поэтому, например, синтактика и семантика самые частотные;

– в-третьих, на специфичность и закреплённость терминологии в именовании дисциплин. Поэтому, например, лингвостатистика или психопозитика – малочастотные.

Категории исторического познания как критерии тематической сбалансированности славяноведческого корпуса

Славяноведение, наряду с другими страноведческими дисциплинами, является комплексной дисциплиной, изучающей языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру. Для частотной аналитики структурно-содержательных аспектов корпуса текстов по таким комплексным дисциплинам уместной и наиболее обобщающей будет проверка сопряженности с категориями исторического познания.

Историческая категория – это абстрактный конструкт для наиболее обобщающих интерпретаций явлений исторического процесса и наиболее общепринятых группировок понятий в историческом познании.

Разные исторические категории могут обозначать явления, вполне сопоставимые с тематиками и проблематикой исследований в славяноведении. Всего проверено 76 исторических категорий (историческая аналогия, историческая память, историческое время, историческая личность и т.д.). Далее, в целях экономии, первое слово «исторический» в названии категорий не будет повторяться каждый раз. Весь список категорий представлен в одной из поисковых форм сервиса InSpert – «Матрице исторического познания». Исторические категории, наряду с языковедческими понятиями, могут стать критериями для разметки ключевых слов в дисциплинарном корпусе. Пропорциональная представленность разных исторических категорий в корпусе также должна отвечать критериям сбалансированности.

Все исторические категории, сопряженные либо с тематикой славяноведения, либо с тематикой русинов, были ранжированы по частотности поисковой выдачи полнотекстовых ресурсов. Частотность в свою очередь была ранжирована по разрядам значности чисел (пятизначные, четырехзначные, трехзначные, двузначные, однозначные).

Сопряженность исторических категорий со славяноведением, как правило, на один разряд превышает сопряженность этих же категорий с тематикой русинов, по очевидным причинам большей обобщенности. А частотность совместной встречаемости в scholar.google.ru для большинства категорий на один разряд выше, чем на сайте academia.edu.

В табл. 4 показаны наиболее частотные категории (пятизначные числа для славяноведения и четырехзначные для тематики русинов). Конкретные примеры смысловой сопряженности славяноведения с какой-либо исторической категорией можно легко проверить в текстовых фрагментах, дающихся в поисковой выдаче гиперссылок на тексты.

Таблица 4

Наиболее частотные категории исторического познания в текстах со славяноведческой тематикой

Исторические категории	(славяноведение славистика)		(«русины» русинский)	
	Частота в scholar.google.ru	Частота в academia.edu	Частота в scholar.google.ru	Частота в academia.edu
Развитие	16 300	5 200	3 230	637
Возможность	15 300	6 650	2 720	681
Период	15 000	1 750	2 860	598
Эпоха	14 700	4 780	2 000	571
Ситуация	14 000	4 420	553	599
Причина	13 200	2 170	942	659
Факт	12 600	4 550	2360	595
Память	11 900	4 860	1780	570
Пространство	10 400	3 820	1780	608

Тематика именно русинов взята как пример сравнительной доли представленности изучения отдельного языка и народа в рамках славяноведения в контексте истории.

В табл. 5 показаны вторые по частотности исторические категории (четырёхзначные числа для славяноведения и трёхзначные для тематики русинов). Это наиболее обобщающие по смыслу категории, необходимые для функционирования исторического сознания в целом. Славяноведческая тематика не дает здесь какой-то особенной специфики в предпочтениях категорий.

Все точные значения частот приводятся в таблицах лишь для иллюстрации достоверности и проверяемости данных. Для анализа данных здесь важны не столько точные значения частот, сколько их относительные значения. Состав и объем проиндексированных поисковиками текстов может меняться со временем. Однако эти изменения будут незначительны по комбинациям совместной встречаемости тематик – за один год может прибавиться несколько статей или книг, но общая разрядность числа публикаций останется неизменной.

Таблица 5

**Вторые по частотности категории исторического познания
в текстах со славяноведческой тематикой**

Историческая категория	(славяноведение славистика)		«русини» русинский)	
	частота в scholar.google.ru	частота в academia.edu	частота в scholar.google.ru	частота в academia.edu
Личность	9 580	3 650	1 300	519
Феномен	7 240	3 050	1 080	436
Условия	7 170	1 120	1 510	431
Связь	6 210	1 370	364	408
Кризис	6 060	2 400	1 080	526
Категория	5 520	875	699	350
Истоки	5 390	1 280	1 010	459
Специфика	5 030	781	643	332
Выбор	4 330	1 110	634	493
Прогресс	4 270	2 160	629	313
Влияние	3 450	1 380	632	394
Интерпретация	3 340	948	287	254
Наследие	3 210	860	494	318
Памятник	3 120	1 090	436	345
Известность	2 820	997	462	465
Достижение	2 500	767	422	302
Объективность	2 360	764	322	263
Случайность	2 290	1 530	314	181
Предшественник	2 160	289	333	72
Шанс	2 130	944	510	168
Аналогия	2 110	947	297	263
Преимственность	2 000	655	286	239
Типичность	1 860	832	126	166
Уникальность	1 520	454	219	167
Забвение	1 510	522	235	83
Альтернативность	1 500	1520	300	220
Источник	1 460	840	174	160
Века	1 340	384	174	155
Опыт	1 250	360	242	152
Контекст	1 220	454	169	138
Закономерность	1 040	475	131	125

Все исторические категории, сопряженные с тематикой славяноведения либо с тематикой русинов, были отсортированы по частотности поисковой выдачи полнотекстовых ресурсов. Частотность, в свою очередь, была ранжирована по разрядам значности чисел (пятизначные, четырехзначные, трехзначные, двузначные, однозначные).

Количество научных публикаций по узкой тематике может подняться с нескольких десятков до нескольких сотен или тысяч, только за период смены целого поколения исследователей, т. е. за 10–15 лет, а по

некоторым тематикам малоизученность или малоактуальность остается неизменными многие десятилетия. Эти аспекты также должны учитываться при анализе сбалансированности дисциплинарного корпуса.

В табл. 6 показаны третьи по частотности исторические категории (трехзначные числа для славяноведения и двухзначные для тематики русинов).

Таблица 6

**Третьи по частотности категории исторического познания
в текстах со славяноведческой тематикой**

Историческая категория	(славяноведение славистика)		(«русины» русинский)
	Частота в scholar.google.ru	Частота в academia.edu	Частота в scholar.google.ru Частота в academia.edu
Достоверность	881	76	156 60
Значение	811	851	118 285
Воображение	698	266	113 113
Роль	674	1090	104 453
Время	627	184	82 69
Материал	570	146	80 47
Неизбежность	563	172	96 89
Сознание	540	148	121 69
Судьба	534	261	233 81
Миф	531	123	80 50
Прецедент	488	266	130 99
Аутентичность	427	202	67 61
Необратимость	412	73	84 52
Повторяемость	410	143	27 43
Тенденция	369	259	75 86
Событие	353	166	62 52
Реальность	303	108	48 45
Фон	285	93	33 58
Травма	274	133	46 75
Перспектива	260	74	65 28
Истина	207	67	63 23
Свидетельство	161	67	49 41
Обратимость	117	64	10 21
Смысл	109	44	9 19
Фальсификация	105	196	29 30

Сопряженность исторических категорий со славяноведением, как правило, на один разряд превышает сопряженность этих же категорий с тематикой русинов, по очевидным причинам большей обобщенности. Частотность совместной встречаемости в Google Scholar для большинства категорий на один разряд выше, чем на сайте academia.edu. Отдельные несовпадения соотношений в рейтинге частот для тематики русинов с общей славяноведческой тематикой демонстрируют тот факт, что для истории разных языков формируется собственная

структура исторического сознания, влияющая на приоритеты в выборе тематик и аргументов в работах специалистов-языковедов.

Из основных тенденций в использовании исторических категорий здесь можно отметить, во-первых, влияние на все исторические процессы и феномены истории славянских народов нахождения их в составе империй (Российской и Австро-Венгерской) и Советского союза; во-вторых, важность тематики борьбы славянских народов за свою самостоятельность и самобытность; в-третьих, значительную роль в историографии, связанной со славянскими народами, личностей филологов-языковедов, фольклористов и литературоведов, по сравнению с историками.

В табл. 7 показаны наименее частотные категории исторического познания. Следует отметить, что для исторической науки в целом данные малочастотные исторические категории также не самые общеупотребительные и почти всегда дискуссионные. Кроме того, они часто относятся к пограничным дискурсивным практикам, поскольку характерны в большей степени для публицистического жанра, чем для академических текстов.

Предположительно, в качестве одного из факторов разница в частотах различных категорий может быть объяснена так называемым эффектом Матфея (Matthew effect), впервые предложенным американским социологом науки Робертом Мертоном [2: 56–63].

Таблица 7

**Наименее частотные категории исторического познания
в текстах со славяноведческой тематикой**

Историческая категория	(славяноведение славистика)		(«русини» русинский)	
	Частота в scholar.google.ru	Частота в academia.edu	Частота в scholar.google.ru	Частота в academia.edu
Образ	93	30	29	23
Оценка	80	10	6	2
Дистанция	75	9	2	5
Справедливость	66	15	30	10
Идентичность	52	23	29	19
Понимание	49	23	6	3
Урок	46	13	14	9
Ответственность	40	9	11	4
Ошибка	26	5	4	4
Цикличность	7	3	1	2
Прогноз	2	1	0	0

Речь идет о феномене неравномерного распределения преимуществ, в котором сторона, уже ими обладающая, продолжает их накапливать и приумножать, в то время как другая, изначально

ограниченная, оказывается обделена ещё сильнее и, следовательно, имеет меньшие шансы на дальнейший успех. В наукометрии эффект Матфея обуславливает повышение цитируемости и популярности уже популярных направлений исследования и публикаций, и пропорциональное отсутствие повышения цитируемости слаборазвитых направлений и редкоцитируемых публикаций.

Заключение

Подводя итоги перспектив использования библиометрических частотных данных, заметим, что каждый ряд цифр в приведенных таблицах можно рассматривать как указание на материал для отдельного исследования на пересечении славяноведения с историографией или культурологией, а также поводом для обоснования научной актуальности в выборе научных направлений и подходов.

Из анализа всего комплекса статистических данных можно сделать три основных вывода:

Упоминание дисциплин в библиометрической частотности – это средство проектирования сбалансированности дисциплинарных корпусов. Терминологический аспект библиометрической частотности – одна из возможных целей корпусного лингвистического моделирования и проверки статистических гипотез о тематических тенденциях.

Распределение частоты сопряженности исторических категорий со славяноведением зависит от двух факторов, которые не обязательно коррелируют:

1) общая частота категории, отражающая её важность и популярность в историческом сознании в целом.

2) специфичность влияния славяноведческой тематики на важность и популярность разных категорий, обуславливающая особенности функционирования исторического сознания в славяноведческом научном сообществе.

Славяноведение пересекается по своей дисциплинарной принадлежности с языкознанием, страноведением и с историей. Соответственно, корпусная сбалансированность может рассматриваться на четырех уровнях в рамках возможности создания:

– филологического корпуса с текстами по различным направлениям языкознания и литературоведения;

– историографического корпуса с разнотематическими и разножанровыми историческими текстами на одном языке (или с параллельными переводами);

– страноведческого корпуса с текстами по различным страноведческим дисциплинам;

– дисциплинарного корпуса только по тематике славяноведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В. Исторический корпус как цель и инструмент корпусной палеославистики // *Scripta & e-Scripta*. 2015. Vol. 14/15. P. 39–62.
2. Merton R.K. The Matthew effect in science: The reward and communication systems of science are considered // *Science*. 1968. Vol. 159, № 3810. P. 56–63. DOI: 10.1126/science.159.3810.56
3. Shimko E. Корпусная лингвистика как способ изучения переводческого наследия Кирилла и Мефодия // *Konstantinove listy*. 2021. Vol. 14, № 1. P. 184–193. DOI: 10.17846/CL.2021.14.1.184-193
4. Изотов А.И. Новые направления славянского языкознания: корпусная лингвистика // *Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2015. Вып. 51. С. 82–93. ISBN: 978-5-317-05157-0*
5. Молдован А.М. Проблемы и задачи корпусного изучения славянской письменности // *Славянский альманах*. 2014. Т. 2013. С. 25–34.
6. Николенко А.В. П.Н. Берков и Информационно-библиографическая комиссия Международного комитета славистов (к 60-летию основания) // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы IX Междунар. науч. семинара: в 2 ч. Ч. 1 / сост. Л.А. Авгуль, Д.Н. Бакун. М., 2018. С. 98–106. ISBN: 978-5-9908169-2-3*
7. Узенёва Е.С. Аксиологические исследования славянских языков и культур // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2020. Т. 15, № 3/4. С. 217–225. DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.15
8. Шапиро Н. Коллекции и фонды русистики и славистики в библиотеках США // *Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению*. 2015. № 6. С. 103–127.
9. Шатъко Е.В. Славистические литературоведческие журналы Сербии после 1991 г. // *Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст: [сб. тр.] / под ред. Л.Ф. Широковой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 203–215. DOI: 10.31168/2618-8554.2020.12*

REFERENCES

1. Baranov, V. (2015) *Istoricheskiy korpus kak tsel' i instrument korpusnoy paleoslavistiki* [Diachronic OCS corpus as an object and instrument of corpus palaeoslavitic]. *Scripta & e-Scripta*. 14/15. pp. 39–62.
2. Merton, R.K. (1968) The Matthew effect in science: The reward and communication systems of science are considered. *Science*. 159(3810). pp. 56–63. DOI: 10.1126/science.159.3810.56
3. Shimko, E. (2021) *Korpusnaya lingvistika kak sposob izucheniya perevodcheskogo naslediya Kirilla i Mefodiya* [Corpus Linguistics as a research

method of Cyril's and Methodius's cultural heritage]. *Konstantínove listy*. 14(1). pp. 184–193. DOI: 10.17846/CL.2021.14.1.184-193

4. Izotov, A.I. (2015) *Novye napravleniya slavyanskogo yazykoznaniya: korpusnaya lingvistika* [New directions of Slavic linguistics: corpus linguistics]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 51. Moscow: MAKS Press. pp. 82–93.

5. Moldovan, A.M. (2013) *Problemy i zadachi korpusnogo izucheniya slavyanskoy pis'mennosti* [Problems and tasks of the corpus linguistics studies of the Slavic-script heritage]. In: Nikiforov, K.V. et al. (eds) *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac]. Moscow: Indrik. pp. 25–34.

6. Nikolenko, A.V. (2018) *P.N. Berkov i Informatsionno-bibliograficheskaya komissiya Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (k 60-letiyu osnovaniya)* [P.N. Berkov and the Information and Bibliographic Commission of the International Committee of Slavists (on the 60th anniversary of its foundation)]. In: Avgul, L.A. & Bakun, D.N. (eds) *Sovremennye problemy knizhnoy kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Modern problems of book culture: main trends and development prospects]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 98–106.

7. Uzeneva, E.S. (2020) *Axiological studies of Slavic languages and cultures. Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*. 15(3/4). pp. 217–225 (in Russian). DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.15

8. Shapiro, N.G. (2015) *Kollektsii i fondy rusistiki i slavistiki v bibliotekakh SShA* [Russian and Slavic collections and funds at the libraries of USA]. *Bibliografiya. Nauchnyy zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu*. (6). pp. 103–127.

9. Shatko, E.V. (2020) *Slavisticheskie literaturovedcheskie zhurnaly Serbii posle 1991 g.* [Slavic literary journals of Serbia after 1991]. In: Shirokova, L.F. (ed.) *Literaturno-kriticheskaya periodika v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy: struktura, tipologiya, sotsiokul'turnyy kontekst* [Literary-critical periodicals in the countries of Central and South-Eastern Europe: structure, typology, socio-cultural context]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 203–215. DOI: 10.31168/2618-8554.2020.12

Бочаров Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Alexey V. Bocharov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: inspert2015@gmail.com

УДК 81'37;81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/19

Славянский космогонический миф в картине мира и идиостиле В.И. Вернадского

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторское резюме

Рассматриваются фрагменты мифологической и научной картины мира, существующие в рамках космогонического дискурса древних славян и творческого дискурса создателя учения о ноосфере В.И. Вернадского. В качестве объектов анализа выдвигаются концепты-мифологемы, составляющие «ядро» космогонических представлений в обоих случаях, и их лексемы-номинаты, фигурирующие в текстах славянских мифов, а также научно-академических, автобиографических и эпистолярных текстах Вернадского. К анализу привлекаются языковые и концептуальные, актуализируемые в обозначенных дискурсах, значения лексических единиц «миф», «космогония», «человек», «Вселенная», «жизнь» и их ассоциативно-деривационных коррелятов как номинатов аутентичных и авторски переосмысленных представлений о «сотворении мира», «эволюции всего живого». Результаты анализа показывают, что в дискурсе ученого классический славянский миф, сохраняя отдельные мифологемы в составе космогонического нарратива (космический масштаб, сила разума как активное начало, взаимодействие природы и человека, устремленность в будущее), получает содержательно-методологическое переосмысление. Аутентичный миф интерпретируется ученым-философом с учетом как внешних обстоятельств (особая историческая миссия естественных наук в объяснении эволюционных и исторических закономерностей), так и особенностей собственно авторского понимания устройства мироздания и его развития (интуитивно-рационалистический способ познания, вера в торжество человеческого разума, научного труда). Осуществленный анализ вносит вклад в изучение общеславянской картины мира и индивидуально-авторской концептосферы В.И. Вернадского на уровне фрагмента, связанного с осмыслением космогонических представлений, а также механизмов дискурсивной обусловленности концептообразования, диахронного взаимодействия дискурсов разных типов.

Ключевые слова: миф, космогония, славянская мифология, В.И. Вернадский, мифологическая картина мира, научная картина мира, концепт-мифологема, индивидуально-авторский дискурс, идиостиль.

Slavic cosmogonic myth in Vladimir Vernadsky's picture of the world and idiostyle

A.V. Kurjanovich

Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya street, Tomsk, 634061, Russia
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

The article considers the mythological and scientific picture of the world in the old Slavic cosmogonic discourse and in the creative discourse of Vladimir Vernadsky, the founder of the doctrine of the noosphere. The author analyses concepts-mythologemes, which constitute the “core” of cosmogonic representations in both cases, and their lexemes-nominates in Slavic myths and Vernadsky's scientific, autobiographical, and epistolary texts. The analysis involves the linguistic and conceptual meanings of the lexical units “myth”, “cosmogony”, “human”, “universe”, “life” and their associative-derivative correlates as nominees of authentic and author's reinterpreted ideas about “creation of the world”, “evolution of all living things.” The analysis has shown that though the classical Slavic myth in the scientific discourse retains separate mythologemes as part of the cosmogonic narrative (cosmic scale, the power of the mind as an active principle, the interaction of nature and human, aspiration to the future), it goes through a substantial and methodological rethinking. An authentic myth is interpreted by Vernadsky with reference to both external circumstances (a special historical mission of natural sciences in explaining evolutionary and historical patterns), and the specificity of Vernadsky's own understanding of the universe structure and development (an intuitive-rationalistic way of knowing, faith in the triumph of human reason, scientific labour). The analysis contributes to the study of the general Slavic picture of the world and Vernadsky's personal concept sphere related to the cosmogonic ideas, as well as to undersyanding the mechanisms of discursive conditioning of concept formation and diachronic interaction of different discourses.

Keywords: myth, cosmogony, Slavic mythology, Vladimir Vernadsky, mythological picture of the world, scientific picture of the world, concept-mythologeme, individual-author's discourse, idiostyle.

Феноменологию мифа сегодня можно считать ставшей классикой областью гуманитарных исследований, касающихся осмысления онтологии мироздания, основ фило- и культурогенеза. Свойства мифа – полифункциональность, этиологизм (причинность), символизм, универсализм, синкретизм – позволяют рассматривать его как объект междисциплинарных исследований. «Выдержав натиск истории, миф сумел законсервировать в себе неизменные, константные формы культуры и социума» [28: 177]. История толкования мифа в мировой науке представлена точками зрения, с известной долей обобщения интерпретирующими ключевое понятие в качестве:

1) мировоззренческой и эстетической сущности, трудно поддающейся определению: миф не означает Нечто, он сам есть это Нечто, содержательная форма или оформленный смысл (Я. Гримм, И. Гердер, А. Косарев, Ф. Крейцер, О. Мюллер, В. Найдыш, Ф. Шеллинг);

2) когнитивно-поведенческой модели (Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, М. Элиаде, К. Юнг) и ее ритуально-обрядовых (В. Бэском, Д.К. Зеленин, К. Клакхот, В.Я. Пропп, Б.А. Рыбаков, Д. Фонтенроуз, С. Хьюлен) и национально-культурно-исторических (Д.Н. Анучин, А.Н. Веселовский, Р. Вейман, Д.М. Щепкин) вариантных проявлений;

3) типа творческого мышления, выраженного в образах и вписывающего человека в окружающий контекст (А.Н. Афанасьев, Д. Вико, Е.М. Мелетинский, А.А. Потебня), естественного свойства человеческой природы, реализуемого посредством занимающих промежуточное между чувственными образами и понятиями положение «мыслеобразов» (А.Н. Чанышев);

4) способа объяснения мира (А.Н. Афанасьев, А.Ф. Лосев, Н.Ф. Сумцов), в том числе с помощью знаков (Р. Барт), включая язык (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня);

5) инструментария в построении картины мира или ее фрагмента (Ф.И. Буслаев, А.Л. Топорков).

Принимая все обозначенные выше варианты осмысления ключевого термина, в качестве базовой для настоящего исследования, выполненного в русле проблематики лингвистической концептологии и дискурсологии, выделяем трактовку мифа как средства построения и интерпретации картины мира. Считаем, что способность к реализации миромоделирующей функции позволяет рассматривать варианты экзистенции мифологического нарратива в дискурсах разных типов, изучать формы и средства проявления его категоризирующих и дифференциальных свойств в различных картинах мира – от наивной до научной, причем как на уровне коллективной, так и индивидуально-авторской концептуализации в синхронии и диахронии.

Цель данной статьи – рассмотрение способов и средств экспликации в научном дискурсе философа и естествоведка В.И. Вернадского элементов славянской мифологической космогонии, позволившее ученому выстроить стройную научную теорию об эволюции жизни во Вселенной.

Методологическую базу исследования составляют дискурсивный и лингвоконцептологический анализ, элементы сравнительно-сопоставительного и кросскультурного анализа.

В качестве *эмпирического материала* выступают тексты славянских мифов [2; 8; 9; 20], энциклопедическая и справочная литература [21], лингвистические словари [14], статьи, монографии, дневники, письма В.И. Вернадского [3–7; 15–18], научные труды отечественных и зарубежных авторов по проблеме исследования [1; 10–13; 19; 23–29].

Первоосновой славянских мифов считается совокупность представлений, которые нашли отражение в целом ряде текстов, формально и содержательно эксплицирующих ценности языческой, христианской, народной (городской), карнавальской (ярмарочной, лубочной) культур [24: 9]. Наибольшее воздействие на формирование последующего мифотворчества, в рамках как коллективных, так и индивидуально-авторских дискурсов оказали языческие славянские мифы. Знание, породившее языческие мифы, отличается априорностью, символизмом в его конкретно-детальном проявлении, базируется на феномене коллективного бессознательного, имеет образную, наглядно-пластичную, форму представления с опорой на чувственное ее восприятие. «Посредством слова, верования и поэтического вымысла люди мифологического периода стремились укоренить себя в мире, утвердить свое место среди стихий и явлений» [25]. Языческие мифы передают рефлексию человека того времени в отношении мироздания, составляющими которой выступают такие верования и установки, как анимизм, тотемизм, антропоморфность, трансцендентность, метаморфичность, ритуальность. Именно в дохристианский период были заложены ключевые мифологические смыслы, содержащиеся в повествованиях, которые «всем хорошо известны, но... далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества» [29: 13].

В исследовании мифа в целях наиболее глубокого проникновения в его содержательные нюансы, отражающие специфику деятельности мифологического сознания, видится целесообразным привлечение и сопряжение терминосистем научных направлений, в ряде случаев развивающихся независимо друг от друга. В частности, речь идет о теории мифа, имеющей длительную традицию развития и изучения, и современной концептологии.

В рамках философско-культурологического подхода, разработка которого положена в работах К. Кереньи, К. Леви-Стросса, К. Юнга и продолжена в трудах современных ученых (В.П. Горана, Л.А. Ключиной, А.Н. Круталевич, В.Г. Туркиной, В.К. Хазова, С.С. Хоружего и др.), под мифом понимается априорная (первоначальная) форма существования смысла в культуре. Формат сознания оперирует понятием *архетипа (универсалии)* – первообразом коллективного восприятия, в языке же миф объективируется посредством *мифологем* как вариантов интерпретации архетипов в текстах. Для концептологии базовой единицей описания выступает *концепт* – квант знания, результат систематизации, категоризации и обобщения информации. Задачей лингвистической концептологии является концептуальная интерпретация языковых значений (А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, З.И. Резанова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.). Если мифологему можно назвать маркером сферы онтологического сознания-созерцания, то концепт принадлежит сфере активного сознания-деятельности.

Для настоящего исследования, междисциплинарного по своим методологическим установкам, релевантным оказывается сопряжение терминосистем обозначенных выше подходов, в связи с чем в качестве базового выдвигается понятие *концепта-мифологемы* – концептуально обобщенной единицы знания, структурирующей фрагмент картины мира. Отправной точкой в ее формировании является первоэлемент, пра-знание – результат деятельности мифологической рефлексии. Концепт-мифологема демонстрирует динамику перехода: от интуитивной рецепции события-смысла – через его отражение в воспринимающем сознании – к кристаллизации в виде концептуально обработанной мыслительной структуры в картине мира. Ю.С. Степанов определяет концепты-мифологемы как разновидность лингвокультурных концептов, «культурно маркированные мыслеобразы, находящиеся на стыке обыденного и мифологического сознания» [22: 43]. Обозначенный термин сегодня начинает все активнее использоваться учеными (О.И. Быкова, Н.Н. Бочегова, М.П. Калугина, И.Б. Руберт, Ю.В. Уткина, Н.В. Шелепова и др.).

Процедура лингвоконцептологического анализа начинается, как правило, с обращения к данным толковых словарей, содержащих срез национальной языковой картины мира. Так, содержание современных представлений о мифе отражено, в том числе, в узуальном толковании лексемы-номината: «Миф – 1. Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, явлениях природы. 2. Перен. Недостоверный рассказ, выдумка. 3. То же, что вымысел (в 1 знач.)» [14: 359]. В 1-м лексико-семантическом варианте (прямое значение)

закреплено представление о существовавшем в истории каждой нации мифотворчестве. 2-е значение лексемы *миф* не рассматривается нами, поскольку выходит за рамки проблематики настоящей статьи. Идея переосмысления мифов путем экстраполяции определенных мифологем в диахронии в конкретные дискурсы закреплена в 3-м из приведенных значений. Любой переосмысленный миф социологичен, культурно обусловлен, обладает цельностью и системностью. Миромоделирование в нем осуществляется на основании понимания определяющей роли человека, актуализации типа его мышления. Переосмысление мифа в *научном дискурсе* тяготеет к рациональному восприятию мифологического нарратива, обобщению посредством создания отвлеченных, абстрактных образов. Подчеркнем, что нами рассматривается экстраполяция отдельных мифологем или их некоторой совокупности в академический научный дискурс: творческое наследие В.И. Вернадского по характеристике своих дискурсивных свойств представляет именно эту дискурсивную разновидность.

Почему идеи ученого имеют формат мифа? Об этом сам Вернадский написал в одном из писем к жене, Н.Е. Вернадской, так: «Ужасно странное чувство. Я образно как будто его (дыхание земли. – А.К.) чувствую и вижу: до сих пор ни одного факта, это важно, и никто этого не думал, создание **моей научной фантазии**, которое странно глубоко чувствую и почти вижу в каких-то своеобразных внутренних образах: внутренний глаз, о котором где-то читал» (здесь и далее в цитатах выделено мной. – А.К.) [7: 235]. Иначе говоря, в основу определения знания в качестве мифа ученый кладет фактор «способа познания», в его случае во многом образно-интуитивного, иррационально-рационального, «мысле-чувствования»: «...тут я выхожу за пределы точного знания» [15: 32], «Знаешь, я это **физически** чувствую. Мне кажется, я сейчас в своей работе иду отчасти бессознательно: странное ощущение, точно ведет какая-то неведомая мне сила!» [7: 88–89], «мысль ясно чувствую, но не могу выразить» [7: 81]. В одном из писем к Б.Л. Личкову, коллеге-ученому, сам Вернадский характеризует свои идеи как «космогонические гипотезы» [15: 91]: «Космогония... есть математически охваченная научная гипотеза», «Я думаю, что сейчас в геологии мы подошли (в макроскопическом разрезе Мира) к новым охватам космогонических представлений» [15: 94]. В письме к жене встречаются те же мысли: «Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии. Опять душа рвется к бесконечному» [7: 30].

Выделим некоторые общие и различные черты в интерпретации мифа как аутентичного знания и мифа как знания, экстраполированного в научный дискурс.

И в мифологической и в научной картине мира человек является фигурантом мифологического сюжета. Однако в «мифологическом сознании» (А.Ф. Лосев) человек в известной мере пассивен, в научной картине мира человек – актер, действующий субъект, чьи когнитивные усилия нацелены на осмысление классических мифологем, трансформацию их содержания или развитие новых концептуальных ответвлений от магистрального мифологического сюжета. Критериями отбора знания для построения научного мифа выступают факторы, оформляющие триединство: человек – наука – разум. И аутентичный, и дискурсивно обработанный мифологический нарратив имеет одинаковую структуру: строится по полювому принципу (ядро/периферия). Исключительную значимость в построении мифа играет язык – средство постижения, выражения и описания содержания. Мифологический сюжет динамичен согласно логике своего развития, разворачивается в условном хронотопе. Миф всегда культурно, исторически и национально обусловлен. Космогоническая линия является одной из ключевых и в аутентичном, и в дискурсивно обработанном мифе. При этом интуитивное познание как основа создания аутентичного мифа противопоставлено технологиям эмпирического обобщения при построении научных концепций. В индивидуально-авторской картине мира наблюдается тенденция к наращиванию концептуального ресурса прецедентных имен, фигурирующих в классическом мифе, за счет развития новых ассоциативно-смысловых линий: аутентичные мифологемы приобретают развернутый вид, усложняясь и формально и семантически. Наконец, создание мифа в любом случае – это творчество, что в полной мере соответствует пониманию научной деятельности Вернадским: «Я считаю себя вправе совершенно не считаться с общественной стороной жизни в тех случаях, когда этого требуют интересы более близкого и доступного мне творчества, каким для меня является научное искание» (из письма сыну, Г.В. Вернадскому) [16].

Мифы о сотворении мира традиционно определяются в качестве «универсального культурного акта творения» [10: 6] в рамках многочисленных интерпретационных нарративов и составляют значительную часть каждой национальной лингвокультуры. Космогонические мифы, являющие формат конвергенции религиозного и эстетического начал, репрезентируют фрагмент национальной картины мира, представляющий коллективное видение акта творения, роли творца в создании Вселенной, человека, в установлении причинно-следственных связей [26: 6]. Космизм – философия, показательная для национальных, включая все славянские, картин мира [27]. Трансформация духовного опыта посредством возврата к мифу и его переосмысле-

ние – такова суть национальной космогонии в XX–XXI вв. (см. об этом в работах С.Р. Аблеева, И.В. Кондакова, О.Д. Куракиной, В.Д. Курганской, А.А. Ханзен-Лёве и др.).

В.И. Вернадский – яркий представитель идей «ноосферного космизма» (Е.И. Салов). Будучи стихийным материалистом, наружную оболочку земной коры, флору, фауну и человека Вернадский рассматривал в качестве компонентов единой биосферы, отождествляемой им с понятием жизни вообще. Единство биосферы ученый видел в идентичности химических процессов, протекающих во всех ее составляющих. Рассматривая жизнь в аспекте существования «живого вещества» как биогеохимический процесс, деятельность человека академик трактовал в качестве мощного фактора, способствующего эволюции «живого вещества» и перехода его из биосферы на качественно новый этап развития материи – ноосферу [11]. Миф, творимый великим натуралистом, перспективен и футуристичен, поскольку предвосхищает освоение человеком космоса: «В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [6: 480–481].

Содержание *мифов славянских народов*, представляющих отдельное направление развития древней индоевропейской культуры, базируется на философии язычества. Речь идет об историческом периоде с конца I тысячелетия до н. э., времени этнического единства древних славян, до введения христианства в IV–X вв. Славянская мифологическая картина мира интегрировала представления, складывающиеся на основе мифотворчества балтийских (северная часть Европы между Эльбой и Одером), восточных (территории вокруг Киева и Новгорода), южных (Балканский полуостров) и западных (Польша, Чехия, Моравия) славян.

Наличие локальных вариантов мифотворчества в рамках отдельных славянских культур не отрицает существование общеславянского инварианта, в том числе модели общеславянского космогонического мифа. Суть общеславянской космогонии – в превращении Хаоса в Космос и роли в этом процессе природных стихий, появлении Земли из Мирового океана, отделении Неба от Земли и зарождении небесных тел, создании флоры, фауны и Человека. Значимыми общеславянскими образами являются образы Мирового древа, Огня, Солнца, Матери-Земли. Всеми славянами утверждался культ предков, боги отождествлялись со стихиями и представляли их. Мифологическое сознание делило мир на дихотомии (жизнь – смерть, добро – зло, плодородие – бесплодие, зима – лето), жизнь представлялась как вечная борьба светлых и темных сил.

Переключки со славянскими мифологемами и мифологическими сюжетами, присутствующие в научном дискурсе В.И. Вернадского, очевидны. Назовем лишь некоторые. В центре мифологического нарратива находится человек, выделивший себя из мира природы, человек как мыслящая материя (у Вернадского человеческий разум составляет «интеллектосферу»), испытывающий страх перед мощью стихии, однако пытающийся познавать природу. Последнее положение оказывается наиболее развитым в мировоззрении Вернадского, утверждавшего, что сила эволюции – в поступательном движении «живого вещества», разума в сочетании с трудом, что позволит выйти за пределы планеты в космическое пространство (ноосферу) [3]. Настрой этого заявления ученого не противоречит ключевой пафосной тональности славянского мифа: славянский миф абсолютно не эсхатологичен, устремлен к жизни (в отличие, например, от египетской или римской мифологии). Ср. с высказыванием Вернадского из дневниковых записей 1938 г.: «Я живу будущим и настоящим» [9]. Корни славянских мифов лежат в земледельческой культуре древних славян, вследствие чего огромная значимость придается мощи земли, ее живительной силе. В концепции Вернадского встречаем аналогичную мифологему о «всеоживляемости» земной поверхности, аккумулирующей биогеохимическую энергию как источник эволюционного процесса.

В качестве причин, обусловивших возможность появления индивидуально-авторского варианта осмысления мифа в рамках научного дискурса В.И. Вернадского, учеными называется «взаимопроникновение естественно-научной и философской мысли, которое характерно для интеллектуальной жизни России» [13: 115]. Сотворенную космогонию сам Вернадский оценивает как результат работы «философской мысли натуралиста» [15: 94–95]. В числе других факторов можно назвать такие дискурсивные факторы, как принадлежность автора к определенному типу культуры, в том числе элитарному типу речевой культуры, высокий уровень образования, наличие навыков критического мышления и работы с информацией. Подробнее о личности Вернадского как ученого см.: [11; 12].

В качестве подтверждения сказанного приведем примеры из творческого (научного, эпистолярного, автобиографического) дискурса В.И. Вернадского.

В индивидуально-авторской картине мира ученого ключевыми концептами-мифологемами выступают взаимосвязанные смыслы ВСЕЛЕННАЯ – ЖИЗНЬ – ЧЕЛОВЕК – РАЗУМ – МЫСЛЬ – НАУКА.

ЖИЗНЬ как основная смыслообразующая мифологема присутствует в аутентичном славянском мифе-космогонии: «Мифы отразили наблюдения человека за природой и животными, а поскольку лич-

ность еще не выделяла себя из окружающего мира, то космос представлялся ей живым организмом, очеловеченным и бессмертным... мифы в основе своего сюжета содержат метаморфозу (превращение), которая иллюстрирует постоянное изменение вечно живой материи» [19: 6]. Представление о мифологеме ЖИЗНЕННАЯ СИЛА четко прослеживается в славянском мифе: в первоначальных водах Хаоса произошли некие процессы, обусловившие выделение Жизненной силы как источника духовной и материальной энергии, в результате действия которой устанавливается космический порядок – Гармония, способствующий появлению живых организмов. Символом гармонии как животворящего начала у славян являются богини Лада и Жива (подробнее см.: [10: 7–10]).

В картине мира Вернадского концепт ЖИЗНЬ также является смыслообразующим, сопряженным с пониманием вечного начала, не замкнутого земным хронотопом. За основу своей концепции Вернадский, в том числе, взял идею Ф. Реди о «живом от живого»: «Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос, и передавалась всегда биогенезом» [3: 340], «для нас становится ясным, что жизнь есть явление космическое, а не специально земное» [3: 343].

Лексема *жизнь* (от праслав. *žiti, рус. жить, укр. жити, живу́, белор. жыць, болг. живѐя «живу», сербохорв. жѝвѝети, жѝвѝи «живу», словен. živěti, živějem, чеш. žít, žiji, словац. žiť, žijem, польск. żyć, żyję, в-луж. žić, žiju) и ее производные входят в ядро тезауруса и активный лексикон Вернадского, вступая в разнообразные синтагматические и парадигматические отношения с другими лексическими единицами в контексте. Например: «Летом углубился в новую сущность и явление симметрий в связи с явлениями **жизни**» [15: 14], «**жизнь** как явление вне поля тяготения» [15: 59], «Не рассеяна ли **жизнь** везде?» [15: 90], «глава о понятии геохимической **энергии жизни**» [15: 91].

Жизнь, в представлении Вернадского, – непрерывный, постоянно обновляющийся процесс выработки живой энергии. Эту идею передает контекстуальное сближение лексем *жизнь* и *живой*: «На каждую вещь приходится тратить массу лишнего труда – нет элементарных условий **жизни**, но в общем, самое главное – мысль **жива**» [15: 20]. Жизнь ученый характеризует с разных проявлений. Одноименная лексема-номинат сопровождается такими атрибутивами, как *длительная*, *микробная*, *научная*, *обычная*, *зыбкая*, *полная*, *глубокая*, *сильная*. Интересны случаи метафорического словоупотребления: *вулканическая жизнь* [15: 30], *всюдность жизни* [17: 60].

В контексте творчества Вернадского «антагонистом» концепту ЖИЗНЬ выступает концепт СМЕРТЬ, вербализованный посредством слов с соответствующей семантикой: «Для меня неприемлемо всякое

убийство – и **смертная казнь** в том числе: твердо и непреклонно» [5]. Данная культурно осмысленная дихотомия находит в дискурсе Вернадского своеобразное выражение в виде противопоставления нового – старому, живого – мертвому – косному, «энтропии» – «эк-тропии» [15: 179]. В текстах это репрезентируется посредством использования контекстуальных антонимов (в примерах выделены жирным шрифтом): «отличие **живого** от **мертвого**» [15: 95], «**жизнь** отлична от **косной** материи и является огромным планетным явлением» [15: 179], «для биосферы принцип **энтропии** неприложим – наоборот, здесь концентрируется **свободная** энергия, связанная с необратимостью некоторых ее процессов (**живое вещество** – радиоактивность)» [15: 184].

Краеугольный концепт-мифологема в картине мира натуралиста – **ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО**: «Я весь ушел в **живое вещество**, и целый мир открылся и открывается передо мною – сейчас хочу сделать его видным другим» [18], «Так или иначе, учение о **живом веществе** является особой формой понимания и явлений жизни, и окружающей нас природы» [15: 30], «Каждый живой организм в биосфере – природный объект есть живое природное тело. **Живое вещество** биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих» [4]. В узальной картине мира понятия «жизнь» и «живое вещество» могут рассматриваться как синонимичные. Однако в рамках концепции В.И. Вернадского термин «живое вещество» оказывается «освобожденным» от присутствия в своем значении фольклорных, философских, религиозных, художественных и прочих компонентов, неизменно сопутствующих использованию понятия «жизнь».

В анализируемом дискурсе субконцептом по отношению к концепту **ЖИЗНЬ** выступает индивидуально-авторский смысл **ДЫХАНИЕ**, выражающий идею одушевленности живого вещества: «Свожу все к явлениям газового обмена (**дыхания организмов**) в биосфере» [17: 127], «гелиевое **дыхание планеты**» [15: 101].

В качестве смежных концепту-мифологеме **ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО** в дискурсе Вернадского фигурируют смыслы, репрезентирующие представление автора о Времени, Воде, Земле. У Вернадского данные концепты-мифологемы имеют сугубо научное содержание и понимаются как маркеры научного поиска, однако (и в этом состоит схожесть с древними мифологическими установками) трактуются символично в качестве первоэданых природных начал бытия. Подтверждением сказанному могут служить контексты, репрезентирующие интерпретацию ученым категории **ВРЕМЕНИ** как составляющей научного хронотопа, в условиях которого существует жизнь: «Третий и четвертый касаются организации вопроса о **геологическом времени**» [16], «Как

далеко в глубь времени – выражая количественно – может человек идти научно?» [5: 446], «и другую главу: о постоянстве массы жизни **в геологическом времени**. Тут интересный исторический очерк» [15: 91]. Сравним: в мифологической картине мира время также выступает одним из центральных экзистенциальных компонентов, обладающих магической силой (см., например: [23]). И если у Вернадского время понимается в первую очередь как природное, то в классическом мифе, наряду с природным (например, *время суток, время года*), активно представлено и жизненное (*время жизни – время смерти, до замужества и после*), и житейное, или бытовое (*время сбора урожая, выгула скота*), время. И подобно тому, как в науке время может выступать неким организующим принципом либо технологизирующим процесс инструментарием, в мифе время служит основой ритуала, обряда, т. е. регламентации уклада жизни древних славян. Наряду с солнечным славянами почитался также лунный календарь. В картине мира Вернадского упоминания о Луне нами не отмечены.

С концептом-мифологемой ЖИЗНЬ в обеих рассматриваемых картинах мира соотносится концепт-мифологема ВСЕЛЕННАЯ. Для естественника Вернадского Вселенная – это пространство жизни «в планетном масштабе» [15: 121], «явление космического размаха» [15: 179], другая составляющая хронотопа в научной картине мира. В славянской мифологии один из наиболее частотных образов – Вселенная как яйцо. В семантике образа акцентируется его жизнеспособная сила. Мотив победы над смертью – таково философское наполнение концепта ВСЕЛЕННАЯ и в мифологической и в научной картине мира Вернадского.

Еще одна общая для обеих рассматриваемых картин мира характеристика – понимание ЧЕЛОВЕКА как частицы этой Вселенной. Однако в мифе человек занимает место субъекта, но пассивного, страдающего, испытывающего страх перед грозной природой. У Вернадского подобный взгляд формируется в отношении тех представителей человечества, которые не желают или не умеют думать и трудиться, которым чужда созидательная работа мысли, связанных с бытом: «... та среда, где живет и **ВОЗИТСЯ** человечество» [15: 179] (возится здесь – в значении «занимается чем-то незначительным»). Индивидуально-авторское наполнение смысла ЧЕЛОВЕК в картине мира Вернадского связывается с утверждением значимости человека как живой силы, в состоянии (посредством мысли и труда) прорваться в верхний экзистенциальный слой – ноосферу: «Будущее неизвестно, но оно строится стремлением человека в значительной мере» [16], «первые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты – в общем всю биосферу, всю связанную с жизнью

область планеты. ...Человек, как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени» [4].

Субъектность человека, по Вернадскому, определяется его функционалом, заключающемся в способности демонстрировать работу РАЗУМА, МЫСЛИ в процессе занятия научной деятельностью. НАУКА (данный смысл по определению отсутствует в мифологической картине мира) для Вернадского – это работа, тяжелая, но интересная. Атрибутив *научный(-ая/-ое/-ые)* имеет в трудах Вернадского широкий синтагматический ряд, в составе которого отметим следующие наиболее показательные лексемы: *работа, движение, мысль, идея, знания, статья, общение, трактовка, область, понимание, теория, представление, искание, след, рост, интерес*. Наука поглощает ученого целиком, что сродни действию природной стихии: «работаю научно хорошо, но стараюсь себя сдерживать» [15: 87]. Аналогичной природной силой обладает РАЗУМ (УМ) человека, который «становится огромной геологической, планетарной силой» (цит. по: [1: 250]).

В мифе речь идет о ВЫСШЕМ РАЗУМЕ Демиурга, силой мысли создавшего мир (в христиански обработанном мифе). МЫСЛЬ как способность к мышлению – универсальный феномен культуры: «Мысль моя неуклонно и глубоко работает» [16]. У Вернадского мысль в первую очередь – инструмент, активирующий и наполняющий содержанием гносеологическую модель «научного свободного проникновения во всем объеме в понимание явления» [16]. Один из излюбленных глаголов в текстах Вернадского – *думать*, причем лишь отчасти – в значении «конкретного действия», а по большей части – в значении «состояния»: «Довольно много читаю и много **думаю**» [15: 82], «и то, что выявляется, заставляет **думать**» [15: 94], «**летучие** мысли и впечатления человека, привыкшего годами **вдумываться** в окружающее» [7: 38]. Мысль как состояние дороже слов в силу своей непрерывности: «Старость чувствуется – только бы она не понизила умственной силы. **Мысль непрерывная и идущая вперед...** – есть самое дорогое» [5]. Основными определениями к лексеме *мысль* в текстах Вернадского являются слова *творческая, атмосфера, интенсивная*. Эти словоупотребления свидетельствуют об оценке мыслительной деятельности соответственно по шкалам креативности, охвата действия, интенсивности.

Таким образом, миф в творческом дискурсе В.И. Вернадского является одновременно формой и средством миромоделирования. Целый ряд образов, концептов и нарративов, фигурирующих в мифопоэтическом дискурсе и мифологической картине мира древних славян, находит в индивидуально-авторской картине мира В.И. Вер-

надского своеобразное воплощение и интерпретацию. В своей научной интерпретации классического славянского мифа о сотворении мира и развитии всего сущего ученый-естественник отталкивается от универсальных представлений о человеке как участнике космогонического сюжета, Вселенной как локальной характеристике акта творения, устремленности последнего в будущее, оперируя мифологическими смыслами *Земля, Космос, Небо, Вода* и пр. Классический миф содержательно переосмысливается и методологически форматируется Вернадским, развивая ряд отличительных свойств: использование способа «мыслечувствования» как эмпирического метода научно-интуитивного познания, признание активной творческой роли человеческого разума и трудовой созидательной деятельности, а также значимости естественных наук в познании мира и объяснении исторических закономерностей (идея «живого вещества» как субстанции ноосферы). Особенности интерпретации космогонического мифа (учения о ноосфере) в картине мира В.И. Вернадского имеют дискурсивную обусловленность в виде совокупности общезначимых (национальных историко-культурных) и индивидуально-авторских (включая идиолексические и идиостилевые) показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бояринцев В.И.* Русские и нерусские ученые: мифы и реальность. М.: Русская правда, 2005. 319 с.
2. *Буйнова Т.Ю.* Дети Сварога. Древнейшие мифы восточных славян. М.: Проект-Ф; Аквилегия-М, 2008. 256 с.
3. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 702 с.
4. *Вернадский В.И.* а, 1991. 270 с.
5. *Вернадский В.И.* Дневник 1938 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М.: РГУ, 1997. С. 446–493.
6. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис Пресс; Рольф, 2002. 573 с.
7. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940. М.: Наука, 2007. 299 с.
8. *Войтович В.М.* Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 662 с.
9. *Гура А.В.* Мифы славян. М.: Слово, 2000. 48 с.
10. *Кулиш О.А.* Космогонический комплекс Хаоса – Порядка – Гармонии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 6–11.
11. *Курьянович А.В.* Жанрово-стилистические особенности русского

эпистолярная первая треть XX века: узус и идиостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 308 с.

12. *Курьянович А.В.* Языковая личность ученого-носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В.И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 188–197.

13. *Моисеев Н.Н.* Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 32–45.

14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

15. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. М.: Наука, 1979. 270 с.

16. Письма академика В.И. Вернадского сыну (1922–1936). URL: <http://argan.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

17. Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману (1907–1944). М.: Наука, 1985. 272 с.

18. Письма В.И. Вернадского Н.П. Василенко. 1918–1934. URL: <http://www.nbuv.gov.ua> (дата обращения: 04.04.2022).

19. *Садовская И.Г.* Славянская мифология // Мифология. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: МарТ, 2006. С. 307–332.

20. Сказки и притчи народов мира. Славянские мифы. URL: <https://www.thetales.ru/slavjanskije-mify> (дата обращения: 01.04.2022).

21. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

22. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

23. *Толстая С.М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М.: Индрик, 1997. С. 62–79.

24. *Толстой Н.И.* Славянские верования // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 8–16.

25. *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.

26. *Топоров В.Н.* Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 6–9.

27. *Трофимова Е.А.* Русский космизм в контексте модерна: особенность, мотивы, дискурсы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (220). С. 101–106.

28. *Хакуашева М.А.* Современный литературный миф: генезис и тенденции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 3 (182). С. 176–182.

29. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. библиотека Украины

для юношества, 1996. 384 с.

REFERENCES

1. Boyarintsev, V.I. (2005) *Russkie i nerusskie uchenye: mify i real'nost'* [Russian and non-Russian scientists: myths and reality]. Moscow: Russkaya Pravda.
2. Buynova, T.Yu. (2008) *Deti Svaroga. Drevneyshie mify vostochnykh slavyan* [Children of Svarog. Ancient myths of the Eastern Slavs]. Moscow: Proekt-F: Akvilegiya-M.
3. Vernadsky, V.I. (1989) *Nachalo i vechnost' zhizni* [The Beginning and Eternity of Life]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
4. Vernadsky, V.I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka.
5. Vernadsky, V.I. (1997) Dnevnik 1938 g. [Diary of 1938]. In: Afanasiev, Yu.N. (ed.) *Sovetskoye obshchestvo: vznikoveniye, razvitiye, istoricheskiy final* [Soviet society: emergence, development, historical finale]. Vol. 1. Moscow: RSUH.
6. Vernadsky, V.I. (2002) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow: Ayris Press; Rol'f.
7. Vernadsky, V.I. (2007) *Pis'ma N.Ye. Vernadskoy. 1909–1940* [Letters to N.E. Vernadskaya. 1909–1940]. Moscow: Nauka.
8. Voytovych, V.M. (2002) *Ukrains'ka mifologiya* [Ukrainian Mythology]. Kyiv: Lybid'.
9. Gura, A.V. (2000) *Mify slavyan* [Myths of the Slavs]. Moscow: Slovo.
10. Kulish, O.A. (2014) Kosmogonicheskiy kompleks Khaosa – Poryadka – Garmonii [Cosmogonic complex of Chaos – Order – Harmony]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 1(18). pp. 6–11.
11. Kurjanovich, A.V. (2013) *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkogo epistolyariya pervoy trety XX veka: uzus i idiosstil' (na materiale pisem M.V. Nesterova, F.I. Shalyapina, V.I. Vernadskogo, M.I. Tsvetayevoy)* [Genre and stylistic features of the Russian epistolary of the first third of the 20th century: usage and idiosstyle (based on the letters of Mikhail Nesterov, Feodor Chaliapin, Vladimir Vernadsky, Marina Tsvetaeva)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
12. Kurjanovich, A.V. (2010) *Yazykovaya lichnost' uchenogo-nositelya elitarnoy rechevoy kul'tury (na materiale epistolyarnogo diskursa V.I. Vernadskogo)* [Linguistic personality of a scientist-bearer of an elite speech culture (based on Vladimir Vernadsky's epistolary discourse)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 188–197.
13. Moiseev, N.N. (1990) *Chelovek vo Vselennoy i na Zemle* [Human in the Universe and on Earth]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 32–45.
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*

[Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.

15. Venadsky, V.I. & Lichkov, B.L. (1979) *Perepiska V.I. Vernadskogo s B.L. Lichkovym. 1918–1939* [Correspondence of Vladimir Vernadsky and Boris Lichkov. 1918–1939]. Moscow: Nauka.

16. Venadsky, V.I. (1922–1936) *Pis'ma akademika V.I. Vernadskogo synu (1922–1936)* [Letters of Academician Vladimir Vernadsky to his son]. [Online] Available from: <http://arran.ru> (Accessed: 4th April 2022).

17. Venadsky, V.I. (1985) *Pis'ma V.I. Vernadskogo A.Ye. Fersmanu (1907–1944)* [Letters from Vladimir Vernadsky to Aleksandr Fersman (1907–1944)]. Moscow: Nauka.

18. Venadsky, V.I. (n.d.) *Pis'ma V.I. Vernadskogo N.P. Vasilenko. 1918–1934* [Letters from Vladimir Vernadsky to Nikolay Vasilenko. 1918–1934]. [Online] Available from: <http://www.nbu.gov.ua> (Accessed: 4th April 2022).

19. Sadovskaya, I.G. (2006) *Mifologiya* [Mythology]. Moscow: IKTS “MarT”; Rostov/n/Donu: MarT. pp. 307–332.

20. Thetales.ru. (n.d.) *Skazki i pritchi narodov mira. Slavyanskiye mify* [Tales and parables of the peoples of the world. Slavic myths]. [Online] Available from: <https://www.thetales.ru/slavjanskije-mify> (Accessed: 1st April 2022).

21. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

22. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

23. Tolstaya, S.M. (1997) Mifologiya i aksiologiya vremeni v slavyanskoy narodnoy kul'ture [Mythology and axiology of time in Slavic folk culture]. In: Svirida, I.I. (ed.) *Kul'tura i istoriya. Slavyanskiy mir* [Culture and History. Slavic World]. Moscow: Indrik. pp. 62–79.

24. Tolstoy, N.I. (2002) Slavyanskije verovaniya [Slavic beliefs]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 8–16.

25. Toporkov, A.L. (1997) *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka* [The theory of myth in Russian philology of the 19th century]. Moscow: Indrik.

26. Toporov, V.N. (1980) Kosmogonicheskie mify [Cosmogonic myths]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 6–9.

27. Trofimova, Ye.A. (2015) Russkiy kosmizm v kontekste moderna: osobennost', motivy, diskursy [Russian cosmism in the context of modernity: features, motives, discourses]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2(220). pp. 101–106.

28. Khakuasheva, M.A. (2016) Contemporary literary myth: genesis and ten-

dencies. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie – The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*. 3(182). pp. 176–182 (in Russian).

29. Jung, K.G. (1996) *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Translated from English. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth.

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Anna V. Kurjanovich – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

УДК 323.15 (=161.25)(477.87):324"2020"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/20

Особенности политико-партийной репрезентации лидеров русинской общественности Закарпатья в контексте местных выборов 2020 года

М.П. Зан

Ужгородский национальный университет,
Украина, 88000, Закарпатская обл., г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail.: mykhaylo.zan@uzhnu.edu.ua

Авторское резюме

Рассматривается проблематика политико-партийного представительства лидеров русинской общественной среды Закарпатской области Украины в контексте их участия в местных выборах 2020 г. Исследование проведено на основании анализа электоральной статистики, а также интервью с отдельными участниками избирательной кампании. К числу русинских лидеров автор относит руководителей и активистов национально-культурных обществ, лидеров мнений, не представляющих этнокультурные ассоциации, но широко известных на уровне закарпатского социума. Утверждается, что новая избирательная система «полуоткрытых» партийных списков поспособствовала тому, что для всех кандидатов-репрезентантов русинской общественности местные выборы завершились неудачно. В то же время электоральная статистика показала, что русинские лидеры фактически получили: 1) большее количество голосов, чем их оппоненты в списках политических партий (Владимир Феныч, Василий Сич, Николай Ришко); 2) одинаковое количество голосов (Святослав Гал); 3) необходимые 25 % голосов от избирательной квоты (Юрий Шыповыч). Большинство кандидатов-русинов баллотировались от политических сил «За будущее» (7 чел.) и «Оппозиционной платформы – За жизнь» (5 чел.). Их доминирование можно объяснить отождествлением кандидатов с оппозиционной риторикой названных партий, а также их приближенностью к областным партийным лидерам, симпатизирующих русинскому движению и идентифицирующим себя с русинами. Один представитель русинской общественности (Святослав Гал) баллотировался от партии власти «Слуга народа», один (Николай Ришко) – от «Команды Андрея Балогы». Кандидаты Иван Да-

нацко, Иван Палинкаш и Иван Бушко, как самовыдвиженцы, дистанционировались от политических партий.

Ключевые слова: русинская общественность, Закарпатье, местные выборы, политико-партийная репрезентация, территориальная община, национально-культурное общество.

Political and party representation of Rusin community leaders in Transcarpathia during the local elections of 2020

M.P. Zan

Uzhhorod National University,

3 Narodna Square, Uzhhorod, Transcarpathian region, 88000, Ukraine

E-mail.: mykhaylo.zan@uzhnu.edu.ua

Abstract

The article focuses on the political and party representation of the Rusin leaders in Transcarpathia (Ukraine) who participated in the local elections of 2020. The analysis is based on the electoral statistics and interviews with participants in the election campaign. According to the author, the Rusin leaders are heads and activists of national cultural associations and opinion leaders who do not represent ethno-cultural associations, but are widely known in Transcarpathia. The author argues that the new electoral system of “semi-open” party lists has resulted in the failure of local elections for all candidates representing the Rusin community. However, the electoral statistics shows that Rusin leaders actually received: 1) more votes than their opponents on the political party lists (Vladimir Fenych, Vasiliy Sich, Nikolai Rishko); 2) the same number of votes (Svyatoslav Gal); 3) the required 25 % of the votes from the electoral quota (Yurij Shypovych). Most of the Rusin candidates ran for the political forces “For the Future” (7 persons) and “Opposition Platform – For Life” (5 persons). Their dominance can be explained by identifying candidates with the oppositional rhetoric of these parties, as well as their proximity to regional party leaders who sympathize with the Rusin public movement and identify themselves as Rusins. One of the representatives of Rusin community ran for the party of power “Servant of the People” (Svyatoslav Gal), one (Nikolaj Rishko) – for “The Team of Andrej Baloga.” Candidates Ivan Danatsko, Ivan Palinkash, and Ivan Bushko, as self-nominated candidates, distanced themselves from political parties.

Keywords: Rusin community, Transcarpathia, local elections, political and party representation, territorial community, national cultural association.

Введение

Электоральное участие представителей русинской этноидентичности, в частности общественных активистов и лидеров национально-культурных обществ Закарпатья, является пока нераскрытой темой в политической науке. На фоне мощной электоральной кампании двух региональных партий венгерской этнической общины, избирательных кампаний в анклавной среде румынского меньшинства и постепенного включения в публичную политику цыганских общественных лидеров края политическая репрезентация русинов остается «невидимой» как для ученых, экспертов, так и для широкой общественности. В рамках нашего исследования попытаемся заполнить эту информационную лакуну в контексте анализа партийно-политического представительства лидеров мнений русинского общественного пространства Закарпатской области на местных выборах 25 октября 2020 г.

К лидерам русинской общественности, по нашему мнению, можно отнести две группы: 1) руководителей и активистов русинских национально-культурных обществ Закарпатья разного уровня [12]; 2) известных лидеров мнений, не являющихся представителями русинских общественных организаций, но, тем не менее, известными на уровне закарпатского социума через собственную публичную идентификацию с карпаторусинской этнической группой (принимавшие участие в избирательной кампании 2020 г. учёный-историк Владимир Феныч, бизнесмен, народный депутат VII созыва Иван Бушко, общественный активист Иван Данацко).

Нормативно-правовой контекст местных выборов 2020 г.

Предваряя анализ участия лидеров русинской общественности в электоральном процессе, необходимо отметить *специфику новой избирательной системы*, которая, согласно «Избирательному кодексу Украины» (19.12.2019), впервые была апробирована в стране именно на местных выборах в 2020 г. Речь идёт о смешанной избирательной системе, которая объединила принципы мажоритарной системы в населенных пунктах, где проживают менее 10 тыс. избирателей и пропорциональную систему «полукрытых» партийных списков. В частности, по мажоритарной системе относительного большинства выбирались сельские, посёлковые, городские головы и сельские старосты населенных пунктов, насчитывающих менее 10 тыс. избирателей. В общинах, где количество избирателей превышало этот по-

казатель, выборы проходили по мажоритарной системе абсолютного большинства (50 % + 1 голос). Один и тот же кандидат, за исключением должности главы территориальной общины, мог быть выдвинут «кандидатом в депутаты в многомандатном избирательном округе не более чем в два уровня местных советов» [1]. Наряду с этим допускалось баллотирование лица, «выдвинутого кандидатом на должность сельского, посёлкового, городского головы (города с количеством избирателей до 75 тысяч)», одновременно и «кандидатом в депутаты в многомандатном избирательном округе в соответствующий сельский, посёлковый, городской совет и/или в соответствующий областной совет». Кандидат на должность городского головы (в городах с количеством избирателей 75 тыс. и более) мог быть одновременно выдвинут «кандидатом в депутаты в многомандатном избирательном округе только в соответствующий городской совет» [1].

Необходимо отметить фактор увеличения роли политических партий в местной электоральной кампании 2020 г. Новое избирательное законодательство установило преференциальное голосование за: 1) политическую партию; 2) конкретного кандидата из списка. Система «полуоткрытых» избирательных списков является достаточно своеобразной, т. к. «если кандидат набирает в избирательном округе 25 % голосов от избирательной квоты, то он автоматически получает депутатский мандат (принцип открытых списков), а другие получают мандаты в зависимости от места в списке и количества поданных голосов (принцип закрытых списков)» [4: 61].

Каждая политическая партия на основании законодательства формировала два списка кандидатов: 1) единственный, в который входили все кандидаты, которых партия выдвинула в пределах территориальной общины, района, области; 2) списки кандидатов для отдельных территориальных избирательных округов, где кандидаты распределены по единому списку (за исключением первого кандидата из единого списка). В территориальных избирательных списках количество кандидатов от партий не могло быть меньше 5 и больше 12 претендентов. Обозначенная разница преференций и стала камнем преткновения как для избирателей, так и для отдельных кандидатов, во многих случаях не знакомых с этой особенностью новой пропорциональной системы «полуоткрытых» списков.

Результаты исследования

В списках политической партии «За будущее» в высший орган местного самоуправления в Закарпатье – *Закарпатский областной совет* – был представлен известный ученый-историк, доцент кафедры современной истории Украины и зарубежных стран Ужгородского

национального университета, беспартийный Владимир Феныч. В преддверии выборов он отметился своими выступлениями в региональных масс-медиа и социальной сети Facebook. В первую очередь речь идёт о региональном телеканале «Tv 21 Ungvár» («21 Ужгород»), совладельцем которого является лидер (первый кандидат в списке) названной политической силы в Закарпатской области Александр Ледыда. Выступления в средствах массовой информации, посты и комментарии в Facebook Владимира Феныча чётко маркировали его русинскую самоидентификацию и стремление к поддержке в крае мультикультурного диалога всех автохтонных этнических групп. В частности, в четвертой части его предвыборной программы под названием «Единство в многообразии – основа межнационального и межконфессионального сосуществования края и страны» говорилось, что «несколько десятков тысяч непризнанных карпатских русинов в Украине, многочисленные соплеменники которых проживают в десяти странах Центральной Европы и Северной Америки, является надуманной угрозой национальной безопасности и государственному суверенитету страны»; следовательно, необходимо вернуться «к цивилизованному и беспристрастному решению русинского вопроса на основании решения Закарпатского областного совета от 7 марта 2007 г. о признании национальности русин как “карпатский русин” на региональном уровне согласно действующему законодательству Украины и результатам переписи населения». Последнее было положительно воспринято среди сторонников русинской общественной среды, один из которых предложил кандидату «выбросить всё», оставив только упомянутый «пункт 6» [3].

Заметим, что в едином списке партии «За будущее» в Закарпатский областной совет Владимир Феныч был на 13-й позиции, в то же время в 5-м (Ужгородский район) территориальном избирательном округе (ТИО), по которому баллотировался в совет, он имел № 6. По результатам выборов Владимир Феныч получил 762 голоса (13,16 % от квоты) и стал 7-м по очередности кандидатов по результатам выборов [2]. В то же время победу в этом округе (№ 1 в списке) одержал депутат Закарпатского областного совета Александр Антал (2 056 голосов; 35,5 % от квоты). Парадоксально, но с 358 голосами (6,18 % от квоты) депутатом от партии в том же 5-м ТИО стала секретарь Ужгородского городского совета Андриана Сушко, которая по единому многомандатному избирательному округу (ЕМИО), т. е. в едином списке «За будущее» в Закарпатский областной совет, находилась на 4-м месте [2]. Таким образом, сработала на практике новая система подсчёта результатов местных выборов. Владимир Феныч, который вёл достаточно активную предвыборную агитацию,

в частности, в прорусинском и мультикультурном форматах, воспринимался «своим» в среде русинской общественности края, так и не стал депутатом Закарпатского областного совета.

Районные советы. По спискам политической партии «За будущее» (№ 25 в едином списке) также баллотировался в Береговский районный совет председатель Закарпатского областного научно-культурологического общества им. А. Духновича, беспартийный, пенсионер Юрий Продан. В 1-м ТИО (Королевская посёлковая и Пийтерфолвовская сельская территориальные общины) он имел № 2 в партийном списке и получил по результатам голосования 25 голосов избирателей (1,89 % квоты). Первый заместитель председателя Виноградовского районного отделения общества им. А. Духновича, беспартийный, работник Виноградовского районного центра социальных служб по делам семьи, детей и молодежи Василий Сич в единственном списке «За будущее» под № 6 по 2-му ТИО (№ 1), включавшему часть Виноградовской городской общины, получил 188 голосов (14,25 % от квоты) [2]. Как Юрий Продан, так и Василий Сич заняли 1-е место в очерёдности кандидатов по результатам, но не стали репрезентантами Виноградовщины в Береговском районном совете.

Следует отметить, что, как и в случае Закарпатского областного совета (непрохождение Владимира Феныча с большим отрывом по голосам от Андрианы Сушко), сработали те же «парадоксы избирательной системы» и среди трёх победителей от партии «За будущее» в Береговский районный совет. В итоге в районный совет прошли 2 кандидата по спискам партии в ЕМИО с меньшим количеством голосов, чем представитель русинской общественности Василий Сич. В частности, *речь идёт о* директоре общества с ограниченной ответственностью «Шаланковский кирпич» Иване Леньо (№ 3 в едином списке), который получил 152 голоса (11,52 % от квоты), а также о президенте Общества венгерской культуры Закарпатья «Либерта» из г. Берегово Калмане Горвате (№ 2 в едином списке), который получил всего 59 голосов избирателей (4,47 % от квоты) [2].

Заместитель председателя Виноградовского районного общества им. А. Духновича, беспартийный, директор Виноградовского городского дома культуры Святослав Гал баллотировался от партии власти «Слуга народа» (№ 25 в едином списке) по 2-му ТИО (№ 5) в Береговский районный совет и получил 112 голосов избирателей (8,49 % от квоты) [5]. В этом случае также сработал «парадокс избирательной системы», т. к. ровно 112 голосов (те же 8,49 % от квоты) получила представитель «Слуги народа» в ЕМИО, пенсионерка Галина Ковач (№ 4 в едином списке), ставшая депутатом районного совета [2].

Глава общественных организаций Закарпатское областное объединение «Краевое общество подкарпатских русинов» и «Русинский край», беспартийный, временно безработный Николай Бобынец по спискам политической партии «За будущее» (№ 12 в едином списке) баллотировался в Мукачевский районный совет в 4-м ТИО (№ 5). Он получил 46 голосов избирателей (2,43 % от квоты) и не стал депутатом районного совета [2]. Как отметил сам Николай Бобынец, местные выборы больше напоминали своеобразные «финансовые пирамиды». В то же время большинство общественных активистов-русинов, участвовавших в кампании, не были «бизнесменами с хорошим багажом финансов», поэтому партии «не хотели, боялись» вкладывать реальные средства в таких кандидатов. Материальная поддержка от партии «За будущее» для руководителя «Краевого общества подкарпатских русинов», в то же время, по словам кандидата, не была на должном уровне с реальной перспективой выиграть кампанию. Предусматривалось, что многие расходы возьмут на себя помощники в проведении избирательной кампании, прежде всего наблюдатели на избирательных участках, которых было мало. Это напрямую повлияло на общие подсчёты голосов, которые для кандидатов от русинской общественной среды края могли быть просто искажены [8: 1–2].

По мнению Николая Бобынца, формат проведения выборов 2020 г. проиллюстрировал доминирование партийных интересов над сугубо местными потребностями и локал-патриотической составляющей. В то же время это крайне необходимо для русинов Закарпатья, поэтому общественным лидерам в перспективе необходимо «договориться относительно единого, конструктивного направления. Руснаки имели бы успех, если бы объединились возле одной партии». В конце концов, по мнению русинского лидера, «назрела необходимость в будущем поработать над проектом русинской партии, потому что с общественными организациями, без поддержки политической силы, руснаки ничего не добьются в Украине» [8: 2].

Городские, посёлковые и сельские советы. Известный лидер русинского движения 1990–2000-х гг. на Закарпатье (председатель общественных организаций «Сойм Подкарпатских русинов» и «Закарпатское областное подкарпаторусинское общество имени Кирилла и Мефодия», которые на данном этапе не перерегистрированы), беспартийный, настоятель Кресто-Воздвиженского православного собора Украинской православной церкви в Ужгороде Димитрий Сидор баллотировался от партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» (№ 13) по 5-му ТИО (№ 3) в Ужгородский городской совет. Несмотря на проведённую агитацию за политическую силу кандидатом, а также нашу мемуарную в СМИ провокацию со стороны лидера

праворадикальной организации «Карпатська Січ» Тараса Деяка перед православным храмом в Ужгороде, Димитрий Сидор получил лишь 109 голосов (18,38 % от квоты) и занял 3-е место [2].

Глава Закарпатского областного научно-культурологического общества им. А. Духновича Юрий Продан также баллотировался (№ 22 в едином списке «За будущее») в Виноградовский городской совет по 3-му ТИО (№ 3). По результатам голосования он получил 22 голоса избирателей (3,83 % от квоты). Упомянувшийся выше активист научно-культурологического общества им. А. Духновича Василий Сич также баллотировался в этот совет в едином списке партии «За будущее» под № 16 по 1-му ТИО (№ 7), включившему села Буковое, Малую Копаню, Великую Копаню, Широкое, Боржавское, Онок и Великие Комяты (№ 7). Он получил 30 голосов (5,22 % от квоты). В Виноградовский же городской совет в списке «За будущее» под № 27 по 3-му ТИО (№ 6) баллотировался член общества им. А. Духновича, беспартийный, временно неработающий Антон Галас, получивший 28 голосов избирателей (4,87 % от квоты) [2]. Полученных голосов ни одному из названных кандидатов не хватило для победы на выборах. По поводу этого участник избирательной кампании Юрий Продан справедливо отмечает, что, с одной стороны, политические партии в крае не имели «лидеров, которые бы себя идентифицировали русинами или были симпатиками русинского движения; наибольшей проблемой является вырождение русинской элиты за годы советской власти и независимой Украины». С другой стороны, «ни одного кандидата-представителя от русинской организации политические партии не поставили в проходные списки». Третьей причиной электоральных неудач является также «недоверие русинских активистов к политическим партиям через отсутствие поддержки русинского движения. Так, за годы независимости не создана ни одна программа ни в одном органе местного самоуправления области по поддержке тех или иных мероприятий русинских общественных организаций» [9: 2].

Заметим, что наиболее интегрированным в спектр гражданского социума Закарпатья является представитель русинской интеллигенции Закарпатья, беспартийный, пенсионер Василий Шетеля. Он является членом Национального союза журналистов Украины, медиапрофсоюза Украины, Международной федерации журналистов, шеф-редактором закарпатской областной газеты «Правозащита общины», председателем общественной организации «Правозащита-Украина», распространяющей свою деятельность на всю территорию Украины, председателем общественной организации «Инвалидов-Роза», членом Правления совета Закарпатского областного общества лиц с инвалидностью, членом Свалявского общества подкарпатских руси-

нов (председатель Иван Кушнир) и Народного совета Подкарпатской Руси (председатель Ладислав Лецовыч). На местных выборах Василий Шетеля баллотировался от политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» (в едином списке № 21) по 3-му ТИО (№ 6) в Свалявский городской совет и по результатам голосования получил 17 голосов избирателей (3,74 % от квоты) [2].

Член правления областного союза общественных организаций «Народный совет русинов Закарпатья» и Союза русинских писателей Закарпатья, беспартийный, временно безработный Иван Бузаш (русинский литературный псевдоним «Бинячовський») также выдвинул свою кандидатуру от «Оппозиционной платформы – За жизнь» (в едином списке № 1 ТИО (№ 6) в Буштынский посёлковый совет и получило 16 голосов избирателей (5,57 % от квоты) [2]. Комментируя причины электоральных неудач, Иван Бузаш, в частности, отмечает недобросовестность агитационной кампании, которую вели противники «Оппозиционной платформы – За жизнь» на Тячевщине, в первую очередь представители ВО «Батькивщина». Срывалась плакатная продукция, планово подвозили избирателей на участки, перед голосованием распределялись деньги и пр. [10: 3].

В Королевский посёлковый совет на Виноградовщине по спискам партии «За будущее» (в едином списке № 4) по 3-му ТИО (№ 3) баллотировался председатель Виноградовского районного общества им. А. Духновича, беспартийный, пенсионер Михаил Чухран. В этот же совет от политической силы «За будущее» (в едином списке № 9) по 1-му ТИО (№ 3) выдвигал свою кандидатуру член общества им. А. Духновича, беспартийный, заведующий Музеем-мастерской при здании культуры с. Черна на Виноградовщине Василий Ивашко. Сайт Центральной избирательной комиссии не предоставляет информацию о полученных ими голосах, поскольку партия «За будущее» в общей сложности набрала 150 голосов, заняв последнее (восьмое) место, и не смогла делегировать ни одного представителя в Королевский посёлковый совет [2].

Председатель общественной организации «Русинский культурологический клуб», беспартийный, учитель Плосковского лицея Юрий Шыповыч баллотировался в Полянский сельский совет Мукачевского района (до административной реформы был в пределах Свалявского района) от политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» (в едином списке № 17) по 2-му ТИО (№ 3) и получил 58 голосов (25 % от квоты), заняв 5-е место среди 8 кандидатов от партии [2]. В этой территориальной общине также проявились «парадоксы избирательной системы», т. к. избранная депутатом главный бухгалтер государственного предприятия «Санаторий Поляна» Наталья

Ковальчук от «Оппозиционной платформы – За жизнь» по спискам ЕМИО (№ 5) получила всего 27 голосов (11,64 % от квоты) [2]. Следует заметить, что русинский общественный лидер Юрий Шыповыч набрал необходимые 25 % квоты, но занял 5-е место. Следовательно, в сельский совет по 2-му ТИО от политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» прошли все четверо кандидатов, его предшественников в списке: директор общества с ограниченной ответственностью «Планета – М Карпаты» Пётр Старенок (67 голосов; 28,88 % от квоты; по ЕМИО в едином списке № 6), библиотекарь с. Родниковая Гута Ольга Матушак (119 голосов; 51,29 % от квоты; № 15 в едином списке), директор Плосковского лицея Инна Туряница (156 голосов; 67,24 % от квоты; № 9 в едином списке) и директор общества с ограниченной ответственностью «ЗападИнвест – 2000» Александр Гнаткович (164 голоса; 70,69 % от квоты; № 2 в едином списке) [2].

Член «Русинского культурологического клуба», беспартийный, начальник Свалявской районной государственной больницы ветеринарной медицины Николай Ришко также выдвигал свою кандидатуру в Полянский сельский совет по 3-му ТИО (№ 3) от политической партии «Команда Андрея Балоги» (в едином списке № 16) и получил 40 голосов избирателей (17,24 % от квоты) [2]. В то же время, избранный депутатом по спискам этой же партии в ЕМИО, юрист – консультант государственного предприятия «Санаторий Шаян» Николай Козар (в едином списке № 2) получил чуть меньше, чем Николай Ришко, – 38 голосов избирателей (16,38 % от квоты) [2].

Городские, посёлковые и сельские головы. Известный в Закарпатье бизнесмен, генеральный директор ООО «Perlux-Украина», народный депутат VII созыва от «Партии регионов», беспартийный Иван Бушко позиционирует себя этническим русином и неоднократно оказывал финансовую поддержку русской общественности края. В избирательной борьбе за должность председателя Виноградовского городского совета он занял 2-е место. Иван Бушко получил 6 880 голосов (38,87 %) и проиграл самовыдвиженцу Степану Бочкаю (8 620 голосов; 48,7 %), которого поддерживала региональная политическая партия «Родное Закарпатье» [2]. Отметим, что Иван Бушко зарегистрировался как самовыдвиженец, но еще в конце августа 2020 в г. Виноградов народные депутаты от политической партии «Слуга народа» Игорь Кривошеев, Михаил Лаба и Анатолий Костюх представляли его как своего кандидата. Кандидат констатировал тогда, что партия власти ему «импонирует тем, что идёт с новыми идеями к людям, представляет их, осуществляет их. Мы сейчас видим за последнее время очень важный фактор – строительство дорог, которое происходит не только

на территории Закарпатской области, но и по всей Украине. И таких проектов много» [11].

Следует отметить, что среди русинской общественности Закарпатья совсем не были представлены кандидаты на должность главы сельской территориальной общины. Только три русинских активиста выдвинули свои кандидатуры на должность посёлкового головы. В частности, на должность Средненского посёлкового головы в Ужгородском районе баллотировался русинский общественный активист, не входящий ни в одно из русинских национально-культурных обществ края, самовыдвиженец Иван Данацко. Среди шести кандидатов он занял четвёртое место (134 голоса избирателей) [5: 2]. Член правления Народного совета русинов Закарпатья, бывший глава Кривского сельского совета (2006–2010 гг.) в Тячевском районе Иван Палинкаш, как самовыдвиженец, также неудачно принял участие в выборах председателя Тересвянского посёлкового головы. Среди 8 кандидатов Иван Палинкаш занял предпоследнее место (90 голосов) [6: 2]. Член правления Народного совета русинов Закарпатья а также активист Русинского культурологического клуба Станислав Ганькович на должность Чынадиевского посёлкового председателя среди 6 кандидатов занял последнее место (210 голосов) [7: 2]. В отличие от Ивана Данацко и Ивана Палинкаша, политически он позиционировал себя как члена партии «Оппозиционная платформа – За жизнь».

Выводы

1. Для всех кандидатов – репрезентантов русинской общественности Закарпатской области местные выборы 25 октября 2020 г. завершились неудачно. Причиной этого стала новая избирательная система «полуоткрытых» партийных списков. В то же время лидеры русинской общественной среды края получили: 1) большее количество голосов, чем их оппоненты в списках политических партий (Владимир Феныч, Василий Сич, Николай Ришко); 2) одинаковое количество голосов (Святослав Гал); в) необходимые 25 % голосов от избирательной квоты (Юрий Шыповыч).

2. Среди указанных нами 17 участников электоральной кампании 2020 г. все (!) кандидаты были внепартийными. В то же время большинство из них баллотировались от имени политических сил «За будущее» (7 чел.) и «Оппозиционная платформа – За жизнь» (5 чел.). Доминирование этих партий среди русинских лидеров и активистов можно объяснить следующими факторами: 1) отождествлением с оппозиционной риторикой названных партий в контексте требования признания русинов отдельной национальностью; 2) приближенно-

стью кандидатов к областным партийным лидерам, которые симпатизируют русинскому движению и идентифицируют себя с русинским этническим сообществом. В частности, речь идёт о первом кандидате от «Оппозиционной платформы – За жизнь» Иване Чубирко.

Среди активистов-русинов один кандидат (Святослав Гал) выступал от партии власти «Слуга народа», один (Николай Ришко) – от региональной партии «Команда Андрея Балоги». Иван Данацко, Иван Палинкаш и Иван Бушко как самовыдвиженцы дистанцировались от политических сил, хотя последний в начале избирательной кампании пользовался поддержкой со стороны политической партии «Слуга народа».

3. Латентная поддержка на Закарпатье русинского общественного движения среди населения и контroversионное манифестирование идентичностей «русин» и «закарпатец» не способствовали политическому имиджу лидеров русинских общественных организаций Закарпатской области. Очевидно, одной из причин этого является длительное время навязываемый в масс-медиа негативный мем «политического русинства» и «русинского сепаратизма». Примечательно, что ребрендингованная под выборы региональная политическая сила «Родное Закарпатье», вообще не обращалась ни к идее русинства в культурологическом формате, ни к мультикультурализму как многолетней практике сосуществования различных этнических и конфессиональных групп в регионе.

В целом лидеры русинского общественного спектра Закарпатья стоят перед проблемой признания национальности «русин», а впоследствии и реального включения её в политику как представителей отдельной коренной этнической общины Украины. Подобный опыт позитивной дискриминации этнических меньшинств в политической жизни общества эффективно зарекомендовал себя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где русины имеют не только собственные общественные организации, но и представительство на уровне власти. Следует подчеркнуть, что большинство из этих государств (за исключением Республики Сербия) входят в Европейский Союз, декларацию вступления в который на официальном уровне провозгласила Украина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виборчий кодекс України // Верховна Рада України. Законодавство України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/396-20#Text> (дата обращения: 18.02.2021).

2. Місцеві вибори 2020 // Офіційний веб-портал Центральної виборчої комісії. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/wm001.html> (дата обращения: 18.02.2021).

3. *Володимир Фенич*. 16 жовтня 2020 р. // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100007579938089> (дата обращения: 01.03.2021).

4. *Копинець Ю.* Особливості організація та проведення місцевих виборів 2020 у м. Ужгород // Пріоритетні напрями вирішення актуальних проблем суспільних наук: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, Україна, 16–17 жовтня 2020 року). Одеса: Причорноморський центр досліджень проблем суспільства, 2020. С. 60–67.

5. Місцеві вибори 25 жовтня 2020 року. Протокол Середнянської селищної територіальної виборчої комісії Ужгородського району Закарпатської області. Про результати голосування з виборів Середнянського селищного голови в єдиному одномандатному виборчому окрузі. На 3 стор. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64484pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).

6. Місцеві вибори 25 жовтня 2020 року. Протокол Тересвянської селищної територіальної виборчої комісії Тячівського району Закарпатської області. Про результати голосування з виборів Тересвянського селищного голови в єдиному одномандатному виборчому окрузі. На 5 стор. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64705pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (дата обращения: 06.01.2022).

7. Місцеві вибори 25 жовтня 2020 року. Протокол Чинадіївської селищної територіальної виборчої комісії Мукачівського району Закарпатської області. Про результати голосування з виборів Чинадіївського селищного голови в єдиному одномандатному виборчому окрузі. На 4 стор. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64678pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).

8. Поточний архів автора. Інтерв'ю з головою громадської організації «Закарпатське обласне об'єднання «Крайове товариство подкарпатських русинів» і громадської організації «Русинський край» Миколою Бобинцем. 2 березня 2021 року. На 3 стор.

9. Поточний архів автора. Інтерв'ю з головою Закарпатського обласного науково-культурологічного товариства ім. О. Духновича Юрієм Проданом. 21 лютого 2021 року. На 2 стор.

10. Поточний архів автора. Інтерв'ю з членом правління обласної спілки громадських організацій «Народна Рада Русинів Закарпаття» та Союзу русинських письменників Закарпаття Іваном Бузашом (Бинячовським). 24–25 лютого 2021 року. На 4 стор.

11. «Слуга народу» представила Івана Бушка кандидатом на голову Виноградівської ОТГ (ВІДЕО) // Голос Карпат. 29.08.2020. URL: <https://golos-karpat.info/power/5f4a39e6961dd> (дата обращения: 20.02.2021).

12. Юридичні адреси національно-культурних товариств Закарпаття. Список обласних національно-культурних товариств станом на січень 2022 року. Центр культур національних меншин Закарпаття. URL: <http://centerkylytyr.pp.ua/category/%d1%8e%d1%80%d0%b8%d0%b4%d0%b8%d1%87%d0%bd%d1%96-%d0%b0%d0%b4%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%b8-%d0%bd%d0%b0%d1%86%d1%96%d0%be%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%be-%d0%ba%d1%83%d0%bb%d1%8c%d1%82%d1%83%d1%80> (дата обращения: 21.01.2022).

REFERENCES

1. Verkhovna Rada of Ukraine. (2019) *Vyborchyi kodeks Ukrainy* [Election Code of Ukraine]. 19th December. [Online] Available from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/396-20#Text> (Accessed: 18th February 2021).
2. The Central Election Commission of Ukraine. (2020) *Mistsevi vibori 2020*. 25th October. [Online] Available from: https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/pvm056pid102=9129pf7691=9129pt001f01=695rej=Opt00_t001f01=695.html#136 (Accessed: 18th February 2021).
3. Facebook. (2020) *Volodymyr Fenych*. 16th October. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100007579938089> (Accessed: 1th March 2021).
4. Kopynets, Yu. (2020) *Osoblivosti organizatsiya ta provedennya mistsevykh vioriv 2020 u m. Uzhgorod* [Specificity of local elections 2020 in Uzhhorod]. *Prioritetni napryami virishennya aktual'nykh problem suspil'nykh nauk*. Proc. of the International Conference. Odesa, Ukraine, October 16–17, 2020. Odesa: Black Sea Center for the Study of Society Problems. pp. 60–67.
5. Ukraine. (2020a) *Mistsevi vibori 25 zhovtnya 2020 roku. Protokol Serednyans'koi selishchnoi teritorial'noi viorchoi komisii Uzhgorods'kogo rayonu Zakarpats'koi oblasti. Pro rezul'tati golosuvannya z vioriv Serednyans'kogo selishchnogo golovi v edinomu odnomandatnomu viorchomu okruzi* [Protocol of the Serednie urban-type settlement territorial election commission of the Uzhhorod district in Transcarpathian region. On the results of voting in Serednie urban-type settlement head in the single-mandate constituency]. 25th October. [Online] Available from: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64484pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (Accessed: 2nd December 2020).
6. Ukraine. (2020b) *Protokol Teresvyans'koi selishchnoi teritorial'noi viorchoi komisii Tyachivs'kogo rayonu Zakarpats'koi oblasti. Pro rezul'tati golosuvannya z vioriv Teresvyans'kogo selishchnogo golovi v edinomu odnomandatnomu viorchomu okruzi* [Protocol of the Teresva urban-type settlement territorial

election commission of the Tiachiv district in Transcarpathian region. On the results of voting in Serednie urban-type settlement head in the single-mandate constituency]. 25th October. [Online] Available from: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64705pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (Accessed: 6th January 2022).

7. Ukraine. (2020c) *Protokol Chinadiivs'koï selishchnoï teritorial'noï viborchoï komisii Mukachivs'kogo rayonu Zakarpats'koï oblasti. Pro rezul'tati golosuvannya z viboriv Chinadiivs'kogo selishchnogo golovi v edinomu odnomandatnomu viborchomu okruzi* [Protocol of the Chynadievo urban-type settlement territorial election commission of the Uzhhorod district in Transcarpathian region. On the results of voting in Chynadievo urban-type settlement head in the single-mandate constituency]. 25th October. [Online] Available from: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2020/showpprotpt001f01=695pid102=64678pt004f01=0pid494=3pasatt=1.pdf> (Accessed: 18th February 2021).

8. Bobynets, M. (2021) *Interv'yu z golovoyu gromads'koï organizatsii "Zakarpats'ke oblasne ob'ednannya Krayove tovaristvo podkarpats'kikh rusiniv" i gromads'koï organizatsii "Rusins'kiy kray" Mikoloyu Bobintsem* [Interview with Mykola Bobynets, the head of Transcarpathian Regional Association "Regional Association of the Subcarpathian Rusins" and "The Rusin Region" Public Organization]. 2th March. The author's personal archive.

9. Prodan, Yu. (2021b) *Interv'yu z golovoyu Zakarpats'kogo oblasnogo naukovokul'turologichnogo tovaristva im. O. Dukhnovicha Yuriem Prodanom. 21 lyutogo 2021 roku* [Interview with Yuriy Prodan, the head of the O. Dukhnovych Transcarpathian Regional Scientific and Cultural Society]. 21th February. The author's personal archive.

10. Buzash, I. (2021c) *Interv'yu z chlenom pravlinnyia oblasnoi spilki gromads'kikh organizatsiy "Narodna Rada Rusinov Zakarpattya" ta Soyuzu rusins'kikh pis'mennikiv Zakarpattya Ivanom Buzashom (Binyachov's'kym)* [Interview with Ivan Buzash (Binyachovsky), a board member of Regional Union of Public Organizations "People's Council of Rusins of Transcarpathia" and the Union of Rusin Writers of Transcarpathia]. 24th–25th February. The author's personal archive.

11. *Golos Karpat*. (2020) "Sluga narodu" predstavila Ivana Bushka kandidatom na golovu Vinogradivs'koï OTG (VIDEO) ["Servant of the People" presented Ivan Bushko as a candidate for the head of Vynohradiv amalgamated territorial community (VIDEO)]. 29th August. [Online] Available from: <https://goloskarpat.info/power/5f4a39e6961dd> (Accessed: 20th February 2021).

12. The Center for Cultures of National Minorities of Transcarpathia. (2022) *Yuridichni adresi natsional'no-kul'turnikh tovaristv Zakarpattya. Spisok oblasnikh natsional'no-kul'turnikh tovaristv stanom na sichen' 2022 roku* [Legal addresses of national cultural associations of Transcarpathia. List of regional national cultural associations in January 2022]. [Online] Available from: <http://centerkyltyr.pp.ua/category/%d1%8e%d1%80%d0%b8%d0%b4%d0%>

b8%d1%87%d0%bd%d1%96-%d0%b0%d0%b4%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%b8-%d0%bd%d0%b0%d1%86%d1%96%d0%be%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%be-%d0%ba%d1%83%d0%bb%d1%8c%d1%82%d1%83%d1%80 (Accessed: 21st January 2022).

Зан Михаил Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и государственного управления Ужгородского национального университета (Украина).

Mykhaylo P. Zan – Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: mykhaylo.zan@uzhnu.edu.ua

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2022. № 68

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 386 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 29.06.2022. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 12/0122.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2022 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

24 МАЯ – ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Е. Леонова

Святой Кирилл и брат Мефодий
Создали письменность славян.
Кириллицей зовут в народе,
Родной язык у многих стран.

И это – чудо! Посмотри-ка:
Всегда доступная для нас
Опорой в жизни стала Книга,
В беде поможет, не предаст.

Писали в старину руками,
И в Книге воплотив мечты,
Хранили за семью замками
Вдали от грешной суеты.

И наряжали, как невесту,
И украшали серебром.
Порой был мастер неизвестным,
Но помнили его добром.

Листая бережно страницы
Вдруг ощущаешь связь времен,
Яснее представляешь лица
Уже знакомых нам имён.

Сейчас печатная машина
Нам дарит миллионы книг.
Для всех знакомая картина,
К которой с детства ты привык.

Мы видим жизнь с телеэкрана.
Компьютер, радио нас ждут.
Но с Книгой расставаться рано,
Ведь рукопись – бесценный труд!

2013

Источник: <https://stihi.ru>